

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

ВОРОНЕЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИТЕКТУРНО-СТРОИТЕЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия:

Социально-гуманитарные науки

- История
- Социальная философия
- Философия культуры и культурология
- Философия религии и религиоведение
- Социальные и политические процессы
- Педагогика и образование

Выпуск № 1, 2013 г.

УДК 009
ББК 87

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО ВЕСТНИКА ВОРОНЕЖСКОГО ГАСУ

Борисов Ю.М., д-р техн. наук, проф.
Суровцев И.С., д-р техн. наук, проф.
Рудаков О.Б., д-р хим. наук, проф.
Проскурин Д.К., канд. физ.-мат. наук, доц.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

Главный редактор – Радугин А.А., засл. деятель науки РФ, д-р философ. наук, проф. (г. Воронеж)
Зам. главного редактора – Перевозчикова Л.С., д-р философ. наук, доц. (г. Воронеж)

Члены редколлегии:

Бубнов Ю.А., д-р философ. наук, проф. (г. Воронеж)
Коростылева Н.Н., д-р соц. наук, проф. (г. Москва)
Скрипникова Н.Н., д-р филол. наук, проф. (г. Воронеж)
Ярецкий Ю.Л., д-р истор. наук, проф. (г. Воронеж)
Пономаренко А.А., канд. истор. наук, доц. (г. Воронеж)
Коршунова С.А., канд. философ. наук, доц. (г. Воронеж)

Отв. секретарь – Маслихова Л.И., канд. истор. наук, доц. (г. Воронеж)

В серии «Социально-гуманитарные науки» Научного Вестника опубликованы результаты научных исследований ученых, докторантов, аспирантов и соискателей по проблемам истории, социальной философии, философии культуры и культурологии, философии религии и религиоведению, социологии, политологии, педагогики, образования и т.д.

Серия предназначена для научных работников, специалистов-практиков, аспирантов, соискателей, студентов, а также может быть интересна тем, кто занимается изучением социально-гуманитарных наук.

Статьи печатаются в авторской редакции

Адрес редакции:
394006, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84.
Каб. 5302, тел. (4732) 71-50-04

© Воронежский ГАСУ, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Беседина С.В. Анализ динамики землевладения и землепользования в Воронежской губернии на рубеже XIX-XX вв.	6
Минаков А. С. Развитие авиационных видов спорта в организациях ОСОВИАХИМа в 20-30 годы XX в. (на примере Воронежской области)	13
Волкова Е. А. Исторические взгляды Г.П. Федотова	19
Золотарев А.Ю. Государственный аппарат и государственное управление в раннесредневековой Англии	26
Дуров В.И. Прогерманизм в ирландском национализме после ирландского восстания 1916 года	34
Погорельский А.В. Роль неправительственных организаций во внешней политике США	40
Кирчанов М.В. Низкографический стиль в западной фотографии во второй половине XX века	46

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Православский С.С. Социально-философский органицизм и феномен социальности в информационном обществе	52
Чурсанова И.А. Проблема концептуализации типов объективности исторического познания	59
Перевозчикова Л.С., Фролова Е.В. К вопросу о разработке философских оснований категории «инновация»	65
Радугин А.А. Корпоративная культура как социокультурный феномен: потенциалы устойчивости и инновационных изменений	71
Панов Е.В. Локальная идентичность мегаполиса и провинции (компаративистский анализ)	79
Форналёва К.А. Гендерная толератность как средство преодоления гендерного конфликта	84
Радугина О. А. Основные этапы эволюции дворянства как субъекта культуры российской цивилизации	92
Цеханов Ю.А., Сапов А.П. О слове Творца и слове человека	99

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Пархоменко И.Т. Формула успеха в современной массовой культуре	103
Черников М.В. Интеллигент в ситуации постмодерна	111

ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

Ахромеева Ю.В. Гностицизм и христианство	117
---	------------

СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Гармонова А.Н. Политический имидж. К теории вопроса	124
Гурина Е.М. Теоретико-методологические аспекты участия НПО в процессе формирования политического имиджа государства	133

Рождественская Е.Ю. Алгоритм выявления значимых глобализационных рисков на примере Российской Федерации	138
Романович Н.А. Иерархия как базовый принцип воззрения населения на власть	147
Черноусов И.В., Черноусова И.Д. Методы исследования и прогнозирования технического развития и его последствий	157
Садовая И.И., Платонова Э.Н. Проблемы складывания гражданского общества в России	163
Кирчанов М.В. Проблемы развития македонского национализма в начале XXв.	169
Сушкова О.В. Социальные предпосылки создания института пожарной безопасности	177

ПЕДАГОГИКА И ОБРАЗОВАНИЕ

Аристова И.В. Синергетический принцип организации образовательной среды.....	182
Назаренко К.С. Образовательная культура как важный вектор глобализации.....	193
Дорохова О.Е. Адаптивная система обучения в вузах МЧС.....	198

CONTENTS

HISTORY

Besedina S.V. Dynamics analysis for land tenure in Voronezh province at the turn of XIX-XX centuries	6
Minakov A.S. The development of aviation sports organizations OSOVIAHIMa 20-30-s xx century (on the example of Voronezh region)	13
Volkova E.A. Historiosophical views G.P. Fedotov	19
Zolotarev A.Y. State personnel and public administration in anglo-saxon England.....	26
Durov V.I. Progerman irish nationalism after irish rebellion of 1916	34
Pogorelsky A.V. The role of non-governmental organizations in the foreign policy of The United States	40
Kirchanov M.V. Low graphic style in western photography in the second half of the twentieth century	46

SOCIAL PHILOSOPHY

Pravoslavsky S.S. Socio-philosophical organicism and the phenomenon of sociality in the information society	52
Chursanova I.A. Problem conceptualization types objectivity of historical knowledge	59
Perevozchikova L.S., Frolova E.V. The development of philosophical bases category «innovation»	65
Radugin A.A. Corporate culture as sociocultural phenomenon: potentials of stability and innovative changes	71
Panov E.V. Local identity of supercity and country (comparativistic analysis)	79
Fornalyova K.A. Gender tolerance as resolution of gender conflict	84
Radugina O.A. The main stages of evolution of nobility as a subject of culture of the russian civilization	92
Tsekhanov Y.A., Sapov A.P. The word of the Lord and the word of man	99

PHILOSOPHY OF CULTURE AND CULTURAL STUDIES

Parhomenko I.T. The formula of success in today's mass-culture.....	103
Chernikov M.V. Intellectual in the postmodern situation	111

PHILOSOPHY AND SCIENCE OF RELIGION

Akhromeeva Y.V. Gnosticism and Christianity	117
--	------------

SOCIAL AND POLITICAL PROCESSES

Garmonova A.N. The theoretical aspects of political image	124
Gurina E.M. Theoretical and methodological aspects of NGO participation in creating the political image of state policy	133
Rozhdestvenskaya E.Y. The algorithm of significant globalization risks revelation by the example of Russian Federation	138
Romanovich N.A. The hierarchy principle in public views on power structures	147
Chernousov I.V., Chernousova I.D. Methods of research and forecasting of technical development and its consequences	157
Sadovaya I.I., Platonova E.N. The problems of folding civil society in Russia	163
Kirchanov M.V. Problems of development of the macedonian nationalism in the early twentieth century	169
Sushkova O. V. Social preconditions of creation of institute of fire safety	177

PEDAGOGY AND EDUCATION

Aristova I.V. The synergy principle of organization of the educational environment.....	182
Nazarenko K.S Educational culture as an important vector of globalization.....	193
Dorokhova O.E. Adaptive learning system in higher educational institutions of Emergencies Ministry.....	198

ИСТОРИЯ HISTORY

УДК 908(470.324)

*Воронежский институт государственной
противопожарной службы МЧС России
Кандидат ф.-м наук, доцент кафедры прикладной
математики и инженерной графики
С.В. Беседина
Россия, г. Воронеж,
e-mail: besedina_sv@hist.vsu.ru*

*Voronezh Institute of the State Fire Service of Russian
Emergencies Ministry
PhD in Physical and-Mathematical Sciences,
Associate Professor of Applied Mathematics and
Engineering Graphics Chair S.V. Besedina
Russia, Voronezh,
e-mail: besedina_sv@hist.vsu.ru*

С. В. Беседина

АНАЛИЗ ДИНАМИКИ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ И ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ В ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВВ.

В статье рассматривается вопрос, связанный с движением земельной собственности на рубеже веков, когда стало очевидным, что существующая система землевладения и землепользования нуждается в изменениях. Анализ происходящих эволюций в крестьянских и частновладельческих хозяйствах позволяет выяснить глубину процесса и выявить его специфику; определить тенденции развития капиталистических отношений в аграрном секторе.

Ключевые слова: аграрный сектор, капиталистические отношения, сельское хозяйство, землевладение, землепользование.

S. V. Besedina

DYNAMICS ANALYSIS FOR LAND TENURE IN VORONEZH PROVINCE AT THE TURN OF XIX-XX CENTURIES

Consider the movements of landed property are considered at the turn of the century, when it became obvious, the existing system of the land tenure and the land use has been needed to change. Analysis of the ongoing evolution in the peasant land ownership and private owner farm allows check the depth of the process, determine its specificity and identify trends in the development of capitalist relations in agriculture.

Key words: the agricultural sector, capitalist relations, agriculture, land tenure, land use.

Основой Российской экономики на рубеже XIX-XX вв. являлось сельское хозяйство. Развитие капиталистических отношений, положение 1881 года о переводе крестьян на обязательный выкуп, а так же аграрные реформы ведут к изменению характера землепользования и землевладения. Сельское хозяйство постепенно начинает приобретать товарный характер, утрачивает свою роль наделное землевладение и растет частновладельческая собственность. Аренда земли рассматривается как один из способов решения проблемы малоземелья и повышения урожая.

Вопросы о положении крестьян и состоянии сельского хозяйства привлекали к себе внимание исследователей. В частности, эти вопросы неоднократно поднимались А.М. Анфимовым, И.Д. Ковальченко, С.М. Дубровским, П.Н. Першиным, Б.Г. Литваком и др. Исследования, в основном, проводились на уровне губерний, хотя сами исследователи отмечали необходимость изучения этих вопросов в масштабе уездов. В данной статье

рассматриваются основные тенденции в показателях землевладения и землепользования в Воронежской губернии на рубеже XIX – XX веков. Рассматриваемый период изобилует различными статистическими источниками. В первую очередь это данные, собираемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел, Отделом сельской экономики и сельскохозяйственной статистики, а так же земскими статистиками. В 1974 году И.А. Стрельбицкий провел первое систематическое обследование земли. На основании собранных данных им была выпущена книга «Исчисление поверхности Российской империи в общем ее составе в царствование императора Александра II». Позже аналогичные исследования проводились К.И. Арсеньевым, И.И. Вильсоном, Ю.Э. Янсоном. Именно с 70-х годов начинаются периодические обследования поземельной собственности. И прежде всего здесь следует отметить всероссийские переписи поземельной собственности 1877, 1887, 1905 годов, «Главнейшие данные по земельной статистике по обследованию 1887 года», «Статистика землевладения. 1905 год. Свод данных по 50 губерниям». Все три переписи были произведены министерством внутренних дел. Переписи 1877, 1905 годов имели цельное отображение состояния землевладения. В 1887 году к целям переписи добавляется выяснение земельной статистики сельского хозяйства. Рассматриваются вопросы о распределении пашен, лугов, выгонов и зерновых культур.[1]

Несмотря на достаточно ограниченный материал, практически все исследователи в той или иной мере касались вопроса аренды, и имеется ряд работ, посвященный анализу имеющихся данных.

По Воронежской губернии огромный вклад в сбор статистических сведений различного содержания внес Ф.А. Щербина. Им проводились систематические статистические обследования, данные обобщались и издавались.

При написании данной работе использовались данные «Памятных книжек по Воронежской губернии» за 1891-1916 года, «Сельскохозяйственные обзоры» за 1890-1914 года, материалы переписей 1877, 1887, 1905 годов, отчеты губернских земств, «Статистика землевладения», а так же ряд других материалов.

Рассмотрим теперь вопрос о том, кому принадлежала земля, и как происходила мобилизация земельной собственности.

По принадлежности земли принято выделять следующие типы землевладения: надельное, частновладельческое, государственное, удельное, церковное и др. Причем соотношение этих типов землевладения в различных районах Европейской России было весьма различным.

В большинстве районов центральной России преобладающей формой землевладения было надельное и частновладельческое, именно этих двух категорий в основном и касается данная статья. По данным, опубликованным в «Статистике землевладения 1905 года», в Днепровско-Донском районе, к которому принадлежала Воронежская губерния, надельные земли составляли 57,7% от общей площади, частновладельческие 37,1%, остальные (государственные, удельные, церковные и прочие) – 5,2%. Данные, которые дают нам переписи 1877, 1887, 1905 годов показывают, что Воронежская губерния не была исключением. В среднем надельные земли составляли 66%, частновладельческие – 28%. [2]

Рассмотрим землевладение по категориям.

Характерной чертой крестьянского землевладения была дробность участков, чересполосность земли с владельцами разных категорий – помещиками, казной, уделами, дальность участков и «длинноземелье». У бывших государственных крестьян пореформенное поземельное устройство закрепило сложившееся задолго до реформы лоскутность землевладения. У бывших удельных она была усилена за счет присвоения уделами участков с бывшими крестьянскими общественными запашками. Но особенно усилена была дробность владений бывших помещичьих крестьян за счет преднамеренной нарезки чересполосных участков, отвода худших и отрезания лучших крестьянских земель.

При этом следует различать два вида дробности земель: один вид – как следствие распределения надельной земли между самими крестьянами и другой вид – как результат отмежевания надельной земли помещиками, казной и уделами. Чересполосность была характерна и для удельных крестьян, причем уделы наделяли своих крестьян едва ли не хуже, чем помещики своих. Участки наделов крестьян очень часто были разбросаны по территории, оставшейся за уделом, мелкими вкраплениями, причем участки, которые до реформы отводились под общественные запашки (а это, как правило, лучшие земли) удельные ведомства, как правило, оставляли за собой. [3]

Главным районом чересполосицы исследователи называют черноземный центр, в частности Воронежскую губернию.

Землепользование на надельных землях в соответствии с принадлежностью земли разделяется на две категории: общинное и подворное. Общинное землевладение встречалось не только на крестьянских землях, но и на купчих и арендованных. Встречались общины, где земли не перераспределялись с реформы 1861 года. Такие общины чаще всего были расположены в нечерноземной полосе, где земля требовала обязательного удобрения, систематическое внесение которого возможно только при условии, что земля находится в одних руках. Община оказывала отрицательное влияние на развитие сельского хозяйства. Прежде всего, это связано с тем, что хозяева не стремились вкладывать деньги в землю, которая при следующем переделе могла «уйти» к другому хозяину. В ожидании передела крестьяне заранее перестают удобрять свои участки. В это время шло истощение почвы: хозяева стремились получить максимум прибыли при минимуме затрат. Кроме этого, общинное землевладение вело к подавлению индивидуализации. Все работы совершались одновременно, сеялись одинаковые культуры. «...Крестьянин не может поднять пар и скосить луга своевременно, а приступает к этим работам, когда решит общество...»[4]. Общинное землевладение препятствовало выделению самостоятельных крестьянских хозяйств.

Рассматриваемый период характеризуется изменением землеустройства и, прежде всего, постепенной ликвидацией общинного землевладения. На 1912 год в Воронежской губернии функционировало 12 уездных и губернская землеустроительные комиссии. Отмечается стремление к индивидуализации. В частности по Воронежской губернии в Богучарском, Нижнедевицком, Воронежском, Коротоякском, Бобровском уездах 2/3 дворов подали ходатайство о выделении из общины, в остальных уездах – 1/3, но при условии передела земли [5]. Выдавались ссуды и безвозвратные пособия для становления хозяйств.

Второй по величине была частновладельческая форма землевладения. Причем владения, принадлежащие крестьянам, здесь составляли лишь небольшую долю. Хотя если сравнивать данные переписей 1877 и 1905 годов, то видно, что частное крестьянское землевладение по Европейской России выросло более чем в 2,3 раза. Количество земли, находящейся во владении у помещиков, наоборот, сократилось в 1,5 раза [6]. Росло купеческое и мещанское землевладение. Таким образом, наблюдается изменение и перераспределение земли.

Как происходило перераспределение земли, и какие причины толкали одни сословия продавать землю, а другие ее покупать? Эти вопросы важны и при изучении вопроса о малоземелье крестьян, который неоднократно поднимался многими исследователями.

Выделяют два типа мобилизации: собственная (купля-продажа), безземельная (наследование, дарение и т.д.). Отдельно будет рассмотрен вопрос аренды.

Нас, прежде всего, будет интересовать собственная мобилизация, так как при наследовании земля редко переходила из одного сословия в другое.

На территории Европейской России идет постепенный переход земли от одних сословий к другим. В целом за период с 1861 по 1908 год площадь крестьянского землевладения увеличилась в 3,2 раза[1]. Причем в среднем за 35 лет основные продажи

земли приходится на долю помещиков. Более детальная информация дана в нижеприведенной таблице:

Таблица 1 [1]

Данные о покупке и продаже земли по различным типам сословий

Группы владельцев	Покупки	Продажи
Дворяне	39,5%	65,5%
Крестьяне	21,3%	7,8%
Другие	38,9%	22,7%

Несмотря на высокий процент продаж земли у помещиков, наибольший процент покупок также приходится на их долю.

Быстро растут площади купленных крестьянами земель: 1880 – 6818 тыс. дес., 1900 – 19895 тыс. дес. т.е. почти в 3 раза. Покупали крестьяне, прежде всего пашню. Ее площадь за указанный период возросла в 3,7 раза. К 1905 году площадь купчих земель возросла до 24591,5 тыс. дес [3].

По Воронежской губернии при содействии Крестьянского поземельного банка товариществами было куплено 560000 дес, крестьянскими обществами 17000 дес [3].

На рубеже XIX-XX вв. веков наблюдается перераспределение земли. Помещики стремятся избавиться от земельной собственности (за период с 1893 по 1897 год убыль дворянского землевладения составила 896607 десятин по центрально земледельческому району [9]). Убыль дворянского землевладения (тыс. десятин) в черноземной полосе выглядит следующим образом:

Таблица 2 [3]

Убыль дворянского землевладения в среднем за 1 год по десятилетиям с 1883 по 1902 г., а затем по годам с 1903 по 1910 г. в тыс. дес.

1883-1892	1893-1902	1903	1904	1905	1906	1907	1908	1909	1910
381,8	506,2	539,7	473,1	368,8	1117,9	1542,8	869,8	666,3	579,7

Следует отметить 1906 и 1907 годы, где происходит резкий скачок в убыли дворянского землевладения, связанный, по всей видимости, с первой русской революцией. Такой скачок отмечается именно в черноземной полосе. Это связано с тем, что именно там было наиболее сильным крестьянское движение, что вынуждало дворян распродавать свои земли.

Картина движения земли по Воронежской губернии ничем, принципиально, не отличалась от общероссийской. За период с 1877 по 1905 год площадь частного крестьянского землевладения увеличилась более чем в два раза: с 67530 до 161779 десятин. Если считать от общей площади частных владений, то доля частного крестьянского землевладения увеличилась с 4% до 10%. У дворян, наоборот, их доля сократилась с 84% до 63%, что составило уменьшение дворянского землевладения на 384793 десятин: с 1378937 до 994144 десятин. Параллельно растет площадь земель, находящихся в собственности у различных обществ и товариществ (с 730 до 198661 десятин). Причем наиболее существенный рост наблюдается у товариществ. Их доля в секторе частного землевладения на 1905 год составила 9%. Более детально данные по изменению землевладения приведены в таблице.

Таблица 3 [2]

Земли, находящиеся в частном землевладении, по различным группам владельцев по данным переписей 1877, 1905 годов

Вид собственности	1905	% от общей площади владений	% от частных владений	1877	% от общей площади владений	% от частных владений
Дворяне	994144	18%	63%	1378937	25%	84%
Купцы	166684	3%	11%	177660	3%	11%
Мещане	37546	1%	2%	13386	0,1%	1%
Крестьяне	161779	3%	10%	67530	1%	4%
Крестьянские общества	55251	1%	4%	4303	0,1%	0%
Крестьянские товарищества	143410	3%	9%	0%	0%	0%

При помощи крестьянского поземельного банка крестьянами Воронежской губернии к 1901 году было куплено 107,5 тыс. десятин. При этом за период с 1899 по 1901 гг. товариществами было куплено 56000 дес., обществами 17000 дес. [3]. Заметим, что покупка земли товариществами и обществами была крайне распространена.

Снижение размеров операций по продаже земли заметно лишь в пятилетие 1891-1895 гг., явившееся результатом снижения покупательных сил крестьянства вследствие падения хлебных цен до самого низкого уровня и голода 1891-1892 гг. Это хорошо видно из следующей таблицы, где даются сведения о земельных покупках посредством Крестьянского банка по пятилетиям.

Таблица 4 [12]

Сведения о земельных покупках посредством Крестьянского банка по пятилетиям с 1886 по 1905 гг.

Годы	1886-1890	1891-1895	1896-1900	1901-1905
Куплено, дес.	1033116	832323	2689867	3174378

С началом повышения цен на сельскохозяйственную продукцию начинается период быстрого увеличения купли-продажи земли. Помещики дробили землю, а уже затем продавали ее крестьянам.

Одной из причин убыли дворянского землевладения является сельскохозяйственный кризис, который вынудил их сдавать землю в аренду или продавать ее.

Теперь рассмотрим вопрос аренды земель.

На территории Воронежской губернии можно выделить два типа аренды: внутриклассовую и аренду крестьянами земли у частных владельцев. Во внеадельной аренде, как правило, преобладала одногодичная аренда, предоставлявшая владельцам возможность систематически менять арендные цены, что не способствовало вкладыванию денег в землю арендаторами. Так же достаточно широко была распространена аренда земли внутри общины: крестьяне предпочитали обращаться за арендой земли к своим однообщинникам.

По виду платы аренду можно разделить на следующие типы: аренда за отработку, аренда из части и аренда за деньги и смешанная. Именно по этим категориям и приводятся данные в изученных источниках. Однако даже там отмечается тот факт, что данные крайне неточны: в одних случаях респонденты говорят об увеличении площади аренды, в других об ее уменьшении. Преобладающей формой аренды, как у крестьян, так и у частных

владельцев, была аренда за деньги и по ней имеются наиболее полные данные, по остальным видам аренды заметна существенная нехватка данных. Тем не менее, имеющиеся данные позволяют сделать некоторые выводы. Уже тот факт, что с 1909 года происходит исключение данных по аренде земли за обработку и из части, может говорить о том, что доля такой аренды была незначительна.

Основная масса вовлеченных в аренду внеадельных земель приходилась на Черноземную полосу – 70%. [3]

Какие же категории владельцев арендовали землю? Данные по 29 волостям 5 уездов Воронежской губернии, приведенные в «Вестнике сельского хозяйства, 1905» рисуют следующую картину. Арендуют землю все группы хозяйств, причем больше всего это хозяйства с землепользованием в 20-25 дес. Сдают землю в основном хозяйства с землевладением выше 50 десятин.

В результате аграрного кризиса 1891-1895 годов аренда земли стала убыточной и поэтому этот период характеризуется достаточно низкими арендными ценами. Причинами этого является недостаток семян и их дороговизна. В некоторых уездах уменьшение аренды зависело от недостатка скота. Особенно кризисным был 1892 год – год после двух абсолютных неурожаев.

С 1897 года можно говорить о росте арендных цен, как у помещиков, так и у крестьян. Это связано, прежде всего, с улучшением экономических условий.

Перед 1905-1907 годами вследствие улучшения сельскохозяйственных условий происходит сокращение сдачи помещиками земли в аренду, но в связи с революцией они были вынуждены сдавать землю в аренду. Арендные цены снизились на 1/3.

Арендные цены у частных владельцев были выше, чем у крестьян. Что способствовало тому, что крестьяне арендовали землю у своих однообщинников.

Методом многомерной классификации уезды Воронежской губернии можно разделить на две группы. Первая – Богучарский, Павловский, Острогожский, Валуйский. Вторая – остальные. Причем данное разбиение совпадает как для владельцев, так и для крестьян как по озимым, так и по яровым культурам. Во второй группе арендные цены ниже, чем в первой. Заметим, что эти уезды находятся на юге губернии.

Для того чтобы выявить причины описанных выше различий необходимо знать какие факторы влияли на арендные цены. Можно выделить следующие причины повышения арендных цен:

- постоянные: недостаток земли, конкуренция арендаторов;
- временные: хороший урожай, дороговизна хлеба.

Немаловажное значение в определении цен имеет сельскохозяйственная специализация уездов.

До 1902 года различий в аренде между ними практически не было, и только потом происходит резкий скачок, причем это характерно только для аренды под яровые культуры.

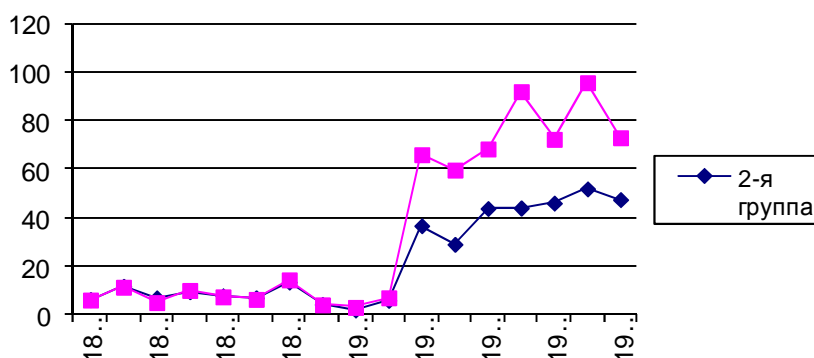

Рис. 1. Число случаев аренды за деньги у крестьян. [14]

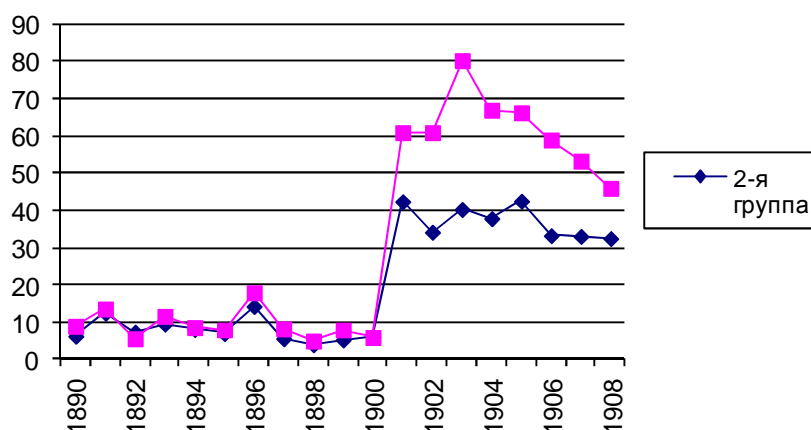

Рис. 2. Число случаев аренды за деньги у помещиков. [14]

Не исключено, что увеличение аренды земли связано с начавшимся в 1900 году росте экспорта яровой пшеницы и росте цен на нее. То, что посевы озимой ржи практически не изменялись при общем увеличении посевных площадей можно объяснить лишь тем, что хозяева стали чаще сеять хлеб по хлебу, отказываясь от пара. Усиливающиеся связи с рынком выдвигали перед хозяевами проблему повышения доходности. Стремление дать рынку больше продукции вело к сокращению посевов яровой ржи, уступая место озимой ржи. А затем и яровой пшенице.

Возникает вопрос: почему изменения так незначительны? Как одну из причин здесь можно назвать сохранение общины. Общинное землепользование оставалось доминирующим, а в его рамках проявление инициативы крайне затруднительно.

Несмотря на достаточно архаичный подход к вопросам землевладения и землепользования, отсутствие законодательной базы, отвечающим требованиям рынка на тот момент в развитии сельского хозяйства намечается ряд положительных тенденций.

Следует отметить, что в начале XX века в Воронежской губернии проводится ряд мероприятий для улучшения положения в аграрном секторе. В Воронежской губернии к 1910 году работало 12 землеустроительных комиссий. Как уже отмечалось выше, наблюдается стремление к индивидуализации. Для устройства индивидуальных хозяйств выдавались ссуды и безвозвратные пособия. С целью ознакомления крестьян с устройством и приемами ведения более производительного хозяйства приглашались агрономы. В 1913 году были устроены сельскохозяйственные курсы. Было проведено более 600 чтений в различных районах губерний. Все большее распространение получают усовершенствованные орудия труда.

Устраивались экспериментальные хозяйства, где применялись более совершенные способы обработки земли и выращивались более продуктивные культуры. В таких хозяйствах урожайность была намного выше, чем в обычных хозяйствах.

Надельное землевладение утрачивало свою роль. Росла частновладельческая собственность. Сельское хозяйство постепенно становится ориентированным на рыночные отношения.

Библиографический список

1. **Святловский, В.В.** Мобилизация земельной собственности в России / В.В. Святловский. – СПб., 1911. – 486 с.
2. Статистика землевладения. 1905 год. – Вып. V. – СПб., 1906.

3. **Анфимов, А.М.** Крестьянское хозяйство Европейской России в период 1881–1904гг. / А.М. Анфимов. – М., 1980. – 239 с.
4. Вестник с\х 1903. – №27
5. Памятная книжка на 1910 год. – Воронеж, 1910.
6. Статистика землевладения 1905г.
7. **Егиазарова, Н.А.** Аграрный кризис конца 19 века. / Н.А. Егиазарова. – М., 1959. – 192 с.
8. **Ковальченко, И.Д.** Проблемы социально экономической истории России. / И.Д. Ковальченко. – М., 1971. – 389 с.
9. Материалы по статистике движения землевладения в России. СПб. 1904.
10. Материалы по статистике движения землевладения в России. 1917.
11. **Шуляковский, Е.Г.** Очерки истории Воронежского края / Е.Г. Шуляковский. – Воронеж, 1961г. – Т.1.
12. По отчетам крестьянского поземельного банка за 1886-1905 гг.
13. **Анфимов, А.М.** Земельная аренда в начале 20 века / А.М. Анфимов. – М., 1961. – 208 с.
14. Данные даны по ежегодно издававшимся Памятным книжкам за 1890–1913 гг.

УДК 947:355/359

*Воронежский государственный архитектурно-строительный университет
Аспирант кафедры философии, социологии и истории А.С. Минаков.
Россия, г.Воронеж, тел. (473) 271-50-04;
e-mail: hist-vgasu@yandex.ru*

*Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering
Postgraduate of Philosophy, Sociology and History
Chair A.S. Minakov.
Russia, Voronezh, tel. (473) 271-50-04;
e-mail: hist-vgasu@yandex.ru*

А. С. Минаков

РАЗВИТИЕ АВИАЦИОННЫХ ВИДОВ СПОРТА В ОРГАНИЗАЦИЯХ ОСОАВИАХИМА В 20-30-Е ГОДЫ ХХВ. (НА ПРИМЕРЕ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ)

В статье исследуется роль ОСОАВИАХИМа в развитии спорта. Особое внимание уделяется тому, что часть населения страны шла в ряды вооружённых сил уже подготовленной к военной службе. Сделан вывод о необходимости возрождения подобных организаций в настоящее время.

Ключевые слова: Планерный спорт, самолётный спорт, парашютный спорт, воздухоплавание, ОСОАВИАХИМ.

A. S. Minakov

THE DEVELOPMENT OF AVIATION SPORTS ORGANIZATIONS OSOAVIAHIMA 20-30-S XX CENTURY. (ON THE EXAMPLE OF VORONEZH REGION)

The article examines the role of Osoaviahima in sports development. Particular attention is paid to the fact that part of the country's population was in the armed forces have prepared for military service. Concluded on the need for such organizations at present.

Key words: flight sports, aircraft sports, skydiving, ballooning, OSOAVIACHIM.

В современной российской историографии вопросы развития авиационных видов спорта в организациях ОСОАВИАХИМа в 20-30-е годы XXв. были рассмотрены следующими авторами: Орлов И.Б., Невежин В.А., Ростов Н.Д., Кузин А.В. и др. [1. С. 26]. Работ по истории оборонных обществ, включая развитие в них авиационных видов спорта, до 1991г. было опубликовано много. Но они носили общий характер.

Тем не менее, тема развития авиационных видов спорта в такой массовой организации, как ОСОАВИАХИМ, в целом до сих пор изучена слабо. Имеющиеся публикации и диссертационные работы либо носят агитационно-пропагандистский характер, либо являются сегментом в деле рассмотрения истории Вооруженных Сил СССР в предвоенные годы. Отечественная историография пока не располагает ни одним крупным монографическим сочинением. Это также отмечается в статье Воронцова В. Н. «Историография вопроса изучения добровольного Общества содействия армии, авиации и флоту (ДОСААФ)» [2. С. 35]. Архивы многих отделений Общества были потеряны, а некоторые данные только в недавнем времени перестали быть засекреченными.

Рассмотрим более детально процесс развития авиационных видов спорта, как они создавались и для чего. С первых дней становления Советской власти, большое внимание уделялось физическому развитию граждан. В 1918г. был принят декрет о всеобщем военном обучении трудящихся. Руководство по физической подготовке было возложено на Главное управление Всеобуча. При Наркомате просвещения был организован первый в нашей стране институт физической культуры. Важное значение имел декрет ВЦИК от 22 апреля 1918 года «Об обязательном обучении военному искусству» [3. С. 190]. Были образованы военно-спортивные клубы, в которых молодёжь занималась военно-прикладными видами спорта. В 1920г. произошло формирование Высшего совета физической культуры (ВСФК) [4]. Он занимался всеми вопросами физического воспитания и спорта. На территории воронежской области были созданы многочисленные спортивные ячейки и кружки, проводились крупные комплексные соревнования.

В январе 1927г. состоялся I Всесоюзный съезд Авиахима и Общества содействия обороне СССР (ОСО СССР), который принял постановление о слиянии обществ в единую организацию «Союз обществ Друзей обороны и авиационно-химического строительства СССР (ОСОАВИАХИМ)». С созданием ОСОАВИАХИМа активизировался процесс развития военно-прикладных видов спорта. Особым уважением в нашей стране пользовались лётчики и авиация, поэтому не случайно развивалась пропаганда авиационных знаний. Центром её были аэроклубы, которые наряду с подготовкой лётных кадров помогали создавать лётные группы, планёрные и парашютные станции на предприятиях и в колхозах, содействовали работе кружков авиамоделлистов. Это соответствовало лозунгу тех дней: «От модели – к планёру – с планёра – на самолёт». Советская молодёжь, как отмечают архивные материалы, с энтузиазмом шла в авиацию [5. С. 77]. Основными видами авиационного спорта были следующие: планёрный спорт, парашютный спорт, самолётный спорт, воздухоплавание.

Ещё в 1927г. ОСОАВИАХИМ стал одним из организаторов грандиозного по тем временам перелёта по маршруту Владивосток – остров Врангеля – Якутск – Иркутск, который, как отмечается в диссертации Ростова Н.Д., положил начало северным воздушным сообщениям гражданского воздушного флота [6. С. 105]. 25 января 1931г. IX съезд комсомола бросил в массы крылатый лозунг: «Комсомолец – на самолёт!». Этот лозунг горячо поддержала молодёжь. Подготовка лётчиков начиналась на планёрах; планёрный спорт охватывал всё большие слои населения, а овладевшие планёром пересаживались на самолёт, а лучшие из окончивших аэроклубы по рекомендации комсомола шли в учебные заведения Военно-воздушных сил, имея уже теоретические знания и лётный стаж.

В 20-30 гг. с организациями оборонных обществ активно сотрудничали авиаконструкторы Антонов О. К., Грибовский В. К., Камов Н. И., Туполев А.А., Поликарпов, Яковлев А. С. Были созданы десятки типов самолётов, планёров, других летательных

аппаратов. С 1931г. по 1936г. число самолётов в организациях ОСОАВИАХИМа увеличилось в 19 раз, что значительно повлияло на развитие самолётного спорта.

Особую роль ОСОАВИАХИМ в Воронежской области сыграл в развитии парашютного спорта, подготовки молодёжи в воздушно-десантных войсках.

Первый прыжок с парашютом в России был совершён в день годовщины Красной Армии 23 февраля 1919г. А.В. Эдельштейном. Советские конструкторы усердно работали над созданием своего парашюта. В 20-е годы в его эффективность и необходимость верили далеко не все. Лишь после того, как на серии испытаний самолётов, парашюты стали спасать жизни летчиков-испытателей, руководство страны увидело большую пользу данного изобретения. Например, летчик-испытатель М. М. Громов 23 июня 1927г. во время неудачного испытательного полёта использовал спасательный парашют [7. С. 49]. Ему пришлось выброситься из штопорящей машины, когда, опробовав все приёмы и комбинации рулей, убедился, что самолёт из штопора не выходит. Это событие изменило отношение Советских летчиков к данному изобретению. Начальник Опытного аэродрома Василий Сергеевич Горшков запретил летать на штопор без парашюта.

2 августа 1930г. был выброшен первый в мире парашютный десант в г. Воронеже. Это дало толчок дальнейшему развитию парашютного спорта и воздушно-десантных войск во всей стране. Автором идеи создания ВДВ является М. Н. Тухачевский, который в то время командовал Ленинградским военным округом. Дата 2 августа официально считается профессиональным праздником советских десантников. Ведущая роль в организации прыжков по праву принадлежит военному летчику - Леониду Григорьевичу Минову. В 1928г. Минов на совещании руководящего состава ВВС затронул тему использования парашютов в авиации. По заданию начальника ВВС РККА П. И. Баранова ему было предложено поехать в США для ознакомления работы спасательной службы. В составе советской торговой организации «Амторг» в 1929г. Минов прибыл на завод компании «Ирвин», занимающийся производством спасательных парашютов. Было получено приглашение лично совершить прыжок. 13 июня 1929г. Леонид Григорьевич прыгнул с высоты 500м. и благополучно приземлился. Пережитые ощущения настолько захватили его, что по прибытии в СССР комбриг развернул активную деятельность по пропаганде парашютного дела, в том числе неоднократно совершив показательные прыжки.

Известный американский парашютист Барт Уайт предложил Минову принять участие в соревнованиях на точность приземления. Наш участник показал достаточно неплохой результат. Им было занято третье место, в то время как известный спортсмен-парашютист Барт Уайт занял лишь пятое место. После возвращения из США было принято решение о внедрении парашютов в авиацию. В Воронеже на базе 53-й эскадрильи 11-й авиабригады Московского военного округа проводились учебные занятия для ознакомления с организацией прыжков. Минов получил должность инструктора парашютной подготовке. Он же был назначен и руководителем прыжков. Его помощником стал Яков Давидович Мошковский – молодой лётчик служивший в 11 авиабригаде. Впоследствии их знакомство оказало большое влияние на развитие парашютизма. Мошковский стал талантливым организатором, а после успешных сборов назначен первым в ВВС СССР начальником парашютной службы авиационной бригады. Наряду с Миновым он в числе первых был удостоен звания «Мастер парашютного спорта СССР». Им было совершено 502 прыжка с парашютом.

После большой научно-технической подготовки, проведенной в 1928—1929 гг. в научно-исследовательском институте Военно-Воздушных Сил, ЦАГИ и в ряде лабораторий государственных предприятий, можно было приступить к промышленному производству спасательных авиационных парашютов [8. С. 75]. В 1928г. М. Н. Тухачевский начал пропагандировать создание специальных подразделений, предназначенных для быстрой переброски по воздуху. За 1931 год было выполнено свыше 600 парашютных прыжков различной сложности. К январю 1932г. парашют спас жизнь 15 лётчиков ВВС. Были освоены

прыжки в разное время года, днем и ночью, на лес, затажные и высотные, на воду, с кислородным оборудованием, с оружием, на ограниченные площадки, одиночные и в массовых десантах в несколько тысяч человек. Парашюты использовались для выброски пожарников, врачей, подрывников, спасателей, для доставки грузов, продуктов, медикаментов, горючего и др.

В 1932г. началась работа по борьбе за массовость парашютного спорта. Было подготовлено 70 инструкторов-парашютистов. Среди них М. Забелин, К. Кайтанов, А. Фотеев, М. Кудрявцев, В. Александров, А. Мухортов, В. Козуля, Н. Зворыгин.

2 августа 1933 был создан Воронежский аэроклуб. Среди подготовленных им пилотов — 18 героев СССР. К середине 1930-х гг. значительно выросла советская авиация, а вместе с ней потребность в кадрах. ОСОАВИАХИМовские аэроклубы включились в подготовку спортсменов-планеристов и летчиков.

В 1933 г. руководить парашютным спортом было поручено ОСОАВИАХИМу. Прыжки были приняты в комплекс военно-технической подготовки. Без отрыва от производства молодые рабочие, учащиеся овладевали парашютным спортом. Парашютизм стал развиваться быстрыми темпами. 31 мая 1933г. была образована высшая парашютная школа.

Её руководителем был назначен Яков Давидович Мошковский. 12 августа 1933 года, в день десятилетия спортивного общества «Динамо», П. П. Балашов совершил показательный прыжок над Воронежским стадионом с минимальной высоты — 80 метров. Уже к концу 1933г. ОСОАВИАХИМовские спортсмены-парашютисты совершили более тысячи прыжков. В 1935 г. Франция обратилась к Советскому правительству с просьбой прислать инструктора для обучения парашютному делу. Это явилось признанием достижений Советской парашютной школы. Носить на груди значок парашютиста считалось делом чести как для юношей, так и для девушек [9]. Получить такой значок можно было, совершив прыжок с самолёта. Но для этого необходимо было сдать ряд зачётов по комплексу военно-спортивных дисциплин: физподготовке, стрельбе, вождению автомобиля. Основой Отечественного парашютного спорта стало так называемое парашютное многоборье. Оно включало в себя выполнение прыжков на точность приземления, стрельбу из винтовки, кросс и плавание. 7 января 1936г. по решению ЦС ОСОАВИАХИМа высшая парашютная школа была реорганизована во Всесоюзный парашютный центр. Ведущие советские парашютисты много работали, экспериментировали, чтобы обезопасить прыжки для тех, кто приходил в военную авиацию, в аэроклубы ОСОАВИАХИМа, делал первые шаги в спорте. С каждым новым прыжком по крупицам накапливался опыт. На VIII чемпионате мира советские парашютисты завоевали 24 золотых медали из 25. Великая Отечественная Война перенацелила все мирные знания в парашютизме для решения военных задач. Тысячи тонн грузов, техники, специалистов доставлялись точно в указанное место. Великая Отечественная Война показала, что все годы, потраченные на создание парашютов, парашютных школ были не напрасными.

Большой вклад внесли наши спортсмены в развитие воздухоплавания. 11 марта 1935 года был организован Центральный аэроклуб (ЦАК) Впоследствии он стал методическим центром обобщения и распространения опыта работы передовых аэроклубов. В этом же году Советский Союз стал членом Международной авиационной федерации (ФАИ) [10. С. 215]. С 5 марта 1936 года ЦАК получил право регистрировать авиационные рекорды страны, а достижения мирового класса направлять для утверждения в ФАИ. Нашими спортсменами было установлено 60 мировых рекорда. Так, например, старший лейтенант, летчик-инструктор Воронежского аэроклуба Владимир Лукич Глебов к сентябрю 1937г. подготовил экипаж, который 24 сентября 1937г. на самолёте (САМ-5 2бис) спроектированным Александром Сергеевичем Москалёвым на Воронежском авиазаводе, установил международный рекорд дальности полёта по прямой. Рекорд был утвержден международной федерацией (ФАИ), а САМ-5 2бис должен был выпускаться серийно. В соответствии с приказом № 356 от 10 октября 1937г. конструктор самолёта и его экипаж получили премию.

13 октября 1938г. на этом же самолёте был установлен второй международный рекорд. САМ-5 2бис поднялся на высоту более 6000м.

После трагической гибели известного летчика Валерия Павловича Чкалова, которая произошла 15 декабря 1938 года, постановлением Советского правительства от 27 декабря ЦАК стал называться: Центральный аэроклуб СССР имени В. П. Чкалова.

С 1931г. по 1936г. число самолётов в организациях ОСОАВИАХИМа увеличилось в 19 раз. Только за 1935г. организация подготовила 8000 пилотов. Среди них 22 человека, которые стали впоследствии героями войны, прошли школу воронежского аэроклуба. Например, Владимир Попов. Комсомольская организация завода имени Тельмана направила его в аэроклуб. К началу войны он был уже капитаном, командиром эскадрильи. В конце июня 1941г. полк, в котором служил Попов, получил на воронежском авиазаводе штурмовики ИЛ-2. 10 июля 1941г. Поповым было уничтожено 18 танков противника [11].

Рекорды ставили не только мужчины, но и женщины, прошедшие школу ОСОАВИАХИМ. Они еще перед войной и особенно после нее начали устанавливать рекорды по скорости, дальности и высоте полета. Так, например, Нина Русакова – первая женщина летчик-испытатель в истории советской авиации, впоследствии ставшая единственной представительницей прекрасного пола в стране, удостоенной звания «Заслуженный летчик СССР» [12. С. 31]. В 1933г. она поступила в Воронежский аэроклуб. После окончила Воронежский авиатехникум и была зачислена в третью военную школу лётчиков в Оренбурге. В июле 1940г. в качестве штурмана участвовала в попытке установления женского мирового авиационного рекорда дальности полёта по прямой. За 22 час 32 минуты было пройдено по прямой расстояние около 6.000 км.

Наряду с достижениями существует немало печальных страниц. 30 января 1934 года произошла катастрофа стратостата «Осоавиахим-1» [13. С. 5-6]. Среди погибших были П. Ф. Федосеенко, А. Б. Васенко и И. Д. Усыкина. Комиссия по выяснению причин гибели аэронавтов установила, что стратостат поднялся на рекордную высоту в 22000м [14. С. 7-13]. Записи экипажа внесли немалый вклад в научные исследования стратосферы.

Оборонное общество внесло вклад в развитие дирижаблестроения: осоавиахимовцы собирали деньги на постройку этих аппаратов, широко пропагандировали идеи воздухоплавания. Эта работа ОСОАВИАХИМа создала реальные предпосылки для освоения космического пространства. Воздухоплавание сыграло огромную роль в изучении и освоении верхних слоёв атмосферы Земли.

Отечественное ракетостроение начиналось в ОСОАВИАХИМе. По инициативе Ф. А. Цандера и С. П. Королёва в сентябре 1931г. руководство ЦС ОСОАВИАХИМа приняло решение создать в рамках оборонного общества Группу изучения реактивного движения – ГИРД. ЦС финансировал проектирование ракет и соответствующие опыты.

31 марта 1936г. ЦК комсомола и ЦС ОСОАВИАХИМа принимают постановление «О массовом планёрном спорте» [15]. 9 декабря 1936г. «Комсомольская правда» публикует призыв подготовить 150000 лётчиков и соответствующее количество технического персонала. К концу 1939г. в составе ОСОАВИАХИМа было 4 школы по подготовке инструкторов, 12 авиатехнических, 36 планёрных клубов и 182 аэроклуба. Планёрный, самолётный спорт и воздухоплавание стали неотъемлемой частью работы ячеек Общества.

Спортивно-массовая работа, проводимая ОСОАВИАХИМом совместно с партийными и комсомольскими организациями Воронежской области способствовала не только физически крепкого населения, но и подготовки достойного пополнения рядов Красной Армии.

В результате войны советский спорт понёс большие потери. Перестали существовать спортивные организации, были разрушены спортивные сооружения, погибло множество специалистов. Возникла необходимость формирования новых спортивных кадров. Уже в 1945г. была создана система курсов повышения квалификации работников по спорту различных органов государственного и общественного аппарата. ОСОАВИАХИМу

отводилась в этой работе одна из главных ролей. Началось массовое строительство крупных стадионов, а многие сооружения пострадавшие во время войны были отремонтированы. Уже к концу 40-х гг. спортивных сооружений стало в 3 раза больше, чем в 1945г.

В 90-е годы XXв. роль оборонно-спортивных общественных организаций опустилась до минимальной отметки. Финансирование снизилось, имущество было распродано. Упал уровень патриотического, спортивного и морального воспитания населения Российской Федерации, зато вырос процент наркоманов и алкоголиков [16. С. 10]. Существующие спортивные клубы и секции в большинстве являются частными и не доступны населению с небольшим достатком денежных средств. Это пагубно может отразиться на обороноспособности страны, тем более что срок службы в армии сократился. В этих условиях работа оборонных обществ должна быть поднята на новый уровень. Изучение опыта деятельности ОСОАВИАХИМа в предвоенный период может сыграть большую роль для использования в современных условиях.

Библиографический список

1. **Кузин, А.В.** Вооруженные силы на Дальнем Востоке СССР в межвоенный период (1922-1941) / А.В. Кузин. – Благовещенск, 2000. – С. 99; **Орлов И. Б.** Пропагандистская работа в ОСОАВИАХИМе накануне Великой Отечественной Войны / И.Б. Орлов // Власть. 2007. – Выпуск №10. – С. 101.; **Невежин В.А.** Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии священных боев, 1939-1941 гг. / В.А. Невежин – М.: АИРО-XX, 1997. – С. 26.
2. **Воронцов, В.Н.** Историография вопроса изучения добровольного Общества содействия армии, авиации и флоту (ДОСААФ) / В.Н. Воронцов // Известия ИГЭА. – 2006. – Выпуск №6. – С.35.
3. Советская военная энциклопедия [в 8 томах] / Пред. гл. ред. комиссии А. А. Гречко. – М., Воениздат, 1976. – Т.2. – С. 190.
4. Большая Советская энциклопедия. Физкультура и спорт. [Электронный ресурс] / С.И. Вавилов. – URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/129107/%D0%A1%D0%A1%D0%A1%D0%A0>
5. Государственный архив РФ (ГАРФ), ф. 8355, оп. 1, д. 197, л.77.
6. **Ростов, Н. Д.** Деятельность государственных и общественных организаций Западной Сибири по подготовки молодёжи к защите Родины (1937 – июнь 1941 годы): дис. канд. ист. наук / Н. Д. Ростов. – Барнаул, 2001.
7. **Шелест, И.И.** Лечу за мечтой. Повествование, навеянное хроникой опытного аэродрома / И. И. Шелест. – М.: Молодая гвардия, 1989. – 379 с.
8. **Васина, Б. С.** В километре от планеты Земля / Б. С. Васина, А. М. Хоробрых. — М. : ДОСААФ, 1980. — 237 с.
9. **Ненахов, Ю.** Войска спецназначения во Второй Мировой Войне [Электронный ресурс] / Ю. Ненахов. - Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2000. – URL: <http://militera.lib.ru/h/nenahov1/index.html>.
10. Краснознаменное оборонное / А. Л. Гетман [и др.]. – М., 1971. – 366 с.
11. **Копылов, Г.** // Коммуна. – 1998. – 15 мая.
12. **Черных, Е.** // Галерея Чижова. – №36 (291). – 2010. – С. 31.
13. АПРФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 662. Л. 5-6.
14. АПРФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 662. Л. 7-13.
15. На страже. – 1936г. – 16 апреля.
16. **Григорьева, Л. И.** Необходимость и пути структурной перестройки социальной сферы Иркутской области в 90-е годы XXвека / Л.И. Григорьева // Вестник Поморского Университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2007. – Выпуск №2. – С.10.

УДК 940.2

*Воронежский государственный архитектурно-строительный университет
Кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, социологии и истории Е.А. Волкова
Россия, г.Воронеж, тел. (473) 271-50-04;
e-mail: volkne@br.ru*

*Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering
PhD in History, Associate Professor of Philosophy, Sociology and History Chair E.A. Volkova
Russia, Voronezh, tel. (473) 271-50-04;
e-mail: volkne@br.ru*

Е. А. Волкова

ИСТОРИОСОФСКИЕ ВЗГЛЯДЫ Г. П. ФЕДОТОВА

В статье рассматривается историософская концепция Г.П. Федотова, сформировавшаяся в процессе всей его творческой деятельности в контексте конкретно-исторических условий изучаемой эпохи.

Ключевые слова: типы культуры, религиозная мысль, политическая динамика, вестернизация, модернизация.

E. A. Volkova

HISTORIOSOPHICAL VIEWS G.P. FEDOTOV

This article discusses the concept of G.P. Fedotov historiosofic, formed during the whole of his career in the context of specific historical conditions of the study period.

Keywords: types of culture, religious thought, political dynamics, westernization, modernization.

Развитие отечественной истории, проблему политической власти, Г. Федотов рассматривал через дихотомию Запад-Восток. При этом следует отметить, что взгляды и оценки Федотова на общеисторические вопросы и проблемы российской истории были пронизаны историко-культурным подходом в контексте волновавшего его одного из основополагающих вопросов гражданской и творческой свободы личности.

В своих работах Федотов пытался дать современную интерпретацию объединявшей все славянофильские течения теории всемирно-исторического предназначения России. Все это происходило тогда, когда дискуссия «первых» славянофилов и западников постепенно сменились, с одной стороны, нарастанием антилиберальных охранительных тенденций (К.Н. Леонтьев), ростом изоляционизма (Н.Я. Данилевский), а с другой стороны, попытками выйти за рамки идеи вселенской теократии (В.С. Соловьев).

Г. Федотов стремился исследовать общественные явления в России в контексте европейской и всемирной истории. По его мнению, уже Древняя Русь была включена в общеевропейский процесс развития на основе античного наследия.

Развитие истории Руси происходило по той же схеме, что и во всей остальной Европе: церковь и власть с помощью культурных центров внедряли в национальную среду достижения античного мира. Для Европы в целом были характерны два процесса: христианизация и образования первых варварских государств. «Расхождения» между Западной Европой и Россией, по мнению историка, начались с того самого момента, когда Библия была переведена на славянский язык. Античная культура и языческая древнерусская культура не были синтезированы в единое целое, в то время как из взаимодействия античных и варварских элементов создавалась культура средневековой Европы. Переводились исключительно богослужебные книги, а когда исчезла необходимость в таких переводах, то знание греческого языка стало необязательно.

Таким образом, все богатство русского языка и книжной культуры Древней Руси было куплено ценой отрыва от классической традиции. В результате воспроизводилась лишь внешняя сторона византийской культуры. Таким образом, суть взглядов Федотова на причины возможного расхождения между Россией и Европой заключается в том, что, отказываясь приобщаться к «эллинистическому суемудрию», Русь на очень долгое время выпала из этой непрерывной связи цивилизаций. Древняя Русь оказалась в результате в стороне от основного «магистрального» пути развития европейской культуры.

Киевская Русь свободно принимала воздействия Византии, Запада и Востока. Государство, сложившееся примерно тысячу двести лет назад и называвшееся Русью, было европейским. Киев – первая столица, подвергнутая политической трансформации извне. Определяющим компонентом здесь выступило принятие христианства. Христианство пришло к нам из Византии «и византизм во всех смыслах, в том числе и политическом, был уготован как естественная форма молодой русской нации» [1. С.38]. Отношения Руси с нехристианским Востоком Г. Федотов представляет как классический пример антагонизма между Западом и восточными цивилизациями.

Историк считал, что говорить о Киевской державе как о едином государстве не приходится. «Россия кажется, на первый взгляд, примером национально-государственного образования. Мы все были воспитаны в этом карамзиновском убеждении. Но карамзиновская схема, коренящаяся в московских официальных традициях XVI-XVII веков («Степенная книга»), есть насилие над историческими фактами. Киевская Русь – эпоха высшего культурного расцвета Древней Руси – не была государством, а лишь системой связанных культурно, религиозно и династически, но независимых государств» [1. С. 134.]. Это было скорее объединение, созданное на основе взаимодействия политических элит и церковной иерархии. По его мнению, византизм не мог воплотиться в Киевском обществе, где для него отсутствовали все предпосылки, в частности – не было царя, который мог бы притязать на церковную власть.

Сомнительным выглядит утверждение Г. Федотова, что Киевская Русь не была государством. Да, оно не было централизованным, но это не значит, что оно не было государством в юридическом его определении.

Он считал, что Киевская Русь еще не противопоставляла себя Западу, как считали многие славянофилы. «Киевская культура аристократична, она не питается народным творчеством. Она излучается в массы из княжеских теремов и монастырей, и хотя рост ее протекает страшно медленно, но органично и непрерывно» [1. С. 38]. Создается впечатление, что этот хронологически далекий период истории кажется Федотову истинным лицом России.

Взгляды Г. Федотова на Киевскую Русь были далеки от рассмотрения ее как некоего славянско-почвенного явления. Заслуга его как историка в том, что он доказал, что Киевская Русь не «пролог», а «рассвет» как в культурном отношении, так и в становлении политической системы нового типа.

Именно в «киевском периоде» Г. Федотов видел и причины будущего трагического расхождения русской культурной традиции с европейской. Перевод Библии на славянский язык затруднил обмен идеями между учеными Древней Руси и Европы. Решающим же фактором, надолго остановившим прогресс научных знаний в стране, стал монгольский «железный занавес», перекрывший каналы, по которым на Русь из Западной Европы или Византии могли попасть труды древнегреческих философов и ученых, а также римские правовые тексты.

Однако Г. Федотов ни в коем случае не хотел показать Русь страной неполноценной, не имеющей никаких творческих потенций. Мыслитель доказал, что эти силы не получили возможностей для должного применения на самой заре ее истории, что обусловило отсталость страны. Даже Западу потребовалось время (эпоха средних веков), чтобы от простого усвоения наследия прошлого перейти к созданию новой цивилизации. А древняя

Русь даже не приступала к переработке древнегреческого материала тогда, когда такая работа была необходима, поскольку сделать это не успела.

В Киевской Руси, по сравнению с Западом, Г. Федотов видел не менее благоприятные условия для развития личной и юридической свободы. Но, в отличие от Запада, все это не было закреплено юридически. Правда, в Новгородской республике, по его мнению, имело место формальное ограничение княжеской власти в форме присяги.

Историк ярко обрисовал суть Новгородского явления. Этому периоду отечественной истории отведено несколько объемных глав в работе «Русская религиозная мысль» [2. С. 21]. В этой работе, не переведённой на русский язык, содержится много интересных фактов, введенных Федотовым в научный оборот. Новгород он называет республикой Святой Софии. Это центр, а не элемент русской истории, как считали многие его современники. Здесь находился центр святости, и располагались крупные монастыри: Валаам, Ферапонтов, Соловки.

Федотов раскрыл исключительную оригинальность культуры Новгорода не только в сфере иконописи и зодчества, но и в области социально-политической. Он считал, что при всех своих средневековых изъянах вечевой порядок был вполне реальным «народоправством», напоминавшим демократию древних Афин, где вече выбирало все свое правительство, не исключая архиепископа, контролировало и судило его. В Новгороде существовал институт «палат», которые коллективно решали все важнейшие государственные дела. Символами этой новгородской демократии были храм Святой Софии и образ Богородицы «Знамение». Не случайно предание связывает историю этой иконы с борьбой новгородцев за свою свободу. И не случайно, что Грозный с такой беспощадностью расправился с Новгородом. Его гнев был обрушен даже на знаменитый вечевой колокол - эмблему старинного народоправства.

Принятие христианства и монголо-татарское завоевание выступили теми дестабилизирующими факторами, которые привели к определённой неустойчивости политической системы. В политическом плане это несло раздробленность и тенденцию к объединению.

Время монголо-татарского ига было колебанием между Западом (Литва) и Востоком (Орда) – и подобного рода дихотомия не раз будет возникать в критические этапы отечественной истории. Этот период рассматривался Федотовым в рамках Киевского этапа, в отличие от Н. А. Бердяева, который выделял его в особый период.

Таким образом, Киевский период отмечен Федотовым как важный этап в развитии российской государственности. Отмечая слабость юридического развития Руси, и недостаточное развитие государственных начал, Федотов показал высокий уровень развития культуры. Политическая раздробленность сменилась интеграционной тенденцией. В политической сфере это выразилось в смене и зарождении основных политических традиций, преимущественно восточного типа, и создании предпосылок к образованию Московского централизованного государства.

Не всё в его концепции можно принять однозначно. Так, сомнительно утверждение о Новгородской демократии, о принадлежности периода монголо-татарского ига к киевскому периоду русской истории, о киевском периоде как лучшем в отечественной истории. Все эти мысли Федотов высказывал, находясь в эмиграции, когда октябрьская революция уже показала свои отрицательные последствия. Под влиянием ностальгии, историк приукрашивал некоторые события отечественной истории.

Со времён Московского царства центральное место в российской истории заняло самодержавие: государственная власть стала, безусловно, верховенствовать в общественно-политическом развитии страны, поставив как индивидуумов, так и классы в подданническое отношение к себе. В таких условиях шансы гражданского общества и прав личности на укоренение и развитие были минимальны. В российском государстве произошли серьёзные перемены, что, естественно, не могло не привести к изменению его политической структуры.

В Московии, по мысли Г. Федотова, не было политической элиты как самостоятельного центра власти. Он выделяет следующие структурные особенности Московского царства как социальной системы.

1. Все сословия были прикреплены к государству службой или тяглом.

2. Преобладание организации над личностью было подавляющим. Государство могло перемещать значительные массы людей, в зависимости от своих нужд.

3. Крепостная зависимость крестьян превращалась в обычное рабство.

Главная цель существования такой системы была, по мнению историка, в построении империи. Кроме того, для уничтожения центров власти, оппозиционных Кремлю, власть просто способствовала перерождению этого центра изнутри. Так, например, власть поступила с политической элитой общества.

Восточный деспот ограничен традициями, в том числе и религиозными. Но русский царь не был этим связан. В результате он мог безнаказанно проводить любые форсированные изменения. В качестве примера автором приводится реформа Никона.

Государство стало занимать центральное место при формировании как социальных отношений и структур, так и отношений собственности, от которой зависит экономическое развитие. Решающую роль в этом сыграла опричнина - модель, руководство к действию для последующих структур русской власти. В отечественной исторической науке ведётся много споров о сущности опричнины. Несомненно, проводимая с помощью кровавого террора, она привела к децентрализации страны и войска и, при расхищении национального достояния, привела к военно-политическому провалу страны. Поэтому, весьма сомнителен тезис Г. Федотова, утверждавшего, что опричнина была «демократизацией господствующего класса. Опричнина была демократизацией в том смысле, что расшатала властные позиции боярства» [3. С.112].

Скорее всего, из имеющихся фактов и дальнейших событий российской истории, опричнину можно рассматривать как форсированную централизацию, предпринятую без достаточных экономических и социальных предпосылок. В целом это не была антибоярская политика, а укрепление личной власти Ивана Грозного.

Опричнина не привела к созданию нового политического режима, но способствовала оформлению ряда специфических русских традиций, содержащих немалую дозу «азиатчины». Гипертрофированная роль государства и незащищённость частной собственности сближали Россию со странами Востока. В то же время стремление к Западным новациям как в области политики, так и в культурной сфере становится господствующей тенденцией в отечественной истории. Происходила быстрая, но несинхронная модификация элементов при разнонаправленности происходящих в ней процессов, что приводило к нестабильности системы в целом.

По сути, степень равновесия в общественно-политических системах определяется темпами и направленностью перемен, а после длительного монголо-татарского «затишья» процесс образования единого централизованного государства явился огромным скачком.

Положительные аспекты этого периода сводятся к следующему. В Московский период Русь перестала быть робкой ученицей Византии, а православная церковь становится крепким институтом политической системы государства. Федотов пишет уже об «азиатской душе Москвы». Азиатская составляющая русской жизни усилилась еще и потому, что начался длительный процесс колонизации огромных пространств. С точки зрения экспансии и скорости увеличения территории с ней может соперничать только капиталистическая (западная) система. По сути, это было началом зарождения имперской политики российского государства.

Если «Киевский этап» характеризовался трансформационными процессами извне (принятие христианства и монголо-татарское завоевание), то Московский период выявил тенденцию внутренней эволюции значимых процессов становления единого государства. Римское право, рассуждал историк, будь его основные принципы усвоены, могло бы задать

основную модель для создания единого государства в эпоху централизации. Это можно обосновать уже тем, что по территории даже Киевская держава была больше, чем такое государство как Франция (бывшая провинция Рима). Для такой огромной страны вполне бы пригодился опыт Римской империи по разграничению полномочий между различными уровнями государственной власти, так как сама структура римского права допускала местное самоуправление, что сделало бы систему управления в России более гибкой.

Византийский же вариант государства и его аналог в форме самодержавия (Московское царство и Российская империя) был, вопреки первому впечатлению от монолитности Империи, менее удачным, считал Федотов, так как не обеспечивал принцип обратной связи между центром и территориями. К тому же, при концентрации огромной власти в руках правителя скорость принятия решений уменьшается. Это, в свою очередь, делает контроль на местах неэффективным.

Но существовали институт местного самоуправления, Боярская Дума, созывались Соборы. Конечно, по сути, всё это было формальным ограничением самодержавной власти. Но именно в тот период времени сформировался основной принцип властвования в России: крепкая единоличная власть с формальным ограничением её законодательными структурами: Боярская Дума, Сенат, Государственная Дума.

В конфликте митрополита Филиппа с Грозным Федотов увидел столкновение евангельского духа с властью, поправшей все этические и правовые нормы. Оценка историком роли Грозного как бы предвосхищала дискуссии об этом царе, связанные с желанием Сталина превратить его в идеального монарха. Многим казалось, что мир переживает эпоху заката, что Запад и Россия, пусть и по-разному, идут к своему концу. Понять такие настроения, свойственные не только русской эмиграции, было нетрудно. Ведь действительно, после первой мировой войны началось последовательное разрушение тех институтов и ценностей, которыми жил XIX век. Нужно было изрядное мужество и стойкость, нужна была твердая вера, чтобы преодолеть соблазн "ухода в себя", пассивности, отказа от созидательной работы.

Федотов провел тщательную работу по изучению первоисточников и критическому их анализу. Некоторые свои исходные принципы он изложил в очерке «Православие и историческая критика» [4. С. 42]. В нем он выступил как против тех, кто считал, что критика источников посягает на церковную традицию, так и тех, кто был склонен к «гиперкритике» и, оспаривал достоверность почти всех древних свидетельств.

Поразительным явлением Москвы XVII века Федотов отмечал обожание царя и нежеланием народа участвовать во власти.

В этой связи, историк детально исследует народ, проводя сравнительный анализ стратификационного среза дореволюционного и постреволюционного периода. Здесь содержится много ярких характеристик и образов, которые выгодно отличали работы Федотова от его современников. Он также верно подметил одну особенность московского периода: «Московское царство выработало необычайное единство культуры, отсутствовавшее и в Киеве и в Петербурге: нет не только грани между христианством и язычеством или между западной и византийской традицией (Петербург), но даже между просвещенной и грубой верой. Это единство культуры и сообщает московскому типу его необычайную устойчивость».

В исторической концепции Г. П. Федотова третий период начался с приходом к власти Петра I. «С Петром I Россия считает своей миссией насыщение своих многочисленных народов не старой, московской, а западноевропейской цивилизацией» [4. С. 65]. Оценка петровских преобразований Федотовым была принципиально неоднозначной. За прорубленное «окно в Европу» пришлось заплатить немалую цену. Целью всех преобразований стала трансформация всей духовной и экономической основы традиционного общества.

Хотя автор концепции и отмечал, что этот период не был «Запад» в чистом виде: европейские институты и ценности под влиянием сложной природы этнической культуры превратились в нечто иное: Запад - Русь - Восток. Значение этого периода для культурного развития страны трудно переоценить: не только Пушкин, но и Толстой, Достоевский были бы немислимы без влияния европейской традиции; без немецкой философии невозможна была бы и русская классическая философия, не говоря уже о развитии естественных наук.

В оценку петровских преобразований Г. Федотов внёс свою оригинальную трактовку. Оценивая в целом положительно социально-экономические и, особенно, военные реформы, историк, прежде всего, был озабочен тем, что государство потеряло национальный характер, приобретая все черты евразийской империи. Церковь как традиционный носитель «общего сознания» была резко ослаблена, что позволило Петру I довольно легко превратить её в отрасль государственного управления. Антагонизм между дворянством и народом, разрыв между ними в области культуры предопределил, считает Г. Федотов, неудачу европеизации.

Петровская эпоха носила некомплексный характер, заимствование происходило в основном в области военно-промышленного комплекса и бюрократической организации государственной власти. Драматизм российской политической ситуации выражался, по мнению Г. Федотова, в следующей формуле: политическая свобода в России может быть только привилегией дворянства и европеизированных слоёв, народ в ней не только не нуждался, но и боялся её. Характеризуя институт царской (императорской) власти, он выделяет два диаметрально противоположных подхода к верховной власти, исповедовавшихся в русском обществе: дворянский (западнический) и московско-византийский (народный).

Более удачно эту мысль выразил А.С. Панарин. Он считал, что «с одной стороны, цивилизация выступает как проблема России, которая без усвоения ее достижений не обретет внутренней стабилизации, с другой - Россия выступает как проблема цивилизации, стабилизация которой в значительной мере зависит от того, состоится ли успешное подключение к ней России. Особенностью переходных периодов, особенно, начиная с реформ Петра I, является их цивилизационная двойственность: для верхов они выступают как вестернизация - подключение к достижениям Запада, для низов – углубление бесправия в духе азиатского способа производства» [4. С 113]. В результате этого противоречия многие институты общества стали функционировать иначе. Главные изменения произошли со следующими центрами власти: институтом монархии, политической элитой в лице дворянства и бюрократии и Церковью как политическим и социальным институтом.

Наконец, октябрьские события 1917 года обозначили Россию в триаде Восток - Русь - Запад в качестве государства преимущественно восточного типа. Последний период развития русской культуры, который застаёт мыслитель, - это сталинская диктатура, или «сталинокрафия» (по выражению Г.П. Федотова). Он является завершением революции как таковой и установлением советского аналога Московского царства.

Ещё одной особенностью российской истории, по мысли Федотова, является смена власти, которая непременно сопровождалась насилием и террором. Вакуум легитимной власти, образовавшийся после свержения самодержавия, привёл к резкому расширению поля политической борьбы, колоссальному усилению роли партий, общественных организаций с их ориентацией на непарламентские методы борьбы. Революционный механизм опрокинул цивилизационный принцип разделения властей: разделение духовной и политической власти.

Существует огромное количество мнений по вопросу о том, в какой именно период отечественной истории началось «отставание России». При анализе концепций, положенных в основу данной проблемы, обратим внимание на ряд существенных моментов. Список предложенных периодизаций поистине огромен: это и «слишком позднее» принятие христианства, и монголо-татарского иго, и опричнина, и реформы Петра I, и революции 1917 года и вплоть до сегодняшних реформ.

Федотов не склонен был видеть проблему отставания как таковую. Он интерпретировал историю России как поиск своей цивилизационной идентичности. Поиск этот осложнялся ещё и тем, что внутри самого государства, помимо классового разделения, существовало наличие двух миров: городского и деревенского. И если город тяготел к западным стандартам, то деревня жила восточными традициями. Именно такого рода противоречие, по мысли Федотова, позволило власти проводить различные социально-политические эксперименты в XX веке.

Октябрьская революция 1917 года закончила противостояние и существование русской интеллигенции: западничество становится народным, отрыв от национальной почвы - национальным фактом. Интеллигенция, уничтоженная революцией, не может возродиться, потеряв всякий смысл. Теперь это только категория работников умственного труда, верхушка образованного класса.

Г. Федотов вообще не рассматривал интеллигенцию односторонне. Широта его идей привела к мысли о том, что специфически русское юродство в изменившихся социальных условиях преобразовалось в интеллигентность как черту, своеобразный предел поведения человека, усматривающего правду и имеющего мужество отождествлять свою жизнь с праведными представлениями о ней. «Необходимо признать родство русской интеллигенции, даже в безбожном её стане, с типом древнерусской религиозности. Подвижники, юродивые, страстотерпцы обернулись опрошенцами, народниками, мучениками за волю и счастье народа» . [4. С. 132].

Таким образом, в исторической концепции Федотова четко выделяются четыре самостоятельных этапа: киевский, московский, петровский, советский. Киевская Русь свободно воспринимала воздействие Византии, Запада и Востока. Судя по всему, верх одержала восточная тенденция, так как эпоха Московского царства существенно связана с общественно-политическими отношениями восточного типа.

Новый этап вступает в свои права на историческом отрезке от Петра I до революции. Это западный путь Российской цивилизации. Одной из причин неэффективности власти в последние годы царствования Романовы историк считает сильные закулисные влияния на власть, которым не могли сопротивляться даже министры. Революция 1917 года – это торжество восточных институтов и традиций на русской почве. Федотов предполагает, что следующий период будет протекать в русле западной цивилизации. Более подробно этот вопрос будет рассмотрен в III главе данного диссертационного исследования.

При Петре I бытовая свобода была самым реальным и значительным культурным завоеванием Империи, и это завоевание было явным плодом европеизации. Оно совершилось при постоянном и упорном противодействии старой московской Руси. В СССР происходило постоянное удушение свободы (Восток), но впервые было отмечено самое грозное явление - это прекращение борьбы за нее. Развитие свободы в России рассмотрено им также в контексте дилеммы Запад-Восток.

Нельзя однозначно утверждать, что рассмотренная выше концепция нова. Такие построения можно прочесть у многих предшественников и современников Федотова. Возьмем, например, В.С. Соловьева и его схему Восток - Запад - Россия. «Символ культуры Востока - бесчеловечный Бог, Запада - безбожный человек. Западная цивилизация не стала общечеловеческой, и поэтому оказывается бессильной против целой культуры - мусульманского Востока. Лишь Россия и ее культура может быть «откровением божественного высшего мира».

Н.А. Бердяев вообще в данном вопросе близок Федотову. Он считал, что русская история и культура соединяет два лица. В силу борьбы западного и восточного начал русский культурно-исторический процесс обнаруживает момент прерывистости, и даже катастрофичности. Русская история и культура уже оставила за собой пять самостоятельных периодов-образов (киевский, татарский, московский, петровский и советский) и, возможно,

будет еще и новая Россия». Главное отличие в периодизации: Федотов не выделяет монголо-татарский период в отдельный этап, считая его продолжением Киевского.

Г.П. Федотов провёл более глубокий анализ. Он не только выделил 4 этапа в развитии отечественной истории, но и рассмотрел их особенности, отметил основные факторы и динамику исторического процесса, сумел доказать влияние западных институтов и восточных традиций на историю Российского государства.

Исследуя феномен интеллигенции, Федотов всячески дистанцировался от преувеличения её роли в отечественной истории. Тем не менее, именно ей принадлежит огромная роль в формировании общественной мысли.

Библиографический список

1. **Федотов, Г.П.** Судьба и грехи России / Г.П. Федотов. – СПб., 1991.– 288 с.
2. **Fedotov, G.P.** The Russian religion mind 13 - 15 centuries. Cambridge, Mass.: Harvard University press / **G.P. Fedotov** . – 1966. – 2 volume. – 413 p.
3. **Федотов, Г.П.** Пореволюционная пресса / Г.П. Федотов // Новый Град. – Париж. 1933. – № 6. – 188 с.
4. **Федотов, Г.П.** Православие и историческая критика / Г.П. Федотов // Путь. - Париж, 1932. – 317 с.
5. **Панарин, А.С.** Философия политики / А.С. Панарин. – М.: Эксмо-пресс, 1990 – 322 с.

УДК 940(410)

Воронежский государственный технический университет
Кандидат исторических наук, доц. кафедры истории и политологии А.Ю. Золотарев.
Россия, г.Воронеж, тел. (473) 221-09-19;
e-mail: aurelianus@mail.ru

Voronezh State Technical University
PhD in History, Associate Professor of History and Political Science Chair A.Y. Zolotarev.
Russia, Voronezh,
tel.(473) 221-09-19;
e-mail: aurelianus@mail.ru

А. Ю. Золотарев

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АППАРАТ И ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ АНГЛИИ

В статье рассматриваются состав и механизм работы государственного аппарата англосаксонской эпохи (с VII по XI в.). Обосновывается тезис, что основой королевской власти были личная собственность и личное присутствие монарха, благодаря которым в соответствующих областях страны создавались группы «верных людей», «друзей», «слуг» короля.

Ключевые слова: Англия, раннее средневековье, государственные аппарат, государственное управление, королевская власть, королевские поместья, эрлы, шерифы.

A. Y. Zolotarev

STATE PERSONNEL AND PUBLIC ADMINISTRATION IN ANGLO-SAXON ENGLAND

The article deals with personnel and state machinery of Anglo-Saxon England from the seventh to the eleventh century. It proves that the royal estates and personal presence of the king were a basis of his power, because they created groups of «faithful men», «friends», and «ministers» linked to him.

Key words: Anglo-Saxon England, state personnel, public administration, kingship, royal estates, earls, sheriffs, reeves.

Обычно при рассмотрении управленческой структуры любого государства вычленяют центральную администрацию, агентов центра на местах и местную администрацию. В случае Англии и многих других государств раннего средневековья это не вполне корректно. В Англии не было центра, столицы, где бы располагались органы власти и бюрократические учреждения, откуда бы на постоянной основе осуществлялось руководство страной. Англосаксонское «правительство» было кочевым. Король со своим двором и дружиной постоянно переезжал из резиденции в резиденцию. По подсчетам исследователей, всего в источниках упоминается 193 таких резиденции [2. С. 274-278; 20. С. 289-299]. Разумеется, не все они использовались одновременно: каждый король имел свои предпочтения, какие-то резиденции приходили в запустение, какие-то дарились приближенным, какие-то вновь приобретались и обустривались [20. С. 286]. Однако можно выявить любопытную закономерность: ни одна из резиденций королей объединенной Англии не находилась далеко к востоку или к северу от Уотлинг-стрит, древнеримской дороги, тянувшейся от Лондона до Честера, которая служила пограничным ориентиром между владениями короля Альфреда Великого (871-899) и викингов согласно заключенному в 80-е гг. IX в. [7. С. 47-49]. Если короли и пересекали эту внутривнутригосударственную границу, то почти исключительно в военных целях.

Смысл подобных поездок состоял в следующем. Во-первых, в условиях низкой производительности труда в сельском хозяйстве и плохом развитии транспорта ни одно поместье не было в силах содержать длительное время такое большое количество знатных лиц. Во-вторых, при отсутствии бюрократического аппарата и бюрократических навыков управления король должен был принимать личное участие в управлении местными делами, лично встречаться со своими подданными [1. С. 68; 3. С. 336; 10. С. 26-30]. Вот как описывает такие путешествия хронист Иоанн Вустерский: «Он [король Эдгар] привык каждую зиму и весну, посещая все английские провинции, тщательно изучать положение дел в своем королевстве, [следить], как соблюдается главными людьми [королевства] справедливость изданных им законов и указов, чтобы бедные не претерпевали пагубных притеснений от власть имущих» [8. С. 426-427].

Вместе с королем кочевал и его двор. Двор в ранние средние века выполнял двоякую функцию: управлял личным хозяйством короля и являлся единственным, находившимся в распоряжении монарха, бюрократическим органом управления. Обычно это обстоятельство приводят в качестве свидетельства того, что для монархов той эпохи королевство было такой же личной собственностью, как лошади, посуда, одежда. Но возможно и другое объяснение. Во-первых, король был крупнейшим собственником, десятки его поместий были разбросаны по всему королевству, составляя материальную основу власти короля над определенной территорией. Поэтому было вполне естественным, что люди, отвечавшие за управление сетью королевских имений, участвовали в государственных делах. Во-вторых (и это наиболее важно), кому, как не придворным, которые находились возле короля днем и ночью, которые всем были обязаны ему, монарх мог доверить выполнение важных государственных поручений. В-третьих, люди того времени не были отягощены современными

представлениями о частном и публичном и просто не задавались вопросом, допустимо ли использовать личных слуг короля в качестве государственных чиновников.

Государственное управление в любую эпоху было неразрывно связано с изготовлением письменных документов. Вокруг вопроса о существовании англосаксонской королевской канцелярии было сломано немало копий [9. С. 335-436; 15. С. 14-83; 17. С. 106-118]. В целом исследователи сходятся на том, что определенный штат клерков (ими по совместительству были королевские капелланы) у короля все же был. Спорным остается вопрос о его размерах и количестве выпускаемой им продукции. До нас не дошло ни одного оригинального документа, созданного королевским скрипторием. Возможно, это является следствием того, что архивы мирян, в т.ч. королевские, просто не сохранились. Столь же вероятно и другое объяснение: королевские писцы на самом деле изготавливали небольшое количество документов. Это было обусловлено двумя причинами. Во-первых, королевская канцелярия разделяла свои обязанности по изготовлению копий документов с монастырскими скрипториями и писцами магнатов. Во-вторых, отнюдь не все распоряжения короля отдавались и передавались в письменной форме. Устное слово в ту эпоху имело силу не меньшую, если не большую, чем письменное. Учитывая дороговизну пергамента, можно предположить, что текст записывался лишь в том случае, если он стоил того, чтобы его увековечить. Как гласит одна из англосаксонских грамот: «Чтобы сохранить вечно то, что было сделано людьми этого мира, необходимо поставить ограду из рядов букв, ибо непрочная память человеческая забывает то, что начертанные письма сохраняют» [4. №883].

Королевские распоряжения распространялись следующим образом:

1) Это делал сам король во время своих постоянных разъездов по стране. Определенных данных на этот счет нет, но здравый смысл подсказывает, что мы вправе это предположить;

2) Это осуществлялось посредством советов знати (уитенагемотов). Присутствовавшие на них иерархи церкви и светские магнаты запоминали или письменно фиксировали сказанное королем и затем распространяли во вверенных им епархиях и графствах. Мы знаем, что такие обязанности при короле Этельстане (924-939) были возложены на епископа Лондона Теодреда [11. С. 182-183], при Эдгаре (957-975) – на эрла Нортумбрии Ослака, элдорменов Мерсии и Восточной Англии Эльфхера и Этельвина [11. С. 214-215].

3) Эту роль брали на себя заинтересованные лица. Так, Гарольд I (1035-1040) передал архиепископу Кентерберийскому и монахам Церкви Христа в Кентербери подтверждение на право владения Сэндвичем через Эльфгара, монаха той же общины [4. №1466; 6. С.5 42]. Назначенный епископом Лондона аббат Абингдона Спирхейфок (Sparhafoc) сам вез в Кентербери королевское предписание посвятить его в сан [5. С. 171-172; 6. С. 542-543]. В некоторых случаях выбор вестника определялся просто тем, что он был важной персоной. Например, как, аббат Эльфхер (Ælfhere), который был послан королем Этельредом в суд Беркшира с повелением принять к рассмотрению тяжбу между Уинфлед и Леофвином [4, №1454]. Но, по всей вероятности, чаще такого рода миссии выполняли королевские тэны. Нам известны имена некоторых из них. Это Эльфлах Стибб и Бритнот, сын Одды, «по приказу короля» присутствовавшие на собрании лондонской гильдии мира [11. С. 181-182]; это тэн Кнута Великого Тофи Гордый (Tofig pruda), посланный по «королевскому делу» (on Raes cinges aegende) в судебное собрание Херефордшира [4. №1462]. Хотя источники донесли до нас лишь единичные случаи, у нас есть основания предположить, что практика использования королевских посланцев была распространенным явлением. Так, архиепископ Вульфстан (†1023) в своем сочинении «Geyuñdo» называет поездки по поручениям короля неременной обязанностью королевского тэна [7. С. 217; 11. С.456].

В англосаксонских грамотах подписи архиепископов, епископов и аббатов обычно следуют сразу же за подписями короля и его ближайших родственников, что показывает чрезвычайно высокий статус князей церкви в социальной иерархии раннесредневековой

Англии. Ничего уникального в этом нет – во всех христианских странах средневекового мира церковь и ее иерархи были стеновым хребтом государственности. Действительно: сеть кафедр, общин каноников, монастырей покрывала территорию любой страны, в т.ч. Англии, предоставляя в руки монархов готовую инфраструктуру для распространения своего влияния на самые отдаленные районы. Неслучайно, что король Этельстан отметил утверждение своей власти в Нортумбрии щедрыми дарами Йоркской кафедре [4. №407] и братии св. Кутберта [10. С. 37], которые были единственными церковными организациями в северной части Англии.

Вообще, церковная и политико-административная организации англосаксонской Англии были тесно связаны. Епархии VII-IX вв. повторяли контуры политической карты страны. Мы знаем, что Мерсия была поделена между пятью элдорменами. В этом королевстве мы находим и пять епархий – Линдси, Личфилд, Лестер, Вустер, Херефорд. Как указывалось выше, Уэссекс был разделен на две исторические части – к западу и востоку от Селвудского леса. Он же служил границей между двумя епархиями западных саксов – Винчестером и Шерборном. Свою кафедру – в Селси – имел Суссекс. Епископ Лондона был пастырем королевства восточных саксов. Рочестер и Кентербери делили между собой Кент. Восточная Англия была разделена на две епархии – Элмхем и Данвич – в соответствии с делением этого королевства на две части – Норфолк и Суффолк. Епархия Йорка охватывала территорию Дейры, а епископ-монах Линдисфарнского монастыря был главой христиан Берниции.

Вторжения викингов во второй половине IX в. привели к разгрому церковной организации в занятых ими областях. Объединители Англии, короли Эдуард Старший (899-924) и Этельстан, провели реформу епархиального устройства. Однако она имела эффект лишь к западу и югу от Уотлинг-стрит. Уэссекс был разделен на епархии Винчестера, Ремсбери, Шерборна, Уэллса и Кредитона. Отдельная епархия была учреждена для Корнуолла. Западная Мерсия была разделена между епископами Вустера, Херефорда, Личфилда и Дорчестера-на-Темзе. Сохранились кафедры в Селси, Лондоне, Рочестере и Кентербери. Все эти епархии были небольшими, так что епископ мог вполне эффективно осуществлять необходимую пастырскую, административную и хозяйственную деятельность на вверенной ему территории.

Этого нельзя сказать о церковном устройстве в Области датского права. Здесь сохранились всего две кафедры – в Йорке и в Линдисфарне, монахи которого перебрались сначала в Честер-ле-Стрит, а затем – в Дарем. Восточный Мидленд и Пять Бургов в церковном отношении подчинялись епископу Дорчестера. Восточная Англия находилась в ведении епископа Лондона до того, как в 950-х гг. в Элмхеме вновь была учреждена епископская кафедра. Разумеется, не приходится говорить о том, что епископы этой части Англии контролировали положение дел на местах. Главной заботой английских королей было контролировать самих этих епископов. С 950-х гг. центральная власть стала определять, кто будет занимать архиепископскую кафедру в Йорке. Но, чтобы прочней привязать Йоркских архиепископов к единому государству, им давали в управление одну из южных епархий – Дорчестер или Вустер. А первое назначение королем на должность епископа Дарема было сделано лишь в 1042 г. [21. С. 123-124, 181-183, 198-199].

Большое значение для английской церкви имело т.н. «монашеское возрождение» - движение за реформирование монастырей, развернувшееся с 960-х гг. Реформированные монастыри были центрами образования, играя, таким образом, немалую роль в развитии управленческой культуры. Они же, поскольку значительную часть их богатств составляли королевские пожалования, были опорой центральной власти на местах. Там, где не ощущалось постоянного присутствия епископов (как, например, в Восточной Мерсии), аббаты монастырей их заменяли, тем более, что некоторые из них по богатству превосходили многих архиереев [21. С. 187-194]. Однако, и здесь усилия реформаторов не вышли далеко за Уотлинг-стрит.

Таким образом, англосаксонская церковная организация имела те же черты, что и политическая и административная структура англосаксонского королевства: там, где была сильна королевская власть, церковь также была развита, и наоборот.

За подписями церковных иерархов в англосаксонских грамотах следуют подписи светских магнатов – элдорменов, которые в источниках обозначаются также как *eorles* (эрлы, термин, который стал преобладать с начала XI в.), *duces*, *comites*, *principes*. Первые упоминания об элдорменах относятся ко второй половине VII в. [11. С. 104-105; 108-113]. Скучные данные источников не позволяют точно охарактеризовать социальный и политический статус элдорменов в VII-IX вв. Однако ясно, что в большинстве своем они были представителями высшего слоя знати, часто состояли в родственных связях с королевским домом и в этом качестве управляли значительными территориями и предводительствовали военными отрядами [25. С.52-56]. Некоторые элдормены были настолько сильны, что оказались в состоянии узурпировать королевскую власть. Борьба за нее между различными группировками знати определяла внутривнутриполитическое положение в Нортумбрии с середины VIII в. и Мерсии с 820-х гг. В отличие от них Уэссекс избежал внутривнутриполитического кризиса накануне норманнского нашествия, что в немалой степени определило успех его королей в деле объединения Англии [22. С. 92-95, 231-234]. В Уэссексе IX в. элдормены выступали только как правители отдельных графств (широв) и предводители их ополчений [5. С. 58, 62, 64].

В X в. элдормены стали возглавлять не только отдельные ширры, но и целые провинции – бывшие самостоятельные королевства – в составе объединенной Англии. Возникли целые династии могущественных элдорменов, один из которых – элдормен Восточной Англии Этельстан (правил в 932-957 гг.) – носил красноречивое прозвище «Полу-король». Одно время в 940-х гг. Этельстан вместе с братьями Этельвольдом, элдорменом Кента, и Эадриком, элдорменом Восточного Уэссекса, управлял половиной королевства [13. С. 115-114]. Личное богатство этих элдорменов тоже впечатляет: так, элдормен Западного Уэссекса Эльфхег (*Ælfheah*) (†972 г.) обладал 700 гайдами земли, что едва ли не превосходило размеры самых крупных бароний англо-нормандского времени [26. С. 143-172]. Однако, следует отметить, что земельные владения англосаксонских магнатов не были сосредоточены в каком-либо одном районе, а были рассеяны практически по всей территории страны [14. С. 146, 185]. Благодаря этому англосаксонская знать была не в меньшей степени заинтересована в сохранении единства страны, чем король.

Власть элдорменов могла передаваться в течение нескольких поколений: так, Этельстан «Полу-король» и его дети Этельвольд и Этельвин управляли Восточной Англией с 932 по 992 г.; элдормен Мерсии Эалхельм (940-951) также сумел передать свою должность своим сыновьям Эльфхегу (†972 г.) и Эльфхеру (†983 г.); члены дома лордов («великих гереф») Бамбурга в середине X – начале XI в. обычно были эрлами Нортумбрии [10. С. 31-57]. В подчинении этих могущественных элдорменов находились другие элдормены, управлявшие отдельными ширами и даже несколькими сотнями [25. С. 90]. Несмотря на такое могущество элдорменов, вполне сравнимое с могуществом франкских или германских герцогов и графов, нам не известно о каких-либо сепаратистских поползновениях с их стороны. Политическая власть не стала в Англии семейной собственностью, как это произошло на Континенте, и сами элдорменства не оказались устойчивыми образованиями. Король Этельред II (978-1016) смог безболезненно отказаться как от крупных элдорменств, так и от услуг тех семей, которые ими правили: из наследников шести элдорменов, которые умерли или были изгнаны в 980-990-е гг., лишь один (Этельмер, сын Этельверда, элдормен Западного Уэссекса) получил ту же должность, и то после значительного перерыва [14. С. 39-41; 24. С. 66]. Сложно сказать, являются ли эти меры признаками целенаправленной политики короля против могущественной знати, как считает Э. Уильямс [24. С. 65-66]. Скорее всего, Этельред просто хотел вознаградить своих ближайших сторонников и фаворитов, а сделать он это мог только за счет выдвигенцев прежних королей. Ту же самую

политику проводил следующий король Кнут (1016-1035), который назначал на должности эрлов преимущественно членов своей скандинавской дружины. Особенность правления этого короля заключалась в том, что он часто отсутствовал в Англии, и ему пришлось довольно долго подыскивать тех лиц и тот баланс сил между ними, которые обеспечили бы ему лояльность английской политической элиты. Так, в 1016 г. Кнут разделил страну между собой и тремя эрлами: Эадрику досталась Мерсия, Торкелю – Восточная Англия, Эйрику – Нортумбрия, Уэссекс король оставил себе. После убийства Эадрика в 1017 г. Кнут разделил Мерсию между четырьмя эрлами, а Уэссекс – между двумя. После изгнания эрла Торкеля в 1021 г. надвое была поделена Восточная Англия. После 1023 г. единое эрлство в Уэссексе было опять восстановлено и передано Годвину, который упоминается как эрл с 1018 г., но какой областью он правил, неизвестно [16. С. 81-87]. С одной стороны, Годвин, который к концу 1020-х гг. стал своего рода вице-королем Англии, сумел обеспечить лояльность страны королю Кнуту. С другой, это имело своим следствием то, что Годвин и его семья оказались настолько сильными в экономическом, политическом и военном отношении, что были в состоянии отстаивать свои интересы в борьбе с королями. Если Этельреду и Кнуту удавалось смещать неугодных эрлов, то Эдуарда Исповедника (1042-1066) здесь постигла неудача. Нормандские короли, воцарившиеся в Англии после 1066 г., учли ошибки своих предшественников. Место эрлств и эрлов в управлении страной заняли графства и их шерифы [12. С. 11-13; 23. С. 56-59].

Таким образом, эрлы (элдормены) отличались большой независимостью и самостоятельностью по отношению к королю, что было следствием их властных полномочий, личных связей и богатства. Однако на королевской службе находились министриалы, обладавшие куда более скромными возможностями и находящиеся в большей зависимости от власти монарха. В источниках они так и называются «*ministri*», или по-древнеанглийски «тэны» (*ðegn*). Служба, прежде всего военная, была конституирующим признаком этого сословия. Однако социальные различия внутри него были очень велики. Вершину сословия составляли те тэны, которые постоянно находились при особе короля, получали от него большие поместья, выгодные назначения (прежде всего, на должности элдорменов) [11. С. 458], им даже мог представиться случай породниться с королевской семьей (пример: Осбурх, жена короля Этельвульфа (839-858) и мать Альфреда Великого, бывшая дочерью дворецкого Ослака). На другом полюсе находились те, кто имел минимально необходимый для получения статуса тэна надел в 5 гайд; вероятно, существовали тэны, у которых даже этого не было [11. С. 456; 27. С. 391-394, 457-462].

Служба тэнов была самой разнообразной. В первую очередь, это была военная служба, и тэны были, прежде всего, военно-служилым сословием. Королевские придворные были тэнами. Они так и назывались по-древнеанглийски: *discðegn* (букв. «посудный тэн», кравчий или сенешаль), *burgðegn* («тэн спальни», кубукулярый, или спальник) [4. №1515]. В качестве королевских посланцев они разъезжали по стране с королевскими поручениями. Тэны составляли основу местной администрации, занимая должности гереф.

Упоминания о герефе (*gerefa*, совр. англ. *reeve*; *praefectus*, *praepositus*, *exactor*, *procurator*) появляются еще в VII в. [4. №№159, 161, 1265; 11. С. 11, 14, 118-121]. Герейфом могли называть любого управляющего, кому бы он ни подчинялся. Нас будут интересовать королевские герефы. Ведение хозяйства, обслуживание экономических нужд короля были главными заботами герефы. Довольно часто около королевских поместий и усадеб располагались торжища и торговые пристани. Поэтому на герефе лежала обязанность наблюдать за правильным ведением торговли [11. С. 11]. Герейфа обладал определенной административной властью над жителями поселений, располагавшимися поблизости от соответствующей королевской усадьбы [11. С. 14, 120-121]. Власть эта включала в себя право герефы взимать в пользу короля разного рода подати и повинности. И эта прерогатива герефы распространялась и на земли, пожалованные на правах бокленда крупным землевладельцам [4. №168]. Если королевские поместья были материальной основой

англосаксонской государственности, то их управляющие составляли костяк государственного аппарата. Столь важную роль гереды исполняли не без пользы для себя. Из источников мы знаем о злоупотреблениях и вымогательствах королевских управляющих [18. С. 15-16], о тех больших состояниях, которые они оставляли после себя. Например, геред Абба из Кента, помимо разнообразных рент, завещал в конце 830-х гг. завещал 1500 пенсов монашеской общине в Фолкстоуне, по 30 пенсов каждому священнику Кента и по 1 пенсу каждому «слуге Божьему» [4. №1482]. Иммунитет от въезда королевских геред был желанной привилегией для землевладельцев [4. №186].

С конца IX в. происходят постепенные изменения круга полномочий и статуса геред. Законы Альфреда и Эдуарда Старшего показывают их активную вовлеченность в судебные процедуры [11. С.48-49, 62-63, 68-69, 138-145]. Строительство сети крепостей-бургов и организация графств (широв) также повлияли на усиление роли геред в государственной администрации. Из декретов Этельстана мы знаем, что они стали управлять делами в бургах [11. С. 146-147]. А коль скоро бурги становились центрами графств, то под их руководством оказались и они. Впервые сведения о том, что гереды ответственны за поддержание правопорядка в пределах своего графства, мы встречаем в «Уставе гильдии мира Лондона». Там сказано, что геред обязан идти по следу украденного скота не только в своем графстве, но и продолжать преследование в соседнем вместе с его гередой. [11. С. 179-180], относящемся ко времени Этельстана. А первые упоминания должностного лица с определением «scirgman» («scirman») появляются в двух грамотах из архива Рочестерского епископства, датированных 964-988 гг. и 995-1006 гг. [4. №№1456, 1458].

На рубеже X-XI вв. происходит дальнейшее возрастание роли геред и тэнов вообще в управлении страной. Источники этого времени свидетельствуют об особой симпатии к ним короля Этельреда II и о падении значения элдорменов, чье место они заняли [24. С. 63-65]. Английская исследовательница Дж. Грин связывает это явление как с недоверием короля к крупной знати, так и с тем, что более приближенные к массам простых подданных управленцы в эпоху постоянных войн с датчанами могли более эффективно собирать ополченцев и налоги [12. С. 9-10]. Король Кнут, как было сказано выше, вновь избрал своей непосредственной опорой в Англии крупных светских магнатов, однако позиции геред это не подорвало. Именно в правление Кнута мы впервые встречаем в источниках слово «шериф» (произошло в результате сокращения от scir-gerefa, т.е. «геред шира») [4. №1461]. К 1066 г. шерифы наличествовали в 24 графствах Англии (из 32). Здесь мы опять встречаемся с замеченной нами территориальной закономерностью: наиболее ранние сведения о шерифах относятся к графствам к западу от Уотлинг-стрит; что касается территории Пяти Бургов и Нортумбрии, то мы имеем лишь одно не вполне достоверное упоминание о Турольде, который был шерифом Линкольншира в 1066 г. [12. С. 24-105]. Бывало, что шериф управлял сразу двумя графствами, как, например, Толи в Восточной Англии (т.е. Норфолком и Суффолоком) и Годрик в Беркшире и Бакингемшире [18. С. 24].

Наряду с шерифами, которые к концу англосаксонского периода стали фактическими главами графств, источники X – первой половины XI вв. фиксируют и иных должностных лиц, обозначаемых этим термином. Это «великие гереды» (heahgerefan, sumus praepositus). И сам этот титул, и то, что мы знаем о его реальных носителях, предполагают, что он являлся почти полным эквивалентом элдормену. Единственные известные упоминания о лицах, занимавших должности «великих геред» относятся к правлению Этельреда II [5. С. 132-134; 18. С. 8; 24. С. 64-65]. После него, по-видимому, в связи с возрождением эрлств и становлением института шерифов это звание было забыто. В каждом торговом поселении (wic, port) был свой геред – wicgerefa, portgerefa, portreve, praefectus [4. №883; 11. С. 138-139, 236-237, 314-315]. Наконец, продолжали функционировать управляющие поместьями – tungerefan (tungravii) [11. С. 170, 212-213, 234, 261-262].

К сказанному следует добавить информацию, которую нам предоставляют «Законы Эдуарда Исповедника». Хотя это источник начала XII в., но он в определенной степени

отражает реалии правовой жизни Данелага накануне нормандского завоевания. Согласно «Законам...», вапентаки и сотни также имели своего герефу (на местном диалекте – greve). Глава ридинга так и назывался «глава ридинга» (trehinghef) [19. С.188, 190]. Являлись ли эти должностные лица прямыми представителями короля или же назначались местными эрлами, неясно. Принимая во внимание все, что мы знаем о слабом влиянии королевской власти на северо-востоке страны, второе предположение кажется предпочтительнее.

Епископы, аббаты, элдормены и герефы имели в распоряжении штат собственных служащих. Однако источники не позволяют нам даже сколько-нибудь подробно реконструировать его состав и функции. Вероятно, он был похож на королевский двор в миниатюре. Насколько мы можем судить из источников, распространенным термином для обозначения члена свиты таких лиц был «gingra» («junior»), что можно довольно точно перевести русским словом «отрок» [4. №198; 11. С. 72-73, 478]. Как отмечалось выше, элдормен, как и любой крупный землевладелец, мог иметь своего герефу. А из трактата архиепископа Вульфстана «Geþunðo» мы узнаем, что представитель англосаксонской знати, тэн, мог иметь людей, которые ездили по его поручениям (точно также как королевские посланцы), и которые, при соблюдении некоторых условий, сами могли стать тэнами. [11. С. 456].

Изложенный выше материал позволяет сделать следующие выводы. Наиболее ощутимой властью короля и всей выстроенной им административной иерархии была в пределах области, примерной северной и восточной границей которой была Уотлинг-стрит. Основой этой власти были личная собственность и личное присутствие монарха, благодаря которым в соответствующих областях страны создавались группы «верных людей», «друзей», «слуг» короля. При этом с конца IX в. обозначилась тенденция, что в управлении государством все большую роль стали играть не столько верхушка аристократии (элдормены, эрлы), сколько должностные лица и землевладельцы среднего ранга (геревы и тэны), что способствовало укреплению королевской власти при сохранении относительно небольших размеров государственного аппарата. Это позволило Англии избежать политической децентрализации подобно другим странам Западной Европы этой эпохи.

Библиографический список

1. **Блок, М.** Феодалное общество / М. Блок. – М., 2003.
2. **Золотарев, А.Ю.** Королевские поместья как центры власти в раннесредневековой Англии / А.Ю. Золотарев // Столица и провинция: история взаимоотношений. Материалы шестой региональной научной конференции (г. Воронеж, 3 февраля 2012 г.) / Под общ. ред. В.Н. Глазьева. – Воронеж, 2012. – С. 274-278.
3. **Петрушевский, Д.М.** Очерки из истории средневекового общества и государства / Д.М. Петрушевский. – СПб., 2003.
4. Anglo-Saxon charters. An annotated list and bibliography / Ed. by P.H. Sawyer. – London, 1968.
5. The Anglo-Saxon chronicle / Ed. and transl. by M. Swanton. – New York, 1998.
6. Anglo-Saxon writs / Ed. and transl. by F.E. Harmer. – Manchester, 1952.
7. **Campbell, J.** The Anglo-Saxon state / J. Campbell. – London, 2000.
8. The chronicle of John of Worcester / Ed. by R.R. Darlington and P. McGurk. – Vol.2. – Oxford, 1995.
9. **Drögereit, R.** Gab es eine angelsächsicher Königkonzelei? / R. Drögereit // Archiv für Urkundenforschung. – Bd.13. – 1935. – S.335-436
10. **Fletcher, R.** Bloodfeud: murder and revenge in Anglo-Saxon England / R. Fletcher. – Oxford, 2003.
11. Die Gesetze der Angelsachsen / Hg. von F. Liebermann. - Bd.1. – Halle, 1903.
12. **Green, J.A.** English sheriffs to 1154 / J.A. Green. – London, 1990.

13. **Hart, C.** Athelstan Half-King and his family / C. Hart // Anglo-Saxon England. – Vol.2. – 1973. – P.115-144.
14. **Higham, N.J.** The death of Anglo-Saxon England / N.J. Higham. – Stroud, 1997.
15. **Keynes, S.** Diplomas of king Æthelred «the Unready», 978-1016. Cambridge, 1980.
16. **Keynes, S.** Cnut's earls / S. Keynes // The reign of Cnut. – London; New York, 1994. – P.43-88.
17. **Loyn, H.R.** The governance of Anglo-Saxon England, 500-1087 / H.R. Loyn. – London, 1984.
18. **Morris, W.A.** The medieval English sheriff to 1300 / W.A. Morris. – Manchester; New York, 1927.
19. **O'Brien, B.** God's peace and king's peace: the laws of Edward the Confessor / B. O'Brien. – Philadelphia, 1999.
20. **Sawyer, P.** The royal tun in pre-Conquest England / P. Sawyer // Ideal and reality in Frankish and Anglo-Saxon society / Ed. by P. Wormald et al. Oxford, 1983. – P.289-299.
21. **Stafford, P.** Unification and conquest. A political and social history of England in the tenth and eleventh centuries / P. Stafford. – London, 1989.
22. **Stenton, F.M.** Anglo-Saxon England: 3rd ed / F.M. Stenton. – Oxford, 1971.
23. **Warren, W.L.** The governance of Norman and Angevin England / W.L. Warren. – London, 1987.
24. **Williams, A.** Æthelred the Unready: the ill-counselled king / A. Williams. – London, 2003.
25. **Williams, A.** Kingship and government in pre-conquest England / A. Williams. – London, 1999.
26. **Williams, A.** Princeps Merciorum gentis: the family, career and connections of Ælfhere, ealdorman of Mercia / A. Williams // Anglo-Saxon England. – Vol.10. - 1982. – P.143-172.
27. **Wormald, P.** The making of English law: king Alfred to the twelfth century / P. Wormald. – Oxford, 1999.

УДК 327 (091)(430)+94(417)“1916/18”

Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»
Кандидат исторических наук, преподаватель кафедры истории военного искусства
В.И. Дуров
Россия, г. Воронеж,
тел. (473)-2-262-802; e-mail: wiktor_durov@mail.ru

Russian Air Force Military Educational and Scientific Center
“Air Force Academy named after Professor N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin”
PhD in History, Military Art History Chair Lecturer
D.I. Durov
Russia, Voronezh,
tel. (473)-2-262-802; e-mail: wiktor_durov@mail.ru

В. И. Дуров

ПРОГЕРМАНИЗМ В ИРЛАНДСКОМ НАЦИОНАЛИЗМЕ ПОСЛЕ ИРЛАНДСКОГО ВОССТАНИЯ 1916 ГОДА

В статье автор рассматривает роль прогерманизма в ирландском национализме в последние годы Первой мировой войны.

Ключевые слова: Первая мировая война, ирландский национализм, Германская империя, история Ирландии, Ирландское восстание 1916 года.

V. I. Durov

PROGERMAN IRISH NATIONALISM AFTER IRISH REBELLION OF 1916

The article explores the role of pro-Germanism in Irish nationalism in the end of the First World War

Key words: the First World War, Irish nationalism, German Empire, history of Ireland, Irish Rebellion of 1916.

В начале Первой мировой войны в ирландском национальном движении наметились две тенденции. Представители одной, реформаторское направление, считали, что при активном участии в войне на стороне Британской империи можно будет рассчитывать на существенные изменения в статусе Ирландии в составе империи, адепты другой (сепаратисты) – видели в отвлеченности Лондона в войне возможность поднять восстание и принести независимость острову силой оружия. Среди последних были приверженцы сотрудничества с Германской империей, которая рассматривалась не только как потенциальный военный союзник ирландских сепаратистов, но и будущий гарант независимого статуса Ирландии [1].

В апреле 1916 г. в Дублине в ходе восстания была провозглашена и почти неделю существовала Ирландская республика. В прокламации к народу упоминалось о наличии союзников – в Европе (Германия) и в США. Германия накануне восстания направила для повстанцев судно с оружием, а в самой Германской империи предпринималась попытка создания национального воинского формирования из военнопленных ирландцев. Однако эти усилия не возымели положительного результата.

Ирландское восстание 1916 года дало толчок полной трансформации политической ситуации на острове. Этому также в немалой степени способствовал военный режим в Ирландии, установлений карателем Дублинского восстания генералом Дж. Максвеллом, продолжающиеся аресты и обыски по всей стране. Национальная пропаганда создала из участников дублинских событий «пасхальных мучеников». Своего рода революционной школой стали тюрьмы и лагеря, где содержались ирландские повстанцы. Именно там, как пишет ирландский исследователь Д. Фицпатрик, «кристаллизировалась грозная революционная элита» [11. Р. 64]. В ходе жарких дискуссий на политические темы многие будущие ирландские лидеры сформировали свои позиции.

Отличительной чертой политического процесса после «Красной Пасхи» было образование новых групп и организаций радикальной направленности и оживление старых. При отсутствии центрального руководства Ирландские волонтеры вскоре возобновили занятия на местах. Но наибольшую популярность и известность получила Шинн Фейн, в судьбе которой 1917 г. стал переломным.

Между тем ситуация в Ирландии вызвала интерес во многих странах. С особым вниманием наблюдали за развитием событий на Зеленом острове в США. Здесь собирались петиции к В. Вильсону, чтобы он вмешался в процесс над Р. Кейзментом¹ добился его помилования [20. Р. 210-212]. Особый интерес стали испытывать к Ирландии и её национальному движению Германские военные и дипломаты. Уже в мае 1916 г. германский посол в США граф Бернштофф писал в Берлин о том, что действия Лондона в Ирландии создали ему много врагов среди американцев и высказывал надежду на продолжение сотрудничества с ирландцами в случае повторного восстания [3; 9. Р. 219]. Через месяц он получил от руководителя Политического отдела Генштаба капитана Р. Надольного «зеленый свет» на подобную деятельность. «В принципе [мы] готовы на дальнейшую поддержку

¹ Роджер Кейзмент (1864-1916) - бывший британский консул, защитник аборигенов Конго и Южной Америки; ирландский эмиссар в Берлине, прибыл в Ирландию на германской подводной лодке незадолго до восстания, и был арестован британским констеблем. За государственную измену приговорен к смертной казни

ирландцев, – рапортовал Надольный. – Прошу заблаговременную информацию о месте, времени и объеме ожидаемой помощи»[9. Р. 220].

Необходимо заметить, что некоторые избежавшие ареста волонтеры были готовы к организации нового восстания. Так, офицер Дублинских волонтеров Лайам Кларк вступил в контакт с Дж. Дивоем, лидером ирландской националистской организации Клан на Гэл в США. Летом и осенью 1916 г. он принимал деятельное участие в попытке оживления полувоенной организации ирландских волонтеров (ИВ). Кларк сообщал Дивоем о трудностях, которые сопровождали их работу после масштабных арестов, а также о дискуссиях в среде волонтеров по вопросу о повторной партии оружия из Германии [8. Р. 512]. Между ними установилась переписка, в ходе которой оговаривались главные проблемы и необходимые шаги для организации нового выступления на острове.

Установив связь с ИВ, Революционная директория (организация ирландский иммигрантов в США) подготовила меморандум, который был передан Берншторффу, а тот 8 сентября 1916 г. переправил его в Берлин. В МИД Германии он оказался 12 ноября. В меморандуме подчеркивалось, что отправка в апреле 1916 г. оружия для повстанцев на судне «Ауд» «убедила их [ирландцев] в добрых намерениях Германии, а факт, что судно достигло ирландского побережья, продемонстрировал силу Германии им помочь». Обратим внимание на следующую деталь: как и в апреле 1916 г. ирландцы рассчитывали на крупную поддержку. «Оружие сможет достигнуть Ирландии только при экспедиции со значительными военными силами, прикрывающими место высадки». Маловероятным представляются заверения составителей меморандума, что «первоначальный успех принесет [германским экспедиционным силам и ИВ] до 250 тыс. [новых] бойцов». Интересно, что наравне с прежними предложениями о создании баз для субмарин, высказывалась также идея размещения в Ирландии дирижаблей [4].

Копия документа была передана на рассмотрение в Адмиралтейство. Однако отметим, положение о десанте немецких войск Верховное командование армии Германской империи (далее – ОХЛ) не одобрило, все остальное не вызвало возражений. Отношение к операции было более серьезным, чем при подготовке экспедиции «Ауда». Во всех переговорах касающихся операции предполагалось использование шифра «Задача П». Германское командование видело два преимущества от восстания в Ирландии. Во-первых, часть британских сил будет скована на острове и, во-вторых, оно воспрепятствует набору новых ирландских рекрутов. Кроме того, это могло также доставить беспокойство союзникам Англии [16. S. 158-160].

Нам неизвестно достоверно был ли информирован Кларк о содержании данного меморандума, но ему было понятно преувеличение реальных способностей ИВ лидерами националистов в Америке. Интересно, что в одном из писем Кларк отмечал, что Дивой располагал неверными сведениями о силе ИВ. Их реорганизация была еще незавершена, поэтому Лайам Кларк настаивал на прибытии с оружием «значительных военных сил». Состояние ИВ было довольно плачевным. Они не имели денежных средств, источники поступления оружия были скудны. Поэтому офицер волонтеров просил оказания помощи у Клана на Гэл перед основными действиями [8. Р. 513]. Его доводы вполне понятны. В противном случае, восстание не имело бы ни малейшего шанса на успех, и нам представляется сомнительным, что бы при таком положении дел офицеры повели бы своих подчиненных на операцию.

Молчание Берлина в течение трех месяцев тревожило ирландцев. Поэтому в начале декабря Берншторфф направил запрос, в котором просил сообщить решение по меморандуму от 8 сентября [10. S. 189; 21. S. 54]. 24 декабря 1916 г. докладная записка от приемника Надольного капитана фон Хюльзена была телеграфирована германским МИД в Вашингтон. Хюльзен сообщал о готовности Берлина направить 30 тыс. винтовок, 10 пулеметов и 6 млн. патронов на двух вооруженных торговых судах в Голуэй и Трали. Их прибытие следовало ожидать между 21 и 26 февраля 1917 г. В случае какой-либо заминки, операция переносилась на 21-26 марта. В виду отсутствия немецкого десанта, прикрытие

разгрузки должны были осуществить ИВ собственными силами. В документе прописывались позывные, которые бы извещали об изменениях или подтверждали нормальный ход операции. Ошибки миссии «Ауда» были учтены. Теперь немцы ожидали либо прибытие ирландского лоцмана непосредственно в Берлин, либо сопровождение лоцманского судна до мест выгрузки [13].

В Германии начали предпринимать конкретные шаги по подготовке к намеченной операции. Однако предложения немцев не подходили ирландцам. Они ставили более масштабные задачи. 16 января 1917 г. из Вашингтона была получена телеграмма следующего содержания: «Операция отклонена, так как бессмысленна без десанта достаточных войск прикрытия» [5]. Позднее от членов Клана на Гэл пришло подробное объяснение. В нем указывалось на невозможность практически безоружных волонтеров организовать к намеченному сроку прикрытие для германских судов. Но главным для ирландцев теперь было другое. Учитывая изменения, произошедшие в политическом климате Ирландии и в мире, в документе подчеркивалось, что ирландцы своими действиями хотели способствовать признанию Ирландии воюющей стороной и сражаться вплоть до мирной конференции. В таком случае ирландцы были бы представлены на конференции как независимая нация и союзник Германии [6]. Подобные меры не входили в планы Берлина, и в феврале 1916 г. в Германии были остановлены все приготовления к операции [16. S. 161].

Надо заметить, что британские спецслужбы после апрельских событий 1916 г. опасались повторного восстания и конспирации ирландских националистов с Германией. Они продолжали перехватывать телеграммы. Из Америки шли донесения агентов о прогерманской активности Клана. Однако со вступлением США в апреле 1917 г. в Первую мировую войну деятельность ирландцев в этом направлении резко спала, некоторые активисты были арестованы [7. P.68-69; 20. P. 233-240]. С закрытием германской дипломатической миссии в Америке прекратились прямые германо-ирландские контакты при посредничестве Клана на Гэл. Сложным стало оказывать ИВ финансовую помощь. В мартовском рапорте Генерального инспектора королевских констеблей отмечалось, что корреспонденция, поступающая из Америки после ее решения вступить в войну, стала менее интересной [14]. До окончания войны в его рапортах больше не встречается упоминаний о прогерманизме в Америке.

Для новой ирландской политической силы также были характерны, хотя и в небольшой степени, симпатии к Германии. В то же время в среде ирландских националистов не прекратились дискуссии и не исчезали надежды на решение вопроса о создании республики насильственным путем. Осенью 1917 г. представители Шинн Фейна вышли на контакт с германским консульством в Женеве. Они хотели прозондировать почву в отношении немецкой помощи. В актах Внешнеполитического ведомства Германии упоминается имя курьера-шинфейнера. Им был некий Райан. 15 октября из Берна была получена телеграмма, в которой извещалось, что «в Ирландии готовится всеобщее восстание против Англии. Дата – примерно начало ноября». Ирландцы просили известить их, «сможет ли Германия поддержать восстание и провести 7 ноября операцию на западном побережье» [19].

Сложно установить было ли руководство Шинн Фейна и ИВ (А. Гриффитс, Э. Де Валера и М. Коллинз) в курсе о подобных планах, или это была инициатива отдельной радикальной группировки. Относительно планируемого какой-то группой шинфейнеров восстания известно одно: в организационный комитет входили О'Коннел, Мак Суини, Мак Донал и Райвез [19]. Немцы осторожно отнеслись к их предложениям. Опасаясь британской провокации, они провели расследование по идентификации названных лиц. Результаты их удовлетворили. В германском МИД были настроены положительно в отношении ирландской просьбы [16. S. 162]. Параллельно в Адмиралтейство отправили запрос на предмет возможности оказания поддержки ирландцам. Однако его реакция была скептической.

Таким образом, предложения шинфейнеров, несмотря на высказываемые ими прогерманские симпатии, не встретили успеха у германского командования. Возможно, что

на такой позиции отразился и короткий срок, оставшийся до предполагаемого восстания. Необходимые приготовления было бы очень тяжело осуществить.

С новой силой прогерманская линия в истории Ирландии проявилась в ходе так называемого конскрипционного кризиса, который разгорелся в марте 1918 г. Его апогеем стала скандальная история с «германским следом» в Шинн Фейн. Преодолев данные трудности, Шинн Фейн вышел к всеобщим парламентским выборам 1918 г. бесспорным лидером ирландской национальной движения.

Весной 1918 г. на Западном фронте началось крупное наступление германских войск, в результате которого британская армия несла тяжелые потери. Необходимые подкрепления для армии британский кабинет рассчитывал получить в Ирландии путем распространения на нее закона о конскрипции (воинской повинности). 16 апреля 1918 г. большинством голосов нижней палаты парламента закон о конскрипции был принят. Возглавляемая Дж. Диллоном фракция реформистской Ирландской парламентской партии в знак протеста демонстративно покинула Вестминстер и вернулась в Ирландию [12. S. 366, 378; 18. P. 249].

В Ирландии закон о военной повинности был воспринят большинством населения с негодованием. 18 апреля в Дублине состоялась конференция, на которой присутствовали представители всех национальных течений. На ней было принято воззвание к народу: «Попытка принуждения к конскрипции будет непростительной агрессией, которой мы призываем всех преданных ирландцев оказать сопротивление наиболее эффективными средствами, имеющиеся в их распоряжении» [15. P. 619]. Осуждение решения британского парламента встретило и у Католической церкви [11. P. 72].

Против набиравших силу Шинн Фейн, Дублинский замок сфабриковал обвинения в подготовке восстания в Ирландии шинфейнерами и в их взаимодействиями с германскими агентами. В ночь с 17 на 18 мая 1918 г. 73 известных шинфейнера были арестованы. Среди них А. Гриффитс и Э. Де Валера. М. Коллинз, имевший шпионов в Дублинском замке, был информирован об этих планах, но после консультации с другими лидерами было решено использовать аресты в политических целях [17. P. 144]. Шинфейнеры активно использовали факт искусственности обвинений в своей антиправительственной риторике. В полицейских рапортах сообщалось, что в Ирландии во время протестных митингов раздавались выкрики: «Да здравствует кайзер!», «Да здравствует Германия!».

В Германии внимательно наблюдали за разразившимся в Ирландии скандалом. В Политическом отделе и Адмиралтействе обсуждался вопрос о посылке агентов на остров для вступления в контакт с шинфейнерами и организацией там саботажей. Однако ОХЛ было против подобных затей. 9 июня 1918 г. МИД получил от начальника штаба Э. Людендорфа телеграмму. В ней он высказывался не только против отправки агентов с целью проведения саботажа в Ирландии, но также против любых попыток установления связи с ирландскими националистами. Данное решение делалось по политическим соображениям. «Мы должны уклониться, - говорил Э. Людендорф, - от дальнейших шагов с нашей стороны, которые компрометируют ирландское движение перед нейтралами, Америкой и особенно Англией» [2]. В Адмиралтействе позицию Людендорфа не разделяли. Некоторые немецкие морские офицеры направляли запросы в МИД, в которых отмечали политические преимущества отправки агентов в Ирландию. В конце концов, они получили компетентный ответ из Штаба внешней политики Германии. В нем отмечалось, что в настоящий момент движение Шинн Фейн практически лишено руководства. Все лидеры арестованы, поэтому операция не имеет ценности [16. S. 170-171]. Таким образом, немецкое руководство стремилось избежать ненужного для Германии нагнетания отношений с Антантой перед приближающимися мирными переговорами.

Итак, в последние годы войны прогерманизм сохранялся среди ирландских националистов. Они дважды пытались организовать восстание при помощи Германии. Симпатии к Германии активно использовались в ходе антианглийской и антиконскрипционной пропаганды.

Библиографический список

1. **Дуров, В.И.** Внешнеполитический фактор в истории ирландского национализма. 1900-1916 / В.И. Дуров // Новая и новейшая история. – 2010. № 4. – С. 178-190.
2. Berckheim an Auswärtiges Amt, 9.06.1918 // PA AA. WK 11k geheim. Bd. 13. (R 21165). AS 2610. Bl. 132.
3. Bernstorff an Auswärtiges Amt, 6.05.1916 // Politisches Archiv des Auswärtigen Amts, Berlin. Der Weltkrieg Nr. 11 k geheim. Unternehmungen und Aufwiegelung gegen unsere Feinde unter den Iren. (далее - PA AA. WK 11k geheim). Bd. 12. (R 21164). A 15049. Bl. 44.
4. Bernstorff an Auswärtiges Amt, 8.09.1916 // PA AA. WK 11k geheim. Bd. 13. (R 21165). AS 4111. Bl. 4-5.
5. Bernstorff an Auswärtiges Amt, 16.01.1917 // PA AA. WK 11k geheim. Bd. 13. (R 21165). AS 304. Bl. 33.
6. Bernstorff an Auswärtiges Amt, 17.02.1917 // PA AA. WK 11k geheim. Bd. 13. (R 21165). AS 701. Bl. 61.
7. **Cronin, S.** The McGarrity Papers / S. Cronin. – Tralee : Anvin Books, 1972. – 214 p.
8. Devoy's Post Bag: 1871-1928. Vol II: 1880-1928 / [eds. W. O'Brien, D. Ryan]. – Dublin : Academy Press, 1953. – XXXIV p., 582 p.
9. **Doerries, R.R.** Prelude to the Easter Rising. Sir Roger Casement in Imperial Germany / R.R. Doerries. – L., Portland : Frank Cass, 2000. – XIV p., 233 p.
10. **Doerries, R.R.** Washington – Berlin 1908-1917. Die Tätigkeit des Botschafters Johann Heinrich Graf Bernstorff in Washington vor dem Eintritt der Vereinigten Staaten von Amerika in den Ersten Weltkrieg / R.R. Doerries. – Düsseldorf : Pädagogischer Verlag Schwann, 1975. – 299 S.
11. **Fitzpatrick, D.** The Two Irelands, 1912-1939 / D. Fitzpatrick. – Oxford, N.Y. : Oxford University Press, 2006. – XVII p., 301 p.
12. **Gundelach, Th.** Die irische Unabhängigkeitsbewegung 1916-1922 / Th. Gundelach. – Bern, Frankfurt/M., Las Vegas : Peter Lang, 1977. – 2 Bde. – 996 S.
13. Hülsen an Auswärtiges Amt, 24.12.1916 // PA AA. WK 11k geheim. Bd. 13. (R 21165). Pol. 12364. Bl. 23..
14. Inspector General's monthly report for March 1917, 11.04.1917 // Public Record Office, Kew, London. (Colonial Office, Dublin Castle Records) 904/102. Nr. 14063. P. 419.
15. **Kee, R.** The Green Flag. A history of Irish nationalism / R. Kee. – L. : Weidenfeld a. Nicolson, 1974. – 877 p.
16. **Kluge, H.-D.** Irland in der Geschichtswissenschaft, Politik und Propaganda vor 1914 und im Ersten Weltkrieg / H.-D. Kluge. – Frankfurt am Main, Bern, New York : Peter Lang, 1985. – 446 S.
17. **Laffan, M.** The Resurrection of Ireland: The Sinn Fein Party, 1916-1923 / M. Laffan. – Cambridge : Cambridge University Press, 1999. – XVII p., 512 p.
18. **Macardle, D.** The Irish Republic. A Documented Chronicle of the Anglo-Irish Conflict and the Partitioning of Ireland, with a detailed Account of the Period 1916-1923 / D. Macardle. – Dublin : Irish Press LTD, 1951. – 1045 p.
19. Romberg an Auswärtiges Amt, 15.10.1917 // PA AA. WK 11k geheim. Bd. 13. (R 21165). AS 3901. Bl. 98.
20. **Tansill, Ch.** America and the Fight for Irish Freedom: 1866-1922 / Ch. Tansill. – N.Y. : The Devin-Adair Co. – 1957. – XI p., 489 p.
21. **Wolf, K.** Sir Roger Casement und die deutsche-irischen Beziehungen / K. Wolf. – Berlin : Dunker & Humboldt, 1972. – 205 S.

УДК 970

*Воронежский государственный архитектурно-строительный университет,
Кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, социологии и истории
А.В. Погорельский.
Россия, г. Воронеж, тел. (473) 271-50-04;
e-mail: pogorelsky@mail.ru*

*Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering
PhD in History, Associate Professor of Philosophy, Sociology and History Chair
A.V. Pogorelsky.
Russia, Voronezh, tel. (473) 271-50-04;
e-mail: pogorelsky@mail.ru*

А. В. Погорельский

РОЛЬ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ США

В статье рассматривается роль неправительственных организаций в планировании и реализации целей и задач внешней политики США. Автор статьи приходит к выводу, что использование неправительственных организаций в качестве инструмента проведения внешнеполитического курса позволяет Соединенным Штатам эффективно отстаивать свои интересы на международной арене.

Ключевые слова: неправительственные организации, внешняя политика, аналитические центры, публичная дипломатия, национальные интересы.

A. V. Pogorelsky

THE ROLE OF NON-GOVERNMENTAL ORGANIZATIONS IN THE FOREIGN POLICY OF THE UNITED STATES

The article examines the role of non-governmental organizations in the planning and implementation of the goals and objectives of U.S. foreign policy. The author of the article comes to the conclusion that the use of non-governmental organizations as a tool of foreign policy-making allows the United States to implement its goals and objectives in the international arena.

Key words: non-governmental organizations, foreign policy, analytical centers, public diplomacy, national interests.

В начале XXI века Соединенные Штаты Америки оказались глубоко вовлеченными в дела окружающего мира - глубже, чем когда-либо прежде в своей истории, и в более широком масштабе, чем любая другая страна. Сегодня США вырабатывают и осуществляют свою внешнюю политику с помощью целого ряда государственных структур. К их числу относятся президентский аппарат в Белом доме, Государственный департамент, министерство обороны и финансов, несколько разведывательных органов. Кроме того, свои обязанности в области внешней политики несет и конгресс США. Помимо государственных структур, участвующих в выработке внешнеполитических решений, важную роль играют аналитические центры, так называемые «фабрики мысли», которые имеют статус **неправительственных организаций**. Термин «фабрики мысли» появился всего несколько десятилетий назад, но идея создания институтов, специализирующихся на изучении внешней политики и на обеспечении ее поддержки имеет длительную историю. В 1910г. был создан Фонд международного мира Карнеги. Организация основана для содействия миру и всеобщему пониманию на земном шаре состоятельным бизнесменом Эндрю Карнеги. Фонд Карнеги функционирует до сих пор и имеет представительство в России. Основными темами

исследований на протяжении века являются: политические процессы, международные отношения, дипломатия, безопасность и оборона [1]. Затем в 1921г., в Нью-Йорке открылся Совет по международным отношениям. Основатели Совета по международным отношениям - бизнесмены, банкиры и юристы - видели его предназначение в том, чтобы США лучше разбирались в культуре, истории, надеждах, конфликтах и амбициях других наций и народов, и оказывали большее влияние на мировое сообщество в интересах США. Сегодня это крупная организация с бюджетом в 19 миллионов долларов и 150 сотрудниками [2].

Однако, бурный расцвет научно-исследовательских институтов произошел лишь после окончания Второй мировой войны, когда в США осознали необходимость создания детально разработанной, всеобъемлющей и понятной глобальной стратегии. Именно тогда, на выручку Государственному департаменту пришли американские «фабрики мысли».

Первым таким институтом, созданным в послевоенный период, стала корпорация РЭНД (RAND). Она выделилась в 1948 году из калифорнийской компании Douglas Aircraft Company (одной из ключевых структур американского военно-промышленного комплекса) в независимый институт для изучения стратегических вопросов национальной безопасности. Сегодня РЭНД пользуется услугами более 500 профессиональных исследователей, почти 80% из них имеет докторскую степень, постоянно работает более 400 сотрудников на административных должностях, бюджет - 110 миллионов долларов США. Корпорация РЭНД имеет филиалы в крупных городах США, а также в Европе[3].

При выработке и формировании внешней политики США важным фактором стало создание множества других научно-исследовательских институтов по всей стране, - одни создавались в составе частных корпораций, другие самостоятельно, третьи - при ведущих университетах. Их диапазон весьма широк - от Калифорнийского университета в Лос-Аламосе и Стэнфордского университета на Западном побережье, до Гарварда и Массачусетского технологического университета на Восточном.

Эти учреждения решают самые разные задачи - от исследования региональных проблем, до работы, специально направленной на обеспечение понимания и поддержки населением участия США в делах внешнего мира. Есть Ассоциация содействия ООН, которая отвечает за информирование американского общества о деятельности этой организации, а также Атлантический Совет, Совет по развитию за рубежом, Ассоциация по контролю над вооружениями и многочисленные советы по международным делам.

В течение многих лет самые влиятельные аналитические центры, занимающиеся вопросами формировании внешней политики США, базируются в г. Вашингтоне. Среди множества существующих центров можно особо выделить уже упомянутые **Фонд Карнеги**, **РЭНД**, а также **Институт Брукинса** - занимается научными исследованиями, образованием и публикациями в области экономики, государственного управления, внешней политики и общественных наук. Его основной целью является содействие пониманию общественностью вопросов национальной важности. Годовой бюджет - 23 миллиона долларов США [4]. **Центр стратегических и международных исследований** - был основан для обеспечения мировых лидеров аналитической информацией в ходе принятия стратегических решений по глобальным проблемам. К особенностям Центра относятся, во-первых, темы его исследований - весь спектр вызовов национальной и международной безопасности, во-вторых, наличие местных экспертов-исследователей во всех регионах мира, в-третьих, особый акцент на выработку новых методов управления для эры глобализации, и, в-четвертых, программы по технологиям, публичной политике, международной торговле, финансам и энергетике [5]. **Институт американского предпринимательства** - образовался в Вашингтоне в 1943 г., и сегодня это одна из крупнейших и уважаемых «фабрик мысли» в Америке. Основная первоначальная задача Института - представлять интересы бизнеса, трансформировалась в миссию - сохранение и укрепление основ свободы, ограничения государственного вмешательства в экономику, частного предпринимательства, жизненных культурных и политических институтов, а также сильной внешней политики и национальной

обороны путем научных исследований, открытых дебатов и публикаций [6]. **Фонд Наследие** - создан в 1973 году для проведения научных исследований в целях содействия правительству США, средствам массовой информации и научным организациям, придерживается философии свободного рынка, ограниченного вмешательства правительства в жизнь общества и максимальной свободы личности. Фонд не связан с какой-либо партией, но известно, что он придерживается консервативного подхода к социально-политическим проблемам. Все исследовательские и аналитические работы, выполненные Фондом, бесплатно распространяются среди членов Конгресса США и государственных чиновников, занимающих ключевые посты в органах исполнительной власти. В настоящее время в штаб-квартире Фонда в Вашингтоне работает 150 человек, а его бюджет превышает 20 миллионов долларов [7].

Каждый из этих аналитических центров имеет собственную специализацию. Одни аналитические центры отождествляются с республиканской или демократической партией, другие наоборот пытаются быть двухпартийными или просто внепартийными. Одни центры ориентируются на освещение своей деятельности в средствах массовой информации, другие стремятся оказывать прямое влияние на действующую администрацию.

Особо важными представляются две черты деятельности американских аналитических центров:

1. Многие из них занимаются объединением людей для обсуждения различных идей, касающихся внешней политики США. Для этих целей привлекаются представители различных дисциплин, академических, деловых и правительственных кругов, как из администрации президента, так и из Конгресса. Такие мероприятия предназначены не только для обмена информацией и выработки новых подходов. Они призваны обеспечить поддержку проводимой внешней политики и по мере возможности добиться консенсуса о том, какие вопросы международной повестки дня представляют наибольшую важность для Соединенных Штатов Америки.

2. Американские аналитические центры служат важным источником талантливых сотрудников для работы в администрации и аппарате Конгресса. Они служат также прибежищем для уходящих в отставку сотрудников правительства, которые хотят по-прежнему заниматься вопросами внешней политики и обогащать исследовательские проекты своим опытом, приобретенным на государственной службе. Лишь немногие люди вырастают до высших должностей в правительстве США в сфере внешней политики, не пройдя предварительно через тот или иной аналитический центр в качестве сотрудников или участников исследовательских групп.

Возрастание роли, которую аналитические центры играют во внешней политике, является естественной реакцией на усиливающуюся за последние десятилетия вовлеченность США в международные дела. Сегодня «Фабрики мысли» помогают готовить будущих руководителей американской дипломатии, формируют внешнеполитическую повестку дня для Госдепартамента, взаимодействуют с Конгрессом и направляют американское общественное мнение по вопросам международной политики.

Неправительственные организации также играют важную роль в реализации целей и задач публичной дипломатии Соединенных Штатов Америки. Заинтересованность привлечения НПО к программам публичной дипломатии объясняется той ролью, которая отводится общественности в современной политике, и формальной независимостью НПО, которые имеют больший кредит доверия у граждан зарубежных стран, нежели государственные учреждения. Особая роль неправительственных организаций во внешней политике США опирается на осознание того, что их отношения с зарубежными партнерами имеют тенденцию продолжаться независимо от межгосударственных отношений.

Публичную дипломатию исследователи определяют как «стратегическое политическое общение». Под этим подразумевается «создание, распространение, контроль, использование, переработка информации в качестве политического ресурса правительствами, организациями

или отдельными гражданами» [8.С.105]. Согласно словарю Госдепартамента, публичной дипломатией называют «финансируемые правительством программы, направленные на информирование и влияние на граждан зарубежных стран посредством публикаций, кинопродукции, обменов в области культуры, радиовещания и телевидения» [9]. Отличие публичной дипломатии от классической дипломатии (представляющей собой традиционный механизм отношений между правительствами) заключается в том, что государство распространитель получает возможность прямого информационного воздействия на население интересующей его страны. Иначе говоря, публичная дипломатия - это официальная пропаганда, которая стремится создать благоприятный имидж государства за рубежом.

Целевой аудиторией публичной дипломатии являются как правительства зарубежных стран и элита, так и широкие круги общественности, представители СМИ, культуры, искусства, академическая среда и подрастающее поколение.

В течение последних лет публичная дипломатия вернулась на традиционно почетное место во внешнеполитической деятельности США в качестве реакции на растущий антиамериканизм. После терактов 11 сентября 2001г. администрация Джорджа Буша сформулировала фундаментальные основы публичной дипломатии:

Первая - политическая составляющая. Основной обязанностью объявляется обеспечение понимания иностранной аудиторией американской политики такой, какая она есть, а не как о ней говорят другие. Американское правительство предпочитает предлагать свою версию событий и заполнять собственной информацией максимально возможное количество зарубежных печатных изданий, телевизионных и радиоэфиров.

Вторая основа публичной дипломатии заключается в признании необходимости разъяснять политику, обосновывая ее фундаментальными ценностями и культурой США.

Третья состоит в том, чтобы делать обращения США к международной общественности последовательными, правдивыми и убедительными. Для этой цели Государственный департамент руководит межведомственным Комитетом международной политики, а в Белом доме сформирован Отдел глобального вещания, который вырос из коалиционных информационных центров, созданных для проведения целенаправленных и своевременных акций публичной дипломатии во время афганской кампании.

Четвертая заключается в умении адаптировать обращения для конкретных аудиторий, для чего изучаются целевые группы и их реакция на программы публичной дипломатии.

Пятая основа публичной дипломатии состоит в признании печатных и электронных СМИ в качестве главного инструмента информационных программ. В век спутникового телевидения и Интернета, когда политические обращения стали молниеносной реакцией на любые события, молчание рассматривается как вакуум, который СМИ заполняют еще чьей-то точкой зрения, если официальный Вашингтон не захочет, или не сможет выступить незамедлительно.

Шестая основа американской публичной дипломатии - альянсы и различные партнеры, посредством которых правительство может охватывать новые широкие аудитории. Сила международных альянсов и партнеров из частного сектора, будь то ТНК, гуманитарные организации или просто живущие за рубежом американцы, видится немаловажной для достижения государственных внешнеполитических целей [10].

Вместо упора исключительно на военную силу, США перешли к применению неправительственных организаций как средства достижения целей своей внешней политики. Госдепартамент США активно сотрудничает с такими известными НПО как Национальный Демократический Институт, Международный Республиканский Институт, Институт открытого общества, Национальный фонд в поддержку демократии, Freedom House и др. Все эти организации активно используются американским правительством для проведения своего внешнеполитического курса.

Особо тесные связи Госдепартамент поддерживает с **Национальным фондом в поддержку демократии и Freedom House.**

Согласно своему сайту, **Национальный фонд в поддержку демократии (NED)** является «частной некоммерческой организацией, деятельность которой направлена на развитие и укрепление демократических институтов по всему миру»[11]. Национальный фонд в поддержку демократии был создан сразу же после прихода к власти администрации Р. Рейгана. С самого своего основания в 1983г. Национальный фонд в поддержку демократии замыслился как орудие внешней политики США. Он является детищем Аллена Вайнштейна, который до того, как его создать, был профессором Брауновского и Джорджтаунского университетов, работал в редакции «Вашингтон пост» и был исполнительным редактором журнала The Washington Quarterly, издаваемого джорджтаунским Центром стратегических и международных исследований - правоконсервативным мозговым центром, в котором работали такие известные американские стратеги, как Генри Киссинджер и Збигнев Бжезинский.

Первый директор фонда Карл Гершман открыто признавал, что фонд является фасадом ЦРУ. В 1986г. он сделал такое высказывание: «Нам нужно делать такого рода работу тайно. Для демократических групп во всём мире было бы ужасно выглядеть получателями денег ЦРУ. Мы наблюдали это в шестидесятые, и именно поэтому подобная практика была прекращена. У нас уже не было возможностей действовать таким образом, вот почему и был создан этот фонд» [12].

Основная декларируемая цель Фонда - укрепление демократии за рубежом. Подчёркивается, что Фонд не принадлежит какой-либо определённой партии или группе, что даёт ему возможность не менять свои принципы при смене президента-республиканца на президента-демократа и наоборот. Его неправительственный статус облегчает взаимодействие с зарубежными неправительственными демократическими организациями - например, в ситуациях, когда между правительствами США и страны-получателя нет никаких отношений.

В уставе Фонда обозначено шесть целей его деятельности:

1. Поощрять свободные и демократические институты во всем мире через частные инициативы, в том числе через деятельность, способствующую становлению индивидуальных прав и свобод, имеющих важное значение для функционирования демократических институтов;

2. Способствовать налаживанию обмена между частным сектором США (в особенности - двумя основными американскими политическими партиями, профсоюзами и бизнесом) и демократическими группами за рубежом;

3. Способствовать неправительственному участию США (особенно - двух основных американских политических партий, профсоюзов, деловых кругов и иных частных групп) в программах обучения демократии и создания демократических институтов за рубежом;

4. Укреплять демократические избирательные процессы за рубежом своевременным сотрудничеством с местными демократическими силами;

5. Содействовать участию двух главных американских политических партий, профсоюзов, деловых кругов и других частных групп США в развитии сотрудничества с теми, кто за рубежом привержен культурным ценностям и институтам и формированию демократического плюрализма;

6. Поощрять создание и развитие демократии, отвечающей как интересам Соединенных Штатов, так и конкретным требованиям иностранных демократических групп, получающих помощь по программам, финансируемым Фондом.

Как сообщалось на официальном сайте фонда, Национальный фонд в поддержку демократии финансировал оппозиционные движения «Солидарность» в Польше, «Хартия 77» в Чехословакии, «Отпор» в Сербии, а также принимал участие в финансировании «Революции Роз» в Грузии и «Оранжевой Революции» в Украине [13].

Несмотря на статус «неправительственной организации», бюджет фонда на 95% наполняется из казны США [14].

Freedom House - неправительственная организация со штаб-квартирой в Вашингтоне (США). Её бюджет на 66-80 % посредством грантов финансируется правительством США. Основана в 1941г. Объектом исследований Freedom House предполагался мониторинг «демократических изменений» в мире, «поддержка демократии» и «защита демократии и прав человека» в мире. Хотя это, может быть, и было верно в прошлом, в наши дни, Freedom House используется исключительно для продвижения интересов США на международной арене. До 2005 года Freedom House возглавлял бывший директор ЦРУ Джеймс Вулси. Ее нынешние руководители являются активными членами ряда сомнительных организаций. К примеру, текущий исполнительный директор Дэвид Крамер - старший научный сотрудник в НПО «Проект Нового Американского Столетия», многие члены которой несут ответственность за текущее состояние внешней политики США.

«Проект Нового Американского Столетия» или PNAS - это вашингтонская неправительственная организация, основанная в 1997 году. PNAS отстаивает одну единственную цель - установление глобальной американской гегемонии в мире. Основные положения идеологии PNAS можно найти в «Белом листе», опубликованном в сентябре 2000 года и озаглавленного «Перестраивание американской обороны: стратегия, силы и ресурсы в новом столетии». В нем PNAS намечает в общих чертах то, что требуется Америке для создания глобальной империи.

Сегодня Freedom House все больше и больше служит целям проведения политики администрации США в связи с тем финансированием, которое она получает. Согласно внутреннему докладу в 2007 году, правительство США на 66% финансирует Freedom House. Эти средства главным образом приходят от Агентства США по международному развитию (USAID), Государственного департамента США и Национального фонда в поддержку демократии. Таким образом, мы видим не только политические связи Freedom House с правительством США, но также и финансовые связи. Совсем недавно, Freedom House, принимала активное участие в событиях «арабской весны». Нью-Йорк Таймс в своей статье «Группы США помогали организовывать арабские восстания», сообщила: «Число групп и отдельных лиц, непосредственно участвующих в восстаниях и реформах в странах Ближнего востока и Африки, в том числе Молодежное движение 6 апреля в Египте, Центр по правам человека и низовые активисты в Бахрейне, прошли обучение и финансирование в Международном республиканском институте, Национальном демократическом институте и Freedom House» [15].

В заключение следует отметить, что, использование неправительственных организаций в качестве инструмента проведения внешнеполитического курса позволяет Соединенным Штатам эффективно реализовывать свои цели и задачи на международной арене.

Библиографический список

1. Хантер, Р. Аналитические центры помогают формировать американскую внешнюю политику и политику в области безопасности / Р. Хантер // Внешняя политика США. Электронный журнал госдепартамента США. – 2000. – №1. – (<http://www.usinfo.gov/journals/itps/0300/ijpe/ijpe0300.htm>).
2. Там же.
3. Там же.
4. Фабрики мысли в США: особенности развития и роль в публичной политике. – (http://www.open.kg/ru/publicpolicy/fabriki_mysli_v_usa)
5. Там же.
6. Там же.
7. Там же.
8. Цатурян, С.А. Общественная дипломатия США в новом информационном столетии / С.А. Цатурян // США – Канада. Экономика, политика, культура. – 2010. – № 8.

9. Там же.

10. Манжулина, О.А. Публичная дипломатия США / О.А. Манжулина –
(http://www.fondedin.ru/sr/new/fullnews_arch_to.php?subaction=showfull&id=1143024584&archive=1143026070&start_from=&ucat=14&).

11. Официальный сайт Национального фонда в поддержку демократии. –
(<http://www.ned.org>).

12. NGOs: The Missionaries of Empire. –
(<http://www.globalresearch.ca/index.php?context=va&aid=29595>).

13. Официальный сайт Национального фонда в поддержку демократии. –
(<http://www.ned.org>).

14. «NGOs: The Missionaries of Empire». –
(<http://www.globalresearch.ca/index.php?context=va&aid=29595>).

15. Ibid.

УДК 940.5:77.04

*Воронежский государственный университет
Доктор исторических наук, доцент кафедры
регионоведения и экономики зарубежных стран
М.В. Кирчанов
Россия, г. Воронеж, тел. (473) 239-29-31
e-mail: maksymkirchanoff@gmail.com*

*Voronezh State University
Doctor of History, Associate Professor of Regional
Studies and Economy of Foreign Countries Chair
M.V. Kirchanov
Russia, Voronezh, tel. (473) 239-29-31,
e-mail: maksymkirchanoff@gmail.com*

М. В. Кирчанов

НИЗКОГРАФИЧЕСКИЙ СТИЛЬ В ЗАПАДНОЙ ФОТОГРАФИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Автор анализирует проблемы развития низкографического стиля в искусстве западной фотографии во второй половине XX века. Анализируются проблемы генезиса стиля. Американские фотографы 1970-х годов сыграли особую роль в утверждении и усилении низкографического стиля. Черно-белая фотография является одной из сфер доминирования низкографического стиля в искусстве фотографии.

Ключевые слова: фотография, история фотографии, низкографический стиль, черно-белая фотография

M. V. Kirchanov

LOW GRAPHIC STYLE IN WESTERN PHOTOGRAPHY IN THE SECOND HALF OF THE TWENTIETH CENTURY

The author analyses the problems of development of low graphic style in the art of western photography in the second half of the 20th century. The problems of genesis of style are analyzed. The American photographers of the 1970s played the special role in the assertion and strengthening of low graphic style. A monochrome photography is one of spheres of low graphic style prevailing in the photography art.

Key words: photography, history of photography, low graphic style, monochrome photography

Среди динамично развивающихся направлений западного искусства на протяжении XX века особое место принадлежало фотографии. Возникнув в XIX столетии, став частью западного культурного пространства, отреагировав на технологический прорыв конца XIX – начала XX века, связанного с деятельностью американской фирмы «Кодак» и европейских (преимущественно – германский) компаний, фотография постепенно переместилась и сферы элитарной культуры, культуры доминирующих классов в сферу массовой, потребительской культуры. Интеграция фотографии в массовую культуру содействовала не только динамично развитию фотоискусства, но и его последовательной фрагментации. Изобретение и активное внедрение в конце 1930-х – в 1940-е годы цветной фотографии в большей степени усилило подобную фрагментацию.

В настоящей статье Автор анализирует проблемы генезиса, определения, распространенности и типологии низкографического стиля в искусстве фотографии на Западе во второй половине XX века.

Важным фактором, который содействовал распаду некогда единого искусства черно-белой фотографии, стал ориентир фотографии на рынок, потребности массовой культуры – культуры потребления. В подобной ситуации, начиная с 1950-х годов, в рамках западной фотографии четко выделяется ряд направлений, а именно – репортажная, уличная, свадебная, портретная, эротическая и позднее гламурная фотография. Все эти направления, за исключением, вероятно, двух первых в наибольшей степени были ориентированы на рынок, оказавшись связанными с издательским, журнальным бизнесом. Репортажная и уличная фотографии, отличии от других направлений, сохраняли больше связей с искусством фотографии второй половины XIX – первой половины XX века.

Важным фактором разграничения различных направлений в рамках западной фотографии во второй половине XX столетия стало отношение со стороны сообщества фотографов к цвету: фотографы, ориентированные на рынок и на запросы общества потребления, использовали цветную пленку в то время, как адепты репортажной и генетически с ней связанной уличной фотографии нередко продолжали работать в условиях доминирования черно-белых пленок. Верность последним вовсе не исключала использование цвета в репортажной фотографии. С другой стороны, анализируя развитие и трансформации в рамках западной фотографии во второй половине XX века, во внимание следует принимать тот фактор, что вовсе не жанр или цвет играли роль системообразующих факторов.

Фактором, который дает исследователю западной фотографии возможность классифицировать памятники американского и европейского фотоискусства анализируемого периода, является стиль [4]. В то время, как в отношении типологии фотографии на репортажную, военную, портретную, эротическую в научном и фотографическом сообществе имели место и продолжаются дискуссии, то в отношении стиля – западными фотографическими критиками достигнут относительный компромисс. Большинство зарубежных исследователей западной фотографии выделяет два стиля, к которым «привязываются» конкретные направления. По мнению западных историков фотографии, этими стилями являются низкографический (*low graphic style*) и высокографический стиль (*high graphic style*). Первый традиционно соотносится с репортажной, уличной, в ряде случаев – военной, портретной и иногда эротической, как правило, черно-белой фотографией; второй – с пейзажной, свадебной, гламурной и эротической цветной фотографией. Если первая предназначена для специализированных изданий преимущественно научной и искусствоведческой направленности, то вторая – для многочисленных ориентированных на рынок, т.н. «гламурных», изданий.

В дальнейшем содержание статьи будет развиваться в плоскости ряда вопросов, связанных с теоретическими проблемами низкографического стиля в искусстве фотографии на Западе во второй половине XX века, а именно – вопросами генезиса, определения,

распространенности и типологии *low graphic style* в западной фотографии анализируемого периода.

В западной фотографии относительно указанных выше вопросов не существует единого мнения. Современный американский фотограф Майкл Фримэн полагает, что низкографический стиль как самостоятельное явление в фотографии возникает в 1970-е годы в США, когда «были отброшены общепринятые нормы композиции и стиля» [3, С. 124]. Изначально, до обретения самостоятельного статуса *low graphic style* развивался в рамках двух других направлений в американском фотографическом искусстве – в «новой топографии» (*New Topographics*) и «новом цвете» (*new Color*). На раннем этапе существования нового направления проявилась и его важнейшая системообразующая особенность – «стилистическая анонимность» (*stylistic anonymity*). Первые западные фотографы, работавшие в рамках низкографического стиля, предпочитали фотографировать типичные образы окружающего их городского и (реже) природного пространства и ландшафта [15]. Не удивительно, что современный итальянский фотограф Марко Виргон подчеркивает, что «больше всего в фотографии мне нравится ландшафт и архитектура» [25].

Следование подобным методам не было открытием исключительно того поколения западных фотографов, которые в исследовательской литературе признаются в качестве пионеров или сторонников низкографического стиля. Генезис этого направления не ограничивается новыми культурными веяниями в американской фотографии 1970-х годов, а его истоки, вероятно, следует искать в творческом наследии более ранних как американских, так и европейских фотографов [7 – 9, 11, 21, 23, 26, 42], которые работали в рамках фотографического реализма. В качестве условных предшественников низкографического стиля можно рассматривать Эдварда Кертиса [13 – 14, 17 – 18, 24, 37], Роберта Капу [1], Анри Картье-Брессона [12, 40], Л. Нимого [28 – 33], Дж. Шильман [19, 20, 36] и др.

В этом отношении низкографический стиль представляет собой продолжение реалистической традиции в западной фотографии, «отпечаток действительности», которую наблюдает и фиксирует фотограф [2]. Развитие низкографического стиля М. Фримэн связывал с триумфом постмодернизма, который воспринимал «застроенное пространство как стандартную форму современного ландшафта» [16, Р. 113]. С другой стороны, «бесстрастная фиксация архитектуры» [3, С. 125] и пространства вообще не требует от автора-фотографа подготовки именно самого пространства. В этом отношении ярким примером могут быть признаны произведения американского фотографа Мукула Зомана [27], склонного фотографировать городской ландшафт в том виде, в котором он функционирует повседневно, то есть в подобной ситуации фотография не зависит от погодных и других окружающих условий, не будучи, вместе с тем, подчиненной массовой культуре с ее запросом на «глянец».

В том случае, если в объектив фотографа – сторонника низкографического стиля – попадают люди (например, в работах исландского фотографа Рагнара Аксельссона [35]), то подобная фотография, как правило, монохромна, серийна, лишена оригинальности в том смысле, что отражает быт, обыденность, унылость, серость обитателей, как мегаполисов, так и традиционных сообществ. Портретная фотография в *low graphic style* – это, как правило, не только своеобразный вызов доминирующему в рамках массовой культуры гламуру, но и попытка возродить портретную фотографию в ее этнографическом измерении. Для сторонников низкографического стиля характерно весьма скептическое и критическое отношение к гламурной фотографии. Один из пионеров *low graphic style* Макс Козлофф [22] оставил весьма критический отзыв о приверженце традиционной стилистики Эрнсте Хаасе, назвав его «Паганини Kodachrome» [3, С. 124], а Джон Шарковски [38 – 39], который с 1962 по 1991 год, возглавлял один из департаментов в Музее современного искусства, щедро предоставлял площадки для выставок сторонникам низкографического стиля, чем содействовал его укреплению.

По мнению американского критика Конрада Обрегана, появление низкографического стиля в западной фотографии было связано с ее кризисом, постепенной фрагментацией и появлением новых течений, сторонники которых предпочитали фотографировать «отлично от традиционного стиля», что впоследствии содействовало появлению «авангардной современной фотографии» [34]. Поворотным событием в развитии низкографического стиля стало проведение в 1975 году в нью-йоркском Международном музее фотографии и кино выставки «Новые топографии: фотографии ландшафта, измененного человеком» («New Topographics: Photographs of man-altered landscape» [16, P. 114]), хотя первые подобные тенденции в американской фотографии проявились в 1963 и 1967 годах с выходом книг Эдварда Руша «26 бензозаправочных станций» и «34 автомобильные парковки» [3, С. 124].

Постепенно усилиями сторонников низкографического стиля были выработаны его основные системные характеристики, которые отличают его от high graphic style. Эти характеристики, по мнению М. Фримэна [3, С. 126], следующие: статический баланс кадра, равные пропорции, общая пассивность объекта / предмета фотографии, фронтальная точка съемки, умеренные цвета или доминирование монохромности. Склонность к равным пропорциям сыграла значительную роль в развитии низкографического стиля. По мнению современного российского критика И. Шанидзе, существует категория фотографий, которые «приятны взгляду безотносительно к содержанию» [5]. Специфика low graphic style, в свою очередь, состоит в том, что он содействует фотографической фиксации изображений, которые могут иметь в большей степени художественную или научную ценность в качестве объекта исследования, но не отражать при этом общепринятые, серийные представления о красоте, доминирующие в современной культуре потребления и отражающиеся в фотографиях в высокографическом стиле.

В этом отношении низкографический стиль проявляет генетическое родство с топографией, фиксацией объектов в пространстве и их отношениями с другими соседними или территориально более отдаленными объектами. Американский фотограф и художник Марк Дженкинс, комментируя специфику низкографического стиля, подчеркивал, что фотографию следует освободить от «любых артистических украшательств», сведя ее до «чисто топографических образов», которые несли бы необходимую «визуальную информацию», но при этом были бы «лишены любых элементов красоты, эмоций и личного мнения» [3, С. 124]. Подобная приверженность low graphic style к фиксации или просто констатации при помощи фотографии урбанистического пространства нередко проявляется в отказе от цвета, выборе в пользу монохромной фотографии, хотя в современном американском фотоискусстве имеют место и в цвете [10] только фиксировать городскую географию, что в целом содействуют пребыванию ряда североамериканских фотографов (например, Том Рябой [41]) в рамках низкографического стиля, несмотря на внешнюю яркость их произведений.

Позднее в рамках low graphic style сложилось минималистское направление, сторонники которого отказываются от ярких эффектов в фотографии в пользу абстрактной геометрии, что привело к определенному отчуждению фотографии от фиксируемого при ее помощи пространства. Наилучшим образом этот принцип низкографического стиля выразил Льюис Болтц, указавший на то, что «идеальный фотографический документ не должен иметь автора» [16, P. 114]. В этом отношении низкографический стиль в значительной степени отличен от своего главного конкурента, в рамках которого особую роль может играть яркость и насыщенность. Поэтому, в рамках high graphic style, по мнению некоторых российских исследователей фотографии, «структурные и смысловые детали могут остаться незамеченными или “недооцененными”, а какие-то, напротив – будут гиперболизированы» [6]. Низкографический стиль, в отличие от своего конкурента, от многих подобных ошибок в значительной степени застрахован, так как в его рамках авторское «я» может играть второстепенную роль в условиях доминирования серийного и унифицированного пространства.

Подводя итоги статьи, во внимание следует принимать ряд факторов. На протяжении второй половины XX века и на современном этапе низкографический стиль занимал и продолжает удерживать свои позиции в сообществе профессиональных фотографов, в большей степени ориентированных не на рынок и массовую культуру глянцевого и «гламурных» журналов, а на фотографическую традицию, связанную с деятельностью выдающихся западных фотографов. Сферой доминирования low graphic style является монохромная (черно-белая) фотография, а сам стиль нередко соотносят с фотографическим реализмом, что связано с избеганием со стороны его приверженцев значительной обработки изображений в современных фотографических редакторах. Изучение низкографического стиля представляет на современном этапе особую актуальность по той, причине, что культурный и интеллектуальный облик современной западной фотографии был в значительной степени сформирован благодаря усилиям тех фотографов, которые работали в рамках именно low graphic style. Дальнейшее изучение данного направления актуально и в контексте исследований истории советской и российской фотографии, в рамках которой на протяжении длительного времени доминировали аналогичные тенденции, связанные с фотографическим реализмом, что позволяет изучать советский опыт развития фотографии в западном культурном и интеллектуальном контексте.

Библиографический список

1. **Капа, Р.** Скрытая перспектива / Р. Капа / пер. с англ. В. Шраги. – СПб., 2011.
2. Построение кадра. – (http://rosphoto.com/a_urok_fotografii_postroenie_kadra)
3. **Фриман, М.** Искусство цифровой фотографии. Продвинутое приемы и техники для создания удачных фотоснимков / М. Фриман / пер. с англ. – М., 2011. – С. 124.
4. **Шанидзе, И.** Авторский стиль в фотографии / И. Шанидзе. – (http://rosphoto.com/a_avtorskiy_stil)
5. **Шанидзе, И.** Композиция и зрительная гармония / И. Шанидзе. – (http://rosphoto.com/a_urok_fotografii_kompoziciya)
6. **Шанидзе, И.** Анализ фотографического изображения / И. Шанидзе, А. Повшенко. – (http://rosphoto.com/a_analiz_fotograficheskogo_izobrazheniya)
7. **Ardila, B.** Henri Cartier-Bresson – El azar y el instante / B. Ardila, J. David. – Bogota, 2005.
8. **Assouline, P.** Cartier-Bresson. El Ojo del Siglo / P. Assouline. – Barcelona, 2002.
9. **Beceyro, R.** Henri Cartier-Bresson / R. Beceyro. – Mexico, 1983.
10. Blursurfing Photoblog. – (<https://plus.google.com/109677228345165381977/about>)
11. **Bustelo, G.** Robert Capa: obra fotográfica / G. Bustelo. – L. – NY., 2005.
12. **Cartier-Bresson, H.** The Decisive Moment / H. Cartier-Bresson. – NY., 1952.
13. **Davis, B.A.** Edward S. Curtis: The Life and Times of a Shadow Catcher / B.A. Davis. – San Francisco, 1985.
14. **Egan, T.** Short Nights of the Shadow Catcher: The Epic Life and Immortal Photographs of Edward Curtis / T. Egan. – Boston, 2012.
15. **Freeman, M.** Style / M. Freeman. – (<http://chrissimsartofphotography.blogspot.ru/2011/07/michael-freeman.html>)
16. **Freeman, M.** The Photographer's Mind / M. Freeman. – L. – NY., 2011.
17. **Gidley, M.** Edward S. Curtis and the North American Indian Project in the Field / M. Gidley. – Lincoln, 2003.
18. **Gidley, M.** Edward S. Curtis and the North American Indians / M. Gidley. – Cambridge, 1998.

19. **Head, J. A** Conversation with Julius Shulman / J. Head // Case Study House. – 2006. – Vol. 21. – Summer. – P. 9 – 12.
20. **Head, J.** Shulman face to face (interview with Julius Shulman / J. Head // CA Modern magazine. – 2007. – Summer 2007. – P. 16 – 17.
21. **Kershaw, A.** Blood and champagne: the life and times of Robert Capa / A. Kershaw. – NY., 2003.
22. **Kozloff, M.** Photography and Fascination: Essays / M. Kozloff. – NY., 1979.
23. **Lacouture, J.** Robert Capa / J. Lacouture. – Paris, 1988.
24. **Makepeace, A.** Edward S. Curtis: Coming to Light / A. Makepeace. – Washington, D.C., 2002.
25. Marco Virgone. – (<http://www.pixoto.com/marco52>)
26. **Montier, J.-P.** Henri Cartier-Bresson and the artless art / J.-P. Montier. – L., 1995.
27. **Mukul, Soman.** – (<http://www.mukulsoman.com/>)
28. **Nimoy, L.S.** Come Be with Me / L.S. Nimoy. – NY., 1978.
29. **Nimoy, L.S.** These Words Are for You / L.S. Nimoy. – NY., 1981.
30. **Nimoy, L.S.** Warmed by Love / L.S. Nimoy. – NY., 1983.
31. **Nimoy, L.S.** We Are All Children Searching for Love: A Collection of Poems and Photographs / L.S. Nimoy. – NY., 1977.
32. **Nimoy, L.S.** Will I Think of You / L.S. Nimoy. – NY., 1974.
33. **Nimoy, L.S.** You and I / L.S. Nimoy. – NY., 1973.
34. **Obregon, C.J.** Photo Book Review – The Photographer's Mind / C.J. Obregon. – (<http://photofocus.com/2010/11/21/photo-book-review-the-photographers-mind/>)
35. **Ragnar, Axelsson.** – (<http://www.rax.is/>)
36. **Rosa, J. A** Constructed View: The Architectural Photography of Julius Shulman / J. Rosa. – NY., 2004.
37. **Scherer, J.C.** Edward Sheriff Curtis / Scherer. – L., 2008.
38. **Szarkowski, J.** Looking at Photographs / J. Szarkowski. – NY., 1974.
39. **Szarkowski, J.** The Photographer's Eye / J. Szarkowski. – NY., 1966.
40. The Photographs of Henri Cartier-Bresson / text by Lincoln Kirstein. – NY., 1947.
41. Tom Ryaboi. – (<http://www.blursurfing.com/>)
42. **Whelan, R.** Robert Capa: a Biography / R. Whelan. – NY., 1985.

**СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ
SOCIAL PHILOSOPHY**

УДК 130.1

*Воронежский государственный университет
Аспирант кафедры истории философии
С.С. Православский
Россия, г.Воронеж.,
e-mail: stprv@mail.ru*

*Voronezh State University
Postgraduate of History of Philosophy Chair
S.S. Pravoslavsky
Russia, Voronezh,
e-mail: stprv@mail.ru*

С. С. Православский

**СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ ОРГАНИЦИЗМ И ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНОСТИ В
ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ**

В статье предпринимается попытка философского анализа социально-философской метафоры организма. Статья критически рассматривает перспективу органицистского подхода в философии и его теоретического потенциала в анализе социально философских оснований информационного общества.

Ключевые слова: Информационное общество, Марксизм, Органицизм, Социальность, Функционализм.

S. S. Pravoslavsky

**SOCIO-PHILOSOPHICAL ORGANICISM AND THE PHENOMENON OF
SOCIALITY IN THE INFORMATION SOCIETY**

The main focus of this article is an attempt of philosophical analysis of the organism metaphor in social philosophy. The article critically analyzes the organicist approach and its theoretical potential for information society's philosophical base research.

Keywords: Functionalism, Marxism, Organicism, Sociality, Information Society.

В условиях, когда социальные науки не имеют прочного методологического основания и пребывают в перманентном теоретическом кризисе, все с большей актуальностью встает вопрос о поиске альтернативных путей познания социальных феноменов и внедрения новых теоретических стратегий. В этом поисковом контексте многие исследователи из разных областей науки, заинтересованные в изучении социальной реальности в том или ином ее аспекте, обращаются к самым различным источникам теоретического конструирования.

Среди этих источников есть и социально-философский органицизм – фундаментальная теоретическая интуиция (социально-философская метафора), утверждающая возможность перенесения черт органического в целом на общественное пространство в целях более эффективного изучения и более глубокого понимания последнего.

Несмотря на то, что перенесение черт организма на общество имеет весьма долгую философскую историю и является одной из самых первых теоретических интуиций, способных возникнуть у того, кто приступает к изучению общества, теоретическая судьба органицизма в социальных науках была неоднозначной. Она различалась от восхищения органическими аналогиями во времена Герберта Спенсера, до пренебрежительного отбрасывания органицизма в условиях доминирования марксистской теоретической парадигмы.

Современные исследователи, после структурализма, положительно смотревшего на органическую интуицию, и после постструктурализма, ее отвергавшего (или, по крайней мере, имевшего сложные и неоднозначные связи с органическим подходом), с возрастающим интересом смотрят на теоретические возможности применения социально-философского органицизма. Таким образом, выявление теоретико-методологического потенциала данного социально-философского подхода приобретает в современной социальной философии большую степень актуальности.

Если говорить об исторических истоках теоретической интуиции органицизма, то мы можем указать на совершенно определенный временной промежуток, на котором фиксируется всплеск интереса к органическому, послуживший началом для последующих исследований. Как отмечает А.В. Белов: «В 18-19 вв. европейскую мысль охватила обольстительная организмомания. Она родилась из благоговейного отношения ко всему органическому вообще, которое противопоставлялось всему механическому. Противоположные понятия становления и ставшего, жизни и смерти, которые производили гипнотический эффект, превращались в универсальные понятия. Организмами стали объявлять такие элементы культуры, как общество, государство, нацию, художественное произведение, язык, миф, и т.д. Но, если культура развивается по законам органической жизни, то ее следует понимать как организм». [б. С. 41] Заметим, что данное явление во многом было реакцией движения романтизма на механицизм в теоретической сфере и надвигающуюся индустриализацию общественной жизни. Феномен органического понимался по преимуществу в телеологическом аспекте, с точки зрения целей и средств природы, активно одушевляемой романтиками: «Каждая часть органического продукта природы существует благодаря остальным частям, ради других и ради целого. Поэтому органический продукт, как нечто организованное и себя само организующее ...есть одновременно и цель природы и средство для ее достижения. Значит организм — это маленький мир, существующий сам по себе и ради самого себя». [б. С. 36]

Но на самом деле, мы можем найти и более ранние теоретические свидетельства, касающиеся осмысления отношений общества, организма и механизма. Так, в работе Г.В.Лейбница «Монадология» читаем: «64. Таким образом, всякое органическое тело живого существа есть своего рода божественная машина, или естественный автомат, который бесконечно превосходит все автоматы искусственные, ибо машина, сооруженная искусством человека, не есть машина в каждой своей части; например, зубец латунного колеса состоит из частей, или кусков, которые уже не представляют более для нас ничего искусственного и не имеют ничего, что выказывало бы в них машину, в отношении к употреблению, к какому колесо было предназначено. Но машины в природе, т. е. живые тела, и в своих наималейших частях до бесконечности продолжают быть машинами. В этом и заключается различие между природой и искусством, т. е. между искусством божественным и нашим». [9. С. 64] Здесь Лейбниц не переносит черты организма на общество, но подводит нас к еще одной интересной теоретической интуиции: если органическое тело есть своего рода машина, каждая часть которой остается машиной при движении в сторону микромира, то таким же образом **совокупность органических тел, образующих сообщество может быть рассмотрена как машина**, образованная из человеческих тел при движении в обратную сторону по шкале масштаба. То, есть, приравнивая организм к машине, Лейбниц, по сути, **снимает противоположность между органицизмом и механицизмом**. Но эта теоретическая интуиция не получила должного внимания и все еще сохраняет свой теоретико-методологический потенциал нераскрытым.

Ключевым моментом в осмыслении органической социально-философской метафоры была ее интеграция функционалистским направлением общественной мысли: «It has been said many times but perhaps bears repeating that the functionalists' image of society is that of an organism. Indeed, forerunners of functionalism in the nineteenth century, such as Herbert Spencer, often described society as an organism. Just as organisms were complex systems of

interdependent parts, so were societies. And just as the parts of an organism performed some essential function for the organism's well-being, so the parts of society performed important functions for their well-being». (Об этом было сказано много раз, но, возможно, стоит повторить, что функционалистский образ общества это образ организма. В самом деле, предтечи функционализма, как, например, Герберт Спенсер, часто описывали общество как организм. Общества были такими же комплексными системами взаимозависимых частей, как и организмы. И так же, как части организма выполняли некоторые ключевые функции для бытия организма, также и части общества выполняли важные функции для своего бытия). [5. P.14]

Функционализм первого поколения сделал ставку на статический компонент органической метафоры, полагая, что наиболее ценным в органицизме является «разметка» социальных институтов в соответствии с обобщенной органической структурой. Поэтому основателю структурного функционализма Т.Парсонсу пришлось активно работать над отражением справедливых упреков в общей статичности теоретической модели. Он дополняет органическую интуицию системным подходом, призванным работать с социальной динамикой: «[...]Парсонс по сути использует две метафоры для выражения его (мира — С.П.) единства. Социальный мир как органическая форма, выделившаяся из общей субстанции и социальный мир как единая система. Метафора органического видоизменения является не главной и менее им осознаваемой; метафора системы закрепляется и намеренно используется. Органическая протоплазменная дифференциация представляет собой генетику единства; механика системы представляет собой синхроническую координацию единства. Здесь очевиден намек на Руссо: социальные системы зарождаются как организмы, но повсеместно становятся машинами». [7. С. 248]

Затронутый здесь А. Голднером вопрос об отношении механического и органического в структуре общества вновь отсылает нас к теоретическим интуициям Лейбница, и вновь остается без должного внимания. Становятся ли на самом деле социальные системы машинами, каковы причины этой динамики, и не является ли «машинное» и органическое двумя частями одного целого, находящегося на более высоком уровне абстракции – открытый вопрос, требующий отдельного исследования.

Важный вклад в осмысление потенциала социально-философского органицизма внесла критика этого подхода представителями марксистской традиции. Одно из основных возражений, выдвигаемых против применения органического подхода к анализу общества, состоит, согласно марксистам, в игнорировании качественной специфики социальной реальности, несводимой к биологическим процессам. Как отмечает А.М. Каримский: «Разумеется, в объективной реальности все сферы так или иначе взаимосвязаны, однако связь между внутриклеточными и общественными процессами не такова, чтобы первые могли выступать моделью объяснения вторых, и чтобы при этом не извращалась их природа. Достаточно сказать, что любой из [...] видов социального поведения опосредован ценностными критериями, т.е. оно сознательно и ответственно, в то время как физиологические и биохимические реакции осуществляются без участия сознания».[8. С. 31] Это весьма важное замечание, заставляющее задуматься о специфике общественного бытия и том его уровне, к которому применяется та или иная теоретическая стратегия. Для этого необходимо определить какую смысловую нагрузку несет применение понятия «сознание» (производными которого в данном случае являются «ценности» и «ответственность») для выделения специфики общественных процессов. Согласно марксистскому подходу сознание есть способность высокоорганизованной материи отражать объективную реальность и фиксировать содержание отражения в качестве предмета в формах языка. Человек же представляет собой совокупность общественных отношений, то есть функцию от способа производства. Значит, в сознании отдельного человека или в общественном сознании не может быть ничего, кроме отражения объективных материальных структур. Это, конечно, ставит проблему возможности «ответственности», поскольку мы оказываемся в рамках

детерминистской онтологии, но это отдельный вопрос. Для нас более важным является то, что при таком понимании сознания оно становится принципиально неотличимым от способности клетки отражать объективную реальность внешних факторов и собственных энергетических и информационных процессов путем изменения генетических последовательностей ДНК, и делать содержание отражения предметом, фиксируя его в клеточной структуре следующих поколений, обновляя их генетические последовательности.

Для большей наглядности параллелизма генетических и языковых феноменов можно привести следующую цитату Ю.В. Чернявской: «В 50-е годы в молекулярной биологии и семиотике был обнаружен структурный изоморфизм генетического кода и языка. Обнаружилось, что наследственность соответствует сообщению, «записанному» вдоль хромосом с помощью определенного вида химического «алфавита». В качестве «букв» этого алфавита выступают четыре химических радикала, которые, комбинируясь друг с другом в бесконечных линейных последовательностях нуклеиновых кислот, создают что-то вроде химического текста генетической информации». [10]

Таким образом, применяя марксовский прием переворачивания метафоры, можно сказать, что **язык является генетическим кодом исторического процесса**, делая содержания отражений объективной реальности предметными, и закрепляя их в структуре будущих поколений. Здесь, конечно речь идет не о словах языка, а о философских и технических текстах, выполняющих роль генетических последовательностей, программирующих дальнейшее функционирование общества и цивилизации.

Иными словами, если на микроуровне социальной реальности рассмотренный нами выше аргумент еще может быть применим для отстаивания сознательного поведения и ответственности индивида (хотя о проблемах с ответственностью в рамках сознания-отражения также было упомянуто), то на уровне общественных институтов и социума в целом – это скорее аргумент в пользу органицизма. Тем не менее, наиболее важный вопрос, который здесь затрагивается это вопрос о том, **как следует понимать сознание при анализе общественных феноменов**. Но это не входит сейчас в нашу задачу, которая заключается в анализе органицистского подхода в социальной философии.

С этой же позиции мы можем рассмотреть и следующий аргумент: «Игнорирование целей, намерений, идеалов облегчает введение принципа биологического детерминизма для объяснения человеческих поступков и действий, поскольку их побудительным мотивом и причиной являются не идеальные или предвосхищаемые состояния дел, а лишь заложенные в биологической памяти механизмы действия, стимулируемые внешними раздражителями». [8. С. 17] Здесь остается непонятным, чем биологический детерминизм отличается от материально-экономического, в рамках которого «идеальные или предвосхищаемые состояния дел» являются фиксированными в формах языка содержаниями отражений объективной материально-производственной реальности, тогда как «заложенные в биологической памяти механизмы действия, стимулируемые внешними раздражителями» являются фиксированными в генетическом коде содержаниями отражений объективной биохимической реальности. Даже акцент на том, что эти механизмы действия заложены в памяти, а человеческие действия могут носить творческий характер, свидетельствуют об отличии не в принципе действия механизмов отражения, а в их скорости. Для биохимического творчества тоже есть термин – эволюция.

Еще один важный аргумент относится к критике биологического редукционизма: «Биологическое существование целиком обеспечивается посредством социального [...] Даже важнейшие морфофизиологические черты человека (скелет и степени свободы кисти руки, прямохождение и универсальная обзороспособность, мозг и мышление, гортань и речь) детерминированы производственной деятельностью и базирующейся на ней социальной формой жизни». [8. С. 33] С этим можно в целом согласиться, и сказать, что социальная жизнь действительно не сводится к биологическим процессам, а представляет из себя гораздо более многообразное целое, предполагающее как прямые, так и обратные

взаимосвязи между биологическим и социальным. Но опять-таки, нужно констатировать, что это положение поддерживает органицизм, а не опровергает его, так как позволяет провести прямую связь между изменением биологической структуры человека под воздействием производственной деятельности (закрепления содержания отражений в предметных формах объективной реальности через посредство языка), и изменением биологической структуры клетки под воздействием функционирования самой клетки (закрепления содержания отражений в формах биологической реальности через посредство ДНК). При этом, наш вывод о теоретической совместимости марксистского и органицистского видения социальной реальности подкрепляет марксистскую теорию положением о том, что принцип отражения оказывается ключевым не только в понимании социальной деятельности, но и в биологическом функционировании, подтверждая тем самым принцип материального единства мира.

Важным теоретико-методологическим следствием, которое мы можем вывести из марксистской критики органического подхода является, то, что сам по себе органицизм не утверждает возможности редукции социальных феноменов к биологическим, говоря лишь о структурном параллелизме, тогда как марксизм утверждает вариант экономического редукционизма, сводящий социальные отношения к производственным. Неразрешенными в обоих подходах остаются вопросы о свободе и природе сознания, исследовательская работа над которыми крайне актуальна.

Незатронутым нами остался вопрос о том, как соотносится органицизм с марксистским тезисом о классовой борьбе как о двигателе истории. И здесь эвристический приоритет остается за органическим подходом, так как марксизм не может одновременно сохранять положение о классовой борьбе и о структурно-функциональной организации общества построенной по органическому образцу. Либо общество это арена классовой борьбы, либо оно суть органическое целое. Но органицизм может рассматривать общество как организм и одновременно поддерживать тезис о борьбе классов, которые являются агентами потенциальных функций и структур, конкурирующих за воплощение в новой версии органической структуры. С этой точки зрения класс есть генетическая последовательность, порожденная воздействием внутренних или внешних факторов (например, изменением производительных сил) и борющаяся за то, чтобы стать доминирующей в общем генетическом коде общества и выступать образцом, в соответствии с которым будет воспроизводиться социальная реальность.

Чтобы продемонстрировать потенциал и теоретико-методологические возможности органического подхода на примере, мы можем проанализировать некоторые из динамик социальной реальности с точки зрения марксистской и с точки зрения органицистской модели. В качестве первого примера можно взять динамику роста городского и пригородного пространства в XX веке: «The leaders of nation-states initiated significant settlement expansions after World War II, but then in both developed and developing nations they ceded control over these settlement processes to growth coalitions of landowners, corporations, bankers, and local regional politicians. These coalitions have become institutionalized in local governments, where they have provided the stimulus for a continuing stream of smaller expansions in tropical agriculture and suburban sprawl». (Лидеры национальных государств инициировали большие компании по заселению после Второй мировой войны, но затем и в развитых и в развивающихся странах контроль за этим заселением был передан коалициям земельных собственников, корпораций, банкиров и местных региональных политиков. Эти коалиции стали институционализированными в местных правительствах, где они обеспечили стимулы для продолжения экспансий меньшего масштаба в тропическое земледелие и в распространение пригородов) [4. Р. 146] С точки зрения марксистской модели анализа общественных процессов здесь происходит захват буржуазией контроля над производительными силами новых территорий и экспансия на новые рынки. С точки зрения социально-философского органицизма происходит перераспределение функций

экстенсивного развития общественного организма между конкурирующими агентами потенциальных моделей будущего функционирования социума. С теоретической точки зрения эти описания как минимум эквиваленты, за исключением того, что органицистская версия включает в себя аспект социального конфликта, осмысляя его как часть процесса более высокого уровня (тем самым открывая новые перспективы изучения этого процесса) тогда как марксистская модель останавливается в рамках теории классовой борьбы.

Еще одним образцом материала для демонстрации теоретического потенциала применения социально-философской метафоры организма при конструировании социальной теории может служить анализ структуры социальных связей американского общества, проведенный Т.А DiPrete вместе с коллегами: «[...] the entire acquaintanceship network is perceived by Americans to be about as segregated as the much smaller network of close ties. People do not always know the religiosity, political ideology, family behaviors, or socioeconomic status of their acquaintances, but perceived social divisions on the dimensions are high, sometimes rivaling racial segregation in acquaintanceship networks. The major challenge to social integration today comes from the tendency of many Americans to isolate themselves from others who differ on race, political ideology, level of religiosity and other aspects of social identity». (Вся сеть знакомств воспринимается американцами настолько же сегрегированной, как и более узкая сеть близких связей. Люди не всегда знают религию, политическую идеологию, семейное поведение или socioeconomic положение своих знакомых, но воспринимаемые социальные деления по этим измерениям выражены в высокой степени, иногда соперничая с расовой сегрегацией в сетях знакомств. Главное испытание для социальной интеграции сегодня исходит из тенденции многих американцев к изоляции от окружающих, которые отличаются от них по расе, политической идеологии, уровню религиозности и другим аспектам социальной идентичности.) [2. P. 1234] С точки зрения марксистской модели здесь происходит отчуждение человека от других людей вследствие классовой дифференциации в рамках капиталистического общества. Ведущим фактором является отношение к средствам производства, а такие факторы как раса, религия, или политические взгляды – суть производные ложного сознания, применяемые как орудие господствующего класса. Метод разрешения ситуации – создание бесклассового общества.

С точки зрения органицизма описанная выше ситуация является следствием низкой взаимной совместимости носителей различных стратегий конструирования социальности, которые стремятся к объединению с подобными себе носителями тех же стратегий и не стремятся к объединению с носителями отличающихся или соперничающих стратегий, о чем наивно-органически мыслящий социальный философ, сказал бы что это «естественно». Мы же не можем признать теоретического потенциала за метафизическим понятием естественного.

Здесь важно отметить, что в отличие от марксизма при анализе рассмотренного нами примера органицизм позволяет большую теоретическую свободу в изучении «духовных» феноменов, таких как идеология, религия или культурное общественное сознание, не сводя их к функциям от способа производства. Такой отказ от редукционизма ведет к возможности конструирования социально-философских и социально-технических подходов к разрешению конфликтных ситуаций, опирающихся не только на очевидное предложение изменить материально-производственные условия с целью улучшения социальной обстановки, но и на широкий спектр социокультурных решений, оперирующих в сфере идеального и информационного пространства. То есть, органический подход может предложить более широкий спектр методов разрешения социальных противоречий, помимо революционных преобразований в классовой структуре общества. Причем эти решения совсем не обязательно будут носить характер «идеалистических» абстракций и призывов к всеобщему миру. Это могут быть совершенно конкретные инициативы, изменяющие социальную реальность с точки зрения ее органических динамик. В случае рассмотренного выше примера социальной разобщенности такие инициативы могут состоять в массивированной

идеологической обработке, создании новых типов религиозного сознания (ломка «естественных» динамик и последующее изменение генетического кода общества через Тексты), принятии сегрегации как нормы общества-организма и ее закрепление в структуре пространства и общественных институтов, и т.д. То, каким именно путем пойдет социальное конструирование, основанное на социально-философской интуиции организма, зависит от той общественной силы, которая будет проводить свои инициативы в реальность.

Здесь мы подходим к самому важному, из освещаемых нами социально-философских аспектов. Современное информационное общество, опирающееся на совокупность новых технологий, предоставляет ранее не встречавшиеся возможности для социального конструирования. С точки зрения органической интуиции, происходит перенос фундаментальных органических динамик в области, созданные посредством внедрения новых технологий в жизнь общества. В качестве примера можно привести появление и развитие сетевых средств массовой информации, которое воспроизводит принцип иерархии, присущий органическому: «[...] the blogosphere has developed according to a hierarchical structure, meaning readers and traditional journalists largely concentrate their attention in a relatively small number of well-known blogs». (Блогосфера развивалась в соответствии с иерархической структурой, то есть читатели и традиционные журналисты по большей части концентрировали свое внимание на относительно небольшом числе хорошо известных блогов.) [3. Р. 140] Кроме того, что органические динамики переносятся в информационное пространство, они испытывают и обратное воздействие со стороны этого пространства, изменяя, таким образом, саму структуру социальности. На микроуровне индивид может быть социализирован или ре-социализирован в соответствии с той или иной программой социализации (последовательностью генетического кода общества) вследствие своей адаптивности: «Такого рода адаптивность организма, какая постулируется в модели Парсонса и для которой характерно, что организм поддается почти любой форме социализации в любой социальной системе, является именно тем, что позволяет организму пройти повторную социализацию в рамках уже другой системы».[7. С. 257] Частичная или полная ре-социализация, становится все более достижимой, учитывая возрастающий информационно-технологический инструментарий, что делает трансформацию социальности и ее основных параметров перманентным процессом, таким как обновление программного обеспечения.

Таким образом, новая социальная реальность, опирающаяся на информационные технологии может быть с успехом рассматриваема с точки зрения органицизма, предоставляющего богатый теоретический инструментарий, основанный на одной из наиболее фундаментальных социально-философских метафор. Однако использование этой метафоры при конструировании социальной реальности может вести к самым различным последствиям в зависимости от тех значений, которые будут приданы сущностным динамикам общества, осмысляемого как организм. Задача социальной философии на данном этапе состоит в глубоком исследовании органической метафоры с тем, чтобы ее возможное использование в социально-технических инициативах информационного общества было позитивным.

Библиографический список

1. **Cruickshank, J.** Knowing social reality: A Critique of Bhaskar and Archer's Attempt to Derive a Social Ontology from Lay Knowledge / J. Cruickshank // *Philosophy of the Social Sciences* Vol. 40 (4) Dec. 2010, PP. 579-602 (Sage publications)
2. **DiPrete, T.A.** Segregation in Social networks Based on Acquaintanceship and Trust / T.A. DiPrete, A. Gelman, T. McCormick, J. Teitler, T. Zheng. // *American Journal of Sociology* Vol.116 #4 Jan 2011. (The University of Chicago Press), PP. 1234-1284
3. **Maratea, R.** The e-Rise and Fall of Social Problems: The Blogosphere as a Public Arena / R. Maratea // *Social Problems* vol. 55 # 1 Feb 2008 (florida state university), PP. 139-159.

4. **Rudel, T.K.** How Do People Transform landscapes? A Sociological Perspective on Suburban Sprawl and Tropical Deforestation / T.K. Rudel // American Journal of Sociology Vol.115 #1 Jul 2005. (The University of Chicago Press), PP. 129-155

5. **Sanderson, S.K.** The Evolution Of Human Sociality / Stephen K. Sanderson; Boston: Rowman & Littlefield Publishers. Inc., 2001. – 393 p.

6. **Белов, А.В.** Культура глазами философов органицистов. / А.В. Белов. – Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ, 2002. – 174 с.

7. **Голднер, А.У.** Наступающий кризис западной социологии. / А.У. Голднер. – Спб: Наука, 2003. – 574 с.

8. **Каримский, А.М.** Социальный биологизм: природа и идеологическая направленность. / А.М. Каримский. – М: Мысль, 1984. – 208с.

9. **Лейбниц, Г.В.** Монадология [Электронный ресурс] : Философский портал Philosophy.ru . – Режим доступа: <http://www.philosophy.ru/library/leibnitz/mon.html> (Дата обращения: 12.03.13)

10. **Чернявская, Ю.В.** Народная культура и национальные традиции. [Электронный ресурс] – Библиотека Гумер. - Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Chern/11.php

УДК 130.1

*Воронежский государственный университет
Преподаватель кафедры истории философии
И.А. Чурсанова
Россия, г.Воронеж, тел. (473) 220-84-17;
e-mail: imbi-chursanova@yandex.ru*

*Voronezh State University
Lecturer of History of Philosophy Chair
I.A. Chursanova
Russia, Voronezh, tel. (473) 220-84-17;
e-mail: imbi-chursanova@yandex.ru*

И. А. Чурсанова

ПРОБЛЕМА КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ТИПОВ ОБЪЕКТИВНОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

В статье ставится проблема современной трактовки принципа объективности применено к историческому познанию. В качестве концептуализированных типов выделяются абсолютная, дисциплинарная, диалектическая и процедурная объективность. Дается краткая характеристика каждого типа.

Ключевые слова: историческое познание, абсолютная объективность, дисциплинарная объективность, диалектическая объективность, процедурная объективность.

Chursanova I.A.

PROBLEM CONCEPTUALIZATION TYPES OBJECTIVITY OF HISTORICAL KNOWLEDGE

This article deals with the problem of the modern interpretation of the principle of objectivity applies to historical knowledge. As conceptualized types allocated absolute, disciplinary, dialectical and procedural objectivity. Gives a brief description of each type.

Keywords: historical knowledge, absolute objectivity, disciplinary objectivity, dialectical objectivity, procedural objectivity.

С конца XIX века начинается постнеклассический этап становления науки. Он характеризуется вниманием к социо-культурной детерминированности как методов, так и результатов научного познания. В ткань науки вплетается вопрос о ее применимости на практике. По мнению некоторых исследователей, социально-гуманитарные науки вступили в него раньше естествознания, так как для них остро встал вопрос собственного самоопределения. С другой стороны, как считает Н. М. Смирнова: «Осознание предметного своеобразия и методологической специфики социальных наук порождено девальвацией новоевропейской метафизики и последующей сменой мировоззренческих ориентиров. <...> понимание истории как способа человеческого бытия и культуры выразилось <...> в стремлении конституировать специфические предметные области когнитивных социальных наук и исследовать свойственные им критерии рациональности».[5. С. 168] И сюда же можно отнести критерии объективности.

Проблема объективности исторической науки не должна рассматриваться обособлено от сферы социального познания в целом. Это одна из тех эпистемологических проблем, которая как раз очень ярко показывает, насколько необоснованны обвинения в ненаучности, адресованные историческому знанию, когда они опираются на якобы отсутствующую в нем объективность и доказуемость. И, наоборот, детальный анализ этой же проблемы может продемонстрировать, насколько успешно проходит интеграция новой модели исторической науки в структуру современного социального познания.

В исторической науке с самого ее зарождения давались рецепты того, как не должен вести себя историк, если хочет дать правдивое освещение событий прошлого. Соответственно давались остерегающие примеры: «Еще Полибий утверждал, что картина истории часто «искажается» под влиянием личных симпатий и антипатий историка. Лукиан писал, что на создание «лживых» сочинений историка толкают «страх перед имеющими власть, надежда на вознаграждение с их стороны, расположение или, напротив, неприязнь к тем, о ком он пишет»».[4. С. 169] В сущности, список факторов, влияющих на позицию историка и в выборе им объекта исследования, и в подборке источников, и в способах работы с ними, и интерпретации результатов достаточно велик и многообразен. Но историки здесь не являются каким-то исключением из остального научного сообщества. Как показал М. Вебер, ценностная позиция – неустранимый момент начала любого научного исследования. Но как же все-таки историк делает выбор между разными точками зрения? И в чем специфика понимания принципа научной объективности применимо к историческому познанию?

По большому счету, несмотря на немалое количество выдвинутых предположений и работ, в той или иной мере затрагивающих данную тематику, само содержание понятия «объективность» до сих пор остается проблемой. Чтобы как-то подступиться к решению этой непростой задачи, можно для начала попробовать действовать методом «от противного» и выяснить, чем объективность не является.

Существует предположение, что объективность есть нейтралитет историка по отношению ко всем существующим точкам зрения. При таком подходе он должен занять позицию, которая бы полностью исключала возможность влияния на его научную деятельность мира его человеческих пристрастий, желаний и симпатий, например, политического рода. Но на самом деле стремление к объективности не исключает принадлежности к определенному политическому или любому другому направлению. Наоборот, объективность ярче всего и проявляется, когда сам историк твердо стоит на определенной политической позиции. Основная задача для историков и состоит в том, чтобы в поисках адекватного понимания прошлого определить для себя меру отрешенности от своих собственных взглядов. Примером тому можно привести работы Л. фон Ранке: «<...> убежденный лютеранин, он пишет историю папства в период Контрреформации, и ее с благосклонностью принимают во всех католических странах; немец, он пишет историю Франции и не вызывает неудовольствия французов. Человек тонкого ума, он умел обойти

острые углы, не выставляя напоказ свои религиозные или философские убеждения...». [1. С. 174]. Историк, будучи человеком, не в состоянии нивелировать свою субъективность, однако осознание того факта, что картина мира сложнее и многообразнее, чем та, которую предпочитает он, должно присутствовать. Это положение помогает нам увидеть и ту принципиальную разницу, которая существует между теми задачами, которые ставят себе подлинные историки и тем, что стремятся произвести в своих работах, используя исторические данные, теоретики и социологи. Отрешение от своих собственных взглядов, которое демонстрируют серьезные историки, означает также и отказ от попыток доказать истинность той или иной социальной теории на материале своего исследования. Очень часто обществоведы ищут в исторических работах доказательства своих теорий и стремятся, тем самым, подкрепить этим их неопровержимость. Только понятие неопровержимости совершенно несовместимо с самим проектом историописания. Убеждение, что историк обязательно должен занимать определенную позицию, которую он и стремится всячески обосновать в своих работах – неверно. Главная задача историка не в том, чтобы продемонстрировать истинность какой-либо теории, а в том, чтобы осветить доселе неизвестное прошлое. Таким образом, объективность нельзя назвать нейтральностью, хотя она, несомненно, предполагает дистанцированность от личных убеждений и предпочтений.

Еще одним понятием, с которым часто связывают, если не отождествляют, объективность – это «взвешенность». Объективность здесь отождествляется с нейтральностью в оценке разных точек зрения. Согласно этой позиции объективным будет, например, выделение одинакового количества часов на изучение формационного и цивилизационного подходов к обществу в русле школьного курса обществознания. Понимание объективности как взвешенности подразумевает, что объективность достигается только в том случае, когда во внимание были приняты все существующие точки зрения и все они нашли своих сторонников. В итоге получается, что ни одна интерпретация реальности на самом деле не может считаться объективной. Объективность здесь – это свойство всей ситуации в целом, она нарастает по мере того, как высказывается все большее количество различных мнений. Философским подкреплением этой позиции можно считать слова Ф.Ницше из работы «К генеалогии морали»: «чем большему количеству аффектов предоставим мы слово в обсуждении какого-либо предмета, чем больше глаз, различных глаз, сумеем мы мобилизовать для его узрения, тем полнее окажется наше понятие об этом предмете, наша «объективность»». [2. С. 357] Это, в общем, достаточно уязвимая с точки зрения логики концепция объективности. Во-первых, она никак не освещает тот вариант, когда все высказанные мнения ложны или просто абсурдны; во-вторых, ни в одном научном исследовании она неприменима. Более того, сама необходимость в принципе объективности в данном случае отпадает, потому что, логически продолжая данную концепцию, мы получим на выходе объективность тождественную социальной солидарности – всеми признанному равноправию всех существующих точек зрения. К тому же эта позиция абсолютно игнорирует тот факт, что множество мнений, если они ложны, приближает нас к объективности не больше, чем одно ложное мнение. Равновесие между одной не соответствующей действительности точкой зрения и другой, но тоже не соответствующей действительности, точкой зрения объективность не является. Следовательно, понятие «взвешенность», по крайней мере, в такой трактовке, не проясняет понятия объективности.

Однако «взвешенность» можно рассмотреть иначе, нежели чем простое изложение всех конкурирующих идей. Та взвешенность, к которой возможно и следует стремиться историкам, означает скорее некоторое балансирование. Более точно – это балансирование между требованием абсолютно свободного от субъективных моментов познания и пониманием того, что этот отказ от собственных ценностных суждений сам является ценностью. Другими словами, взвешенность достигается не при балансе разных убеждений, а при балансировании между стремлением к достижению объективности (в рамках своей дисциплины) и приверженностью к некоторым внедисциплинарным позициям. Фактически,

подлинный историк должен одновременно ориентироваться и на объективность, и на убеждения, так как «умение проникать в разнообразные точки зрения есть неперемное условие для понимания человеческих действий», и, следовательно, «есть предпосылка к достижению надежного исторического знания». [7. Р. 539]

Итак, объективность в истории не есть нейтральность или взвешенность в первом рассмотренном варианте, ибо, если целостный взгляд на любой объект исторического исследования подразумевает определенную меру убежденности. Так, например, возникновение и развитие тендерной истории связано в первую очередь с появлением в среде историков приверженцев феминистических настроений. Что же касается поиска правильного баланса, то это не путь умеренных предположений, имеющих целью достижение некоего консенсуса. Зачастую именно рассмотрение того или иного аспекта прошлого под определенным углом зрения выявляет в нем что-то новое и интересное, что невозможно было бы увидеть, придерживаясь умеренной позиции.

Возможно, уместно было бы сравнить историописание с искусством фотографии, где изменение угла освещения дает более четкую картинку тех особенностей поверхности, которые при ином ракурсе остались бы незамеченными. Некоторая «угловатость» в подходах, если можно так выразиться, исключает и нейтральность и уравнищенность, но именно они с большей долей вероятности содержат возможность раскрытия неизвестных аспектов прошлого. Так, сложно предположить была бы написана книга «Возвращение Мартина Герра» – тонкое микроисторическое исследование, посвященное особенностям сознания французской крестьянки XVI века, – если б Н. Земон Дэвис не разделяла феминистических убеждений. Резюмируя вышеизложенное, можно привести слова одного из самых влиятельных современных историков Л. Стоуна, обращенные к научному историческому сообществу: «Не слушайте тех, кто утверждает, что в силу своего призвания историк обязан занять позицию морального нейтралитета, одинаково равнодушного как к свободе, так и к тирании и осторожно обходящего нравственные оценки. Около столетия назад Дройзен с презрением говорил о тех, кто ратовал за “объективность евнуха”. Он твердо верил, что историки не должны трубить о своей личной точке зрения, но он призывал их признать, что быть человеком значит быть пристрастным». [6. С. 169]

Однако мы тоже пока так и не пришли к какому-либо приемлемому определению понятия объективности. Мы только установили, что она подразумевает нечто вроде баланса между собственными убеждениями и научным познавательным идеалом независимого мнения. Но трудность заключается не только в дефиниции самого термина объективность. Нам представляется более продуктивной та точка зрения, в соответствии с которой, объективность не есть некий единый концепт, а, скорее, множество концептов, не редуцируемых к одному единственному основанию. Сколько же в действительности существует концепций объективности, применимых к историческому знанию? Оговоримся сразу, что предложенная здесь типологизация не претендует на исчерпывающее объяснение всех проблемных аспектов, связанных с рассмотрением значения объективности в историческом познании. Она так же не претендует на то, чтоб продемонстрировать ошибочность иных способов рассмотрения этого понятия у других авторов.

Начнем с того, что само требование объективности в любой науке подразумевает претензию на эпистемологическую или когнитивную значимость как исследования, так и его результатов. Следует обратить внимание, что это уточнение сужает поле нашего поиска. Например, личности, задействованные в сфере художественного творчества, так же наверняка имеют целью наделить свои работы некой особой значимостью. Скорее всего, им присуще желание назвать свою работу невероятно важной, опережающей все предыдущие достижения в данной области, эстетически безукоризненной и т. д. Это тоже претензии на значимость, но иного рода, нежели та, которую имеет в виду требование объективности. Здесь нет стремления к эпистемологическому идеалу познания. В художественном творчестве претензией на истинность могут обладать только некоторые описания

действительности, например, в том же историческом романе, однако, до тех пор, пока искусство не присваивает себе функций науки, следует скорее говорить о его эстетической, экзистенциальной или личностной истинности. Иными словами, требования истинности здесь относятся к иной категории, чем требования истинности в естественных и социальных науках. В случае последних важна установка на то, чтобы эти требования разделялись всем научным сообществом, во всяком случае, образованным вокруг конкретной дисциплины, и чтобы внутри этого сообщества была сформирована согласованная процедура определения той самой когнитивной значимости исследований.

Итак, с нашей точки зрения, исходя из требований эпистемологической значимости, целесообразно было бы выделить четыре основных типа объективности. В реальной научной практике они могут пересекаться, но исходя из поставленной цели, мы рассмотрим их как четыре отдельных концептуальных типа.

Во-первых, можно говорить об *абсолютном* типе объективности, который восходит к философской традиции, начиная с философии Р.Декарта и подразумевает, если кратко, что познающий субъект должен быть подобен зеркалу, отражающему реальность так, как она существует на самом деле. Сторонники идеи абсолютной объективности возводят в статус научного такое знание, которое копирует действительность без каких-либо искажений или привнесений со стороны ученого и, тем самым, несет на себе печать всеобщности и истинности. Абсолютная объективность, как мы уже отметили, представляет собою категорическую форму познавательного идеала. Фактически, в философской традиции можно выделить несколько измерений, подкрепляющих этот идеал. Во-первых, онтологическое, постулирующее существование реального мира, независимого от сознания познающего субъекта. Во-вторых, эпистемологическое, подразумевающее, что мы способны продуцировать адекватные этому миру репрезентации, т.е. отражать его таким, каков он есть на самом деле. Еще можно также выделить нормативное измерение абсолютной объективности, когда она выступает в качестве гносеологического стандарта, регулирующего направление познавательных интересов. В своем логическом пределе абсолютная объективность должна пониматься как «взгляд ниоткуда» или «божественный» взгляд, всеохватывающий и совершенно нейтральный. В рамках этого типа объективности субъективность должна быть устранена максимально, в идеале – абсолютно. Применимо к теории историописания тип абсолютной объективности провозглашался в ее позитивистском варианте.

Ко второму типу мы относим то, что можно обозначить как *дисциплинарную* объективность, так как она в данном случае определяется консенсусом внутри конкретного научного сообщества. Объективность этого типа основывается не на универсальности оценочного критерия, а на более узком, но так же авторитетном, представлении о дисциплинарном консенсусе как меры истины. Она не делает отсылок к обязательности существования неких всеобщих критериев объективности, но только к тем, которые устанавливает научное сообщество, работающее в русле конкретного предметного поля. В общем-то, проводить резкую границу между абсолютной и дисциплинарной объективностью тоже не совсем верно, так как вторая может апеллировать к первой, как к своему эпистемологическому прототипу. Однако на фоне этой теоретической корреляции все-таки заметна разница в институциональном отношении. Дисциплинарная объективность проявляется в том, что представители одной конкретной области знания претендуют на исключительную компетентность в рамках сферы своего влияния. Подобного рода претензии могут иметь различную форму, разную степень открытости и артикулированности, основания для этих претензий могут отличаться в зависимости от дисциплины, и даже внутри одной и той же дисциплины в зависимости от времени. Ну, если упростить суть проблемы, то можно сказать, что применимо к истории дисциплинарная объективность выражается в уверенности историков, что только они способны открыть истину о прошлом, а не социологи или философы истории, например.

Третий тип – *диалектическая объективность*. Этот тип базируется на положении, что первично взаимодействие субъекта и объекта познания, объект становится таковым, только когда попадает в поле зрения субъекта. И абсолютный, и дисциплинарный типы объективности схожи в том, что негативно относятся к субъективности. В первом варианте субъективность нивелируется в принципе, во втором – ограничивается дисциплинарными критериями. Такая оппозиционность этих двух понятий исторически восходит к классической субъект-объектной парадигме познания. Диалектическая же объективность появляется в неклассический период развития науки и оценивает субъективность в позитивном ключе. Отличительная особенность диалектической объективности в том, что субъективность здесь полагается необходимым инструментом конструирования объектов исследования. Такой подход стал возможен только после признания превалирования активной (деятельной) природы познающего сознания над его пассивной формой простого регистратора каких-либо событий и процессов. Эта важная идея, впервые прозвучавшая в философии И.Канта, в разных формах звучала у многих философов. Так в работе Ф.Ницше «О пользе и вреде истории для жизни» она излагается следующим образом: «Объективно мыслить историю – значит, с этой точки зрения, проделывать сосредоточенную работу драматурга, именно, мыслить все в известной связи, разрозненное сплести в целое, исходя всегда из предположения, что в вещи должно вложить некое единство плана, если его даже раньше в них не было. <...> для этого нужна во всяком случае объективность, но как положительное свойство». [З. С. 56] Тем самым философ стремился объяснить, что пока историк не пропустил прошлое сквозь себя, она его увидеть не сможет. Субъективность здесь условие самой объективности. Диалектический тип рассматривает объективность как процесс конструирования объектов, т.е. как объективацию. И в данном случае применимо к историописанию эта позиция выражается в том, что историки сами создают объекты своего исследования.

Наконец, четвертый тип объективности – *процедурный*. Он опирается на определенную методологическую специфику исследования, где объективность достигается путем соблюдения определенных процедурных правил, что значительно снижает влияние персональных особенностей ученого на процесс исследования и полученный результат. Хотя, стоит отметить, что процедурный тип объективности не применяется в виде устоявшейся ориентации в историческом исследовании. Несомненно, что серьезные историки стараются быть очень осмотрительными в выборе методики, иметь дело только с надежными источниками, крайне осторожно выводить причинно-следственные связи и четко артикулировать связь между свидетельствами и сделанными выводами и т.п. Но при этом они все-таки никогда не достигают той степени имперсональности, которую в идеале предполагает процедурная объективность.

Как в теоретическом плане, так и на практике эти четыре типа пересекаются и взаимоопределяют друг друга. Например, без соотнесения с идеалом истины, подразумевающим раскрытие реальной сущности исследуемого объекта, который постулируется первым – абсолютным типом, дисциплинарная объективность может просто принять форму ортодоксии внутри своих предметных границ. Однако абсолютная объективность, которая предполагает практически «божественный» уровень понимания и отстраненности, скорее должна пониматься как некий идеал, находящийся за пределами человеческих возможностей.

Таким образом, мы представили классификацию концептуальных типов объективности в историческом познании. Напомним, что она не претендует на исчерпывающее решение этой проблемы в рамках исторической эпистемологии. Однако использование этих типов способно помочь историкам более полно осознать те сложности и ограничения, с которыми им придется столкнуться в процессе их профессиональной деятельности. Но в любом случае, историку всегда приходится отходить от теоретических рассуждений и углубляться в собственное историческое исследование. Мы же постарались только высветить сложность и

неоднозначность данной проблематики, продемонстрировав при этом, что в условиях современного социального познания и сама постановка вопроса о критериях объективности исторического исследования и сосуществование нескольких вариантов ее возможного решения правомерны.

Библиографический список

1. **Кроче, Б.** Теория и история историографии / Б.Кроче. – М. : Шк. "Языки рус. культуры", 1998. – 192с.
2. **Ницше, Ф.** Так говорил Заратустра. К генеалогии морали / Ф. Ницше. – Минск: Попурри, 1997. – 624с.
3. **Ницше, Ф.** О пользе и вреде истории для жизни; Сумерки кумиров; Утренняя заря / Ф. Ницше. – Минск: Попурри, 1997. – 511с.
4. **Савельева, И. М.** Историческое знание и историческая наука / И. М. Савельева, А. В. Полетаев // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – М., 2001. – Вып. 4. – С. 162-181.
5. **Смирнова, Н. М.** Философская рациональность и методология социогуманитарного познания / Н. М. Смирнова // Современные проблемы познания в социально-гуманитарных и естественных науках. – Воронеж, 2010. – С. 167-196.
6. **Стоун, Л.** Будущее истории / Л. Стоун // THESIS . – 1994. – № 4. – С. 158-174.
7. **Haskell, T.** Objectivity: Perspective as Problem and Solution / T. Haskell // History and Theory. – 2004. – № 43. – P. 341-359.

УДК 130.1

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет

Доктор философских наук, профессор, проректор по образовательной политике

Л.С. Перевозчикова

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социологии и истории Е.В. Фролова.

Россия, г.Воронеж,

тел. (473)276-39-75; e-mail: perevozch@vgasu.vrn.ru

тел. (473)271-50-04; e-mail: frolov-elen@yandex.ru

Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering

Doctor of Philosophy, Professor of Philosophy, Sociology and History Chair, Vice-President for Education Policy L.S. Perevozchikova.

PhD in Philosophy, Associate Professor of Philosophy, Sociology and History Chair E.V. Frolova.

Russia, Voronezh,

tel.(473)276-39-75; e-mail: perevozch@vgasu.vrn.ru

tel. (473)271-50-04; e-mail: frolov-elen@yandex.ru

Л. С. Перевозчикова, Е. В. Фролова

К ВОПРОСУ О РАЗРАБОТКЕ ФИЛОСОФСКИХ ОСНОВАНИЙ КАТЕГОРИИ «ИННОВАЦИЯ»

В статье рассматриваются подходы к определению категории «инновация», и обосновывается идея, что: инновация, обеспечивая относительную стабильность системы, является механизмом общего социального процесса изменения.

Ключевые слова: инновация, традиция, система, потребности, трансформация, эмерджентность, самоорганизация.

L. S. Perevozchikova, E. V. Frolova

THE DEVELOPMENT OF PHILOSOPHICAL BASES CATEGORY «INNOVATION»

The article considers the approaches to the definition of the category of "innovation", and substantiate the idea that: innovation, providing a relative stability of the system, is a mechanism for the general social process of change.

Key words: innovation, tradition, system, needs, transformation, emergence, self-organization.

В современном обществе все большую значимость приобретают инновационные процессы в различных сферах духовной и практической деятельности. Инновации становятся все более глобальными и всеобъемлющими. В данной связи естественным представляется интерес исследователей к определению сущности инноваций в различных отраслях научного знания. Философия, решая вопрос о сущностных основаниях и развитии современного общества, так же проявляет интерес к данной проблематике как в культурологическом, так и в эпистемологическом и этическом аспектах.

В настоящее время под инновацией понимается внедренное и доведенное до массового потребления нововведение в виде товара, услуги, технологии или иного продукта (материального или символического). Следует подчеркнуть, что «инновация относится не просто к созданию и распространению новшеств, но к таким изменениям, которые носят существенный характер, сопровождаются изменениями в образе деятельности, стиле мышления [2. С. 7]. Инновация, по мнению большинства исследователей, предполагает целевое изменение в структуре или функционировании системы. Особенностью современной инновационной деятельности является то, что она базируется на фундаментальных знаниях и прикладных исследованиях, т.е. включена в сложную, специализированную систему духовно-практического освоения действительности. В рамках этой системы сформированы и развиваются технологии массового производства знания и новых проблем и задач, решение которых приводит и к обновлению представлений о реальности, и обновлению системы социокультурного, политического, экономического бытия человека.

Следует отметить, что зачастую в реальном воплощении инновационная деятельность сталкивается со всякого рода барьерами: от геополитических и институциональных и до культурных. Философским аспектом проблемы как раз и является изучение инновации как трансформаций целей и анализ негативных последствий данного созидания, а также соотношение сознательного и стихийного в инновационном процессе. Как отмечают исследователи, мы можем различать внешне и внутренне инициированные процессы инноваций. Современная техногенная цивилизация задает все большие темпы, ставит все более и более сложные цели и решает высокотехнологические задачи. Однако, если развитие онтологически предстает как движение к новому, то инновации будут имманентно сопровождать процесс развития. Отсюда и вытекает повышенное внимание множества исследователей к проблеме сущностных оснований инновационной деятельности и инновации как таковой.

Авторство постановки проблемы инноваций связывают с деятельностью Й. Шумптера, который в 1911 г. в научном труде «Теория экономического развития» писал об «осуществлении новых комбинаций», считая, что этим осуществлением задаются форма и содержание развития [9. С. 38]. Под инновационностью подразумевают то, что противоречит традиции, разрушает традицию, а так же традиционно принятые алгоритмы и механизмы. Это специфическое неизведанное, которое может быть как со знаком плюс, так и со знаком минус. В науке используется так же понятие – радикальная новация, характеризующаяся как максимально интенсивная и коренная ломка устоявшихся связей и зависимостей системы. В обыденном сознании естественным представляется полярность таких понятий как инновация и традиция. Под традицией часто понимают программы связанные с долгосрочными целями

и идентичными способами деятельности. Давление традиций расценивается как фактор, препятствующий инновациям. Нам представляется, что инновации развиваются как часть традиции. В качестве примера: если понятие традиции и инновации соотносить с разными пластами человеческой культуры и человеческой истории, то следует отметить. Возникновение и развитие традиции осуществлялся еще в первобытной культуре, где определенный набор знаний и ценностных установок передавался из поколения в поколение. Одновременно с тем, для рождения и развития цивилизаций потребовалось нечто большее, а именно появление культурных инноваций. Для роста цивилизации было необходимо наличие постоянного инновационного процесса. Но для того, чтобы наладить постоянный процесс роста, требовалось наличие базы ядра, на которое мог бы опираться инновационный процесс. Следовательно, именно традиция стала культурным ядром, на котором возникает цивилизация, так как первые цивилизации возникают как результат творчества, выходящего за рамки традиций [8. С. 443 – 446].

Инновации имеют ряд отличительных черт, рассмотреть которые нам хотелось бы более подробно. Инновации подразделяются на технологические, экономические, институциональные, политические, культурные и прочие, имея при этом ряд общих характеристик. Во-первых, как это было отмечено выше, инновационная деятельность базируется на фундаментальных знаниях и прикладных исследованиях. Во-вторых, инновационный тип развития основан на принципе системности. В-третьих, инновации зависят непосредственно от реального состояния общества.

Крайне важным представляется сопоставление инноваций и целей, к которым должно стремиться человечество. Значимым фактором является наличие цели, так как инновация – это ответ на существующую потребность, с одной стороны, и результат достижения поставленной цели, с другой. С точки зрения внутренней логики инновационного процесса одно из важных мест принадлежит актору – т.е. субъекту инновационного процесса, особенностям его сознания, креативности, целеполаганию. Субъект, актор или инноватор направляет свои усилия, на то, чтобы сформированное в его сознании новое объективировалось структурно и функционально. Другой аспект проблемы указывает на то, что инновация с необходимостью должна быть потреблена. В модели Э. Рождерса, рассматривающей распределение потенциальных потребителей инновации выделяются пять групп: новаторы (2,5 %), ранние последователи (13,5 %), раннее большинство (34 %), позднее большинство (34 %) и опоздавшие (16 %)1. Как видно, новаторов крайне мало, так что деятельность по созданию нового достаточно сложна [4. С. 11 – 12].

Одной из особенностей инноватики, к которому приковано внимание многих исследователей, является эмерджентность. Суть эмерджентности заключается в том, что открытие часто осуществляется не благодаря задуманной и заранее поставленной цели, а вопреки ей, как побочный, сопутствующий продукт. Парадокс эмерджентности есть суть внезапно возникающего. Новое напрямую связано с появлением эмерджентных, т.е. внезапно возникающих свойств. Сам парадокс является наиболее явственным доказательством многообразия мира, а так же неисчерпаемости познания [6. С. 28 – 32]. Эмерджентность, используя оценку Е.Н. Князевой и С.П. Курдюмова, демонстрирует «бытийственную отделенность от хронологически породивших корней» [3. С. 263]. Какие трансформации всех жизненных сфер переживаем и какие ценности становятся определяющими для нашего повседневного бытия? Какие негативы современного техногенного развития поджидают наше и следующие поколения здесь живущих? Подобные вопросы входят в структуру философского подхода к определению инновации.

С точки зрения деятельностного подхода, любая инновация появляется на основе ярко выраженной мотивации и отвечает потребностям, фиксирующим внутренние необходимые запросы системы, ее неудовлетворенность имеющимся. (Проблемы, однако, начинаются уже тогда, когда фиксируется ситуация неудовлетворенности системы слишком многими обстоятельствами и возникновения не одной, а множества потребностей. Здесь очевидна

необходимость системного анализа в выборе приоритетов, диктующих «вложения усилий» в изменения первостепенной важности, но вместе с тем фиксируется поле плюралистичности). В этом плюральном поле системе следует самоопределиваться и сформулировать иерархию своих потребностей, либо дожидаться определенной катаклизмы, как проявления «слабого звена», в связи, с чем будет спровоцирован спонтанный поиск более устойчивых состояний. В этом контексте по-новому предстают такие факторы как параметры порядка, которые ответственны за то, чтобы обеспечить системе устойчивое состояние функционирования. Бесспорным представляется положение, что система должна быть готова к восприятию той или иной инновации [6. С. 17 – 19].

Сущность инновационных процессов, возникающих в современном мире возможно так же рассматривать с точки зрения культурологического подхода, перенося внимание на трансформацию ценностной составляющей духовной сферы человеческого бытия. Для современной России проблема инновации важна в связи с тем, что на протяжении многих десятилетий она была втянута в различного рода инновационные эксперименты социального, политического, экономического и культурного характера. В последние годы ситуация усложнилась в связи с общим мировым кризисом глобального сообщества. В современном обществе одной из базисных ценностей является обновление, новаторство. В результате социальные и культурные подсистемы подвергаются постоянному изменению. Следует отметить, что становление новой области междисциплинарных исследований – инноватики – явилось продолжением изучения проблем, волнующих специалистов различных областей знания уже не один десяток лет. Встреча европейской культуры и культур колонизируемых народов породило необходимость изучения их взаимодействия, в результате чего понятие «инновация» возникает в теоретических исследованиях культурологов 2-ой половины XIX века. Культурная инновация в их представлениях являлась важнейшей характеристикой взаимодействия культур, когда одни элементы культуры инфильтровались в традиционные культуры. Основным механизмом такого проникновения считали, прежде всего, механизм психологического взаимодействия. Как указывалось выше, термин «инновация» используется при исследовании процессов изменений в культуре, как антоним термину "традиция". В культурантропологии понятие инновации исследовалось, прежде всего, с методологических позиций эволюционной и неэволюционной школы. Во второй половине XX в. социокультурные и психологические факторы инновационного процесса стали исследоваться в различных областях жизнедеятельности социума (например, в образовании). Инновация стала рассматриваться в качестве механизма общего социального процесса изменения [6. С. 28].

Инновизация общества во многих странах связана с модернизацией, и на этом пути возникают феномены, явно противостоящие современности. Речь идет о кризисных процессах, возникающих в переходном обществе, когда, если следовать диалектической традиции, старое качество разрушается, но еще не исчезло, а новое возникает, но еще не возникло. Инновизация и связанное с ней разрушение господствовавших в обществе культурных норм, правил и способов поведения ведут к обнажению старых, архаических пластов культурной жизни. Многочисленные случаи «инновационного хаоса», возникающего в ходе модернизационной инновизации, свидетельствуют об явной недостаточности технократического подхода к инновациям. Дело в том, что рыночная культура основана на принципах индивидуализма, прагматизма, универсализма. Человек в этой экономике рассматривается как самостоятельное существо, действующее без участия сакральных сил и созданные им вещи воспринимаются как только его личная собственность. Здесь господствует безличная универсальная товарная форма обмена. Вещь, предназначенная для обмена, не содержит в себе сколько-нибудь скрытых особых символических значений, она обладает вполне ясно выраженной потребительской стоимостью. Таким образом, в ходе инновизации глобализирующегося мира традиция и

модернизация должны не противостоять, а дополнять друг друга – исходя из принципа комплементарности [7. С. 73 -75].

Неоднозначность адекватной оценки инновации обусловлена рядом факторов: в частности, как уже было сказано, в социальных системах новое может возникать на первый взгляд спонтанно как эмерджентное, невыводимое из наличных составляющих. Сложность взаимоотношений между элементами системы, ведущая к появлению нового, также требует специфического метода анализа, позволяющего редуцировать эту сложность, свести ее к максимально простому. Анализ понятия инновационного, нового может иметь гносеологическую значимость исключительно при рассмотрении инновации как части системы, то есть как части целого, что особо актуально в свете синергетики как теории самоорганизующихся систем. Определение закономерностей эволюционного развития является фундаментальной составляющей исследовательского поля эпистемологии, и приобретает все большую значимость в связи с необходимостью адекватного научного объяснения происходящих социальных трансформаций. Характер инновации как ключевой составляющей эволюции также меняется в связи с ускорением темпов цивилизационного развития: новое оказывается непрогнозируемым, эмерджентным, способным оказывать принципиальное влияние на дальнейшее развитие социального процесса. Что вполне естественно с точки зрения синергетики. Многими современными учеными отмечается факт того, что именно эффект эмерджентности как неожиданного возникновения структур характеризует процесс социального становления как самоорганизующийся. Поэтому, на сегодняшний день наибольший гносеологический интерес представляет объяснение природы появления фундаментальных инновационных паттернов, определяющих дальнейший ход эволюции. Учитывая нелинейность и неоднозначность социальных инноваций, представляется актуальным применение к их исследованию не только деятельностного и культурологического, но и системного подхода [5. С. 66 – 68].

Поскольку синергетическая система включает в себе важнейшую для прояснения генезиса инновации категорию эмерджентного как нового, которое принципиально невыводимого из наличного. В этом отличие системы как таковой: сумма автономных элементов, соединяясь в единое целое, начинает взаимодействовать между собой по закону комплексного, единого конгломерата, и получает способность создавать инновационные элементы, которые отвечают потребностям этой системы. Законы, по которым развивались отдельные части, уже не являются актуальными, возникает новое комплексное целое со своими внутренними тенденциями - система. Именно кооперативные взаимодействия элементов системы являются прямой причиной появления эмерджентного звена- инновации. Инновация таким образом – это необходимость, возможность относительной устойчивости, момент перехода от неравновесности к упорядоченности, локальная цель системы, призванная обеспечить ее дальнейшее развитие, и являющаяся следствием механизма самоорганизации. Именно в момент наиболее неустойчивого состояния, означающей высокую чувствительность к малейшим изменениям, система стремится к относительной стабильности. Индивидуальное открытие в социальных системах становится инновацией исключительно на коллективном уровне, – это связано с тем, что инновация должна обладать свойством общезначимости. С точки зрения синергетической методологии, система, находясь в состоянии неустойчивости, с помощью естественного механизма самоорганизации формирует число теоретически приемлемых решений, множество альтернативных вариантов, обусловленных потребностью данной системы, и способных привести ее к относительной устойчивости. Инновация обеспечивает относительную стабильность системы, благодаря которой осуществляется дальнейший процесс эволюционирования. Когда инновация (или несколько инноваций в социальных системах) утрачивает свою актуальность, перестает обеспечивать дальнейший потенциал системы, относительная устойчивость опять сменяется состоянием неравновесности. По определению М.В. Максимовой, перспектива применения синергетического инструментария

к социальным процессам предоставляет возможность интерпретировать проблему появления инновационного знания с точки зрения принципиальной неустойчивости системы, рассмотреть процесс развития как процесс эволюционного движения от хаоса к порядку, определить роль инновации в открытых самоорганизующихся системах [5. С. 17 – 19].

Вполне закономерно Евросоюз объявил минувший 2010 год годом инноватики. Поскольку, жизнедеятельность всех основных сфер современного социума определяется процессом все более ускоряющейся глобализации, специфику которому в настоящее время придает достаточно затянувшийся финансовый кризис. Этот глобальный во всех смыслах контекст проявляется в самых значительных, и при этом очень динамичных, изменениях в мире. В сфере экономики - это кардинальное изменение ее характера, структуры, мирохозяйственных отношений и взаимосвязей. В сфере политики – это кардинальные изменения политической карты мира. Аналогично обстоит дело в сферах культуры, науки, образования и т.д. Что характерно, эти изменения происходят отнюдь не гармонично и последовательно, практически везде они имеют противоречивый характер. В данной связи хотелось бы отметить актуальность исследования инновационного подхода как необходимого в силу его чрезвычайной эффективности в плане решения современных насущных экономико-хозяйственных и социально-политических и прочих задач такого уровня. Он фактически не имеет альтернативы в современной сложившейся противоречивой ситуации [1. С. 622 – 623].

Подводя итог, отметим, инновация – это механизм противоречащий традиции и разрушающий ее, коренная ломка устоявшихся связей системы. С другой стороны, как ответ на потребности и запросы системы, она является частью самой традиции. Инновация как механизм общего социального процесса изменения – это ответ на существующую потребность системы, с одной стороны, и результат достижения поставленной цели, с другой. Существование данного механизма явственно доказывает многообразие мира и стремление его к непрерывному и неизбежному обновлению, развитию. Инновация представляет собой так же возможность относительной устойчивости системы, локальную цель, призванную обеспечить ее дальнейшее развитие, и являющаяся следствием механизма самоорганизации. Она обеспечивает относительную стабильность системы, благодаря которой осуществляется дальнейший процесс эволюционирования.

Библиографический список

1. **Бакулов, В.Д.** Историко-философский потенциал разработки теоретико-методологических проблем инноватики // Философская инноватика: поиски, проблемы, решения. Ежегодник 2011. Сб. научных трудов / Отв. ред. А.М. Старостин. – Ростов – н/Д., 2011.
2. **Кларин, М.В.** Инновации в обучении: метафоры и модели / М.В. Кларин. – М.: Наука, 1997.
3. **Князева, Е.Н.,** Основания синергетики / Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов. – СПб, 2002.
4. **Лешкевич, Т.Г.** Проблема преобразования реальности и парадоксы креативности // Философская инноватика: поиски, проблемы, решения. Ежегодник 2011. Сб. научных трудов / Отв. ред. А.М. Старостин. – Ростов – н/Д., 2011.
5. **Максимова, М.В.** Роль инновации в процессе самоорганизации: синергетический взгляд // Философская инноватика: поиски, проблемы, решения. Ежегодник 2011. Сб. научных трудов / Отв. ред. А.М. Старостин. – Ростов – н/Д., 2011.
6. **Старостин, А.М.** Философские инновации как аспект философской деятельности // Философская инноватика: поиски, проблемы, решения. Ежегодник 2011. Сб. научных трудов / Отв. ред. А.М. Старостин. – Ростов – н/Д., 2011.

7. **Старостин, А.М.** Проблемы инновационного развития современной России в элитологическом измерении // Философская инноватика: поиски, проблемы, решения. Ежегодник 2011. Сб. научных трудов / Отв. ред. А.М. Старостин. – Ростов – н/Д., 2011.
8. **Суханова, М.А.** Традиции и инновации в культуре // Инновации и образование. Сборник материалов конференции. Серия «Symposium», выпуск 29. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2003.
9. **Шумпетер, Й.Ф.** Теория экономического развития. Капитализм, социализм, демократия / Й. Ф. Шумпетер. – М., 2007.

УДК 172

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет
Доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, социологии и истории А.А. Радугин
Россия, г.Воронеж, тел. (473) 271-50-04;
e-mail: aradugin@yandex.ru

Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering
Doctor of Philosophy, Philosophy, Sociology and History Chair Head and Professor
A.A. Radugin.
Russia, Voronezh, tel. (473) 271-50-04;
e-mail: aradugin@yandex.ru

А. А. Радугин

КОРПОРАТИВНАЯ КУЛЬТУРА КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН: ПОТЕНЦИАЛЫ УСТОЙЧИВОСТИ И ИННОВАЦИОННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Цель данной статьи рассмотреть корпоративную культуру как социокультурный феномен, на основе раскрытия взаимосвязи таких явлений культуры как ценности, парадигма, традиция, менталитет, инновации, выявить потенциалы ее устойчивости и возможности инновационных изменений.

Ключевые слова: корпоративная культура, ценности, парадигма, традиция, менталитет, инновации.

A. A. Radugin

CORPORATE CULTURE AS SOCIOCULTURAL PHENOMENON: POTENTIALS OF STABILITY AND INNOVATIVE CHANGES

The purpose of this article is to consider the corporate culture as a social and cultural phenomenon based on the disclosure of the cultural phenomena relationship such as values, paradigm, tradition, mentality and innovation and to identify the potentials of its stability and the possibility of innovative changes.

Key words: corporate culture, values, paradigm, tradition, mentality, innovation.

Понятие «корпоративная культура» широко используется в современной социогуманитарной литературе для обозначения культурной среды крупных организаций: акционерных обществ, образовательных и научных сообществ и т.д. В последние десятилетия проблематика корпоративной культуры является объектом пристального внимания ученых из разных областей социогуманитарного знания. Повышенное внимание к феномену корпоративной культуры в условиях современного динамичного общества

определяется целым рядом причин, из которых наиболее важными являются потребности интеграция работников, выработка у них чувства преданности делам корпорации при необходимости постоянных изменений в деятельности корпораций. Американские исследователи Р. Харрис и Ф. Моррэн основные функции корпоративной культуры видят в создании и поддержание ценностей и норм корпорации, идентификации, формировании миссии и имиджа компании; поддержании определенных верований и мифов корпорации воспроизводство определенного типа работников, признание их заслуг. Российский ученый, автор одной из первых отечественных книг по проблемам корпоративной культуры В.А. Спивак считает, что «Корпоративная культура — это система материальных и духовных ценностей, проявлений, взаимодействующих между собой, присущих данной корпорации, отражающих ее индивидуальность и восприятие себя и других в социальной и вещественной среде, проявляющаяся в поведении, взаимодействии, восприятии себя и окружающей среды» [1. С. 27].

Цель данной статьи рассмотреть корпоративную культуру как социокультурный феномен, выявить потенциалы ее устойчивости и возможности инновационных изменений.

Основание корпоративной культуры образуют ценности. Ценности – это социальная форма бытия явления, вещи, предмета. В философской и культурологической литературе сущностной характеристикой феномена ценности называется значимость. Отношения значимости возникают как в процессе субъектно-объектных отношений, когда человек оценивает предметы, явления, события с точки зрения своих потребностей и интересов, так и в результате межсубъектных отношений, складывающихся по поводу объектов. С этих позиций нам представляется продуктивным определение ценности, предложенное Л.С. Перевозчиковой: «ценность – это идеальное качество явлений Культуры, формирующееся в процессе общественно-исторической, предметно-практической, духовной и духовно-практической деятельности Человека, и отражающее отношения их (явлений) значимости в социальном взаимодействии и общении, служащее смыслообразующим основанием человеческого бытия, задающее направление и мотивацию конкретной деятельности, поступков и всей жизнедеятельности» [2. С. 150]. Ценности выступают важным связующим звеном между обществом и внутренним миром личности.

В корпоративной культуре существует определенная иерархия ценностей. Высший уровень этой иерархии составляют фундаментальные ценности или ценности основания. Фундаментальные ценности – это ценности, цементирующие данную корпорацию как систему, аттракторы данной системы, обуславливающие ее существование как равновесной системы. Среди этих ценностей доминирующее положение занимают ценности целедостижения и социального успеха. Социальный успех – это выражение целесообразного целедостижительного поведения и его воплощение в конкретной социальной реальности. Социальный успех проявляется на разных уровнях: на уровне организационного и социального лидерства, на уровне личных и социальных свершений и достижений. Социальный успех является следствием реализации социально-одобряемых и личностно-значимых целей и имеет результирующий характер.

Социальный успех в корпоративной культуре является самодостаточной социальной ценностью. Социальный успех в личностном плане выражается в таком емком понятии, как жизненный успех. Ценности целедостижения и успеха конкретизируются в зависимости от специфики направления деятельности корпорации. Для коммерческих корпораций существенное значение имеет то, какими затратами достигается результат их деятельности, какова экономическая эффективность хозяйствования, является ли производство той или иной продукции или услуги рентабельным. В связи с этим, максимальная экономическая эффективность, получение прибыли является важной корпоративной ценностью, показателем целедостижения. Результирующим же показателем социального успеха данной корпорации является победа в конкурентной борьбе, занятие доминирующего положения на рынке данных товаров и услуг.

Ценности-средства — это ценностные требования, которые корпорация предъявляет к своим сотрудникам как для обеспечения целедостижения и успеха. Среди этих ценностей значительное место занимают ценность профессиональной компетентности. «Профессиональная компетентность, — по определению Л. С. Перевозчиковой, — это совокупность качеств личности, обеспечивающих устойчивую способность к эффективной деятельности, которая складывается из глубокого понимания сущности выполняемых задач и разрешаемых проблем, умения выбирать средства и способы действия, адекватные конкретным обстоятельствам, чувства ответственности за результаты» [3. С. 153].

Ценности — центральный элемент корпоративной культуры, определяющий специфику всех остальных моментов культуры корпорации. На основе системы ценностей формируются организационные нормы, которые выступают в качестве регуляторов служебного поведения. Они предполагают санкционирование поведения на основе ряда оценочных критериев, выработанных и узаконенных в процессе функционирования корпорации. В корпоративной культуре нормы обычно закреплены в виде своеобразного кодекса правил поведения и желательного образа действий, стандартов качества и обслуживания, системы обрядов и церемоний.

В корпоративной культуре на основе ценностно-нормативной системы формируются устойчивые конструкты, которые существуют и действуют на протяжении жизни нескольких поколений. Их основная функция — обеспечить формирование значимых ценностных ориентаций и установок, смыслов деятельности и поведения. По нашему мнению, такими устойчивыми конструктами ценностных значений, норм и символов и смыслов в корпоративной культуре являются парадигмы, традиции и менталитет. Прежде всего, определимся с пониманием феномена культурной парадигмы. Термин парадигма был введен в активный научный оборот американским философом Томасом Куном. Концепция парадигмы Т.Куна стала классической, и от нее отталкиваются все исследователи при осмыслении парадигмальной методологии. Вслед за Т. Куном, под парадигмой обычно понимается принятая определенным социальным сообществом базисная система ценностей и представлений, задающая образцы и способы постановки и решения проблем. Для анализа корпоративной культуры с позиций парадигмальной методологии, на наш взгляд, необходимо использовать понятие «культурная парадигма корпорации». Культурную парадигму корпорации мы понимаем как систему синхронных культурных элементов, объединенных отношениями сходства. В каждой конкретной корпорации на историческом этапе ее существования действует специфическая культурная парадигма. В каждой корпорации формируется определенный набор типичных принципов отношений, стереотипов социального поведения людей, проявляющихся в системах ценностей и мотивации деятельности. В связи с этим основу культурной парадигмы корпорации и следует искать в типичных способах осмысления ее членами способов решения проблем.

Успешные и эффективные способы решения деловых проблем становятся общим достоянием корпорации и закрепляются в виде «образцов», моделей для последующей деятельности. В результате возникает парадигма, которая затем обуславливает стиль и нормы деятельности работников и которая, тем самым, приобретает культурный характер. Культурная парадигма корпорации выполняет ряд основных функций: она объединяет членов организации, придает им общее видение основных проблем; на основе признанных достижений задает образцы решения проблем; сформировавшаяся, зрелая культурная парадигма предстает как совокупность убеждений, ценностей, норм, предписаний, характерных для большинства сотрудников. В корпорации, достаточно сплоченной на основе общей для ее членов культурной парадигмы, ее неприятие делает работника чужим в коллективе.

На основе функционирования в корпоративной культуре определенной культурной парадигмы формируется второй ее базисный конструкт — традиция. Социальное взаимодействие в корпорациях осуществляется главным образом на основе традиции. В

социогуманитарной литературе существуют различные трактовки феномена традиции. Так, по мнению Ю.А. Левады, «традиция в социологии — механизм воспроизводства социальных институтов и норм, при котором поддержание последних обосновывается, узаконяется самим фактом их существования в прошлом; термин “традиция” нередко распространяется также на сами социальные установления и нормы, которые воспроизводятся подобным образом» [4. С. 253]. Таким образом, с позиции Ю.А. Левады, понятие «традиция» употребляется в двух смыслах: как механизм воспроизводства социальных институтов и норм, и как обозначение содержания самих норм. Один из крупнейших исследователей традиции, польский социолог Е. Шацкий, к двум, вышеобозначенным трактовкам, добавляет третью, которую он называет «субъектной». В этой трактовке на первом плане находится не функция передачи из поколения в поколение тех или иных ценностей и не сами ценности, а отношение данного поколения к прошлому, его согласие на наследование, или же протест против него. Традиция в этом смысле – не просто копирование таких форм, которые существовали в прошлом, а лишь активно развиваемое и преобразуемое прошлое [5. С. 155]. В культурологической литературе традиция рассматривается как один из самых консервативных, устойчивых элементов культуры, основной механизм сохранения и транслирования из поколения к поколению социального опыта. По определению Э.С. Маркаряна, «Культурная традиция — это выраженный в социально организованных стереотипах групповой опыт, который путем пространственно-временной трансмиссии аккумулируется и воспроизводится в различных человеческих коллективах» [6. С. 80]. С позиций культурологов, традиция как механизм аккумуляции, трансляции и трансмутации социального опыта присуща в той или иной степени всем типам сообществ и всем видам социально значимой деятельности. Она задает и способ отношения сообщества к прошлому, и меру его актуализации в настоящем. Она же определяет границы идентичности сообщества. Однако, было бы большим упрощением социокультурных процессов трактовать традицию как инструмент повторения прошлого образца, так как, одновременно, традиция, в определенной степени, выступает и как механизм изменения общества. Традиция связана с настоящим, она передается настоящим, и, исходя из настоящего, определяет то, что нужно делать. В этом смысле любая традиция строится на современном фундаменте, который сам выстроен на постоянно возобновляющемся прошлом. Именно настоящее задает обращение к прошлому. Традиция как система образцов, усиливающая сплоченность и самосознание создавшего ее социума, существует в самой практике повседневной жизни, независимо от меры осознания механизма создания и действия этих образцов. Традиция постоянно изменяется, и источник изменения содержится внутри нее, она является положительным преемством, то есть определенным порядком наследования, состоянием, в котором находится положительный восприимчивый.

С позиции В.В. Аверьянова традиция представляет собой системное образование. По его мнению, традиция — система в организационно-функциональном плане, сводится к трем главным аспектам: порядку (стереотипу), процессу (отражающему событие наследования) и собственно системным проявлениям (моделям, программам и институтам наследования). Таким образом, в понятии традиции интегрируются все существенные аспекты воспроизводства идентичности сообщество его становления и длительного существования. В эти трех своих внутренних регистрах, с точки зрения В.В. Аверьянова, традиция способна на парадоксальные сочетания динамики, стабилизации, обновления, консерватизма, организованности, хаоса [7. С. 9-10]. Культурная парадигма и традиции закрепляются в групповом сознании в социально-психологической структуре «менталитет». В культурологической и философской литературе менталитетом называют глубинный уровень массового сознания, своего рода «психологическую оснастку» любой социальной общности, которая позволяет ей по-своему воспринимать как окружающую среду, так и самих себя. Эта «психологическая оснастка» проявляется в характерном для данной общности мироощущении и мировосприятии, имеющем эмоциональное, аксиологическое и

поведенческое выражение. В культурологической и философской литературе также подчеркивается сознательно неконтролируемое, в какой-то мере автоматическое действие ментальных структур. Широко распространено представление о менталитете как феномене, который отражает некоторый уровень общественного сознания, где мысль не отчленена от эмоций, от латентных привычек и механизмов сознания. «Содержание менталитета, — по А.Я.Гуревичу, — представляет собой некоторый сложившийся образ, внутреннюю картину мира, отражающую культуру общества. Именно картина мира, включающая в себя, в частности, представления о личности и её отношении к социуму, о свободе, равенстве, чести, добре и зле, о праве и труде, о семье и сексуальных отношениях, о ходе истории, о ценностях времени, о соотношении старого и нового (картина мира, в принципе неисчерпаема), эта картина мира, унаследованная от предыдущих поколений и непрерывно изменяющаяся в процессе общественной практики, лежит в основе человеческого поведения» [8. С. 455].

Одна из важных особенностей менталитета состоит в том, что он носит устойчивый характер, и эта устойчивость сохраняется в течение длительного времени. Устойчивость как один из важнейших признаков, характеризующих феномен менталитета, обуславливает постоянство его функционирования. Постоянство внутренних глубинно-психических характеристик менталитета означает пребывание их в определенном состоянии в конкретную историческую эпоху. В.С. Барулин назвал менталитет духовно-стационарной основой человеческого существа, которая позволяет ему бесконечно менять своё поведение, оставаясь при этом одним и тем же. В качестве другого существенного признака менталитета может быть выделена большая глубина. Устойчивость как признак менталитета может быть убедительно реализована именно в большой глубине, то есть при условии некоторой сокрытости от повседневного его освещения или направленного воздействия. В соответствии с этими характеристиками исследователи выделяют в структуре менталитета два уровня: внутренний и внешний. Внутренний уровень, ядро менталитета общества – это инертный, малоизменчивый блок, выполняет роль образующую, охранительную и восстановительную. Это глубинный слой менталитета, «подвижки» в котором теоретически возможны на исторически весьма протяженных временных промежутках. «Внешнее», «оболочка» менталитета представляется в виде витального блока, подвижного и реагирующего на воздействия извне.

Менталитет представляет собой систему социальных установок общности и личности. Система установок в пространстве менталитета структурируется на социокультурные (аксиологические) и глубинно-психические (функциональные). Социокультурные установки образуют ценностный ряд, глубинно-психические детерминируют деятельностный аспект менталитета. Установки-ценности представляют собой систему норм, детерминирующих духовную реализацию человека в социальном бытии. Они обретают свое конкретное воплощение, образуя своеобразное «ментальное поле», в единстве с глубинно-психическими установками. Действие данной системы рассматривается как ментальная «работа», которую не следует рассматривать механистически, уподобляя его, по выражению В. А. Лефевра, «бездущию автомата», включающего механизм жесткого поведенческого алгоритма. Автоматизмы поведения в пространстве «ментального поля» могут быть охарактеризованы как «думающее поведение». На основании вышеизложенного менталитет можно определить как функционирующую на уровне внесознательного, устойчивую систему внутренних глубинно-психических социокультурных установок, формирующуюся и изменяющуюся как под влиянием внешних воздействий, так и путем внутренне обусловленного саморазвития.

Культурная парадигма корпорации и сформировавшиеся на ее основе традиция и менталитет являются системообразующими и стабилизирующими элементами корпоративной культуры. Культурная парадигма выполняет эту функцию в актуальной или в относительно короткой временной перспективе, выражаясь символически, в ту или иную «эпоху» существования и функционирования организации. Традиция и менталитет действуют на длительном временном промежутке. Они обеспечивают стабильное существование и

функционирование корпорации в течение всей ее истории. Динамическим фактором в системе корпорации, инструментом ее изменения и развития выступают инновации.

В последние десятилетия проблема инноваций в социогуманитарных науках получила интенсивное развитие, в результате которого сформировалась специальная отрасль знания — инноватика. В инноватике выработано достаточно большое количество определений инновации. Анализ различных определений инновации приводит к выводу, что специфическое содержание инновации составляют изменения, а главной функцией инновационной деятельности является функция изменения. Мы разделяем точку зрения тех ученых, которые трактуют инновации как целенаправленные, контролируемые изменения в функционировании организаций как системы, которые вносят в них относительно стабильные элементы, существенно преобразующие функции и характер управления ими. В отличие от различных стихийных, спонтанно возникающих изменений, инновации представляют собой иницируемые и в значительной мере контролируемые изменения, которые происходят на основе рационально-волевого действия. С позиций диалектики содержание инновационного процесса как процесса развития, процесса изменения можно понять только на основе закона перехода количественных изменений в качественные. Основными категориями раскрывающими действие этого закона являются «количественные изменения», «мера», «границы меры», «скачек», «новое качество». Системообразующей категорией, интегрирующей различные модификации инновационного процесса, является категория «новое качество», понимаемая как отношение (вещь, свойство), которое знаменует переход границы меры, определявшей качественную специфику прежнего явления. По мнению С.Е. Крючковой, «понятие «инновация» тесно связано с такими категориями как «новое», «открытие», «творчество». Процесс теоретико-методологического осмысления возникновения нового в историческом масштабе, по ее словам, шел в соответствии со следующим вектором: от открытия того, что существует в природе, к творчеству-созданию того, чего в природе не было, а от него — к инновации — сложному процессу, результатом которого является некоторое новшество, имеющее не просто социальную значимость, а удовлетворяющее определенную общественную потребность и имеющее коммерческую стоимость» [9. С. 153].

С позиций социальной философии, смысл инновации раскрывается в контексте коммуникативной онтологии, как такая связь между результатами предшествующей и актуальной человеческой деятельности, которая конституирует качественные нововведения, тем самым, интенсифицируя процессы социального развития.

В соответствие с данной концепцией инновации в современной социологической литературе подчеркивается системный характер инновационного изменения. Инновация — это не плод какого-то одного, частичного новшества в производственном процессе или в организации управления, а результат совокупности взаимодействий, изменяющих всю систему предприятия. Известный российский социолог В.Н. Лапин характеризует инновацию как комплексный процесс создания, распространения и использования нового практического средства для лучшего удовлетворения известной потребности людей.

Следует отметить, что существуют определенное противоречие между функционированием организации и ее изменениями. Все организационные системы в силу действия в них конструкта традиции обладают значительной стабильностью и инертностью. Нормальное функционирование организации предполагает циклическое воспроизводство каких-то, действий, результатов. Инновации, как правило, дестабилизируют систему, так как новшества обычно вызывают смещение равновесия в ней и приводят к непредвиденным последствиям. Противоречие между стабильностью системы и ее изменением в социологии управления обозначается термином «инновационное противоречие». Разрешение этого противоречия, сохранение стабильности системы возможно только через искусное, поэтапное осуществление инновации, так чтобы система, изменяясь в одних своих элементах, сохранялась как устойчивое образование во всех других. Однако следует

принимать тот факт, что организация как система, функционирует по законам теории систем. А в теории систем хорошо обосновано положение, что частичные, «пошаговые» изменения довольно быстро поглощаются системой, не переводя ее на новый качественный уровень, следовательно, системный объект должен изменяться также системно, то есть в случае коренной переориентации в деятельности организации в ней должны быть проведены глубокие качественные преобразования.

В современной социогуманитарной литературе обоснована глубокая связь традиций и инноваций. Следование традициям не только не противоречит инновациям, но и предполагает появление последних, ибо традиция каждый раз реализуется на новом материале. Традиция как система принимает инновации и усваивает их, но традиция в этом отношении представляет собой систему, которая адаптирует инновации, а не наоборот. Заложил основу для понимания позитивной роли традиции в инновационном процессе Э.С. Маркарян. «Культурная традиция, — отмечает Э.С.Маркарян, — обычно противопоставляется творческому началу активности людей. Подобное противопоставление вполне оправдано, если эти явления рассматривать в статике. Однако, если подходить к изучению традиции с точки зрения развития, динамики, то столь жесткое противопоставление оказывается неправомерным, ибо любая инновация, если она принимается множеством входящих в ту или иную группу людей, стереотипизируется и превращается в традицию. Поэтому динамика культурной традиции — это постоянный процесс преодоления одних видов социально организованных стереотипов и образования новых. Он выступает в качестве стержня социальной самоорганизации. Важно при этом подчеркнуть органическую взаимообусловленность традиций и инноваций. С одной стороны, инновация служит потенциальным источником образования стереотипов культурных традиций. С другой стороны, традиции выступают в качестве необходимой предпосылки творческих процессов создания того фонда, путем комбинации элементов которого во многом и осуществляются эти процессы. Традиции же обычно и задают им общую направленность» [10. С. 155]. В данном высказывании, по нашему мнению, Э.С. Маркарян справедливо подчеркивает существование органической взаимообусловленности между традицией и инновацией. Однако нельзя согласиться с его мнением, что инновация является комбинацией традиционных компонентов. Более того, наоборот, она никогда не является комбинацией старых элементов традиции. Ведь если бы из элементов традиции можно было бы «склеить» инновацию, то это означало бы, что ничего нового по сравнению с традицией в качественном отношении в инновации нет. Инновация же, как было отмечено выше, по определению является качественно новым образованием. Э. С. Маркарян формировал свою концепцию взаимоотношения традиции и инновации на основе этнографического материала, где в основу этих социокультурных феноменов был положен социальный опыт. Для более глубокого исследования этих процессов необходим новый уровень исследования — социально-философский. Мы разделяем мнение С.П. Иваненкова, что социально-философский уровень осмысления взаимоотношения традиционного и инновационного в обществе требует, понимания их природы как явлений, качественно различных, но, вместе с тем, имеющих одно основание. Таким основанием является не просто социальное время, а именно будущее состояние общества во времени. И инновация, и традиция являются формами движения социума в будущее. Без сохранения достигнутого состояния не было бы никакого прогрессивного развития — и традиция обеспечивает именно эту компоненту общественного процесса в целом, выполняя одновременно консервативную и стабилизирующую функцию, обеспечивая возможность для следующего шага общества в будущее. Однако вся проблема состоит в том, что будущее при тщательном рассмотрении оказывается вовсе не простым однокомпонентным целым. В данном случае речь не идет о различении актуального и потенциального, возможности и действительности. Это иной пласт рассмотрения проблемы соотношения настоящего и будущего. Речь в прямом смысле слова идет о будущем в его собственном виде или форме. С точки зрения

С.П. Иваненкова, настоящее несет в себе одновременно как минимум два реальных будущих состояния, которые он называет «простое» и «сложное» будущее. Возникновение и реальность первого обеспечивается как раз традиционными механизмами. Традиция, в сущности, воспроизводит и выражает лишь процессы функционирования конкретного определенного социума, и «врастание в будущее» обеспечивается самим социумом через сохранение своей качественной определенности как некоей константы, т.е. через традицию. Но в самом же конкретном настоящем данного социума всегда имеется место и для сложного будущего — состояния, качественно иного по отношению к предыдущему. Оно-то и обеспечивается инновацией. Поэтому и неправильно, и недопустимо отождествление традиций и инноваций. Эти процессы в одинаковой мере ответственны за будущее, весь вопрос только в том, за какое будущее [11]. И здесь встает проблема глубины инновационных изменений. Инновационный процесс представляет собой систему поэтапных действий, которые в совокупности образуют «жизненный цикл» нововведение. Не вдаваясь в подробности описания этого «жизненного цикла», который достаточно полно освещен в литературе по инноватике, мы отметим лишь такое важное положение, касающиеся заключительной стадии этого цикла: инновационное преобразование, на наш взгляд, будет иметь место, если произойдет смена культурной парадигмы корпорации. Эту проблему применительно к такой разновидности корпоративной культуры как культура научных сообществ с позиций инструментов развития науки в философии науки разрабатывали Томас Кун и Имре Лакатос. Т. Кун развитие корпоративной культуры научного сообщества описывает как процесс смены научных парадигм. Этот процесс в работах Т. Куна характеризуется термином «научная революция». В философии науки, с позиций Т.Куна, только инновации в виде научных революций переводят корпоративную культуру научного сообщества в новое качественное состояние и закладывают основы новой традиции. И. Лакатос этот процесс исследует как процесс смены научных программ.

Итак, основу корпоративной культуры составляет ценностно-нормативная система. На основе ценностно-нормативной системы формируются устойчивые конструкты. Такими устойчивыми конструктами ценностных значений, норм и символов и смыслов в корпоративной культуре являются парадигмы, традиции и менталитет. Развитие корпоративной культуры, обеспечивающее адаптацию корпораций к изменившимся условиям окружающей среды и создание новых потенциалов их успехов в конкурентной борьбе осуществляется на основе инноваций. Инновационное преобразование, на наш взгляд, будет иметь место, если произойдет смена культурной парадигмы корпорации. Инновация войдет в систему корпорации организации тогда, когда станет органичной частью традиции корпорации и закрепится на социально-психологическом уровне в структурах группового (корпоративного) менталитета.

Библиографический список

1. **Спивак, В. А.** Корпоративная культура / В. А. Спивак. — СПб.: Питер, 2001.— 352с.
2. **Перевозчикова, Л.С.** Аксиологические основания гуманистической парадигмы высшего образования в культуре информационного общества. Дисс...д-ра философских наук / Л.С. Перевозчикова.. — Тула, 2009. — 395с.
3. См. там же.
4. **Левада, Ю.А.** Традиция / Ю.А. Левада // Философская энциклопедия: В 5-ти т. Т. 5. — М., 1970. — 742с.
5. **Шацкий, Е.** Утопия и традиция / Е. Шацкий. — М.: Прогресс, 1990. —456с.
6. **Маркарян, Э.С.** Теория культуры и современная наука / Э.С. Маркарян. — М., 1980. — 282 с.

7. **Аверьянов, В.В.** Традиция как методологическая проблема в отечественной культурологической литературе. Автореферат дисс. ... канд-та философских наук / В.В. Аверьянов.— М., 2001 — 33с.
8. **Гуревич, А.Я.** Исторический синтез и школа «Анналов» / А.Я. Гуревич. — М.: Индрик, 1993. — 327с.
9. **Крючкова, С.Е.** Инновации: философско-методологический анализ. Дисс. ... д-ра философских наук / С.Е. Крючкова.— М., 2001. – 295с.
10. **Маркарян, Э.С.** Науки о культуре и императивы эпохи / Э.С. Маркарян. – М., 2000. – 127 с.
11. **Иваненков, С.П.** Традиция и будущее / С.П. Иваненков // Теоретический журнал "Credo". [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://credonew.ru/content/view/43/65/>

УДК 130.1

*Воронежский государственный университет
Аспирант кафедры истории философии
Е.В. Панов
Россия, г.Воронеж;
e-mail: eugene575@mail.ru*

*Voronezh State University
Postgraduate of History of Philosophy Chair
E.V. Panov
Russia, Voronezh;
e-mail: eugene575@mail.ru*

Е. В. Панов

ЛОКАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ МЕГАПОЛИСА И ПРОВИНЦИИ (КОМПАРАТИВИСТСКИЙ АНАЛИЗ)

В статье проводится социально-философский компаративистский анализ локальной идентичности мегаполиса и провинции, указываются их отличительные черты и выявляются причины подобного отличия.

Ключевые слова: локальная идентичность, идентичность мегаполиса, идентичность провинции, субкультура.

E. V. Panov

LOCAL IDENTITY OF SUPERCITY AND COUNTRY (COMPARATIVISTIC ANALYSIS)

In the article socio-philosophical comparativistic analysis of supercity identity and country identity was made. The author stressed up unique features of two kinds of identity and determined causes of such differences.

Key words: Local identity, supercity identity, country identity, subculture.

Фундаментальные проблемы современного человека вытекают из его стремлений уберечь свою самостоятельность и самобытность от давления со стороны общества, культуры, исторической традиции. Веками он выступал против нивелирования и поглощения общественно-техническим механизмом.

История дает нам ряд ярких примеров подтверждения социо-культурного давления

на индивида. Так, XVIII век, например, взывал к освобождению от исторически сложившихся оков государства и религии, морали и хозяйственной жизни, стремился предоставить человеческой природе, признанной для всех людей равной и благой, свободу действия для беспрепятственного развития. XIX столетие, помимо чистой свободы, обусловленной разделением труда, требовало специализации человека, которая делает отдельного субъекта до известной степени необходимым и незаменимым, но вместе с тем и более зависимым от дополнения его другими людьми. Не только Ницше, но и многие другие мыслители, заявляли о самой беспощадной борьбе между личностями, а идеологи социализма, напротив, настаивали на полном устранении всякой конкуренции, как необходимым условием полного всестороннего развития индивидуума.

Многие философские умы сегодня затрагивает проблема идентичности. В частности, глобализационные тенденции второй половины XX-начала XXI века способствуют развитию темы идентичности в рамках дискурса глобального/локального. Особого внимания на наш взгляд заслуживает компаративистский анализ мегаполисной и провинциальной идентичностей, учитывая не равнозначное влияние глобализации на различные социокультурные области.

Для мегаполиса характерны уличная суматоха, быстрый темп и многообразие хозяйственной, профессиональной, общественной и культурной жизни. Провинциальный городок, в свою очередь, характеризуется медленным, привычным и равномерным ритмом душевной и умственной жизни. Типичный житель большого города реагирует на резкую смену и противоположность явлений не чувством и эмоциями, а преимущественно умом. Таким образом, для столичного жителя характерны рассудочность и рассудительность, в то время как для провинциала характерны эмоциональность и некоторая непосредственность.

В чем причина столь принципиального различия в двух подобных локальностях? Г. Зиммель в работе «Большие города и духовная жизнь» находит ответ на этот вопрос в денежном хозяйстве: «Денежное хозяйство и преобладание рассудочности находятся в тесной связи между собою. Им свойственно конкретное деловое отношение к людям и вещам, при котором формальная справедливость сочетается с ярко выраженной жестокостью. Рассудок по своей сути равнодушен ко всему, что индивидуально, так как индивидуальное может вызвать такое отношение и реагирование, которое не исчерпывается одной логикой; подобным образом и принцип денег устраняет всякую индивидуальность явлений» [1. С. 2]. Предмет денег – меновая ценность, которая низводит качество и оригинальность под критерий количества. Рассудочные отношения считаются с людьми как с цифрами, как с элементами, по существу совершенно безразличными, ценными лишь по их объективным поддающимся точному взвешиванию трудам.

Противоположный характер отношений между людьми мы наблюдаем в провинциальных городках, где обязательное знание частного, единичного неизбежно делает отношения более проникнутыми чувством, отвлекает от чисто объективной оценки людей по тому, что от них можно получить. Уникальность провинции состоит в том, что она воспринимается как своеобразный «мир», обладающий помимо географических, природно-климатических и исторических особенностей, набором собственных ментальных характеристик. Это – близость культурных процессов к человеку, а человека к природе, включенность явлений культуры в повседневное бытие провинциального общества, неадекватность оценок, повышенная эмоциональность, яркость впечатлений, консерватизм вкусов, резкий контраст психологических реакций.

В сфере производства товаров и услуг, существенным в мыльных локальных кругах является то, что товар производится для конкретного покупателя, под конкретный заказ, так что производитель и потребитель непосредственно знают друг друга. Напротив, мегаполисы настоящего времени живут исключительно производством для рынка, т. е. для совершенно неизвестных, анонимных потребителей, с которыми производитель может никогда и не встретиться вовсе. В итоге, интересы и отношения обеих сторон приобретают

исключительно деловой характер, а их рассудочный эгоизм не может быть смягчен действием личных отношений.

Количественный характер денег внес в отношение между элементами жизни определенность, точность в определении равноценностей и различий, безусловность договоров и условий. Причиной и результатом этой черты жизни послужили условия, сложившиеся в большом городе: «обстоятельства и жизнь жителя большого города бывают обыкновенно чрезвычайно разнообразны и сложны, и, что особенно важно, вследствие скопления большого количества людей со столь дифференцированными интересами, их жизнь и деятельность слагается в столь многочисленный организм, что без самой пунктуальной точности договоров и выполнения их все обратилось бы в полнейший хаос».

Таким образом, пунктуальность, рассчитанность, точность, к которым принуждает жизнь большого города, ее сложность не только стоят в теснейшей связи с его денежно-хозяйственным и интеллектуалистическим характером. Техника жизни мегаполисов вообще немыслима без самого точного распределения всякой деятельности и всех взаимоотношений по установленной схеме времени, лежащей вне субъекта.

Другой важной чертой жизни мегаполиса является крайнее развитие индивидуальности, которой свойственно бесчувственное равнодушие. «Оно является следствием тех быстро сменяющихся и в своей противоположности тесно стекающихся раздражений нервов, которые, по нашему мнению, приводят в больших городах к развитию интеллектуальности; вследствие этого как раз глупые и духовно неподвижные люди обыкновенно и не бывают блазированы» [1. С. 4].

Термин «блазированность» был введен Зиммелем для обозначения психологических особенностей, характерных для жителей больших городов начала XXв. Блазированность представляет собой по сути некое культурное приспособление, которым индивиды защищают себя. Она вытекает из их неспособности взаимодействовать лицом-к-лицу с тем обилием людей, с которым индивиды сталкиваются каждый день. Общение лицом-к-лицу вызывает эмоции радости и негодования, сочувствия, сострадания, любви и т.д. Однако, при тех многочисленных контактах, к которым нас толкает мегаполис, эмоциональная энергия слишком легко и напрасно бы исчерпалась, если бы горожане стали принимать их близко к сердцу. Тактика игнорирования окружающих, избегания контакта с ними более психологически экономна. Вследствие этого формируется тип личности, культивирующий сосредоточенность на своих интересах и равнодушие к социальным процессам. «Подобно тому, как неумеренные наслаждения вызывают в человеке атрофию чувств, так как они до тех пор вызывают сильнейшие реакции со стороны нервной системы, пока она не перестает, наконец, реагировать окончательно, — подобно этому и более скудные впечатления требуют от нервной системы, благодаря быстроте и противоположности своей смены, настолько сильного реагирования, так стремительно треплют ее, что она должна отдать на это последний запас сил и не имеет возможности, оставаясь в той же среде, собрать новые» [1. С. 8].

Сущность блазированнойности есть притупленность восприятия различия вещей: значение и ценность разницы между вещами, да и сами вещи кажутся ничтожными. Они представляются городским жителям невзрачными и сырыми, совершенно бесполезными, недостойными никакого предпочтения перед другими. Такая ситуация обесценивания всего объективного мира в итоге приводит к ощущению обесценивания собственной личности. Поскольку при таком паттерне существования индивиду приходится считаться лишь с самим собой, внутренние отношения жителей мегаполисов характеризуются нами как замкнутые, обособленные. «Если бы непрерывным внешним сношениям с бесчисленным множеством людей должно было бы соответствовать так же много внутренних реакций, как в маленьком городе, где знаешь почти каждого встречного и к каждому имеешь непосредственное отношение, — если бы это было так, внутренний мир распался бы на атомы, и душевное состояние стало бы прямо невозможным» [1. С. 9].

Таким образом, сама внутренняя структура мегаполиса побуждает его жителей к некоторой замкнутости, вследствие которой провинциалы считают жителей крупных городов бесчувственными и холодными.

Независимость субъекта, как результат взаимной замкнутости и безразличия, нигде не чувствуется так сильно, как в тесноте больших городов, потому что физическая близость и скученность единственно подчеркивают психологическую отстраненность и отдаленность. При этом именно среди общей давки больших городов чувствуешь себя таким одиноким и покинутым, как ни в одном другом месте.

Зиммель сделал обобщение, что, чем больше группы увеличиваются в размерах и объеме, тем больше они становятся внутренне дифференцированными: растет количество взаимодействующих личностей, увеличивается количество доступных социальных ролей, происходит рост возможностей для индивидуализации и разнообразия между личностями. Высокая внутренняя дифференцированность группы означает, с одной стороны, внутренне многообразие, с другой – снижение различия между группами. Другими словами, индивидуализация и возрастание различий внутри группы с высокой долей вероятности будет сочетаться с сокращением индивидуализации и различий между группами.

Очевиден тот факт, что большой город является сосредоточением индивидуальной свободы, являющейся результатом всемирно-исторического процесса взаимодействия между расширением территории и ростом потребности в личной свободе, чему в значительной степени способствовало то обстоятельство, что большие города издавна были сердцем космополитизма. Для большого города решающим всегда было то обстоятельство, что его внутренняя жизнь волнообразно широко распространяется по государству. Существенное значение мегаполиса заключается в функциональном значении за пределами физических границ, а обратная связь делает его жизнь значительной, важной и ответственной, в то время, как сфера жизни провинциального городка замкнута в себе и ограничена собой. «Как человек не исчерпан пределами его тела или области, которую он непосредственно заполняет своей деятельностью, но лишь суммой влияния, которое он оказывает во времени и в пространстве, — так и город равен совокупности оказанного им за его ближайшими пределами влияния» [1. С. 9].

Индивидуальная свобода – это не только свобода деятельности и отказа от предрассудков; в первую очередь она есть самобытность и оригинальность, которая, так или иначе, свойственна каждому. В первую очередь город — это центр наибольшего развития разделения труда. Экстенсивный характер развития города создает все больше условий для разделения труда. Вследствие своих размеров город способен вместить огромное количество жителей, принадлежащих к самым разнообразным профессиям. При этом одновременное скопление большого количества людей и рыночная конкуренция вынуждают отдельную личность к узкой специализации труда, при которой она не может быть вытеснена другой.

Необходимость в специализированном труде влияет на дифференциацию, утонченность, что со своей стороны, должно привести к очевидному увеличению и индивидуализации личных особенностей и качеств. Немаловажное значение в данном направлении играет и город. «Когда количественное увеличение его значения и его энергии доведены до высшего предела, — тогда начинают обращаться к качественным особенностям, чтобы таким образом путем возбуждения впечатлений разницы, привлечь как-нибудь на свою сторону внимание социального круга; в конце концов это приводит к умышленным чудачествам, к специфическим для большого города экстравагантностям, самообособлению, капризам, претенциозности, смысл чего заключается уже не в содержании того или другого поведения, а только в его форме: в том, чтобы быть непохожим на других, чтобы выдвинуться и тем стать заметным» [1. С. 11]. Глядя на представителей современных субкультур, становится очевидным, что для многих это единственное средство, благодаря вниманию других, самому начать ценить себя и сознавать, что занимаешь некоторое место.

Подобное положение вещей стимулировало развитие локальных субкультур в пространстве больших городов, определяющим фактором в формировании которых является создание и поиск «Образа Иного», что наблюдается еще в архаичных обществах – потребность в «наоборотной, извращенной культуры» ради поддержания устойчивости социальной системы. Главный принцип существования – «Мы» и «Они». Несогласие их членов с господствующими нормами выражается в демонстративной самоидентификации с вывернутыми наизнанку нормами собственной культуры, воплощенными в иных, презираемых, вызывающих страх, ненависть или неприязнь в глазах доминирующей группы этносах. Такие сообщества существуют, пока они сохраняют энергию отрицающего эпатажа, заимствованного через освоение иной, шокирующей большинство, культуры.

Следует также указать на то, что большие города являются главной ареной культуры, перерастающей все личное. В зданиях и учебных заведениях, в достижениях и комфорте техники, в формах общественной жизни и государственных институтах воплощена такая «подавляющая масса кристаллизованного, обезличенного духа», перед которым личность, совершенно бессильна. Во всяком случае личность отстает все дальше и дальше от преобладающей объективной культуры. Индивид сильнее, чем им это создается, стал пылинкой перед огромной организацией предметов и сил, которые постепенно выманивают из его рук весь прогресс, все духовные и материальные ценности.

Для горожан жизнь становится, с одной стороны, бесконечно легкой, беспечной, так как им со всех сторон представлен широкий спектр возможностей и интересов, необходимых для заполнения времени и мыслей, что постоянно держит их в движении. Но, с другой стороны, жизнь городского индивида слагается из все более и более безличного содержания и материала, которые стремятся подавить «специфически личную окраску и оригинальность».

В связи с этим особенно интенсивно развиваются маргинальные тенденции. Главный признак маргинализации – разрыв экономических, социальных и духовных связей. Эталонная фигура маргинала – это провинциальный человек, переехавший жить в город. В этой ситуации нормы и традиции деревенской жизни уже подорваны, а городская субкультура еще не усвоена.

Другим немаловажным фактом развития маргинальных трендов является неразвитая инфраструктура. «Массовое перемещение сельских жителей в города не сопровождалось развертыванием социальной инфраструктуры. Потеряв связь с деревенской жизнью, переселенцы не получили возможность полноценно включиться в жизнь городскую» [2. С. 138]. Отсутствие развитой социальной инфраструктуры не предоставляет никакой возможности для мигрантов укорениться, организовать, наладить социальные связи в рамках новой для них среды.

Быть маргиналом означает занимать некоторое промежуточное (периферийное) положение, жить в двух и более мирах, внешне принадлежать к различным общностям, культурам, религиям, при этом, не разделяя их ценностей и традиций. В итоге, это значит не иметь собственной системы ценностей, а только имитировать, лже-разделять чужую, что проявляет себя в чувстве потерянности.

Таким образом, рассмотрев проблему локальной идентичности на примере мегаполиса и провинции, мы отмечаем, что город как сосредоточение глобализационных тенденций привлекателен для провинциальных жителей своей экономической выгодой, лучшими условиями труда и жизни. При этом его подавляющее унифицирующее воздействие нивелирует и даже стирает то духовное, непосредственное, сакральное, присутствующее в провинциальной культуре. Деревенские жители, попав в городскую среду, в первую очередь утрачивают свои культурные корни, то, что делает их столь непохожими на горожан, попадая под категорию люмпенов, что, в некоторой степени, приводит к кризису идентичности. Такая ситуация может продолжаться достаточно долго, поскольку город не в состоянии моментально создать приезжим условия городской социализации. Хотя подобные

идеи обнаруживают себя в произведениях О. Шпенглера, А. Тойнби (мысли о губительном воздействии цивилизации на культуру) до сих пор в социально-философской мысли нет однозначного ответа на вопросы о том, как должно вести себя общество в условиях кризиса традиционных идентичностей, возможно ли вернуться к традиционным ценностям, и способен ли человек противостоять кризису идентичностей.

Библиографический список

1. **Зиммель, Г.** Большие города и духовная жизнь / Г. Зиммель // Логос: Журнал по философии и прагматике культуры. 2002. – № 3. – С. 1-12.

2. **Стариков, Е.** Маргиналы, или Размышления на старую тему: «Что с нами происходит» / Е. Стариков // Знамя. – 1989. – №10. – С. 133-162.

УДК 316.6

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет, аспирант кафедры философии, социологии и истории

К.А. Форналева .

Россия, г.Воронеж, тел. (473) 271-50-04;

e-mail: hist-vgasu@yandex.ru

Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering, Postgraduate of Philosophy, Sociology and History Chair

K.A. Fornalyova.

Russia, Voronezh, tel. (473) 271-50-04;

e-mail: hist-vgasu@yandex.ru

К. А. Форналёва

ГЕНДЕРНАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК СРЕДСТВО ПРЕОДОЛЕНИЯ ГЕНДЕРНОГО КОНФЛИКТА

В статье анализируются такие понятия как гендерная идентичность, гендерные стереотипы, гендерное неравенство, а также механизмы гендерного конфликта. Автор предлагает рассмотреть толерантность как средство разрешения гендерного конфликта.

Ключевые слова: гендер, гендерный стереотип, идентичность, гендерный конфликт, неравенство, толерантность, гендерная толерантность.

К. А. Fornalyova

GENDER TOLERANCE AS RESOLUTION OF GENDER CONFLICT

In this article the author analyzes the gender identity, gender stereotypes, inequality and also the question of the nature of gender conflict. Tolerance is possible resolution of gender conflict.

Key words: gender; gender conflict; inequality; tolerance; gender tolerance

Проблема толерантности изначально была поставлена в западной культуре в сфере религии, но постепенно, с развитием европейской цивилизации толерантность стали рассматривать и в других социальных сферах, в том числе и в контексте гендерной проблематики. Актуальность темы статьи также связана с тем, что в современном обществе наблюдается не просто низкий уровень толерантности, а интолерантность, которая проявляется в ксенофобии, религиозной нетерпимости, других формах агрессивного

поведения и дискриминации, в том числе и сексизме – то есть нетерпимость к людям на основании их гендерной принадлежности.

Можно сказать, вся культура явно или неявно пронизана противопоставлением мужского и женского начал, поскольку понятия качество/количество, разум/интуиция, дух/плоть, сакральный/профанный, нацеленный на будущее/сиюминутное и другие (ряд можно продолжить в самые разные сферы) сопрягаются с мужским и женским [1]. Пожалуй, разделение на мужчин и женщин – это первый принцип разделения общества на большие группы, потом уже вступают в силу национальный, экономический, религиозный и другие принципы. Согласно П. Бурдые [2], в основании многих оценок лежит противостояние мужской-женский: «когда вы слышите теоретический/практический, буржуазный/народный или господствующий/подчиненный, вы не думаете мужской/женский. Тем не менее, речь идет именно об этом». При этом первая часть оппозиции наделяется более высоким статусом, нежели вторая. Социальные классификации, оперирующие главным образом бинарными противопоставлениями мужской/женский, наш/не-наш, организуют восприятие социального мира и при определенных условиях реально могут организовать сам этот мир. Поведение стремится подходить под институциональную матрицу: ведь если нужная степень координации достигнута, беспорядок и путаница исчезают [3]. Наведение порядка на символической территории достигается путем очищения, исключения тех элементов, которые нарушают привычный ход вещей. По известному убеждению, чем боле Невозможно отрицать, что существует множество объективных конфликтов и противоречий между полами. Равноправие не может означать равенство, как это пытались утверждать в эпоху, когда борьба за женскую эмансипацию только набирала обороты. М.Л. Бутовская отмечает, что «различия в мыслительных процессах мужчин и женщин существуют». «Только правильнее было бы говорить не об уме, а о мужской и женской когнитивной организации. Именно этим объясняется универсальный интерес мужчин во всех культурах к механике, математике, их более развитые способности к пониманию пространственных отношений, целенаправленной моторике (метание предметов в цель и их перехват). Напротив, женщины способны лучше мужчин решать эмоциональные задачи, лучше разбираются в межличностных отношениях, они читают и говорят более бегло, пишут быстрее и с меньшим количеством ошибок, демонстрируют лучшую ассоциативную память и обладают более тонкой моторикой» [4]. Это определяет необходимость изучения гендерных проблем, с целью выявить их специфику и по возможности предотвратить конфликтные ситуации.е замкнута культура, тем менее толерантно относятся к иным, нетипичным, и наоборот.

Цель статьи - рассмотреть проблему гендерного конфликта и показать, что средством его преодоления является гендерная толерантность.

Прежде всего, уточним некоторые исходные понятия. Понятие «гендер» относится одновременно к сферам социального, психологического и философского, и представляет собой «социальный пол», то есть некий конструкт, который состоит из взаимосвязанных характеристик: биологический пол, гендерные стереотипы и нормы, и гендерную идентичность, гендерная социализация и самореализация. Гендерные отношения всегда социальны, это определяется самой природой гендера: в обществе отношения между мужчинами и женщинами происходят не только на межличностном уровне, но и на макроуровне – каждый из них является представителем своей гендерной группы.

Гендерный конфликт является социокультурным феноменом общественного развития. Именно в конфликте обнаруживается конкретный социокультурный способ выражения гендерных противоречий в современном мире. Чтобы объяснить разобщенность и непонимание друг друга между мужчинами и женщина Н.Н. Коростылева использует, вслед за К. Марксом, онтологическую концепцию «отчуждения». «Отчуждение следует понимать как основу саморазвития мира (космоса и человеческого бытия). Вначале существует некая бытийная целостность, которая включает в себя тождество элементов, затем в процессе эволюции возникает несоответствие между первоначальной целостностью и порождёнными

элементами, что, в свою очередь, способствует появлению предпосылки развития противоречия. Элементы являются отчуждёнными друг от друга вследствие этого несоответствия. В итоге наблюдается противоречие отчуждённых компонентов, проявляющееся в социальном плане как нетождество одних людей другим. Так появляется самоотчужденная личность, которая не знает своей собственной сущности и сущности Другого» [5]. Помимо этого подхода выделяют еще несколько моделей конфликтогенеза – социобиологическая («Эволюционная теория пола» В.А. Геодакяна), психоаналитическая (З.Фрейд, Ш.Берн), а также феминизм, который объясняет гендерный конфликтогенез с идеологических позиций патриархата. В контексте решения проблемы формирования гендера исторически сформировались две парадигмы: социокультурная (У.Джемс, Дж.Мид, Т.Лукман) и социобиологическая (З.Фрейд, Э.Эриксон, Р.Ассаджиоле). На наш взгляд, социобиологическая теория формирования гендера, не отвечает в полной мере на те вопросы, которые возникают в контексте взаимоотношений людей с разными идентичностями. В живой природе биологически разные существа занимают свои собственные ниши и проявляют враждебность друг другу только в том случае, если им есть что делить, или один из них является потенциальной добычей в силу физических потребностей другого. Несколько иначе происходит в человеческом обществе: с определенного исторического этапа в конфликт вступают женщины, так как вынуждены отстаивать свои ущемленные мужчинами права; мужчины же, как правило, беспрепятственно занимают доминирующие позиции в обществе, не прибегая к конфликту с противоположным полом, ведя конкурентную игру, в основном, друг с другом. Другим вариантом конфликта на почве гендерных различий является гомофобия, ненависть к представителями других сексуальных ориентаций, которая формируется под влиянием психологических особенностей личности (например, функционирует механизм самоотрицания себя как гея и проекция ненависти на других), вероисповедания, традиций и так далее. Поэтому мы можем говорить, что позиция (точнее ее гендерный аспект), которую человек занимает в процессе взаимодействия с другими, не может зависеть только от его биологического пола и модели поведения его родителей и ближайшего окружения или, наоборот, зависеть только от культурной ситуации, в которой он действует. Мы придерживаемся позиции, согласно которой, по нашему мнению, ситуация каждого человека индивидуальна и невозможно выделить биологическую или культурную составляющую человеческой личности в качестве первостепенной, и, в зависимости от социо-культурных и психологических факторов проявление биологического начала в человеке может варьироваться. Так как индивидуальные свойства, стереотипы массового сознания и социальные нормы, как и наши представления о реальном, желательном и должном как правило не совпадают, то и гендерные каноны существуют разные. Формирование гендерного конфликта можно связать с теориями гендерной идентичности.

Традиционная западная философия видела свою основную задачу в поиске, открытии, укреплении и отождествлении своей идентичности. При этом все, что отличалось и не поддавалось усвоению как идентичность, игнорировалось, преодолевалось, интегрировалось. По мнению Левинаса [6] «западная мысль часто исключала трансцендентное, заключила каждую Другую в Одинаковое и провозгласила для автономии философское право врожденности». Любая идентичность возможна лишь при условии ее реализации, иначе внутриличностный конфликт между стремлением и отсутствием средств его осуществления вытеснит данную идентичность в бессознательное. Таким образом формируется внутриличностный гендерный конфликт.

По мнению И.Л. Когана [7], гендерная идентичность поддерживается социальным окружением человека, социальными ожиданиями относительно поведенческих и мотивационных установок, поэтому нарушение половозрастного развития зачастую приводит к конфликту между человеком и обществом. В свете этого существенным вопросом для нас является уровень личности, на котором возникает гендерная

интолерантность – биологический, культурный или социальный. Каждый человек в процессе своей социальной жизни пытается самоидентифицироваться. Но его самоидентификация связана не только с его биологическим полом и личным выбором, но и с теми социальными установками, которые ему предлагает общество.

Согласно А. Fausto-Sterling, пол новорожденного человека определяется по строению гениталий, таким образом существует 5 полов [8], которые при сочетании со сформированным либидо, дают 5 типов гендерной идентичности: 1) мужской, 2) женский, 3) мужской-гомосексуальный, 4) женский-гомосексуальный и 5) транссексуальный [9]. Собственно гендерная толерантность/интолерантность и формируется в процессе взаимоотношений людей с разными идентичностями.

Н.К. Радина выделяет два уровня идентичности [10]:

- 1) внешний – через внешние атрибуты – стиль одежды, манера поведения и т.д.
- 2) внутренний – через внутреннее отношение к принципиальному содержательному различию женского и мужского, менее подвержен трансформациям, происходящим в обществе.

В контексте исследуемой проблемы важно отметить, что внутренний слой идентичности является более благодатной почвой для возникновения интолерантности, так как традиционное мужское сознание с большим трудом допускает вмешательства со стороны женщин в сферу управления и редко допускает доминирование в семейно-брачных отношениях; внешние же проявления идентичности вызывают более толерантное отношение, например, к мужественным женщинам, тогда как женственные мужчины вызывают чаще всего порицание.

Важно отметить, что в формировании гендерной идентичности огромную роль играют гендерные стереотипы. Под гендерным стереотипом мы будем понимать некие устойчивые схемы-образы о мужественности и женственности, возникающие в процессе социализации, которые формируют модель поведения человека, которую требует от него его биологический пол в условиях того или иного общества и культуры. Гендерные стереотипы подразумевают то, что существует разрыв между нормами, сложившимися в том или ином обществе и тем, как на самом деле хотел бы себя видеть человек.

Стереотипы поведения человек усваивает еще, начиная с детства, в процессе социализации: ребёнок учится различать мужчину и женщину, особенности поведения, типичного для них, осознает себя как представителя определенного пола и начинает подкреплять свою идентификацию подражанием поведению других людей, чтобы получить одобрение последних.

Стереотипы феминности и маскулинности, важны не только как констатация существования биологических аспектов различий между полами, а также как психологический и социальный опыт индивида по достижению определенных целей и «исполнения» определенных социальных ролей, которые, в свою очередь, зачастую определяется обществом. Культура как образ жизни определяет типы социального поведения влияет на гендерные изменения. Эволюция гендерных установок и ценностей связана с процессами, происходящими в культуре, как в глобальном, так и в локальном масштабе. Можно сказать, что традиционные представления о гендере характерны для патриархальных обществ, нетрадиционные – для эгалитарных. Так, начиная с эпохи индустриализации и вплоть до конца второй мировой войны, в Америке формировались традиционные представления о мужественности. Психотерапевт В.Йонен проанализировал идеологию маскулинности и ролевое поведение путем наблюдений и работы с клиентами обоих полов, и пришел к выводу, что эмоциональная сфера для мужчин считается закрытой (проявлять свои чувства значит быть слабым), а жесткость в поведении мужчин считается добродетелью [11].

Гендерные стереотипы являются основой иерархии социальных статусов и ролей и влияют на взаимоотношения полов, создавая конфликтность. Т.Парсонс создал социологическую концепцию структуры женских и мужских ролей. Он наглядно показал

механизм перехода биологического в социальное при выполнении мужчинами и женщинами специализированных ролей. «По Парсонсу в семье и в обществе мужчины выполняют инструментальную, а женщины – экспрессивную функцию, а этим функциям соответствуют разные роли. Исполнение предписанных и усвоенных ролей подразумевает неравенство возможностей, преимущества мужчины в публичной сфере, вытеснение женщины в сферу приватную. При этом приватная сфера оказывается менее значимой, менее престижной и даже депривированной в современном западном обществе» [12].

Несколько по-другому подходит к решению вопросов гендерного конфликта Р. Коллинз, который считает, что существует сексуальное неравенство, обусловленное конфликтом между господствующей группой (мужчины) и зависимой группой (женщины). «Мужская культура» произвела узаконивание доступа мужчин к женщинам и дала право «сексуальной собственности» [13]. Он говорит, что существует своего рода «сексуальный рынок», где мужчины и женщины торгуются между собой, стремясь выбрать для себя наиболее выгодного сексуального партнера. Мера зависимости женщины от мужчины определяется: 1) материальной зависимостью, 2) ценностью женщины как собственности, подлежащей обмену. Возрастающая экономическая независимость женщин от мужчин приводит к тому, что после непродолжительных переговоров мужчина и женщина заключают соглашение, по которому извлекают выгоду благодаря своим способностям развлечь партнера и удовлетворить его потребности в общении.

Н.Н.Коростылева выделяет следующие типы гендерных конфликтов:

I) Микросоциальный уровень - супружеские ролевые и внутрисемейные конфликты:

1. между социальной и духовной сторонами жизни супругов;
2. на основе хозяйственно-бытовой деятельности;
3. в сфере воспитательных функций в семье;
4. по поводу лидерства в семье;
5. по поводу интересов и потребностей.

II) Макроуровень гендерного конфликта:

1.экономическая (трудовая) сфера:

- в сфере должностного продвижения и управления;
- в сфере трудовой занятости;
- конфликт, вызванный сексуальными притеснениями на работе.

2.политическая сфера

- неравное распределение власти между гендерными группами [14].

В.А. Луков и В.Н. Кириллина считают, что конфликтные отношения в сфере гендера не обязательно обладают характеристиками «войны полов». Достижения современной науки свидетельствуют, что неравномерность, дискретность, конфликты и их преодоление являются закономерностью качественного развития. Также они утверждают, что статусно-ролевые структуры обществ как социокультурных образований проходят свое становление и трансформируются под влиянием гендерного конфликта как феномена повседневности. Результатом этого становится закрепление, воспроизводство, обновление и демонтаж ценностей и норм социального порядка, практики социального управления. Они делают вывод, что переход гендерного конфликта из сферы жизненного мира в сферу социокультурной организации общества на уровне социальных структур ведет к воспроизводству и обновлению ценностей и норм, поддерживающих социальный порядок. На смену социокультурной модели монолитной мужской гомогенной в ценностном отношении культуры приходит модель другого культурно-ценностного мира, строящегося на диалоге мужской и женской культур [15].

Средством разрешения гендерного конфликта, в основе которого лежит половая дискриминация, по нашему мнению, может быть культура гендерной толерантности. В философской и социологической литературе существует большое количество различных подходов к определению толерантности. Как справедливо отмечает Л.С. Перевозчикова,

понятие «толерантность» многозначно. Оно характеризует и качество личности, и моральное правило, и принцип деятельности, и принцип отношений между индивидами. В общепhilософском плане принцип толерантности в концентрированном виде содержит идею о позитивном восприятии инаковости и многообразия и является средством воплощения принципа гармоничного сосуществования противоречий. Толерантность подразумевает признание тождества вопреки различиям. По своей онтологической основе толерантность предполагает готовность принять Другого таким, какой он есть; признание ценности его бытия наряду с собственным, а также взаимодействие с ними на основе согласия [16].

Вслед за О.А.Борисовой гендерную толерантность можно определить как возможность одновременного существования разнообразных форм проявления гендерных практик и право свободного, неограниченного выбора и обозначения собственной гендерной принадлежности [17]. Гендерная толерантность — объективное, непредвзятое отношение к представителям другого пола [18]. В свете вышесказанного, на межличностном уровне между полами должна преобладать позиция сотрудничества, основанная на положительной оценке Другого (партнера), на признании его ценностных установок, достоинств и недостатков. В данной статье под гендерной толерантностью мы будем понимать признание существования различных гендерных моделей поведения и свободы выбора гендерной принадлежности (идентичности), что в конечном итоге обеспечит максимально возможное разрешение гендерных конфликтов на всех уровнях его возникновения.

Н.Н.Коростылева [19] выделяет основные критерии толерантности в гендерном общении на микроуровне:

- отказ от насилия и дискриминации; равноправие и учет интересов другого;
- осознанное отношение к себе и противоположному полу;
- позитивные цели в общении;
- способность сохранять внутреннюю устойчивость и равновесие в трудных, проблемных ситуациях.

По ее мнению, на макроуровне гендерное согласие определяется степенью межгруппового согласия, которое зависит от статусно-ролевых и ценностных соотношений между гендерными группами. Статусные и ценностные соотношения женской и мужской групп населения явно находятся в дисбалансе и полны противоречий, особенно эти тенденции заметны в нашем обществе. Выравнивание дисбаланса во взаимоотношениях полов должно проявляться в продуманной гендерной политике государства, а также в общей направленности развития того или иного общества. Данное направление политики является составной частью общей социальной политики государства, которая регулирует вопросы гармонизации интересов всех социальных групп общества [20].

В.Ф.Шаповалов предлагает свой вариант, схожий с принципами толерантности – переход от равноправия к принципу взаимной заботы: «мужчины и женщины предстают не как враждебные армии, одна из которых стремится узурпировать права другой, а как две части единого целого, неразделимо связанные между собой и коренным образом заинтересованные в сохранении и развитии друг друга» [21].

В качестве философского основания гендерной толерантности мы можем рассматривать учения русских философов об андрогинной природе человека, в которой мужское и женское начала взаимодополняют друг друга. Представления С.Булгакова о взаимоотношении полов можно отнести к богословскому направлению «Философии любви», которая сложилась в России в эпоху Серебряного века [22]: представление о любви выражается понятием каритас - сострадание, милость, жалость, в противовес платоновскому эросу, переосмыслением которого занимались В.Соловьев и Н.Бердяев.

При том, что Н.Бердяев в своем произведении «Метафизика пола и любви» высоко оценил работу Вл. Соловьева «Смысл любви» и даже сравнивал ее с платоновским «Пиром», он открыл новые философские аспекты в исследовании любви. В книге "Смысл творчества"

он акцентирует внимание на том, что любовь - творческий акт и с ним связано любое творчество. Поэтому и творчество не может быть понято без понимания природы любви. Здесь же Бердяев развивает представление об андрогинизме. По его словам, всякая личность андрогинична, она содержит смутные воспоминания о своей прежней целостности. Поэтому любовь - поиски, преодоление распада мужского и женского начала. Но это, по его мнению, не простое двухчленное соединение оторванных друг от друга мужских и женских половин. "Андрогинизм есть богоподобие человека, его сверхприродное восхождение" [23].

Согласно учению С.Булгакова, любовь в диалектическом смысле становится путем преодоления половых различий: изначально она выступает как высшая форма единения полов, но только обретя подлинную любовь, человек становится индивидуальностью. Таким образом толерантность становится способом преодоления конфликта полов, тогда как западная экзистенциальная философия утверждает, что чувство единства полов отсутствует, напротив, существует только неизбежный онтологический конфликт Я и Другого (Сартр, Камю).

Еще одним идеологическим основанием для формирования гендерной толерантности, на наш взгляд, может послужить идеология феминизма. Определить, что такое феминизм, учитывая многообразие и непрерывное развитие этого явления, достаточно сложно. Он может показаться разрозненным набором различных течений, если только он не включен в структуру официальных институций либеральных демократических государств. На практике феминизм может иметь разнообразные формы. Сущность феминизма зависит от политического, социального, экономического, теоретического контекста, в котором он развивается". Не существует единой феминистской теории или освободительной группы. Феминистские идеи развивались на основе нескольких различных философских систем верований, поэтому женское движение состоит из различных параллельных ориентации" [24]. В работе *Undoing gender* Юдит Батлер утверждает, что у феминизма нет прошлого: наррация феминизма не подчиняется пересказу, так как ни одна из историй феминизма не является прошлой. Нет единой истории феминизма еще и потому, что мы имеем дело с множественностью [25]. Исследователи и участники движения по-разному понимают феминизм. В самом широком и первоначальном смысле феминизм выступает за гендерное равенство, и, что характерно для современных форм феминизма, в том числе и мужчин, потому что мужчины тоже подвергаются дискриминации в различных сферах.

Итак, гендерная толерантность как стремление к согласию и поиску компромисса между мужчинами и женщинами может служить разрешением гендерных конфликтов на разных уровнях: внутриличностного (несоответствие гендерным стереотипам), межличностного (несоответствие одной из сторон взаимоотношений гендерной роли), межгруппового (обостренные взаимоотношения мужской и женской социально-демографических групп в связи с борьбой за равноправие). Формирование гендерной толерантности – процесс, связанный как с полоролевым поведением, так и с нравственным осмыслением того факта, что нет гендера хорошего или плохого, сильного или слабого, и уж тем более нет господства одного над другим. На наш взгляд, очень важно индивидуальное осознание того факта, что, во-первых, в каждом человеке присутствует два начала – мужское и женское – которые не исключают друг друга, но взаимодополняют, и, во-вторых, устойчивая идентичность не противоречит желанию личности овладеть некоторыми элементами поведения, характерными для другого пола.

Библиографический список

1. **Козлова, Н.Н.** Гендер и вхождение в модерн. Гендерный анализ и методология социального знания // *Общественные науки и современность*. – 1999. – №4.

2. **Бурдые, П.** Университетская докса и творчество: против схоластических делений / П. Бурдые // Socio Logos-96. Альманах Российско-французского центра социологических исследований Института социологии РАН. – М., 1996. – С. 16.
3. **Douglas, M.** How Institutions Think. London: Routledge and Kegan Paul, 1987. – P. 46.
4. **Бутовская, М.Л.** Тайны пола. Мужчина и женщина в зеркале эволюции / М.Л. Бутовская. – М., 2004. – С. 123.
5. **Коростылева, Н.Н.** Социологическая концепция гендерного конфликтогенеза: Автореф.дис...социологич. наук / Н.Н. Коростылева. – М., 2005. – 40с.
6. **Левинас.** Философия и Идея о Бесконечном. Перевод И. Аристарховой // И. Аристархова Современные теории субъективности и различия. – М., Издательство Института социологии РАН, 2004.
7. **Коган, И.Л.** Гендерная культурология: культура пола и «пол» культуры / И.Л. Коган.— Мн.: Ковчег, 2003.— С. 143.
8. **Fausto-Sterling, A.** The five sexes: Why male and female are not enough / A. Fausto-Sterling // The Sciences, 1993. 33 (2):19-24.
9. **Белкин, А. И.** Третий пол / А.И. Белкин. – М. Олимп, 2000.
10. **Радина Н.К.** Изучение гендерной идентичности методом фокус-групп / Н.К. Радина // Практикум по гендерной психологии / Под ред. И. А. Клециной. – СПб.: «Алетейя», 2003.
11. **Йонен, В.** Страх мужчины перед сильной женщиной. Анализ мужской психологии / В. Йонен // Сильная женщина и мужчины. – М., 1999.
12. **Здравомыслова, Е.А.** Социальное конструирование гендера / Е.А. Здравомыслова, А.А. Темкина // Социологический журнал. – № 3-4. – С. 171-182.
13. **Смелзер, Дж.** Сексуальные различия и социальные вознаграждения / Дж. Смелзер // Социологические исследования. – 1992. – №10. – С. 84.
14. **Коростылева, Н.Н.** Социологическая концепция гендерного конфликтогенеза: Автореф.дис...социологич. наук / Н.Н. Коростылева. – М.,2005. – 40с.
15. **Луков, В.А.** Гендерный конфликт: система понятий / В.А. Луков, В.Н. Кириллина //ЗНАНИЕ.ПОНИМАНИЕ.УМЕНИЕ. – 2005.-№1. – С.86-101.
16. **Перевозчикова, Л.С.** Толерантность как базовая социокультурная ценность современного общества / Л.С. перевозчикова //Вестник ВГУ. Серия «Философия». – 2010. – №2. – С. 85-99.
17. **Борисова, О.А.** Толерантность как возможность выбора гендерной идентичности / О.А. Борисова // Толерантность : сб. ст. / под ред. Н. С. Ладыжец. – Ижевск, 2002.
18. **Андреева, Н.И.** Гендерная культура в современном российском обществе / Н.И. Андреева // Мужское в традиционном и современном обществе : тез. конф. – М., 2003.
19. **Коростылева, Н.Н.** Социальные гендерные отношения: путь к согласию / Н.Н. Коростылева // Федерация мира и согласия. Международная неправительственная организация с консультативным статусом при ЭКОСОС ООН со статусом участника Совета Европы. Публикация 2010 года; <http://www.ifpc.ru/index.php?cat=165> (дата обращения: 1.02.2013).
20. Там же.
21. **Шаповалов, В.Ф.** Мужчина и женщина. Любовь, семья и брак / В.Ф. Шаповалов. – М.: Амрита, 2010. – С. 194.
22. **Шестаков, В.П.** Философия любви и европейское искусство / В.П. Шестаков. – М.: Республика; ТЕРРА-Книжный клуб, 1999. - 464с.
23. **Бердяев, Я. А** Философия любви. Смысл творчеств / Я.А. Бердяев. – М., 1989. – С. 418.
24. **Ryan, B.** Feminism and the Women's Movement. Dynamism of Change in Social Movement, Ideology and Activism. / B. Ryan. – NY. London: Routledge, 1992. – С. 154.
25. **Butler, Judith.** Undoing Gender (BR.: Routledge, 2004). – P. 38.

УДК 130.2

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социологии и истории

О.А. Радугина.

Россия, г.Воронеж, тел. (473) 271-50-04;

e-mail: radugina@yandex.ru

Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering

PhD in Philosophy, Associate Professor of Philosophy, Sociology and History Chair

O.A. Radugina.

Russia, Voronezh, tel. (473) 271-50-04;

e-mail: radugina@yandex.ru

О. А. Радугина

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ЭВОЛЮЦИИ ДВОРЯНСТВА КАК СУБЪЕКТА КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Цель данной статьи показать, что в истории российской цивилизации в течение многих веков происходило становление и эволюция дворянства как большой социокультурной группы, содержание и статус, которой претерпевали значительные трансформации. Можно выделить следующие этапы эволюции дворянства: первоначальный, предклассический, классический, постклассический, диффузный и современный.

Ключевые слова: история России, дворянство, сословие, социокультурная группа, основные этапы эволюции.

O. A. Radugina

THE MAIN STAGES OF EVOLUTION OF NOBILITY AS A SUBJECT OF CULTURE OF THE RUSSIAN CIVILIZATION

The purpose of this article is to show that in the history of Russian civilization for centuries there has been going formation and evolution of the nobility as a great social and cultural group, whose content and status underwent significant transformation. The following stages of the nobility evolution are: initial, pre-classical, classic, postclassical, diffuse and modern.

Key words: Russian history, nobility, class, socio-cultural group, the main stages of evolution.

Радикальные социально-политические, экономические и социокультурные перемены, происходящие в российском обществе на рубеже XX – XXI вв., существенным образом изменили социальный облик страны. В результате этих перемен перед обществом встала задача создания новой России. Социокультурные изменения российского общества стимулируют поиски новых ответов на насущные вопросы современности в прошлом. Исследователи процессов, происходящих в общественном сознании российских граждан, отмечают, что в последнее время в России возрос интерес самых различных слоев населения к культурно-исторической традиции российского общества, к отечественной истории и культуре, их историческому и национальному своеобразию, к его менталитету и идеологии, к тому, что принято обозначать термином «национальная почва». Происходит осознание значимости культурных ценностей как необходимой основы бытия человека и общества, той основы, на которой возможна консолидация общества. Этот сдвиг в общественном сознании российского общества, выражающий рост интереса к отечественной истории и культуре, их историческому и национальному своеобразию, на идеологическом уровне проявляется в разработке и пропаганде идеи «возрождения традиций». Но для того, чтобы осуществить

намерение опираться на российские национально-культурные традиции в формировании общественных отношений, необходимо выяснить какова российская национально-культурная традиция, какие социокультурные институты ее формировали и реализовывали в социальных практиках. В российской истории эта традиция, прежде всего, формировалась и осуществлялась дворянством.

Цель данной статьи – исследовать процесс становления дворянства как субъекта культуры, раскрыть осуществляющуюся в этом процессе эволюцию его социального статуса.

Традиционно в исторической, социологической и философской литературе дворянство рассматривается как высшее привилегированное сословие сословного общества. Определяющей характеристикой каждого сословия был общий для всех его членов особый правовой статус. С социологической точки зрения, сословие – это большая социальная группа в системе социальной стратификации общества, обладающая закрепленными в юридическом законе и передаваемыми по наследству правами и обязанностями. Сословия существовали только в сословном обществе. Для сословного общества, состоящего из нескольких сословий, характерна иерархия, выраженная в неравенстве их положения и привилегий. Каждое сословие включало множество слоев, рангов, уровней, профессий, чинов. Статус сословия был связан с отношением к земельной собственности. Членство в сословии определялось наследственным правом. Социальные барьеры между сословиями были достаточно жесткими, поэтому социальная мобильность, как правило, существовала только внутри сословий.

По нашему мнению, исследование дворянства как сословия не совсем корректно, поскольку оно не учитывает того обстоятельства, что дворянство возникает на заре формирования сословного общества, существенно эволюционирует в истории этого общества и продолжает существовать уже в ином качестве после разложения сословного общества. На наш взгляд, более корректным было бы рассматривать дворянство как большую социокультурную группу общества. Такой подход не противоречит традиционному, но дает возможность зафиксировать происходящую в историческом процессе дифференциацию статуса и роли дворянства и решить вопрос, в какой мере можно считать дворянством современных потомков дворян.

Для того чтобы разобраться в этом вопросе, прежде всего, необходимо уточнить понятие «социокультурная группа». Социокультурные группы формируются на основе различных группообразующих факторов. Дворянство как социокультурная группа формировалась в качестве сословия. Для того чтобы разобраться в этом вопросе, прежде всего, необходимо уточнить понятие «социокультурная группа». Социокультурные группы формируются на основе различных группообразующих факторов. Дворянство как социокультурная группа формировалась в качестве сословия. Известный российский историк В. О. Ключевский в «Курсе лекций по новой русской истории (1613 – 1825)», прочитанном в Московском университете и литографированном затем по записям полагал, что основным сословно-образующим фактором было привилегированное экономическое положение дворянства в обществе. С ростом привилегий в экономической сфере связаны и консолидация сословия, и определение его места в российском обществе [1. С. 120]. Следует согласиться с мнением В. О. Ключевского, что исключительное право владения землей и крестьянами давали материальную базу и для развития сословия в целом, и его культуры в частности. Однако следует отметить, что с отменой крепостного права дворянство не исчезло. Оставалось нечто значительно более важное, что объединяло отдельных людей в единую социокультурную группу – ценности, менталитет, традиции, идеология. Уровень развития науки в XIX веке не позволял исследованиям выйти на культурологический уровень. С позиций философии культуры, группообразующим фактором, на основе которого сформировалось дворянство, является культура, во взаимодействии таких ее основных элементов, как ценности, менталитет, традиции, идеология. Именно поэтому мы квалифицируем дворянство как большую социокультурную группу.

По нашему мнению, дворянство как большая социальная группа (страта) в системе стратификации общества в классическом виде существовало только в форме сословия. Понятие «дворянин» на разных этапах развития российской цивилизации имело разное содержательное наполнение, и понимание этого наполнения связано с характером ответов на ряд дискуссионных вопросов: когда возникло дворянство в России, когда оно конституировалось как особое сословие российского общества, какие этапы оно прошло в своей эволюции. По нашему мнению, в истории российской цивилизации в течение многих веков происходило становление и эрозия субъектности дворянства как большой социокультурной группы, содержание которой на разных этапах истории этой цивилизации претерпевали значительные трансформации. В связи с этим, можно выделить шесть основных этапов: первоначальный, предклассический, классический, постклассический, диффузный и современный. На каждом из исторических этапов, при сохранении основополагающих субъектных качеств дворянства как социокультурной группы, образуются в определенной смысле разные социокультурные группы, каждая из которых выполняет субъектные функции в соответствии со своим социальным статусом и своеобразными специфическими условиями исторического периода. На первоначальном этапе, охватывающем эпоху удельных княжеств (XII – XIII вв.) закладываются предпосылки дворянского сословия. В данную эпоху оно представляло собой низшую военно-служилую прослойку при дворе князя или боярина. В отличие от зависимых слуг их называли «вольными слугами». В этот период устанавливается порядок условного (служилого) землевладения. В исторической науке формирование дворянства как сословия связывается с процессом становления и укрепления на Руси поместной системы. Поместной системой в России называли порядок условного (служилого) землевладения, которое отличалось от наследственного условным, личным и временным характером.

Второй этап, охватывающий эпоху Московского царства, можно охарактеризовать как предклассический. В XIV – XV веках быстро развивается условное землевладение. Земли от князя получают также бояре и дети боярские за их вольную (добровольную) службу. Это так называемые кормления и вотчины. Дворяне же получают землю (поместье) под условием обязательной службы. Они постепенно отдаляются от несвободных слуг – конюхов, псарей, сокольников и других.

Именно в Московском Царстве с XV века возникает юридическая идея поместья как земельного участка, обеспечивающего государственную службу служилого человека (ратную – военную или дворцовую хозяйственную) и формируется поместная система. В конце XV века впервые в источниках появляется термин «поместье», что было связано с форсированным развитием поместной системы. Судебник 1497 г. впервые упоминает «поместника, за которым земли великого князя». Казенные земли систематически передаются в поместное владение уже во второй половине XV в. Иван III после новгородских походов переселил значительную часть тамошних землевладельцев в московские уезды, а на их место поселил около двух тысяч помещиков из своих московских владений. То же самое происходило в тверских, рязанских и иных владениях, перешедших к Москве. Подчинив себе князей-соперников, московские правители позаботились о том, чтобы ни бояре, ни вновь созданное дворянство не имели абсолютной власти над отдельными областями страны, которая существовала при удельном строе. Наличие у дворянства местных корней могло быть прямым вызовом единодержавию. Поэтому и проводились массовые депортации Иваном III, Василием III, Иваном IV (Грозным). Дворянство как сословие укореняется тогда, когда доминирующим типом становится помещичья усадьба (поместье), а военная служба – главным предназначением помещика. Поместное землевладение носило сугубо сословный характер. Обобщая сказанное, подчеркнем, что именно в XVI в. помещик становится ведущей социально-политической фигурой государства.

Условность поместного землевладения в течение XVI-XVII веков постепенно стирается. В середине XVI века на поместья распространяется иммунитет, то есть освобождение от налогов и повинностей, что было первым шагом на пути сближения вотчин и поместий. Позднее поместья нередко переходили от отца к сыновьям, внукам и так далее. Часть поместной земли за хорошую службу, другие заслуги, по торжественным случаям жаловали «в вотчину».

Во второй половине XVII века уже завершился давно начавшийся двусторонний процесс превращения поместий в вотчины и слияния поместий с вотчинами. Полное законодательное и экономико-политическое оформление сословного общества в России происходило параллельно с объединением русских земель в единое государство, ослаблением удельной феодальной аристократии, ростом влияния дворянства и посадской верхушки. Разрядные списки XVII в. и Бархатная книга (1687 г.) послужили основой для постепенного превращения дворянства из служилой корпорации в наследственное сословие. Вместе с тем сохранилась и традиция перехода бояр в дворяне, особенно княжеских бояр. При этом дворяне могли считаться более низким сословием по отношению к княжеским боярам, чей род продолжался службой уже в государстве, а не у князя.

Дворянство постепенно отмежевывалось от других слоев населения, превращалось в замкнутую социальную страту – сословие. Историки отмечают, что к середине и завершению XVII в. дворянство уже имело свои традиции, связанные с выражением своего особого социального статуса в российском обществе, державностью и служением Отечеству, совокупностью норм поведения, общения и деятельности, родовой наследственностью [2. С. 102]. Дворяне накопили первый опыт хозяйственной деятельности, активно перенимая его у бояр-вотчинников и князей, совершенствуясь от поколения к поколению. Существенным для нового дворянства по сравнению с боярством и князьями стало формирование державного сознания. Духовные ориентации дворян детерминировались не столько помещичье-усадебной жизнедеятельностью, новым имущественным положением, сколько единой идеей служения одному обществу, одной религиозной вере, одному царю. Новые дворяне, формировавшиеся как сословие от XIV – по XVII в., имели от 5 до 13 поколений. А те бояре и князья, которые приобрели за эти века статус дворян, имели еще большее число поколений. Родословная преемственность поколений для утверждения принципов государственности, державности и перевода идеи служения в традицию имела первостепенное значение. Таким образом, можно признать, что в конце XVII начале XVIII века заканчивается доклассический период существования дворянства. В этот период закладываются основы для функционирования дворянства как доминирующего привилегированного сословия российского общества.

Конституирование дворянства как доминирующей социокультурной группы в качестве привилегированного сословия российского общества произошло в XVIII веке. Начало этому процессу было положено Петром I. Петр I осуществил реформу политической системы общества, которая, в первую очередь, касается статуса господствующего сословия. Основная идея реформы политической системы «привилегии за службу». В 1701 году Петр I указывает, что все «служилые люди с земель службу служат, а даром землями никто не владеет» [4. С. 98]. При этом подразумевается, прежде всего, служба государю. И только государь имеет право оценивать эту службу. В связи с этим Петр I утверждает, что «никому, кроме нас, и других коронованных глав, не принадлежит, кого в дворянское достоинство гербом и печатью пожаловать» [4. С. 99.].

Позднее в 1722 г. в Табели о рангах было законодательно закреплено сословное деление общества. Петр I отменил старые московские чины, в том числе и боярское звание. Но, имевшие этот титул, сохранили его и неофициально (по семейному наследованию), передавали новым своим поколениям. Табель о рангах упразднила деление дворян на группы, существовавшие в Московском государстве. В Табели о рангах было установлено 14 разрядов прохождения государственной службы чиновниками. При этом устанавливались

три основных разновидности: военные, штатские и придворные. Статус (ранг) дворянина теперь зависел не от размера имения и древности рода, а исключительно от места службы (должности), на которое он назначался, и успехов самой службы. Дворяне, от самых знатных и родовитых до мелких помещиков, стали одним сословием. Возросла внутренняя сословная солидарность и отделенность от других сословий. Вместе с политико-юридическими установлениями, значительную роль в обеспечении привилегированного положения дворянства имела экономическая политика власти. Самодержавие через законотворческую деятельность стремилось наделить дворянство экономическими льготами и тем самым укрепить его экономическое положение. На реализацию этой цели были направлены законодательные акты русских императоров, начиная от Петра I и заканчивая Николаем II. Уже в 1718 г. Петр I при проведении Податной реформы освобождает от обложения подушной податью дворян, а в марте 1714 года принимает указ «О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах», в котором закреплялась дворянская собственность на землю на основе ликвидации юридической разницы между поместным и вотчинным землевладением, а также создавались гарантии существования крупных дворянских хозяйств. Этот указ в порядке наследования земельной собственности вводит принцип майората. Как отмечают историки, основным мотивом издания указа было желание Петра I предотвратить дробление дворянских имений и укрепить родовое начало дворянского сословия. Закрепление привилегированного социального статуса дворянского сословия в России происходит в период царствования Елизаветы Петровны (1741 – 1761 гг.). В этот период право владения крепостными стало сословно определяющим фактором. Решающими законодательными мерами для формирования привилегированного статуса дворянства стал ряд указов по наделению дворян преимущественными правами в земле- и душевладении. По указу 1731 года дворянство наделялось владением землей на правах неотчуждаемой частной собственности. По указу 1746 года дворяне получали монопольное право на владение крепостными крестьянами. Эти законодательные акты закрепляли приоритет дворянского сословия как в сельском хозяйстве, так и в промышленности, поскольку крепостные являлись основной рабочей силой. Экономическое положение поместного дворянства способствовало становлению относительной независимости от центральной власти, обретению определенного уровня свободы.

Огромное значение в обретении дворянами статуса привилегированного сословия имели Манифест о вольности дворянства («О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству») – законодательный акт, изданный 18 февраля 1762 г. императором Петром III и дарованная Екатериной II «Жалованная грамота» («Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства») от 21 апреля 1785 г. Эти законодательные документы представляли собой свод привилегий, которые Петр III и Екатерина II пожаловали дворянам. Они существенно расширяли для дворянина пространство свободы, укрепляли его чувство собственного достоинства, создавали более широкие возможности для самоопределения и самореализации в различных сферах общественной жизни. В соответствии с этими документами дворянин больше не был привязан к обязательной государственной службе, а мог выбирать пути своей самореализации и развития, хотя «служба предков» до начала XX в. оставалась главным критерием полноправного правового статуса каждого дворянина.

В соответствии с этими законами все дворяне освобождались от обязательной гражданской и военной службы; состоявшие на государственной службе могли выходить в отставку. Они получили право беспрепятственно выезжать за границу, но по требованию правительства возвращаться в Россию. Во время войн должны были служить в армии. Важнейшими преимуществами дворянства перед другими сословиями объявлялись: право владения землей и крепостными крестьянами, свобода от службы и личных податей, от телесных наказаний, неприкосновенность дворянского достоинства, лишение звания лишь по суду, право создавать губернские и уездные дворянские собрания для избрания ряда

чиновников (судей, исправников), отстаивания своих интересов перед верховной властью, введение родословных дворянских книг. Для доказательства сословных прав в губерниях были заведены родословные дворянские книги, в которые дворянство записывалось по б разрядам, в зависимости от способа получения дворянства, древности рода и наличия титула.

В постклассический период, начало которому положено Великими реформами Александра I в 1861 году, и который продолжился до 1917 года, происходит эрозия дворянского сословия и всего сословного общества. Эта эрозия имеет различные причины и идет по разным каналам. Фундаментальные основы для процесса эрозии заложили «Манифест о вольности дворянства» и «Жалованная грамота». Существенным образом привилегированный статус дворянства подорвала реформа 1861 года, отменившая крепостное право в России. После отмены крепостного права дворянское сословие теряет свои экономические и социальные позиции. В новых пореформенных условиях дворянское сообщество осознает невозможность по-старому вести хозяйство, по-старому жить. Это толкало его представителей на поиски иных путей получения доходов, чем те, которые использовались до этого, и которые становились все менее эффективными. Свои сильные позиции, как в сельском хозяйстве, так и в социальной жизни сумели сохранить лишь те помещики, которые превратили свои поместья в крупные доходные предприятия. Часть дворянства оказалась способной вписаться в качестве активной силы в систему рыночных отношений и даже предпринимательской деятельности. Эта форма деятельности для дворянства не была новой, но предыдущие поколения в этой сфере деятельности отличала относительная пассивность. В прошлом дворяне отдавали предпочтение тем способам получения доходов, которые не требовали от них приобретения и приложения не свойственных их социальной природе качеств: деловой хватки, умения чутко реагировать на изменения промышленной и торговой конъюнктуры, способности ориентироваться в формирующейся рыночной экономике. В пореформенных условиях дворянское сословие в несравненно больших, чем ранее, масштабах втягивается в новые отношения, выделяет из своей среды немалое количество промышленников и биржевиков, не уступавших выходцам из других социальных слоев.

Все эти тенденции существенным образом изменили статус дворянского сословия. Однако «осень» сословия не означает его полное исчезновение. Вплоть до событий 1917 г. дворянство оставалось элитой российского общества и продолжало выполнять свои главные функции. После Октябрьского переворота на заседании ВЦИК 8 ноября 1917 г. было принято решение об уничтожении деления населения на сословия и гражданские чины. Декрет Совета Народных Комиссаров появился через три дня. В ст. 1 данного Декрета говорилось: «Все существующие донныне в России сословия и сословные деления граждан, сословные привилегии и ограничения, сословные организации и учреждения, а равно и все гражданские чины упраздняются» [2. С. 141].

Ст. 2 гласила: «Всякие звания (дворянина, купца, мещанина, крестьянина и пр.), титулы (княжеские, графские и пр.) и наименования гражданских чинов (тайные, статские и прочие советники) уничтожаются, и устанавливается одно общее для всего населения России наименование «гражданин Российской Республики» [2. С. 145].

Декретом от 15 декабря 1917 г. «Об уравнивании всех военнослужащих в правах» отменялись все военные чины и ордена. Отменялось также употребление частных титулов с обращением «господин». Эти законодательные акты с точки зрения международного права могут быть признаны ничтожными, так как они были изданы узурпаторской властью, не признанной международным сообществом. Но их юридическая квалификация не отменяет того факта, что после Октябрьского переворота дворянство как сословие в России полностью исчезло.

Однако, возникают вопросы: сохранилось ли дворянство после событий 1917 года, и если сохранилось, то, какое место его члены занимали в социальной стратификации российского общества, как обозначить данный период в истории дворянства? Отвечая на эти

вопросы, необходимо отметить, что физически члены дворянских родов продолжали существовать в разных социальных качествах: часть из них активно участвовала в белом движении, значительная часть покинула Россию, где продолжала жизнедеятельность в различных центрах эмиграции. В связи с этим, следует также отметить, что титулы, чины и звания дворян еще сохранялись после Декретов СНК в белой армии и в русском зарубежье. Пожалование дворянством и титулами Российской империи было продолжено и после 1917г. главами Российского Императорского Дома в эмиграции. Какая-то часть перешла на сторону большевиков и сотрудничала с Советской властью, большая же часть ушла «в подполье» и продолжала жить в качестве маргинальной социальной группы. Однако, очевидно, что дворянство России в этот период уже не представляло собой большую социокультурную группу. По нашему мнению, с точки зрения социологии статус российского дворянства в этот период можно определить как большую диффузную группу. Под термином большая диффузная группа (от лат. *diffusio* – разлитие, растекание) понимается – многочисленная, но нечетко определенная по составу, высокодинамичная и низкоинтегрированная совокупность людей, лишь локально и опосредствованно связанных друг с другом. В связи с этим, исторический период существования дворянства с февраля 1917 года по 1993 год можно квалифицировать как диффузный.

В начале 90-х годов, после демонтажа структур Советской власти и конституирования властных структур Новой России, предпринимаются попытки реанимации российского дворянства. Имеют место организационные попытки возрождения дворянского сословия. В обеих столицах: Москве и Санкт-Петербурге созданы Дворянские собрания, которые претендуют на представление интересов всего дворянства в государстве. Дворянские собрания также созданы и функционируют почти во всех субъектах Российской Федерации. Встает вопрос: в какой мере можно говорить о возрождении дворянства в современной России? Что такое современное дворянство? Являются ли дворянами потомки дворянских родов и каков статус дворянства в социальной структуре современного общества? По нашему мнению, потомки дворянских родов имеют определенные основания называть себя дворянами. Как известно, «Свод законов Российской империи» определял дворянство как сословие, принадлежность к которому «есть следствие, истекающее от качества и добродетели начальствующих в древности мужей, отличивших себя заслугами, чем, обращая самую службу в заслугу, приобретали потомству своему нарицание благородное. Благородными разумеются все те, кои от предков благородных рождены (выделено мной. – Авт.) или монархами сим достоинством пожалованы» [3. С. 351]. Это означает, что те, кто имеет формальные основания и осознают свою генетическую и духовную связь с благородными предками, имеют право претендовать на дворянское достоинство. Без сомнения, это достоинство может поддерживаться при сохранении некоторых ключевых культурных традиций дворянства. Существенную роль при решении этой проблемы с позиции социологии, имеет социальная и культурная идентификация потомков дворянских родов. Социальная и культурная идентичность человека является производной от осознания и оценки им своей принадлежности к определенной социальной группе, общности. «Ядро» социальной и культурной идентичности составляют формы связи и отождествления себя с группами контакта, «значимыми другими», разделяющими общие ценности.

Из всего вышеизложенного следует, что в современном российском обществе дворянство существует, но не как сословие, а как большая социокультурная группа. Можно дать такое определение: в современном российском обществе дворянство – это большая социокультурная группа, в которую входят потомки дворянских родов, осознающие свою генетическую и духовную связь со своими предками, стремящиеся следовать их культурным традициям, формировать каналы внутригруппового взаимодействия и коммуникации и осуществлять культурную миссию по заветам своих предков. Однако следует отметить, что у современного российского дворянства иной, по сравнению с прошлыми периодами дворянской истории, социальный статус и иные ресурсные возможности. Поэтому оно не

может выступать субъектов культурно-созидательной деятельности в тех сферах, в которую эту роль играло сословное дворянство. Его роль в качестве субъекта культуры может состоять лишь в организации преемственности прежнего дворянского культурного наследия.

Итак, в истории российской цивилизации в течение многих веков происходило становление дворянства как большой социокультурной группы, содержание и статус, которой на разных этапах истории этой цивилизации претерпевали значительные трансформации. В связи с этим, можно выделить шесть основных этапов становления дворянства как большой социокультурной группы: первоначальный, предклассический, классический, постклассический, диффузный и современный. На каждом из этих этапов, при сохранении основополагающих характеристик дворянства как социокультурной группы, образуются в определенном смысле разные социокультурные группы, каждая из которых располагает различными возможностями культурно-созидательной деятельности.

Библиографический список

1. **Ключевский, В. О.** Сочинения / В. О. Ключевский // Собр. соч.: в 9 т. – Т. Курс русской истории. – М., 2008. – С. 120.
2. **Соловьев, Б. И.** Русское дворянство и его выдающиеся представители / Б.И. Соловьев. – Ростов н /Д., 2000. – С. 141.
3. Свод законов Российской империи 1910. Том IX. СПб., 1910. Статья 15. – С. 351.
4. **Шепелев, Л. Е.** Титулы, мундиры, ордена в российской империи / Л.Е. Шепелев. – Л.: Наука, 1991 г. – 228с.

УДК: 113.0; 232.2; 159.962.7

*Воронежский государственный архитектурно-строительный университет
Доктор технических наук, профессор кафедры информатики и графики Ю.А. Цеханов
Воронежский государственный университет
Студент исторического факультета А.П. Сапов.
Россия, г. Воронеж,
тел. (473) 236-94-90; e-mail: tsekhanov@yandex.ru*

*Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering
Doctor of Technical Sciences, Professor of Computer Science and Graphics Chair Y.A. Tsekhanov
Voronezh State University
Student of History Department A.P. Sapov
Russia, Voronezh,
tel. (473) 236-94-9; e-mail: tsekhanov@yandex.ru*

Ю. А Цеханов, А. П. Сапов

О СЛОВЕ ТВОРЦА И СЛОВЕ ЧЕЛОВЕКА

Анализируется феномен слова, как организующей, управляющей и созидющей силы. Рассматривается как человеческий, так и Божественный уровни этого феномена. Приведены исторические примеры созидющей силы слова, а также представления о ней в некоторых религиозных и философских учениях.

Ключевые слова: слово, идея, созидание, организующее и управляющее начало.

Y. A. Tsekhanov, A. P. Sapov

THE WORD OF THE LORD AND THE WORD OF MAN

The phenomenon of words like organizing, managing and creative force is examined. The human and Divine levels of this phenomenon are discussed. The historical examples of the creating force of words and presentation of it in some religious and philosophical teachings are provided.

Keywords: word, idea, creation, organizes and manages home.

Слово является организующим и управляющим началом в жизни человека. С другими людьми он общается с помощью слова, звукового или письменного (знакового). Даже мыслит человек преимущественно в понятиях, выражаемых словами [1]. Поэтому для человека слово является пока одним из основных средств создания, хранения и передачи информации, и понятия слова и идеи (информации) в этих процессах для него часто бывают идентичными.

Принцип первичности творящего Слова, как проявления Божественной Сущности, выражен в религиозных писаниях: « В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог... Все через Него начало быть, и без Него ничего не начало быть» [2; Ин., 1;1-3]. И сам процесс Творения осуществляется посредством Слова: « И **сказал** Бог: да будет свет.» [2; Быт. 1; 1]; «...Он...если решит что-либо, то лишь **говорит** «Будь!», и это сбывается в одно мгновение» [3; сура «аль-Бакара»;117]. Здесь Слово выступает не только как носитель информации для Творения, но и как команда-код, запускающая в действие мощные созидательные силы, одновременно являясь таковыми. Идея первоначального творящего Логоса (Слова) лежит в основе многих религиозно – философских учений, как Запада (Гераклит, Платон, пифагорейцы, неоплатоники, гностики, манихеи и мн. др.) [4], так и Востока (различные школы индийской религиозной философии – Упанишады, Веданта и мн. др.) [5]. От античной философии эта идея перешла в патристику: в творениях отцов церкви учение о Логосе и Его воплощении занимает одно из центральных мест [6]. В форме учения об идеях, лежащих в основе мира, понятие о духовно-информационной основе Мироздания вошло в идеалистическое направление философии, и не только древности (Платон, Плотин и др.), но и Нового времени (Шеллинг, Гегель, В. Соловьев и др.) [7]. Вся русская религиозная философия от Соловьева и Федорова до Бердяева и С. Булгакова в разных контекстах развивает идею Творящего Слова /8/. Один из их идейных наследников, современный философ Г. Гачев также включает в свою концепцию понятие о Логосе, как одно из центральных [9].

Предание донесло до нас эту истину не только в религиозных писаниях, но и в фольклоре и в мифах. Еще задолго до появления Ветхого завета легенда повествует, например, о египетском демиурге Птахе, который творил все сущее «языком и сердцем», сначала «задумав» все (богов, планеты, растения, животных, людей) «внутри себя», а потом «**назвав**» все это по именам [10]. Здесь очевиден процесс творчества во всех его основных этапах. Творение сначала задумывается творцом, затем вербализуется в слове – понятии и наконец, воплощается в действии и материальном проявлении. Не случайно в связи с этим, русский философ П.А. Флоренский считал слово, и вообще сферу языка, сферой встречи и синтеза двух стихий – внутренней и внешней, духовной и природно – социальной, соединение которых и составляет суть творчества – созидания [11].

К подобному принципу подошло и современное естествознание. О триединой структуре Мироздания - «информация → энергия → материя» - высказываются многие ученые: профессор Плыкин [12], академики Шипов и Акимов [13], об этом, по некоторым данным, говорил Н. Тесла, некоторые другие физики начала XX века [14]. В последние 200 – 300 лет, однако, возобладала противоположная, ограниченно-материалистическая точка зрения: мир сугубо материален, духовный мир – только в голове человека. Когда Лапласа,

одного из основоположников современной, доминирующей доселе, мировоззренческой концепции, спросили, верит ли он в Бога – Творца, он ответил «Я не нуждался в этой гипотезе». К чему привел нас такой рационализм, мы видим сегодня невооруженным глазом – к тотальной бездуховности, разрушению нравственности, в том числе к свободно пропагандируемому гомосексуализму – морали Содомы и Гоморры, ювенальной юстиции, всеобщей лжи: в политике, в рекламе и т.п., к бездумному и неуправляемому в масштабах планеты накоплению оружия, варварскому отношению к природе, тотальному отчуждению людей. Подобное развитие событий предвидел еще Достоевский 150 лет назад: «Если Бога нет, то все дозволено» – возвестил он устами одного из своих героев, предсказывая грядущее царство пошлости, низости, бездуховности и вырождения.

Чтобы вырваться из этого губительного глобального процесса, всем нам (как образу и подобию Божьему) также нужно вспомнить, что и любое слово наше это не просто «пиар», или рекламный «слоган», что слово – это зиждительная, организующая, управляющая сила в жизни человека и общества и даже всего Мироздания, но она может быть и разрушающей. Материальная природа мысли и воплощающего ее слова, сила их воздействия на окружающих людей и природу признана и уже включена даже в парадигму современного материалистического естествознания. И от того, какое слово использует человек, и как он его употребляет, зависит, будет ли оно созидать и животворить, или разрушать и убивать. Маркс сказал: «Как только идея овладевает массами, она становится материальной силой». Это справедливо не только для того общественно-исторического уровня, который Маркс имел ввиду, но и для жизни каждого человека – идея в его голове, произнесенное им слово могут стать материальной силой, если он начнет воплощать их в жизнь.

Наиболее впечатляющий пример созидющего слова дает история христианства. Созидательная сила слов Христа была безграничной. Даже храмовые стражники, посланные в храм, чтобы арестовать его, вернулись со словами: «никогда человек не **говорил** так, как Этот Человек» [2; Ин., 7; 46]. Он творил чудеса, как проявления неизвестных нам законов Мироздания (и скрытых в нас самих возможностей) через Свое могущественное лаконично-ключевое Слово. Он управлял природными явлениями: «...запретил ветру и сказал морю: **умолкни, перестань...**» [2; Мар., 4; 39]. Он лечил от телесных и психических заболеваний: «...**выйди** [из него], дух нечистый...» [2; Мар., 1; 25]; «...**встань...и ходи**» [2; Мф., 9; 5-6]; «...**прозри!**...» [2]; «...хочу, **очистись**» [2; Мф., 8; 3]; «...**отверзись** [откройся, слух]» [2]; Он воскрешал: «Лазарь! **Выйди**» [2; Ин., 11; 43-44]; «...девица! **встань**» [2; Мар., 5; 41]. Он же учил и ответственному отношению к слову: «...**говорю вам: за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда, ибо от слов своих оправдаешься и от слов своих осудишься**» [2; Мф. 12; 36-37].

Слова Благой Вести Христа принесли людям новое Божественное учение («...**что Я слышал от Него [Отца], то и говорю...**» [2; Ин; 8; 26]) о силе всепрощающей Любви. Они дали многим народам настолько сильный духовный толчок к развитию, коренным образом изменив и их мировоззрение и их мироощущение, что культурный взлет, вдохновлённый им, продолжался много веков. Подумать только, каких-то несколько десятков страниц евангельского текста – и вознеслись к небу величавые базилики Византии с их прекрасными фресками и переливающимися мистическим светом мозаиками, с завораживающим магическим орнаментом; и готические соборы – эта материализация общеевропейского устремления ввысь, в бесконечность, с их внутренней архитектурой, подобной небесному своду с их органной музыкальной гармонией, от Лассо до Баха, низводящей Божественное на Землю; родились и великая европейская живопись от Джотто до Рембранта, и далее – к русским передвижникам; и великая литература – от древних отцов церкви до немецкой идеалистической и русской религиозной философии, до Достоевского и Толстого; и многое другое, что здесь даже перечислить нет возможности.

Как говорят в народе, словом можно и убить и воскресить. «Слово – знамя всех дел!» – писал чемпион мира по тяжелой атлетике Юрий Власов в своей книге «Формула мужества»,

описывая свой опыт самоизлечения сразу от нескольких тяжелейших болезней с помощью самовнушения через сказанное самому себе слово. Опираясь на опыт Бехтерева по внушению через слово, в том числе гипнотическому, применяя и развивая его, Власов убедился, что слово лечит, и не только психические, но и телесные болезни. Он пишет, что любое слово, озвученные понятия и мысли переходят в наши физиологические процессы, замыкаются на них: слово и соответствующая ему мысль создают в мозгу психическую силу, которая через нервную систему передаётся организму и прямо влияет на состояние здоровья. Пользуясь этим механизмом, создавая нужные слова – образы, Власов буквально «за волосы» вытащил себя из полного развала, восстановил здоровье, работоспособность и энергию жизни и творчества [15]. Подобный же эффект описывают и применяют другие талантливые целители – психотерапевты. Например, М.С. Норбеков описывает не только свой собственный опыт восхождения от инвалида I группы с диагнозом «гломерунефрит», «приговоренного» медициной к смерти, до мастера спорта по восточным единоборствам, серебряного призера республиканских соревнований, но и опыт многих других «безнадежных» больных (в частности известного композитора, начавшего слепнуть, и многих других), с помощью слова возродивших в себе сначала дух, веру, а потом и тело, здоровье [16]. Многие подобные случаи описывает и С.Н. Лазарев [17] (в том числе и собственное исцеление от рака), В.Л. Леви [18], П. Брэгг [19], А. Микулин [20] и др. Можно вспомнить и героический случай с летчиком Маресьевым, когда он с помощью словесного самовнушения «Я буду летать!» научился не только ходить без ног, но и летать, управляя самолетом, и даже танцевать.

Слово это главный организатор любого творческого действия. С давних времен люди понимали это и всегда организовывали свою собственную жизнь при помощи слова: магических и военных песен, гимнов и стихов, заклинаний, заговоров и т.д. и т.п.

Слово – посредник между внутренним миром, душой человека и внешним миром природы и общества.

Слово не только соединяет мысль с действием, т.е. существует не только процесс творчества с участием слова «изнутри → вовне», но очевиден и обратный процесс «извне → вовнутрь», т.е. процесс организации, формирования, созидания самого внутреннего мира человека, его собственного «я» также с участием слова. Происходит этот процесс, начиная от первых слов – понятий, услышанных ребенком от матери, через все последующее образование (школьное, вузовское и др.), через другие формы словесно – информационного воздействия общества на человека (например, через СМИ, книги и т.д.), через различные формы самообразования. В этом процессе формируется не только интеллектуальный мир человека, но и эмоциональный (через художественную литературу, песни, театр, кино), моральный (присяги, клятвы на верность пионеров, рыцарей, обещания хранить верность при венчании и т.д.) и даже духовный мир человека (через восприятие Слова Божия). Слово – это инструмент и самообразования, и самовоспитания; это и дневниковые записи, и проговаривание и запись неясных внутренних ощущений с целью их прояснения и формирования четких мыслей, и другие психологические техники.

С незапамятных времен такое воздействие слова осознавалось народом и широко применялось на практике. Произведения устного народного творчества – сказки, легенды, предания, пословицы и поговорки, загадки, песни, шутки и мн. др. – как раз и несут такое созидательное воспитательное воздействие [21].

Слово управляет всеми нашими поступками, всей нашей жизнью. Однако, от того, каково это слово, какой «посыл» вкладывает в него сам человек, какое содержание оно несет, созидательное или разрушительное, доброе или злое, и в каком психическом и эмоциональном состоянии оно произносится – полностью зависит качество этого управления. Иными словами, каков сам человек, каков его духовный мир, чему он служит, добру или злу – такие слова, лозунги, программы, теории, произведения он и формирует. Современный человек, мягко говоря, далек от совершенства. Оттого-то история наполнена

примерами не только созидających, но и разрушающих слов (и последующих действий). И если Божье Слово ведет человечество к любви, истине и гармонии, к вечной жизни, то слово современного человечества в основном направляет его в противоположную сторону: к эгоизму, отчужденности и духовной деградации, к вырождению и смерти. Во всяком случае этому способствуют такие явления современной «культуры», как фильмы, пропагандирующие агрессию, бессмысленные «мыльные» сериалы, реклама, воздействующая на примитивные чувства и т.п. Не случайно поэтому в последние годы особенно распространенными стали разговоры о «конце света».

Экспериментальными методами естествознания установлено разрушающее и угнетающее энергоинформационное воздействие бранных слов (и особенно нецензурной ругани) на структурное состояние неживого вещества и на жизненные процессы живых организмов. И наоборот - благотворное влияние на них слов, несущих смысл созидания, любви. И верующим и неверующим известна воистину безграничная исцеляющая и помогающая сила молитвы, как духовно-словестного обращения человека к Богу и общения с Ним.

Становится все более очевидно, что человечеству, чтобы выжить, необходимо вернуться к Словоу Бога, к истинным духовным ориентирам, содержащимся в Нем, к вечным ценностям, продолжающим жить среди нас, несмотря ни на какие деструктивные тенденции. Слово нашего Творца всегда созидательно, поэтому слово человека (как Его образа) должно стать Ему подобным. Разрушительные же тенденции, столь бурно развивающиеся и заполняющие современную жизнь, должны сыграть для нас вспомогательную роль: создавая всё больше трудностей и проблем, они будут «подталкивать» людей к изменению своего мышления, к переосмыслению своего отношения к реальности, к переориентации с материальных ценностей на духовные.

Библиографический список

1. **Богданов, А.А** Вопросы социализма / А.А. Богданов. – М., 1990, - 393с.
2. Библия, книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М., 1994.
3. Коран. Перевод Б.Я. Шидфар. М., 2006. – 687с.
4. **Хусто, Л. Гонсалес.** История христианства/Гонсалес Л.Хусто.–ПБ, 2008 – Т.1,Т. 2.
5. **Вивекананда, С.** Философия йоги / С. Вивекананда. – М., 2003. - 400с.
6. **Флоровский, Г.В.** Восточные отцы Церкви / Г.В. Флоровский. – М., 2005. – 633 с.
7. **Соловьев, В.С.** Сочинения в 2-х томах / В.С. Соловьев. – М., 1989.
8. **Бердяев, Н.А.** Русская идея / Н.А. Бердяев. – М., 1997. – 540с.
9. **Гачев, Г.Д.** Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос / Г.Д. Гачев. – М., 2007. – 512с.
10. Мифологический словарь. – М., 1991. – С. 453.
11. **Флоренский, П.А.** У водоразделов мысли / П.А. Флоренский. – М., 1990.
12. **Плыкин, В.Д.** «В начале было Слово» или след на воде / В.Д. Плыкин. – Ижевск, 2000.
13. **Шипов, Г.И.** Физический вакуум и торсионные поля / Г.И. Шипов, А.Е. Акимов // Видеоконференция «Наука России. Взгляд в будущее», 1998.
14. Философский словарь. – М., 1986.(ст. «Энергетизм»).
15. **Власов, Ю.П.** Формула мужества / Ю.П. Власов. – М., 1987, - 96 с.
16. **Норбеков, М.С.** Опыт дурака или Ключ к прозрению / М.С. Норбеков. – СПб, 2001.
17. **Лазарев, С.Н.** Диагностика кармы / С.Н. Лазарев. – СПб, 1994 – 2005. – Кн. 1-12
18. **Леви, В.Л.** Вагон удачи / В.Л. Леви. – М., 2006. – 192с.
19. **Брэгг, П.** Чудо голодания. – М., 2004. – 192с.
20. **Микулин, А.** Две системы борьбы со старостью / А. Микулин, Дж. Сэйдж:. – М., 2004, - 176с.
21. **Соколов, Ю.М.** Русский фольклор / Ю.М. Соколов. – М., 2007, - 544с.

**ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ
PHILOSOPHY OF CULTURE AND CULTURAL STUDIES**

УДК 008

*Воронежский государственный архитектурно-строительный университет
Кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социологии и истории
И.Т. Пархоменко
Россия, г. Воронеж, тел. (473) 271-50-04;
e-mail: hist-vgasu@yandex.ru*

*Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering
PhD in Philosophy, Associate Professor of Philosophy, Sociology and History Chair
I.T. Parhomenko
Russia, Voronezh, tel. (473) 271-50-04;
e-mail: hist-vgasu@yandex.ru*

И. Т. Пархоменко

ФОРМУЛА УСПЕХА В СОВРЕМЕННОЙ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЕ

В статье рассматривается феномен успеха в современной массовой культуре. В эпоху Нового и Новейшего времени феномен успеха становится индикатором социального статуса индивида. В контексте успешности индивида в пространстве массовой культуры особое значение приобретает причастность к феномену гламура. Средствами дифференциации здесь выступают стиль и бренд, которые дают возможность индивиду добиться высокой степени успешности в современном обществе.

Ключевые слова: успех, массовая культура, гламур, социальное разделение, модернизм.

I. T. Parhomenko

THE FORMULA OF SUCCESS IN TODAY'S MASS-CULTURE

The article dwells upon the phenomenon of success in mass-culture. The author concludes that in the decries tyrannized reality of mass-production and consumption of cultural artefacts style and brand as the key elements of glamour act as indicators of success and social distinction for an individual coursing his success and public recognition.

Key words: success, mass-culture, glamour, social division, modernity.

Культура человечества представляет собой сложнейшее системное единство. С одной стороны налицо стремление к обобщению безгранично многообразного мира, а с другой – происходит постоянное дробление этой целостности, выделение в ней отдельных тенденций, процессов и феноменов. Одним из таких феноменов и является формула успеха в культуре. Формула успеха представляет собой комбинацию стереотипов, синтез культурных штампов, которые обнаружили устойчивую популярность в культуре на протяжении длительного исторического времени. По существу, формулу успеха можно рассматривать, как архетип, распространённый в различных культурах прошлого и настоящего. Формула успеха в современном культурном пространстве определяется степенью соответствия индивида некоему идеалу, который в массовом сознании ассоциируется с успешностью в современном социокультурном контексте. Современное понимание успеха обусловлено сменой культурных парадигм. Речь идёт о деградации христианского духовного комплекса и торжества, по-существу, неоязычества, которое выражается в реабилитации прежнего дохристианского отношения к жизни, развёртывающейся в рамках т.н. «... малой традиции», если пользоваться термином отечественного исследователя И.Г. Яковенко [1]. Эта «малая традиция» не только вытесняет большую, но и по-существу маргинализирует её.

Попытаемся выяснить природу данного явления и смысл составляющего его идеала. В христианской традиции тема успеха практически не поднималась, поскольку приобретённым для индивида считалось соответствие некоему состоянию божественной просветлённости, святости и чистоты, которое стяжалось через молитвенную практику и аскезу (другими словами, через самоустранение индивида из активной социальной практики, бегство из Града Земного в Град Божий). В связи с реабилитацией, по сути своей, дохристианского, греко-римского (если угодно – языческого) мироощущения, начиная с позднего Средневековья и эпохи Возрождения, постепенно разворачивается и набирает обороты новая концепция успеха, которая находит своё отражение в работах теоретиков гуманистической мысли Италии эпохи Ренессанса, и в дальнейшем, в рамках этической мысли Нового Времени. Классический пример здесь – сочинения Пико дела Мирандоллы и Лоренцо Валлы.

Успех здесь мыслится, как коррелят или синоним состоятельности человека, даже смысл его жизни, как таковой. Успех понимается всецело в плоскости имманентного. Он достигается здесь в рамках земного, человеческого бытия и не имеет никакой отсылки к миру Божьему. Успех, так или иначе, определяется степенью авторитета человека в глазах общества и что немаловажно – тем, как и сколь долго его будут помнить грядущие поколения. Иными словами, недостаточна лишь сиюминутная фиксация некоего состояния индивида. Важно запечатлеть это состояние и сделать частью исторической традиции, т.е. частью мифологии, которая живёт в истории сознания европейцев после фактической смерти индивида, достигшего успеха.

Таким образом, реабилитация телесного, которая происходит в рамках массовой культуры Европы, генетически восходит к смене парадигмы. В позднем Средневековье и в эпоху Возрождения она радикальным образом меняет само понимание успеха, сближая его с Античной категорией фортуны, которая присутствует как в рамках мифологического, так и в рамках концептуального сознания и активнейшим образом разрабатывается. Не случайно, опять же в эпоху Возрождения, категория фортуны становится одной из излюбленных для работ корифеев гуманистической мысли. Здесь достаточно вспомнить рассуждения по этому поводу Н. Макиавелли, который сравнивает фортуна с капризной женщиной, которую необходимо « ... бичевать, не дожидаясь её подачек или уступок», ради того, чтобы эта фортуна обратила свой милостивый взор, или даже бы служила безропотно и покорно тому, кто демонстрирует по отношению к ней упорство, наглость и смелость [2]. По существу, это парафраз знаменитой фразы Вергилия о том, что фортуна любит смелых.

Если рассматривать структуру этого идеала, соответствие которому делает человека успешным, то здесь можно констатировать наличие ряда ключевых характеристик: а именно – физическое здоровье и молодость, что вполне понятно в рамках реабилитации телесного и земного. Физическое здоровье и молодость греческих героев и Богов оказывается важнейшим атрибутом или признаком состоятельности человека. Поколению молодых – старость неинтересна. Она для них обременительна, поскольку ассоциируется со смертью. Смерть принято не замечать, либо намеренно девальвировать через подмену этого феномена какими-то кинематографическими суррогатами, когда вместо живой крови, на экранах хлещут потоки кетчупа. Смерть ассоциируется с небытием. В условиях ослабления христианского религиозного комплекса небытие становится чрезвычайно обременительным психологическим фактором земной человеческой жизни. Страх перед ним оказывается (по сути) – главным оппонентом успешной личности – тем самым противовесом, который не даёт человеку в полной мере вкушать плоды собственного успеха здесь, в земной жизни. Поэтому принимаются титанические усилия, чтобы этот страх подавить, вытеснить, девальвировать, осмеять. Иными словами, массовая культура прибегает к целому набору инструментов для того, чтобы, так или иначе, исцелить индивида от этого весьма обременительного ожидания.

Следующий важный компонент идеологии успеха – это богатство. На эту тему можно рассуждать много. Гимн деньгам был воспет итальянскими гуманистами не в меньшей мере, чем добродетелям мужества или служения своему народу. Богатство – это коррелят состоятельности человека, его общественного статуса. Это эквивалент его значимости и авторитета в глазах сограждан. Богатство – это мерило европейской цивилизации, которая строится, как и любая иная цивилизация, на принципах иерархии. Поэтому стяжание богатством является несомненным атрибутом успешности в контексте этого типа культуры. Богатство, вообще говоря, вполне естественная установка новоевропейского сознания, привыкшего мыслить мир в системе числовых отношений, пропорций, математических закономерностей и упорядоченности, которые открываются человеческому познанию и выражаются в науке и производстве, а точнее в практике – либо интеллектуальной, либо вне интеллектуальной.

Поэтому, восприятие реальности в модусе числа, установка на тотальную измеримость вещей логически влечёт за собой оценку их ценностей, т.е. ценностей тех процессов и явлений, которые разворачиваются в мире. Эквивалентом этого и являются деньги, выступающие в роли мерила значимости индивида, что само по себе очень важно. В свою очередь «... деньги не являются замкнутой системой и не имеют смысла в отрыве от всего остального» [3]. Новое европейское сознание, в рамках которого разворачивается современная массовая культура, в условиях отсутствия трансцендирования, когда более уже никто не устремлён в какие-то там заоблачные Божьи Грады, в качестве основополагающего фактора наделения смыслом самого человеческого бытия, смыслообразующей составляющей такового обозначает экспансию, т.е. расширение господства. Что также вполне соответствует языческой установке на отношения человека и мира, поскольку господство даёт возможность индивиду обезопасить тот участок времени и пространства, который ему подконтролен, а комфортность его присвоить.

Другими словами, в рамках языческого сознания, категория «иметь» превалирует над категорией «быть». От того, сколь много я имею, зависит мой социальный статус, а также личностная самооценка. Деньги, выступающие в роли эквивалента экспансии или инструмента её расширения, таким образом, обеспечивают человеку максимально широкий спектр влияния на окружающий мир, влияние – которое простирается вплоть до фактического господства. Поэтому, тот индивид, который обладает максимальной степенью влияния на реальность, которая обеспечивается для него наличием денежных средств и считается наиболее успешным. Классический пример – Билл Гейтс, который купил себе Вселенную, на, условно говоря, 15 млрд. долларов. Т.е. участок «его мира» в нашем большом мире, сфера приложения его собственных потенций – она чрезвычайно широка и оценивается им денежным обозначением. Здесь можно сравнить, условно говоря, Билла Гейтса и какого-нибудь нищего, у которого 3 доллара в кармане и который имеет в своём распоряжении реальности на эти самые 3 доллара.

Богатство даёт ощущение независимости от мира. И хотя это ощущение иллюзорно, тем не менее, доминанта сознания, рождённого в новоевропейском культурно контексте совершенно очевидна – через накопление богатства я присваиваю себе мир, делаю его своим ради утверждения в нём господства и безопасности. Таким образом, эти две доминанты новоевропейского сознания вполне соответствуют тому, на чём основывалась мораль языческой Греко-римской цивилизации: господство, как наивысшее уподобление человека божественному; могущество, как наиболее полное воплощение человеческого «я»; величие – как способ обессмертить себя в памяти потомков. Всё это находит своё отражение и в контексте поп-культуры, будучи регенерированы в нём.

Третий важный элемент этого идеала успешности заключается в необходимом для успешного человека высокого уровня сексипильности, которая коррелирует естественно с физическим уровнем и молодостью, апеллирует к наиболее фундаментальным биологическим характеристикам особи и опять же, вполне по-дарвиновски, указывает на

большие возможности одной особи в сравнении с другой. Отсюда выбор массового сознания в рамках поп-культуры, выбор тех образчиков, тех эталонов, нормативов, персонифицированных в образах полу мифологизированных или полностью мифологизированных по сути своей, таких как Мэрилин Монро, Бред Питт, Том Круз, Мадонна и др. – в образах, которые сочетают в себе эти компоненты с наибольшей полнотой.

Важно иметь в виду то обстоятельство, что при перечислении всех этих характеристик, мы не находим указаний на необходимость личного счастья, духовного опыта каких-то вообще интимных переживаний на этот счёт, которые были бы значимы для определения того или иного индивида как успешного. Современная успешность, как и успешность Античности - всецело экстравертна. Внутренний мир человека может находиться в жесточайшем диссонансе с его внешней успешностью. Человек в личной жизни может испытывать колоссальную трагедию, быть очень одиноким и депрессивным, при этом внешний облик его (классический пример Мэрилин Монро) практически без изъяна отвечает тому самому идеалу, который был охарактеризован выше. Это тоже важный фактор современного массового сознания.

Внутренний мир человека принято скрывать, поскольку он подвижен, изменчив. Его гораздо сложнее контролировать, чем внешние проявления человеческой индивидуальности. Поэтому, скрывая всякого рода дестабилизирующие внутренний мир человека состояния, индивид пытается всеми силами безупречность внешнюю, т.е. мир упаковки - видимость, явление, которое очень часто входит в противоречие с сущностью. Более того, можно прогнозировать, что внутренний мир человека также будет подвержен унификации, механизации, ради обеспечения большего соответствия внешней безупречности. Потому что интенсивная внутренняя жизнь - духовная, эмоциональная – создаёт постоянную угрозу разрушения идеала внешней безупречной идеальности успеха.

Нет ничего более грустного, чем ситуация, когда публика, вдруг, узнаёт, что идеал успешности (о котором думали, что он абсолютно лишён всякого рода изъянов в своём безупречном внешнем виде, в своём экстерьере) оказывается внутренне в кризисе, расколотым, совсем лишённым той самой монументальности, которая культивируется, исходя из экстравертного характера массовой культуры. Часто это ведёт к разрушению идолов, к их ниспровержению, но лишь затем, чтобы немедленно возводить на их место новых. Поэтому нет большей беды для успешного человека, чем однажды оказаться человеком неуспешным и предстать в глазах обывателей наделённым такими же простыми, земными, человеческими свойствами, что и последний дворник или школьная учительница.

Одним из наиболее значимых следствий утверждения гегемонии массовой культуры в современном социокультурном пространстве стал фактический демонтаж традиционных принципов социальной стратификации. Мировая «информационная деревня» (М.Маклюэн) обеспечила торжество того идеала, который прежде можно было встретить разве только что в утопиях Т.Мора и Т.Кампанеллы. Доступность информации и облегчение (даже тривиализация) возможностей коммуникации не только привели к устранению сословно-классовых границ, но и повлекли за собой фактическую отмену прежних принципов дифференциации по типу отношений к средствам производства, участия в производственном процессе и т.д. Фактически наличествующее глобальное информационное пространство, в котором действительно «нет ни эллина, ни иудея», стало реальным воплощением мечты о человеческом всеединстве, поставило во главу угла проблему условности границ, этнокультурных особенностей, сословно-классовых различий.

Равенство в доступе к информационному пространству обернулось равенством участников социокультурного процесса и во многих других отношениях, прежде всего, в сфере образовательных и коммуникативных возможностей. И хотя еще существуют богатые и бедные меняется сам характер «богатства»: оно все более ассоциируется со способностью индивида находить, отбирать, участвовать и использовать информацию. Меняется критерий

успешности. Прежние социальные мифы, связанные с признанием «права собственности на средства производства» сменяются новыми. Собственность теперь – это не столько RealStat прежней политической экономии, сколько информация – High-tech и Know-how.

Возникает парадоксальная ситуация: утратив прежние критерии дифференциации, социум становится в значительной мере однородным и деклассированным; утрачиваются определения «верха и низа», ибо информация и способы ее трансляции весьма демократичны. Происходит десакрализация (профанация) государства. Под атаками папарацци исчезает мистический ореол власти и ее носители; становится очевидной банальность ее носителей, условный характер легитимизации их полномочий. Все это усиливает эффект энтропии социальной системы, сокращает период ее «полураспада». Вместе с тем, парадоксальным образом (и это стоит отметить особо) потребность индивида быть нетождественным другому в условиях всеобщей доступности всего, становится даже острее. Демонтирование прежнего «верха» и «низа» виртуализированным субъектом влечет за собой невыносимое состояние схожести с остальными. Вслед за этим происходит болезненное осознание экзистенциально-психологической драмы «усредненного типового сознания» и, как следствие, попытка найти новый критерий дифференциации, новый принцип построения «верха» и «низа».

В контексте успешности индивида в пространстве современной массовой культуры особое значение приобретает его причастность к феномену гламура. «Слово «гламур» впервые появилось в английском языке в 1805 году. Вальтер Скотт использовал его в поэме «Песнь последнего менестреля», чтобы обозначить волшебную силу, благодаря которой обычные люди, дома и места казались великолепными. То, что термин был создан сыном юриста, не случайно. Гламур – именно та сила, о которой мечтали мужчины и женщины среднего класса, когда добивались богатства и социального влияния. Если гламур мог превратить девушек в принцесс, то он, конечно, мог сделать из буржуа изысканного джентльмена, из провинциального писателя – блестящего романтика, из женщины сомнительных достоинств – красавицу» [4].

Средствами дифференциации в современном гламуре выступают стиль и бренд, которые дают возможность индивиду добиться высокой степени успешности в обществе. Определение гламура сугубо описательно и акцидентально. И это не случайно. Гламур – это продукт культуры постмодерна, колажный по своему характеру, ее виртуальный составляющий, создающий инсталляции и «иконы». Он лишен субстанциальности и находится всецело в плоскости феноменологии массовой культуры. Гламур – это симуляции подлинного, значимого, сакрального в отсутствии последнего, его вульгаризированная по-версия.

Ситуация, когда религия (сакральное) почти окончательно (по крайней мере, на Западе) стала рудиментом и атавизмом традиционализма, виньеткой прошлого, рождественской распродажей и т.д., уже нет места для трансцендуса. Бог умер, а бытие сведено к вещественно-материальной одномерности. Тем не менее, религия в оптике социального устройства всегда была ключевым механизмом дифференциации «верха» и «низа». В этом смысле она объективна и необходима, насколько вообще необходимо и объективно социальное структурирование. И поскольку религия неизбежна, вызывает необходимость найти ее симулякр в условиях сознания, когда фактическая нерелигиозность в традиционном смысле этого слова отторгает старые фетиши, и прежде всего - христианские, и требует компенсации в виде сакрализованного масс-продукта, чей эксклюзивный статус делает его «иконой».

Гламур и есть механизм создания таких икон, фабрика по производству «Вифлеемских звезд», главное условие сакральности которых - недоступность. Последнее отсылает нас к скрытой пружине гламура – деньгам, как к инструменту дифференциации. Гламур – это богатство, ставшее стилем. Это секс, молодость, успех и, главное, недоступность (эксклюзив). Гламур – это религия стиля и вещи, недоступных для профанов «низа» и

потому сакральных. Это религия исключительности (божественности), проистекающая от возможности индивида обладать малодоступным брендом. Это симуляция аристократии, необходимой как «верх» во всяком обществе. Прежде аристократия была порождением крови и почвы, генетики и этноса. Она была классовым явлением. Эти механизмы стали утрачивать эффективность в Новое время, когда семейство Ротшильдов стало баронами, а сын мясника Мюрат – Неаполитанским королем.

Родовая аристократия деградировала и почти полностью исчезла. Но социальная ниша, которую она прежде занимала, продолжает существовать. Неудивительно, что этот вакуум в условиях массового общества оказался так быстро заполнен ее гламурным симулякром. В условиях практического отсутствия глобальных идеологий, гламур стал идеологией эрзац-аристократизма, потребность в котором со стороны «низов» очевидна. Вряд ли есть основания подозревать наличие некоего заговора «мировой закулисы», транснациональных брендов и т.д. в навязывании гламура остальному обществу.

Гламур, как и любая аристократия – это результат социального заказа «низов», которые стихийно формируют идеал (идол, кумир), чтобы создать условия для собственной дифференциации выхода из стихии «низа» через ассоциирование (подражание) с идолом (идеалом). Эта ассоциация (имитация) создает иллюзию причастности к «верху» для тех представителей «низа», которые не утратили потребность отличаться от других через изменение стиля, быта, внешнего вида, социального статуса, сколь бы значительными эти изменения не были. В этом отношении гламур абсолютно объективное и неизбежное явление, и все призывы его оппонентов, звучащие из арьергардных слоев последователей традиционализма столь же наивны как призывы запретить хип-хоп и кока-колу. Именно потребность отличаться от себе подобных, стремление любой ценой попасть в область минимальной доступности (экслюзив), пожалуй, и является подлинной смыслообразующей составляющей экзистенции гламура. Гламур, при всей его бессодержательности и бездуховности, обеспечивает мощнейшее поле притяжения для тех, кто вне гламура, но отчаянно к нему стремится. Даже если это стремление в силу финансовой ограниченности низов не идет дальше имитации гламура через покупку китайских подделок гламурных брендов.

Какова же эстетическая ценность гламурных артефактов? Сторонники традиционализма упрекают гламур в вульгарности и пустоте главным образом в силу того, что гламурный артефакт не заключает в себе высоко духовного содержания, т.е. не черпает свой эйдос из контекста традиционной парадигмы: истина – добро – красота, имеющей очевидный религиозно-мифологический, в основном христианский подтекст. Но почему они забывают, при этом, что красота не обязана быть духовной и квазихристианской. Она вполне может быть внешне формальной, пустой и даже негативной, как потрясающе красивый эсес-мундир киношного Штирлица. Главное, исходное предназначение красоты со времен наскальных рисунков кроманьонца – украшать и быть инструментом дифференциации особи вида homo. Все остальное – мораль, духовность, преображение придумали позже. Гламур в этом смысле вопиюще антиметафизичен. Его двигатель – свобода во всех своих проявлениях.

Гламур, будучи порождением культуры симулякра, не только ниспровергает фундаментальную культуру высокого, но и упраздняет ее диктатуру. Красота перестает быть синонимом высокого. Она становится синонимом исключительного, малодоступного, пусть даже пустого и тривиального. Красота окончательно перестает зависеть от «технической» своей составляющей (гармония, мера, соразмерность Аристотеля). Она окончательно становится областью малой доступности, становится синонимом экслюзива. Красиво то, что обладает высокой степенью исключительности; моральные и духовные коннотации в отношении объекта (артефакта) нужно признать более или менее случайными. При всей своей элитарности гламур потрясающе демократичен, ибо частью этой аристократии может стать любой выходец из низов. Гламур предлагает демократичную шкалу дифференциации в

условиях, когда потребность в дифференциации становится особенно острой. Именно это, пожалуй, ему не могут простить те, кому в силу каких-то причин не случилось стать «иконой».

Подводя итог сказанному, можно констатировать наличие ряда тенденций, имеющих основополагающий характер для современной западной массовой культуры. Это, прежде всего, эмансипация индивида и общества от системы запретов, имеющих христианское происхождение; последовательное преодоление эстетических, этических и иных канонов, связанных с европейским традиционализмом; антиклерикализм и системное преодоление официальной религиозности, следствием чего являются попытки найти очертания новой пост-христианской духовности; демонтаж свойственных традиционной европейской культуре социальных институтов (семья, школа, церковь). «Наше сегодняшнее существование все более характеризуется множасьей до бесконечности многообразием жизненных перспектив, их подлинной бездонностью, ибо глубоким и сущностным становится наше видение мира; любой период прошлого по отношению к предшествующему периоду мы рассматриваем теперь как новое жизненное начинание» [5].

Следует иметь в виду также, что современная массовая культура – это открытая, развивающаяся система, в которой деструктивный и конструктивный компоненты теснейшим образом взаимодействуют. Констатируя невозможность четко указать, каков будет конечный результат развития этого процесса, мы, тем не менее, далеки от пессимистических прогнозов на этот счет, которые так часто можно услышать из уст представителей традиционализма и философского фундаментализма. Ценности массовой культуры (во всех ее вариантах) «... связаны с жизнью и поведением человека в обществе, на земле, в реальной действительности, т.е. могут быть названы материалистическими. Как верно заметил французский социолог Эдгар Морен в своей известной книге «Дух времени», массовая культура – едва ли не первая в истории человечества культурная формация, «... лишенная трансцендентального продолжения»; она не интересуется нематериальным, потусторонним бытием. Сверхъестественные явления – нередкий сюжет... <...>, но они всегда подчинены вполне земным целям. Этот специфический материализм массовой культуры и впрямь согласуется с «духом времени», который порожден промышленной революцией, изобретательностью и техникой и в котором весьма силен народный и демократический элемент» [6].

Библиографический список

1. **Яковенко, И.Г.** Большая и малая традиция европейской культуры: к постановке проблемы. Статья 1 / И.Г. Яковенко // *Общественные науки и современность*. – М., 2005. – С. 86-99.
2. **Макиавелли, Н.** Государь / Н. Макиавелли. – М., 2011. – С. 76.
3. **Маклюэн, Г.М.** Понимание Медиа: Внешние расширения человека / Г.М. Маклюэн. – 3-е изд. – М., 2011. – С. 160
4. **Гандл, С.** Гламур / С. Гандл. – М., 2011. – С. 12.
5. **Ортега-и-Гассет, Х.** Искусство в настоящем и прошлом / Х. Ортега-и-Гассет // *Запах культуры*. – М., 2006. – С. 196.
6. **Теплиц, К.Т.** Все для всех: Массовая культура и современный человек / К.Т. Теплиц // *Человек: образ и сущность*. – М., 2000. – С. 284.

УДК 008

*Институт менеджмента, маркетинга и финансов
Доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой философии и социально-
гуманитарных дисциплин М.В. Черников
Россия, г. Воронеж, тел. (473) 277-59-25;
e-mail: ch@vmail.ru*

*Institute of Management, Marketing and Finance
Doctor of Philosophy, Philosophy, Social and
Humanitarian Disciplines Chair Head and Professor
M.V. Chernikov
Russia, Voronezh,
tel. (473) 277-59-25;
e-mail: ch@vmail.ru*

М. В. Черников

ИНТЕЛЛИГЕНТ В СИТУАЦИИ ПОСТМОДЕРНА

В статье обсуждается проблема бытия Интеллекта в условиях фундаментальных трансформаций общественного бытия и общественного сознания в современном мире. Рассматриваются вызовы мироощущению и социальной функции Интеллекта со стороны того стиля жизни и философствования, который складывается в обществе Постмодерна.

Ключевые слова: интеллигент, истина, правда, классическая научная рациональность, неклассическая научная рациональность, Постмодерн.

M. V. Chernikov

INTELLECTUAL IN THE POSTMODERN SITUATION

The article deal with the problem of Intellectual existence in conditions of fundamental transformation of social existence and public consciousness in contemporary world. There are the defiance to attitude and the social function of intellectual from side of that lifestyle and philosophizing which develops in the post-modern society.

Key words: intellectual, verity, truth, classic scientific rationality, non-classical scientific rationality, Postmodern.

Глубинной и, можно сказать, смыслоопределяющей установкой сознания Интеллекта традиционно было признание наличие сущностной Истины, скрывающейся за многообразием видимых явлений, признание глубинной логики, определяющей протекание наличествующих процессов и в природном, и в социальном, и в экзистенциально-духовном измерениях.

Интеллигент – тот, кто использует свой интеллект для поиска Истины (гносеологическая составляющая сознания Интеллекта). Истина же укоренена в сущем, задавая действительную (в противоположность мнимости, кажимости), а потому – высшую – норму бытия сущего, то есть задавая Правду (онтологическая составляющая сознания Интеллекта). Ориентируясь на Истину, Интеллигент призван возвещать имплицитную Истиной Правду, как бы печально это не отразилось на повседневном существовании самого Интеллекта (аксиологическая составляющая сознания Интеллекта) [1]. Фактическое наличие такого рода установочных представлений в сознании Интеллекта (и также, заметим, в общественном сознании социума, инкорпорирующего в себя Интеллекта) указывает на духовную родину самого феномена интеллигенции, каковой в Новое время (если не окунаться в далекое историко-философское прошлое) можно считать т.н. классическую научную рациональность.

Классическая научная рациональность – совокупность парадигмальных установок, фундирующих развитие классической науки нового времени, в первую очередь, – классической (ньютоновской) физики.

Онтологическими установками классической научной рациональности были представления о мире как бесконечно многообразной совокупности феноменов, за которыми, однако, скрывается ограниченное число управляющих этим многообразием относительно простых законов. Правомерной признавалась концепция жесткого детерминизма. Вероятность, случайность, неопределенность не имели онтологического статуса, а объяснялись неполнотой человеческого знания.

Гносеологическим убеждением в рамках классической научной рациональности было признание принципиальной познаваемости мира, который считался «прозрачным» для познающего взора.

Наличие таких представлений и определяло пафос (аксиологическая установка) классической научной рациональности. Высший прагматический смысл получал путь научного поиска непотаенной в своей сути Истины сущего. Выстраивался культ Разума, способного преодолеть сугубо видимую сложность, мозаичность, мельтешащую неопределенность мира явлений и проникнуть в глубь бытия, постичь его суть. Известные строчки Б. Пастернака хорошо передают этот, можно сказать – прометеевский – дух классической научной рациональности:

Во всем мне хочется дойти
До самой сути.
В работе, в поисках пути,
В сердечной смуте.

До сущности протекших дней,
До их причины,
До оснований, до корней,
До сердцевины.

Все время схватывая нить
Судеб, событий,
Жить, думать, чувствовать, любить,
Свершать открытья.

Культурологическое оформление классической научной рациональности определилось как дух Просвещения, как дух общества Модерна (modernity). Сознание Интеллекта, сама возможность интеллигенции как миссии и социальной функции укоренены в обществе Модерна.

Однако уже на рубеже XIX–XX веков классическая научная рациональность начинает уступать пальму первенства т.н. неклассической научной рациональности [2].

Удары по глубинным установкам классической научной рациональности наносились и с философских позиций (неокантианство, иррационализм XIX века), и с позиций обретшего самосознание духа гуманитарных наук (Дильтей, Виндельбанд, Риккерт), но решающим фактором в этом плане стали все-таки революционные трансформации классического естествознания, возникновение новых научных идей и направлений. Теория эволюции (позже – синергетика), теория относительности, квантовая физика (позже – физика элементарных частиц и физика высоких энергий) смогли обрести мировоззренческое фундирование только за счет смены фундаментальной научной парадигмы, за счет перехода от классической к неклассической научной рациональности.

В рамках неклассической научной рациональности господствует представление о нередуцируемой к некоторому числу простых законов онтологической сложности, демонстрируется весьма ограниченный характер применения принципа жесткого детерминизма. Случайность, вероятность, неопределенность получают уже сущностный, то есть онтологический статус.

Согласно гносеологическим установкам неклассической научной рациональности, мир больше не представляется познавателью «прозрачным», поскольку обнаруживаются не допускаемые в рамках классической научной рациональности эффекты, такие как, например, неустранимое влияние субъекта познания на познаваемый объект (в рамках классической научной рациональности считалось, что всегда можно корректным образом исключить такое влияние, как бы вынести субъекта познания «за скобку»).

И все же этот, начавшийся на рубеже XIX – XX веков мировоззренческий сдвиг носил относительно элитарный характер и затронул главным образом узкий слой философов и философски мыслящих ученых. Общекультурным достоянием наметившийся мировоззренческий переход от классической научной рациональности к неклассической не стал даже в XX веке и, соответственно, мало повлиял на сознание Интеллекта, пропитанное духом классической научной рациональности.

Подрыв, своего рода деконструкция сознания Интеллекта, и, более того, идеологическая аннигиляция миссии Интеллекта, дискредитация его социальной функции оказались обусловлены протеканием совсем других процессов.

В конце XX века происходят радикальные трансформации всей системы общественных отношений, а, соответственно, и жизненного мира современного человека. По-видимому, в этот период достигает неких критических рубежей общая тенденция расширенного воспроизводства, экономическая и социально-политическая инкарнация которого обобщенно называется «капитализм»

Капитализм подобно раковой опухоли существует только за счет роста, который захватывает и вовлекает во все нарастающий поток изменений все новые и новые области. Экстенсивным обеспечением капиталистического роста является использование новых материальных и людских ресурсов, интенсивным – прогрессирующая специализация производителей и развитие технологий.

Во второй половине XX века сложились условия для особо впечатляющего проявления всех этих тенденций. В процесс капиталистического производства было вовлечено практически все население Земли, была выстроена глобальная система территориально-отраслевой специализации, сформировалась всемирная финансовая система, основанная на единой мировой валюте – долларе США. Интенсифицировались и достигли потрясающих скоростей потоки ресурсов, капиталов, информации. Соответственно, сложность и многофакторность общественного бытия приобрели поистине невиданные размеры.

Не отставал и второй фактор капиталистической экспансии – научно-технический прогресс. В послевоенный период достиг расцвета т.н. четвертый технологический уклад (*ключевой фактор*: двигатель внутреннего сгорания; *ядро технологического уклада*: автомобилестроение, авиастроение, цветная металлургия, производство товаров длительного пользования, синтетические материалы, органическая химия, производство и переработка нефти) и был реализован переход к пятому технологическому укладу (*ключевой фактор*: микроэлектронные компоненты; *ядро технологического уклада*: электронная промышленность, вычислительная, оптоволоконная техника, программное обеспечение, телекоммуникации, роботостроение, производство и переработка газа, информационные услуги). В ближайшем будущем (если не помешают обострившиеся в современной капиталистической миросистеме социально-политические процессы) ожидается переход к шестому технологическому укладу (*ключевой фактор*: нанотехнологии, клеточные технологии; *ядро технологического уклада*: наноэлектроника, молекулярная и

нанопотоника, наноматериалы и наноструктурированные покрытия, нанобиотехнология, наносистемная техника) [3]. Сложность технологий и произведенных при их помощи товаров приобрела запредельный характер. А переход к нанотехнологиям обозначил еще один «пугающий» процесс: мощь технологий опередила мощь познающего разума. Новые устойчиво достигаемые технологические эффекты зачастую не получают удовлетворительного научного объяснения. Привычная для XX века картина, когда ученые, открывая новые эффекты, задавали тем самым направление технологических революций, сменилась (по крайней мере в настоящее время) ситуацией неуправляемого и теоретически плохо понимаемого технологического прогресса.

Особо надо подчеркнуть неимоверно выросшие (и все более стремительно растущие) объемность и сложность когнитивно-информационной сферы. По экспертной оценке, начиная с середины XX века объем мировых знаний удваивался каждые 20 лет. При этом из всего объема знаний, измеренных в физических величинах, которыми располагает человечество, 90% получены в последние 30 лет, так же как 90% от общего числа ученых и инженеров, подготовленных за всю историю цивилизации – наши современники [4].

Уже длительное время мощь общего числа компьютеров удваивается в среднем каждые 18 месяцев (эта эмпирическая закономерность пока не объяснена). При этом, начиная с 1991 года, объем информации на каждом квадратном сантиметре компьютерных дисков увеличивается в среднем в 1,6 раза в год.

Неимоверная сложность функционирования и развития современного – гиперинформационного – общества породили особого рода феномен: все расширяющийся сектор присваивающего хозяйства, существующий в рамках глобальной системы производящего хозяйства. Отдельный человек, поневоле включенный во всеобщий муравейник-конвейер мирового капиталистического производства, занимается производящей деятельностью только в узком объеме своей специализации, за пределами которого он может лишь приобретать на имеющиеся денежные ресурсы те или иные блага, то есть вести по сути дела присваивающее хозяйство. Отчужденный от функционирования производящего целого как на деятельностном, так и на информационно-когнитивном уровне человек не способен сознательно, целенаправленно повлиять на функционирование целого, так же как и не способен уразуметь, не способен понять логику функционирования целого.

Менталитету такого человека становятся присущи черты (обычно изучаемые антропологами на примере примитивных обществ), характерные для сознания людей, ведущих присваивающее хозяйство: мифогенность, тяга к мистическим и магическим практикам, когнитивная синкретичность, алогизм, затрудненность выделения причинно-следственных отношений и склонность подменять их логикой «бриколажа» (К. Леви-Стросс), повышенная эмоциональность и возбудимость, предрасположенность к параноидальным и /или шизофреническим отклонениям.

Своего рода общекультурным знаменателем такого рода процессов, реакцией на неимоверно выросшую сложность и неопределенность общественного бытия человека стал тот особый стиль мировосприятия и философствования, который именуется Постмодерном.

Для Постмодерна характерно признание исчерпанности традиционных форм рационального мышления, что диктует необходимость перехода к новым ментальным практикам. Постмодерн снимает саму проблему объективной реальности, переключаясь на субъективность индивида. В результате мир воспринимается как условность, действительность – как нечто мнимое, которое хорошо описывается метафорой сновидения. Практикуется и популяризируется т.н. «следовое восприятие», предполагающее скольжение субъекта по поверхности явления без понимания сущности последнего. Считается, что все, принимаемое за действительность, на самом деле лишь некое представление о ней, зависящее к тому же от точки зрения, которую выбирает наблюдатель, и смена которой ведет к кардинальному изменению самого представления.

Постмодерн настаивает на принципе множественности истин (логический закон исключенного третьего теряет свой смысл) – каждый субъект может высказывать об объекте противоположные, но одинаково справедливые суждения. Истина – это только слово, обращенное к собеседнику, прием позволяющий наладить взаимопонимание. Слово – часть текста, сообщения. Сам же текст не столько отображает реальность, сколько творит ее заново. Соответственно, создается как бы множество реальностей, поскольку существует соответствующее число интерпретаций текста. Становится невозможным говорить о подлинной реальности, на ее место приходит неограниченный набор реальностей виртуальных. Каждый тип виртуальной реальности характеризуется своей логикой и требует использования своего типа рациональности. При этом становится практикуемой и оправданной как деконструкция виртуальных реальностей (единственного материала, доступного восприятию человека), так и их произвольное конструирование. Отсюда стилистика «цитат и ковычек», постоянное заимствование «приглянувшихся» фрагментов из неограниченного набора культурных и исторических текстов, практика аллюзий, иронии, бесконечно повторяющейся рефлексии.

Для Постмодерна характерна «утрата любого чувства истории, и как надежды, и как памяти» (П. Андерсон). Истории одинаковой для всех просто не существует. Соответственно, отрицается наличие универсальных, глобальных проектов будущего, которые объявляются безвозвратно дискредитировавшими себя иллюзиями Модерна. В этом плане Постмодерн девальвирует, элиминирует саму возможность осознанной и ответственной политической мобилизации, на ее место приходят манипулятивные практики и политехнологии. Управление человеком реализуется через внедрение в его жизненный мир специальных вирусов, симулякров (точных копий реально не существующего оригинала). На место индивида приходит дивид. Дивид, в отличие от индивида, не ищет смысла, он им оперирует. Он не ищет свободы, он свободен. Ему неведомы табу, ему нечего нарушать. Он не тратит жизненные силы на постижение того, какова реальность. Он не спрашивает: «что есть истина?». Он вообще не спрашивает, полагая, что тотальная бессмысленность – это и есть наивысший смысл.

Не трудно увидеть, что мировоззренческие установки Постмодерна напрочь отрицают фундаментальные предпосылки сознания Интеллекта. Поиск Истины и артикуляция Правды в мире, где Истина аннигилирована и расплывлена на множество истин, а Правда субъективирована, виртуализирована и редуцирована до индивидуальной правды, становятся смехотворными. Возвещается смерть Интеллекта. Тот, кто берет на себя роль Интеллекта, ищущего Истину и артикулирующего Правду, объявляется в лучшем случае наивным, ретроградным чудачком, а в худшем случае – особым злонамеренным вирусом, специальным симулякром, выполняющим особого рода идеологическую, то есть манипулятивно-пропагандистскую задачу.

В обществе Постмодерна на место интеллигенции прочат т.н. креативный класс. Этот класс, монополизирующий коммуникативные ресурсы и владеющий самыми разнообразными средствами трансляции – искусство, литература, СМИ, реклама, дизайн – обретает гегемонию и начинает доминировать в деле смыслопорождения и организации возможных мобилизационных проектов – флеш-мобов. В условиях идеологического господства креативного класса расцветает особый глэм-стиль, отличительными чертами (маркерами) которого становятся неординарность, незашоренность, яркость, экзотичность, «розовость». [5] Интеллигент же, с его серьезностью, ответственностью, принципиальностью, в такого рода условиях оказывается, как минимум, факультативен.

Однако о чем все это говорит? Господствующие в современном обществе тенденции, возвещающие смерть Интеллекта, не свидетельствуют ли в большей мере о катастрофичности самого общества, перешедшего какой-то критический уровень сложности и, тем самым, потерявшего управляемость. Возможно, глубинное осмысление этой

гипотетической ситуации и является последней миссией, своего рода «лебединой песней» Интеллекта как «уходящей природы» современной эпохи.

Библиографический список

1. **Черников, М.В.** Философия Правды в русской культуре / М.В. Черников. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2002.
2. **Мамардашвили, М.К.** Классический и неклассический идеалы рациональности (2-е издание) / М.К. Мамардашвили. – М.: Изд-во "Лабиринт", 1994.
3. **Глазьев, С.Ю.** Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса / С.Ю. Глазьев. – М.: Экономика, 2010.
4. **Глазьев, С.Ю.** Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса / С.Ю. Глазьев. – М.: Экономика, 2010. – С. 70.
5. **Иванов, Д.В.** Глэм-капитализм / Д.В. Иванов. – СПб. Петербургское Востоковедение, 2008.

ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ
PHILOSOPHY AND SCIENCE OF RELIGION

УДК 13:28

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет
Кандидат философских наук, ст. преподаватель
кафедры философии, социологии и истории
Ю.В. Ахромеева
Россия, г.Воронеж, тел. (473) 271-50-04;
e-mail: yuliya-akhromeeva@rambler.ru

Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering
PhD in Philosophy, Senior Lecturer of Philosophy, Sociology and History Chair
Y.V. Akhromeeva
Russia, Voronezh, tel. (473) 271-50-04;
e-mail: yuliya-akhromeeva@rambler.ru

Ю. В. Ахромеева

ГНОСТИЦИЗМ И ХРИСТИАНСТВО

В статье говорится о сущности, характерных чертах гностицизма и его коренном отличии от христианства, а также обосновывается идея, что гностическое учение – отнюдь не совокупность воззрений прошлого, а источник и ядро абсолютного большинства современных нетрадиционных религиозных верований.

Ключевые слова: гнозис, гностицизм, эон, демиург, докетизм, дуализм, пантеизм, христианство.

Y. V. Akhromeeva

GNOSTICISM AND CHRISTIANITY

The article is about the essence, the basic features of Gnosticism and also the idea is substantiated that Gnostic doctrine is not a legacy of the past but the core of the absolute majority of the modern non-traditional religious convictions.

Key words: gnosis, Gnosticism, eon, demiurge, Docetism, dualism, pantheism, Christianity.

Христианская Церковь прошла в своем становлении сложный путь, поскольку и около нее (напр., гностицизм), и в ней самой (напр., арианство) возникали воззрения, противоречащие апостольской традиции. Тем не менее, религиозное сознание того времени было таковым, что отличия между откровением христианства и идеями гностицизма не были очевидными для новообращенных. Поэтому уже во втором веке насущной необходимостью христианской Церкви стало «осознание» самой себя, чем она является, а чем – нет. Так начали формироваться догматические основы христианства. «Историческое значение гнозиса в том, что если до его появления то знание Христа, то восприятие его образа и учения, которым Церковь жила, было для нее, так сказать, самоочевидным и ни в ком не вызывало сомнений, то гнозис заставил ее впервые точно определить источники этого знания, вызвал в ней «рефлексию» на саму себя и на свою жизнь» [6. С. 63].

Одним из воззрений, с которым пришлось иметь дело христианству, был гностицизм, который во втором веке обрел большую популярность. Разговор о гностицизме вовсе не праздный и специфический, и не сугубо богословский. Он актуален и сейчас, поскольку гностические воззрения, оказавшиеся весьма живучими, стали мировоззренческим ядром для большинства нетрадиционных религиозных верований современности. Теософия,

антропософия, Агни-Йога – детища гностицизма, расистский посыл которого – в противопоставлении меньшинства, элиты (якобы обладающих полнотой сакрального знания) и темного, низшего большинства, неспособного в принципе, по природе своей, обладать этим гнозисом. Данное положение перенимают все без исключения секты, в том числе тоталитарные. Они, вырывая человека из семьи и социального окружения, убеждают его в том, что лишь их адепты могут постичь истину, навязывают пренебрежительное, а порой и враждебное отношение к «чужим».

Почему гностические воззрения оказались столь влиятельны, столь привлекательны и для людей, живших во II веке, и для нас и наших современников? Почему люди выбирали мистериальные посвящения гностицизма вместо исповеди и причастия христианства? Может быть, действительно, проще погрузиться в дебри пантеистических учений о демиургах и зонах, чем заглянуть в глубины своей души, увидев там грех и пороки (да с которыми еще необходимо бороться!)? Вопрос этот, видимо, до сих пор остается открытым, являясь в высшей степени философским, затрагивающим проблему природы человеческого бытия.

Гностицизм (от греч. γνῶσις – знание) был смесью греческой философии с восточным мистицизмом. Для него характерен псевдонаучный подход к религиозным вопросам, который сочетается с мистическими фантазиями и всевозможными секретами. Человеку предлагался и обещался «гнозис» – посвящение в последние тайны бытия, возведенные в высшие степени знания. А в обрядах, церемониях, посвящениях утолялось вечное стремление человека к «сакральному».

Для времени расцвета гностицизма (II век) были характерны поиски синкретической религии, вмещающей в себя все и дающей удобные для человека ответы на все сокровенные вопросы. Возникнув до христианства и независимо от него, гнозис в своем развитии не мог не натолкнуться на Церковь и не «заинтересоваться» ею. Его интересовали Восток, иудаизм, мистерии, тайны, секреты. Его полем были те же вопросы, на которые давало ответ христианство: о происхождении зла, о смысле страданий, о смысле жизни. Поэтому с самого начала были сделаны попытки создания «христианского гнозиса», т. е. попытки истолковать Евангелие, «обойти» в нем все, что кажется непонятным и неприемлемым, и, прежде всего, саму действительность воплощения Бога, человечность Христа. Очень многие гностические религиозно-философские системы стали основываться на фактах и учении христианства. Более того, гностики всегда старались подкрепить свое учение ссылками на самого Христа, от которого тайное знание якобы передавалось от человека к человеку. Распространение гностицизма усиливалось, когда новообращенные не могли сразу постичь коренного отличия христианства от восточно-эллинистических «мистериальных» религий, воспринять всю новизну Евангелия.

Гностики гордились обладанием более глубокой мудростью и более богатым мистическим опытом, чем их единоверцы и даже чем сам апостол. Они считали себя совершенными и относились к своим братьям-христианам как к низшим существам, неспособным подняться на сверхъестественные высоты.

Н.В. Шабуров справедливо отмечает: «В гностицизме содержание гносиса, тайного знания, как раз и есть осознание человеком своей божественности, и обретение гносиса само по себе спасительно» [5].

Гностики считали тело ничем (а то и корнем зла), а дух – всем (абсолютно в традиции греческой философии). В полном соответствии со своими дуалистическими теориями они отвергли учение о телесном воскресении как слишком примитивное и предпочли платоническую доктрину о бессмертии души. Во всяком случае они считали, что тех, кто уже достиг совершенства, телесное воскресение уже ничем не может обогатить.

К середине II века дохристианский мир вполне привык к мифам о великих героях, которые делались богами. Христиане же поразили весь мир историей, что божественный Искупитель был рожден от иудейской женщины, был распят при Понтии Пилате, воскрес и будет судить мир. Если бы можно было освободить эту историю от всей историчности,

понимать ее как космический миф, то она стала бы куда понятнее. Именно в этом корни докетизма. Гностики пошли дальше античного скептицизма и их «учение о чистой кажимости материи не скептическое, но абсолютно догматическое в своем отрицании существования материи» [3]. А. Ф. Лосев называл докетизм гностиков «гибелью античной мысли».

Гностических учений появлялось великое множество, и все они неизменно характеризовались двумя существенными признаками. Во-первых, гностические теории основывались на дуалистическом мировоззрении. Но, в отличие от манихейства, постулирующего два безусловно самостоятельных первоначала – доброе и злое, гностики утверждали существование двух божеств: верховного, трансцендентного, и низшего – демиурга, управляющего нашим миром. Этим низшим богом они считали ветхозаветного Яхве (они называли его Ялдабаоф), из чего неизбежно вытекало либо прямое отрицание Ветхого Завета, либо пренебрежительное отношение к нему.

Стоит отметить, что знание, на которое претендовали гностики, на самом деле не носило философского или интеллектуального характера: это было знание природы и судьбы человека, и не просто человека, а человека гностического. Оно было основано на некоем великом откровении о происхождении мира, о том, как в нем появилось зло и как должен себя вести человек, желающий получить избавление от зла. Это особое «знание» гностиков состояло из мифа о появлении мира в результате докосмической катастрофы, что и было причиной плачевного состояния человечества, и о пути, следуя по которому, немногие избранные могут спастись. Гностики верили, что в избранных есть божественная искра, которая оказалась в рабстве у материи и утратила память о своем подлинном небесном доме. Содержание гностического евангелия было попыткой пробудить душу от ее лунатического состояния и напомнить ей истину того высокого призвания, для которого она существовала. Нынешний материальный мир гностики считали абсолютно враждебным верховному Богу и добру. Отсюда они делали вывод, что мир был создан второстепенными духовными существами, невежественными и злонамеренными. Природный порядок вещей не отражал ни малейшей частицы Божественной славы и несравненной небесной красоты, поэтому новопосвященного гностика учили отказываться от любой ответственности за что-либо, происходящее в этом мире. Его этическое состояние должно было характеризоваться полной свободой от любого ограничения или от любых обязательств по отношению к обществу и правительству, тем более что он относился ко всем этим вещам с глубоким пессимизмом.

Детали мифологий различных течений в гностицизме могли сильно отличаться друг от друга. Но общая схема была одинакова. Помимо Книги Бытия, гностики заимствовали из иудаизма апокалиптическую литературу. Иудейские апокалиптические писания изображали современный мир в очень темных красках. Мир был предметом спора и ареной борьбы между соперничающими ангельскими армиями – доброй и злой. Завершиться эта битва должна была драматическим вмешательством Бога, пришедшего искупить избранных. Но гностики ликвидировали все конкретные и исторические элементы из апокалиптической картины Армагеддона и перетолковали ее по-своему, либо как миф о происхождении мира, либо как миф о внутреннем опыте души.

У гностиков все подразделялось на категории в зависимости от происхождения. Элиту составляли потомки Сифа, к которым причисляли себя последователи гностика Валентина. Обыкновенные же христиане, по их мнению, вели свой род от наивного Авеля, язычники же считались потомками убийцы – Каина.

В системе гностика Василида отводится место Христу, который есть не кто иной, как Разум, посланный на землю нерожденным Отцом. Взгляд Василида на воплощение характеризуется докетизмом, ибо в его учении Разум становится человеком лишь по видимости. Так, Василид считал, что Христос не мог по-настоящему страдать и поэтому на кресте был распят Симон Кириянин, а Христос тем временем «стоял в толпе и смеялся», Василид также учил, что истинный гнозис дает человеку доступ в высшие сферы. Из этого

прямо вытекает отрицание идеи мученичества: избранник, которому открыта тайная истина, может достичь блаженства без всяких неприятных переживаний.

Еще один представитель гностицизма, Маркион, опубликовал книгу под названием «Антитезис», в которой он перечислял все противоречия между Ветхим и Новым Заветами с выводом, что Бог евреев, создатель нашего ужасного мира, не имеет ничего общего с Богом Отцом Иисуса, о Котором мир не знал ничего до пятнадцатого года правления императора Тиверия, когда Иисус начал Свою проповедь. Маркион отрицал все пророчества, так как пророки, по его мнению, были вдохновлены злым и несовершенным творцом. Все пророки ожидали лишь еврейского национального Мессию. Итак, Маркион отказался от всего Ветхого Завета и решил создать собственный канон Нового Завета. Его главным героем был св. Павел, но и его писания он нашел сильно подпорченными иудео-христианами, поэтому он признал подлинными лишь десять посланий, и те после значительной чистки. Из Евангелий Маркион признавал только Евангелие от Луки, которое, он считал, было написано Павлом, и считал, что из него нужно было изъять все ссылки на Ветхий Завет.

Вместо личной (Бог – человек) драмы греха, прощения, спасения гностики предлагают некую космологическую схему, в которой «духовные» элементы мира освобождаются постепенно от плена материи, дурная множественность уступает место абстрактному единству... Это был возврат в новом восточном облики к старому греческому идеализму.

Гностицизм выдавал себя за развитие или истолкование церковного учения, веры во Христа как Спасителя и Бога. Гностики ссылались на тайные предания, на древнюю письменность, апеллировали к традиции, они создали свою литературу о Христе, в которой предание Церкви смешивалось с вымыслом.

Слова Библии о том, что Бог сотворил небо и землю, и человека – «по образу и подобию Своему», гностиков категорически не устраивали. Библия представляла творение мира как свободный волевой акт осознающей Себя Личности – Всемогущего Бога, не зависящего от нашего мира и не являющегося частью этого мира. Творение человека – образа и подобия Божия – было самой важной частью в творении мира, а бытие мира и жизнь каждого человека имеют смысл и ценность в глазах Бога.

Создав мир, Бог увидел, что «вот, все хорошо весьма». А вот с точки зрения гностиков, все «плохо весьма». Мир возник случайно, «в результате ошибки» (гностическое «Евангелие от Филиппа»). Единый истинный Бог вовсе не является творцом этого мира. Верховное Божество во многих гностических доктринах безлично. Из него истекают зоны (духовные сущности, заполняющие пространство между Богом и миром), все вместе образующие плерому (наполнение, полнота, множество). Поэтому гностицизм – это, по сути, пантеистическая доктрина.

В различных гностических системах по-разному описывается дальнейшая деградация эонов, в результате которой появился творец (демиург) этого мира и сам материальный мир. Особое место у многих гностиков занимает образ Софии – зона, соблазнившегося своеволием и оказавшегося в плену материи.

Отношение к демиургу, создателю (или создателям) материального мира у гностиков различно. Это или восставшие ангелы, пожелавшие сотворить нечто альтернативное плероме, или просто глупое, ограниченное, но все же не враждебное Богу существо.

Но, самое важное, пожалуй, это этические и морально-нравственные следствия, которые вытекают из вышеизложенных воззрений гностиков.

Они считали, что даже сюда, в наш материальный мир, эту низшую форму деградации бытия, попали духовные сущности из плеромы. Они рассеяны, растворены в материальном мире, но стремятся вырваться, освободиться, вернуться к первооснове. Из этой идеи рождается учение гностиков о трех типах людей. Те, в ком есть «пневматический элемент», кому доступно высшее знание, то есть «гнозис», являются людьми духовными, пневматиками. Ниже их стоят люди, послушные заповедям тех, кто творил этот мир – психики, душевные. Основная же масса людей – плотские, гилики (или соматика). Таким

образом, мы видим здесь – ни больше, ни меньше – доктрину духовного расизма. От человека ничего не зависит – бедный гилик никогда не станет даже психиком, не то что гностиком. А максимум, что ждет психика – пребывать в более-менее сносном состоянии на одной из низших ступеней бытия. Гилики же обречены погибнуть вместе с этим миром.

«В целом пневматическая мораль определяется враждебностью к миру и презрением ко всем мирским связям. Из этого принципа, однако, можно вывести два противоположных вывода, и оба находят свое крайнее выражение в форме аскетизма или аморальности. Первый выводит из обладания гносисом обязательство избегать дальнейшего осквернения миром и, следовательно, ослабить контакты с ним до минимума; второй извлекает из такого же обладания право на абсолютную свободу действий» [2].

«Центральной проблемой гностической этики является вопрос об отношении к материи, плоти и её влечениям. Вопрос этот решается противоположно: одними в аскетическом смысле, другими – в смысле либертинизма. Оба решения исходили из дуалистического воззрения на мир и на материю тела, как источник зла или греха» [4].

Такие серьезные гностики, как Сатурнил и Маркион, презирая тело, запрещали всякие для него наслаждения и удовольствия, в особенности в пище, отрицали брачную жизнь, чтобы избежать смешения с греховной материей.

Другие, как николаиты, большинство офитов, карпократиане говорили о чувстве горделивого превосходства духа над материей, что чувственность должна быть побеждена чрез удовлетворение её чувственными наслаждениями; нет ничего такого, что бы могло связать дух или победить его. Отсюда полный антиномизм.

Иногда одна крайность переходила в другую. Так, например, свое основное требование, что нужно изнурять плоть (*δει καταρῆσθαι τῆ σαρκί*) николаиты сначала думали исполнить путем строгого аскетизма, а потом сочли за лучшее достигать той же самой цели при помощи крайнего либертинизма. «В Новом Завете Послание св. Иуды предупреждает об опасности одной гностической группы, которая превращала вечера любви (*агапэ*) в разнузданные оргии. Адепты гностических групп этого типа очень любили ссылаться на учение апостола Павла, что христиане свободны от Закона и живут под одной благодатью, как сыны Царствия. Оправдывая свои эротические опыты, они также приводили пример «Пира» Платона, где говорится, что любовь – это мистическое общение с Богом» [1. С. 106].

Таким образом, гностическая доктрина, по сути своей, не созидательна, а деструктивна, поскольку она навязывает негативное мироощущение. Характерные черты негативного мироощущения – в ненависти к окружающему миру, в восприятии его не как блага, а как зла и сосредоточения страданий; понимание миссии человека в этом мире не как задачи сохранения благого мира, а как отрицания мира и его разрушения с целью вырвать человеческие души из пучины страданий, связанных с этим миром.

Корни большинства новых религиозных движений современности уходят в гностицизм. Для них характерны:

1. Претензии на истину в последней инстанции, полная нетерпимость или, по меньшей мере, пренебрежительное отношение к традиционным религиям и национально-духовным ценностям при внешней благопристойности: все культовые новообразования провозглашают только самые добрые цели. К тому же «традиционная наука, рациональное мышление, разум отвергаются, поскольку они негативные, сатанинские, непросвещенные» [1. С. 61-62]. Большинство нетрадиционных религиозных верований рассматривает государство как чужеродную и враждебную силу, которую необходимо использовать в своих интересах.

2. Эзотеричность (сокрытие истинных целей и последствий своей деятельности, наличие доктрин внутреннего употребления и внешнего окружения) и жесткая изоляция своих адептов от доступа к иной информации.

3. Целенаправленное искажение священных текстов с их «подгонкой» под свои догмы.

4. Апокалиптическая направленность.

5. Элитарная ментальность (члены группы – избранные, в отличие от остальных, глубоко порочных и невежественных людей).

В попытке подвести итог вышесказанному, назовем основные принципы, отличающие гностицизм от христианства.

1. Определяющую, глубинную, контекстообразующую интенцию мышления в гностицизме составляет пантеистическое мировоззренческое ядро, обуславливающее рассмотрение бытийного отношения божества к миру через их всеединство, а к индивиду – через их единосущность. Монистическая перспектива определяет их видение божества, мира, человека, а также «закабаления» и «освобождения» последнего.

2. Божество мыслится как внеличный Абсолют, каковым только и может быть субстантивированное Всеединство (что выражается через постоянное акцентирование его взаимопротивоположных характеристик), содержащее все многообразие вселенной в «сокровенном», «непроявленном» виде и самораскрывающееся через индивида как одну из своих манифестаций.

3. Поскольку мир не может быть бытийно отделен от божества (которое не является личностью), космогенез мировых начал не мыслится как имеющий «авторство», но осуществляется в иерархизированном порядке – каждые низшие восходят к каждому высшим. Потому генезис этих начал никак не может быть описан через «творение», но только через серии эманаций.

4. Будучи необходимым самораскрытием божества (которое, не являясь личностью, не является свободным), мир оказывается и его «самоотчуждением», а потому несет в себе потенцию зла, которое видится как естественный, природный феномен.

5. Бытие человека мыслится «раздвоенным», ибо, с одной стороны, он «единосущен» божеству, и этот аспект его существования выступает как внутренне неизменное «светлое» духовное начало, с другой – он результат эволюции стихийных мировых начал, и этот аспект его бытия видится как «темное» материальное начало (оба эти начала находятся в отношениях взаимной оппозиции).

6. Ни один из составляющих человека компонентов не может обеспечить ему статус личности, возможности его бытийной отдельности от божества и от мира. Это обуславливает его влитость в космос (отсюда весьма частое отсутствие демаркации в гностических текстах между микро- и макрокосмическими процессами) и вместе с тем – отсутствие в нем уникального единства души и тела, что обеспечивает его трансмиграцию в перевоплощениях, метемпсихоз.

7. Деграция деперсонализованного человека мыслится не через злоупотребление свободной волей (что предполагает изначальный свободный союз, «завет» между различными и свободными личностями – нетварной и тварной), но через его неведение – забвение своей «единосущности» божеству, которое является «объективно» обусловленным и в самом космогоническом процессе, означающем «самоотчуждение» Абсолюта.

8. Задача человека – не спасение (потому что в конечном счете нет различия между спасаемым и спасающим), а освобождение – от уз материи и мира – в целях восстановления единосущности через возвращение плененного светового начала индивида к божеству (на этом пути душа «собирает» в себя и космос) и слияние с последним.

9. Такая задача может быть решена только путем достижения сокровенного знания, к которому люди предрасположены неодинаково вследствие своих природных различий – наиболее реальные шансы имеют люди «духовные», но не «душевные» или «телесные».

10. Эта задача реализуется путем «переплавки» сознания адепта в особой мистерии знания; в нее могут быть посвящены только «избранные», и она дает им возможность превосходить небожителей и «осваивать» их сферы.

«Изначальная несовместимость христианского и гностического сознания отражена уже у новозаветных авторов. Они рассматривают претензии современных им «духовных людей» (пневматики) как притязания именно (вопреки их желанию) «плотского ума» на обладание истиной, которую этот ум не знает, да и не может знать вследствие своего же люциферического самоутверждения, отсекающего его от самого источника истины. Эта характеристика весьма емко выражена в оценке тех, кто «вторгается в то, что не видел», «безрассудно надмеаясь плотским своим умом» – *eikei physioumenos hypo tou noos tes sarkos autou* (Кол. 2.18). Конфронтация двух религий закономерно сконцентрировалась в христианском отвержении докетизма, выражающего в своем утверждении лишь «кажимости» боговоплощения глубинную реакцию эзотеризма на христианство. Докетическая доктрина вполне объяснима, исходя из основ менталитета «духовных людей»: Бог, сошедший с неба, чтобы стать человеком, явно «недостаточно высок» для того человека, который сам уже считает себя богом; Истина воплощенная никак не устраивает того, кто надеется найти истину собственными «практиками»; Искупление человеческого рода не нужно тому, кто видит себя уже по природе безгрешным и полагает, что ему уже можно помогать только другим «избранным» [7].

В гностицизме во всей полноте проявила себя колоссальная усталость старого, уходящего мира. В христианстве этот мир увидел не возможность новой жизни, обещанной Христом, «жизни с избытком», а лишь возможность долгожданного забвения. Гностицизм был попыткой этого умирающего мира «переварить» христианство, заинтересовавшее и привлекавшее его. А христианство в лице своих лучших проповедников яростно сопротивлялось.

Но, по большому счету, несмотря на весь накал полемики, гностицизму и христианству нечего было сказать друг другу. За доктринами Церкви и гностиков стоял совершенно разный опыт переживания отношений с Богом, отношения к миру и человеку.

Библиографический список

1. **Дворкин, А. Л.** Очерки по истории Вселенской православной Церкви / А. Л. Дворкин. – Нижний Новгород, 2006. – 935 с.
2. **Йонас, Г.** Гностицизм. (Гностическая религия). – СПб.: «Лань», 1998 // <http://psylib.org.ua/books/jonas01/txt02.htm#5>
3. **Лосев, А. Ф.** История античной философии в конспективном изложении / А.Ф. Лосев. – М.: Мысль, 1989. – 204с.
4. **Поснов, М.** История христианской церкви (до разделения Церквей – 1054 г.) // http://mystudies.narod.ru/library/p/posnov/history/part1/04_03.htm
5. **Шабуров, Н. В.** Гностицизм / Н.В. Шабуров // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; Предс. научно-ред. совета В. С. Степин. – М.: Мысль, 2000-2001.
6. **Шмеман, А.** Исторический путь Православия / А. Шмеман. – М.: Изд-во «Православный паломникъ-М», 2003. – 367с.
7. **Шохин, В.К.** Санкхья-йога и традиция гностицизма / В.К. Шохин // Вопросы философии. – 1994. – № 7-8. // <http://philosophy.ru/library/vopros/69.html>

СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ SOCIAL AND POLITICAL PROCESSES

УДК 17

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет

Кандидат политических, доцент кафедры философии, социологии и истории, руководитель департамента молодежной политики и внешних связей А.В. Гармонова.

Россия, г.Воронеж, тел. (473) 271-58-54;

e-mail: garmonova2006@rambler.ru

Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering

PhD in Political Science, Associate Professor of Philosophy, Sociology and History Chair, Head of Youth Policy and External Relations Department

A.V. Garmonova

Russia, Voronezh, tel. (473) 271-58-54;

e-mail: garmonova2006@rambler.ru

А. Н. Гармонова

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИМИДЖ. К ТЕОРИИ ВОПРОСА

В статье рассматривается история возникновения понятия «политический имидж», основные подходы к изучению данного явления, его структуру, функции, процесс институционализации.

Ключевые слова: имидж, политический имидж, партийная идентификация, политический выбор, индивидуальные ценности.

A. N. Garmonova

THE THEORETICAL ASPECTS OF POLITICAL IMAGE

History of origin of concept "Political image" is examined in the article, basic going near the study of this phenomenon, his structure, functions, process of institutionalization.

Keywords: image, political image, party authentication, socail choice and individual values.

Понятие “политический имидж” - достояние политической науки и практики XX века.

Термин “имидж” в системе общественных отношений, культуре и политике утверждалось достаточно сложно. В 1922 году политический журналист В. Липманн писал, что мир слишком хрупок, сложен и мимолетен для прямого общения. Для того чтобы преодолеть неприспособленность, с которой мы рождаемся, мы реконструируем наше окружение, используя, простейшие, управляемые ментальные модели. Такие реконструкции он называет “стереотипами”. Он утверждал и доказывал, что общественное мнение - относительно правительства, социальных, экономических, политических проблем и политиков - функция “картин в нашей голове”[1]. По сути дела это было первое обращение к проблеме имиджа в американской политической теории и социологии.

Термин “имидж” используется в науке и в обыденной жизни в различных контекстах.

Психологи предполагают, что, когда мы видим физический объект, например, дерево, мы вспоминаем о нем, и представляем его себе, когда оно уже исчезло из вида. Это ментальный образ (имидж), который мы можем вызвать в любой момент [2] (R. Arnhem, 1969, M.J. Horowitz, 1971).

Изучающий общественные отношения А. Салливан считал, что “имиджи - это частная функция общественных отношений и требуют более тщательного понимания и использования” [3] (A.J. Sullivan, 1965). Разрабатывая проблему имиджа в философском аспекте, он пытался проанализировать отношения имиджа и реальности. “Имиджи - рефлексия реальности, они информационные носители, которые утверждают информацию как оценочную основу человеческого существования. Имидж строится на основании прошлого опыта индивида, уже частично сформированного предшествовавшими (прошлыми) имиджами” [4]. Салливан отмечал, что в истории философской мысли пока никто не ответил на вопрос Платона по какому пути реальность трансформируется в образ (имидж). Согласно А. Салливану, сознание не может воспринимать реальность непосредственно, оно оперирует имиджами как косвенными показателями окружающего мира. Но отражение реальности различается и варьируется от полного, до частичного, от истинного до придуманного. Он считает, что общественные отношения должны представляться истинными имиджами. В отношении имиджей общественные отношения должны быть как жена Цезаря, вне подозрений в их стремлении к истине. [5]

В ноябре 1977 года издательство Assosiated Press опубликовало серию материалов, в которых сообщалось, что Национальный Комитет США по экономике начал “массовую кампанию против критики и лжи относительно имиджа корпораций в сознании американцев. Под программу было выделено 500 000 долларов для того, чтобы при помощи институтов образования, политики и средств массовой информации сформировать положительное отношение к бизнесу среди американцев” [6] (Assotiated Press write story, 1977). Понятие имидж в контексте данной программы использовалось, как характеристика коммерческого сектора общественных отношений.

Другой сферой, в которой используется термин имидж, является реклама. Как отмечал исследователь поведения покупателей и теоретик рекламы Дж. Доун: “... имидж товара (торговой марки, товарного знака) - это совокупность чувств, идей, убеждений, ассоциируемых с торговой маркой, ее использованием или неиспользованием, в большей степени, как результат ее рекламы и представления на рынке товаров” [7].

Тем не менее, считается, что имиджи и в общественных отношениях, и в рекламе намеренно искажают реальность, которую они отражают.

Достаточно критиков и у процесса использования имиджа институтов, создания их популярности в массовом сознании в практике институциональной рекламы. Если имидж товара способствует продаже качественных товаров и повышению качества на рынке товаров в целом, то имидж институтов используется исключительно в интересах корпораций, противоречащих интересам широкой публики [8].

Принципиальные цели корпоративных имиджей состоят в соблюдении интересов крупного бизнеса. “...так, состояние общественных отношений-это те имиджи, которые являются сжатым отражением того, что мы чувствуем о продукте или компании, нежели того, что мы знаем” [9] (W. Stephenson, 1960).

Имиджи насыщают культуру, так же как и общественные отношения. Различные авторы описывают культурные имиджи, но Даниель Бурстин, в его книге “The Image: Or What Happened to the American Dream”, дает наиболее полную их характеристику. Термин image происходит от латинского “imitary” или “imago”, что означает “имитировать”. Таким образом, он определяет имидж, как “искусственную имитацию или репрезентацию внешних форм какого-либо объекта или индивида”. И затем определяет характеристики имиджей: они искусственные, правдоподобные, пассивные, яркие (живые), упрощенные и двусмысленные [10] (D.Boorstin, 1962).

Имиджи искусственны потому, что “созданы для определенных целей, с необходимостью произвести определенное впечатление” [11]. Будь то торговая марка, название товара, песня, слоган или телевизионное шоу- все они призваны привлечь внимание аудитории и продать товар. Имидж правдоподобен в случае, когда отсутствует прямой

контакт с индивидом или институтом, тогда имидж выполняет роль индивида, или института. Имидж пассивен в том случае, когда он не меняется, то есть когда он имеет достаточно устойчивые позиции в массовом сознании. Имидж яркий (живой), когда в нем концентрируется портрет реальности в определенных направлениях. Имидж упрощенный, в том случае, когда не представляет объект или индивида, тогда он приобретает характер простого описания. И, наконец, имидж иногда двусмысленен. Таким образом, “имиджи существуют как идеи, репрезентирующие что-либо: как-то визуальные объекты, индивидов или цели” [12].

Сегодня чаще говорят об имидже товаров, торговых марок, корпораций, идей, политических фигур и партий. И все это обсуждается с практической точки зрения: как продать товар или победить на выборах. Создается впечатление, что мы живем во времена бума имиджей. Даже постмодернисты на склоне века внесли свою лепту в концептуализацию имиджа: “...в гиперреальности все слишком, все убыточно. Груда имиджей, масса информации, потоки желаний... Бесчисленные имиджи не представляют ничего и никого, кроме самих себя...” (З. Бауман, 1995) [13].

К середине 50-х и началу 60-х годов XX века стала активно использоваться концепция имиджа в политическом аспекте. “Открытие” и использование имиджа в политической практике повлияло на рост теоретических исследований по этой проблематике. Опыт изучения в теории был обобщен и структурирован в нескольких направлениях и школах. Конечно же, феномен политического имиджа исследуется всеми направлениями политической науки, изучающей электоральный процесс, но особое внимание ему уделяют представители прикладной социологии, политического маркетинга и теории рационального выбора.

Социология выборов анализирует политический имидж, как фактор или детерминанту политического поведения избирателей в конкурентном политическом поле. Взгляд на политический имидж, как детерминанту поведения избирателя, сформировался в социологии выборов далеко не сразу. Ранние исследования электорального процесса (Lazarsfeld P.) отмечали, что выбор избирателя определяется его социальным статусом и социальным окружением. В частности, первое Колумбийское исследование делало выводы, что можно определить исход голосования, зная, где живет избиратель, какую религию исповедует, а так же его социальный статус. Комбинация этих факторов складывалась в хорошо известный индекс политических предпочтений (INDEX OF POLITICAL PREDISPOSITION - IPP), сформулированный Полем Лазарсфельдом, считавшим, что “мы думаем политически настолько, насколько мы социальны” [14] (Lazarsfeld P., 1949).

Представители социально-психологического направления в социологии выборов (Мичиганская школа) в 60-х годах XX века положили начало исследованиям политических взглядов избирателей по отношению к партиям и кандидатам от этих партий. Несколько изменился аспект предмета исследования: изучение электоральных процессов уступило место изучению избирателей. До некоторой степени это можно объяснить активизацией интереса политиков и политических партий к электорату, причиной которого было желание знать электорат и прогнозировать наиболее эффективные методы воздействия на него в ходе избирательной кампании. Представители социально-психологического направления предложили свою модель электорального процесса, в которой основными компонентами и факторами влияния на выбор избирателя стали партийная идентификация и реакция избирателей на текущие события. Под партийной идентификацией понималась стабильная, возникающая в процессе социализации, эмоционально окрашенная привязанность к партии [15] (Campbell and all, 1960). В русле этого направления сформировалась концепция политического имиджа партии, где политический имидж трактовался не только как фактор, влияющий на выбор избирателя, но и приобретал определенную структуру. Имидж представлял собой “сочетание партийной программы и репутации партии, которую она завоевала, реагируя на ту или иную политическую ситуацию” [16]. Но данная структура

оставалась по своей сути статичным образованием, не принимала во внимание совокупность реакций электората на партийные программы и их действия в той или иной конкретной ситуации, то есть имидж партии трактовался исключительно как характеристика самой партии, практически, не принимая во внимание изменения в политическом поле.

Динамизм модель политического имиджа получила в исследованиях представителей социо-когнитивного направления социологии выборов. Политический имидж трактуется здесь как “совокупность трех компонентов: двух когнитивных, включающих

- политическую компетентность, репутацию партии,
- политическую компетентность, репутацию кандидата

и третий- аффективный компонент- чувства по отношению к кандидату или к партии со стороны электората” [17] (W.M. Rahn, J.H. Aldrich, E. Bordiga, J.L. Sullivan, 1990).

Но в предложенную структуру не включалась партийная идентификация, которая могла бы до некоторой степени объяснить существующее мнение о партии у электората. Заслуга представителей социологии выборов состоит в том, что ученые различных ее школ внесли вклад в структурирование модели политического имиджа, придали ей динамизм, отойдя от факторно - статического анализа электорального процесса, что представляет несомненную методологическую ценность для исследования и анализа феномена имиджа партии, партийного блока в электоральном процессе.

Анализ феномена политического имиджа в западной науке не ограничился дискурсом. Активно разрабатывают эту тематику политологические школы, анализирующие экономические основы демократии, в частности, школа рационального выбора.

Теория рационального выбора в политике выросла из теории политической экономики рынка и связана с идеей эффективности, рациональности и порядка в социальной и экономической организации общества, а так же связана с понятиями “свободы личности”, “индивидуального выбора” и “индивидуальной рациональности”.

Одним из основных постулатов неоклассической экономической теории является положение о том, что индивиды - это рациональные максимизаторы выгоды. При этом максимизаторские возможности ограничивались временем и бюджетом. Существует еще одна необходимая оговорка: индивиды максимизируют “ожидаемую” или “предполагаемую” выгоду. Экономисты утверждают, что только индивиды, способные расположить свои предпочтения в порядке, который был бы рефлексивным, законченным, преемственным, непрерывным, а затем выбрать то из них, которое максимизирует выгоду, могут быть признаны рациональными [18] (Arrow K.J., 1951). Данная схема максимизации выгоды была перенесена на политическую реальность.

Политические решения, согласно данной концепции, являются плодом индивидуальных решений или выборов. Центральное место в политическом процессе занимает актор. Система индивидуальных предпочтений акторов складывается в своеобразные правила игры, представляющие собой “влияние различных форм политического окружения, образующих ту или иную среду в рамках которой действуют индивиды” [19] (Downs A., 1957).

“Мы не в состоянии контролировать или планировать результаты, которые получим “на выходе” демократических систем, однако члены демократических обществ могут и должны заниматься изучением вопроса о “правилах игры” в политике, поскольку их то мы можем контролировать” [20].

Теоретики признают, что в основе действий индивидов лежит разная мотивация и что не все индивиды эгоисты. Но для того, чтобы ограничить узкоэкономические действия акторов, необходимо выработать нормативные правила игры, то есть создать такие социальные и политические институты, которые могут регулировать поведение индивидов и сохранить общественное благо. Наряду с укоренившимися политическими институтами происходит образование и формирование новых. В этом случае политический имидж выступает в качестве правила (атрибута) политической игры и, одновременно, системы

социальных и политических отношений, институционализировавшихся в Западных демократиях и находящихся в процессе институционализации в России.

Видимо, можно говорить о политическом имидже как о такой системе политических отношений, которая определяет результат выбора индивида, соотнося его с общественным благом. То есть, имидж, целенаправленно конструируемый каким-либо институтом, и имидж, сформированный массовым и индивидуальным сознанием, стали за последние десятилетия формой институционализированных отношений в электоральном процессе, определяющие динамику политических предпочтений электората.

Если теория рационального выбора признает политический имидж как правило политической игры, то в качестве социального и политического института, согласно взглядам представителей школы рационального выбора, политический имидж подвержен манипуляции. "Демократические институты - сложные устройства, допускающие над собой манипуляцию и использование оптимальных для индивидуальных целей стратегий" [21]. Таким образом, политический имидж может быть объектом манипуляции со стороны рационально действующих индивидов, максимизирующих свою собственную выгоду или выгоду социальных групп в политическом поле.

Несколько иной взгляд характерен для представителей школы политического маркетинга. Это направление политической науки возникло в противовес чрезмерно экономически - рациональной теории выбора. Представители школы делятся на два направления: "гуманный" маркетинг, утвердившийся во Франции, и жесткая форма американского политического маркетинга.

Термин "маркетинг" (производное от английского "market"-рынок) появляется в конце XIX- начале XX века как экономический термин, означающий изучение спроса и сбыта на рынке товаров и услуг. Позднее, с термином "маркетинг" стали связывать сложную организационно- техническую и управленческую деятельность по регулированию экономических процессов (социальный маркетинг), политических процессов (политический маркетинг) между производителями (работодателями, управленцами, политическими деятелями, кандидатами в депутаты) и потребителями (наемными работниками, избирателями).

В американской трактовке политический маркетинг ассоциируется с понятиями "товар", "потребитель", "производитель". Дж. Шумпетер в своей работе "Капитализм, Социализм и Демократия" писал: "Поведение политиков аналогично активности производителей, завоевывающих покупателей" [22] (Schumpeter J., 1976).

Французские авторы считают, что человека нельзя ассоциировать с товаром, поэтому "политический маркетинг может быть лишь техникой управления избирательными кампаниями и политическими карьерами" [23] (David D., 1978).

В политическом маркетинге, независимо от его континентальных (американский, французский) и гуманитарных (гуманный -рациональный) характеристик, активно используются весьма различные методы воздействия на электорат. Политический маркетинг представляет собой систему методов организации, проведения предвыборных кампаний и создания политического имиджа кандидата и партии. Политический имидж трактуется как динамичная, персонифицированная характеристика партии или политического объединения.

Используя опыт П. Лазарсфельда, представители политического маркетинга за отправную точку своих построений берут социально-психологические, экономические, политические характеристики избирателей. На основе полученных данных уточняется концепция и стратегия избирательных кампаний, имидж партии и кандидата. Характерно, что политический имидж понимается не только как субъективно-отраженный образ партии или кандидата в сознании электората, но и культивируемая, тщательно конструируемая социальная и политическая реальность. Следуя логике политического маркетинга и принимая его терминологию, политический имидж выступает в качестве средства манипуляции. В этой ситуации включается рыночный механизм и диалог с избирателями

ведется в терминах “потребитель”-”производитель”. В данной системе, опять же в экономических терминах, возникает своеобразное социально-политическое явление “спрос на товар”. “Спрос на товар может быть классифицирован в соответствии с мотивами, его вызывающими..., как функциональный и нефункциональный. Функциональный спрос означает, что часть спроса на товар обусловлена качествами, присущими самому товару. Нефункциональный спрос-это спрос, обусловленный какими-то другими качествами. Большая часть нефункционального спроса обусловлена внешним воздействием на полезность...” [24] (Лейбенштейн Х. 1993).

Согласно теории политического маркетинга, политический имидж является характеристикой (качеством) нефункционального спроса избирателей в ходе предвыборной борьбы, обусловленной внешним воздействием на полезность, то есть средствами манипуляции. Тем не менее, теоретики и практики политического маркетинга в технологиях формирования имиджа активно эксплуатируют и функциональный спрос избирателей (их знания, партийную идентификацию и аттитюды по отношению к той или иной партии или объединению) в сочетании с нефункциональным спросом (ориентация на внешний, привлекательный имидж партии или объединения).

Такое понимание политического имиджа активно используется в электоральной практике и представляется не только средством манипуляции электоратом, но и одной из традиционных электоральных стратегий.

В рамках концепции политического маркетинга можно говорить о понимании политического имиджа как технологии электорального процесса, определяющей совокупность принципов и методов манипуляции (воздействия) на электорат, где манипуляция “такое структурирование мира, которое позволяет выигрывать”(Riker, 1986).

Представленные научные школы и направления проясняют сущность понятия “политический имидж” и дают возможность сформулировать совокупную дефиницию политического имиджа.

Из анализируемых концепций ясно, что в научном мире нет единодушия по поводу определения политического имиджа.. Некоторые ученые считают имидж ментальной конструкцией, через которую индивид представляет себе реальность. Другие уверены, что имиджи -это визуальные характеристики продуктов, объектов или индивидов.

Один из наиболее авторитетных исследователей имиджа К. Боулдинг в своей работе “The Image” [25] (Boulding K.E., 1956) утверждает, что у каждого из нас существует имидж мира, то есть каждый индивид обладает знанием и представлением о мире и верит в то, что это - истина. Имидж - это индивидуальная сумма субъективных знаний. Откуда появляются наши имиджи? В общем, они появляются под воздействием социального окружения индивида и его опыта. Если рассматривать вопрос более специфично, то наши имиджи возникают тогда, когда мы воспринимаем окружающую реальность. Эти отношения между индивидами и социальным окружением Боулдинг назвал отношениями “имидж” - “имидж-послание”. Он анализирует разницу между имиджами и имиджами - посланиями. Послания содержат информацию о мире и такая информация может изменить имидж: ”Значение сообщения - это изменения, которые происходят в имидже” [26]. Детализируя свое предположение, Боулдинг приходит к следующему заключению:

1. Имиджи уникальны для каждого индивида, которые ими обладают; это означает, что их ментальные репрезентации мира постигаются теми людьми, которые имеют определенный имидж.

2. Имиджи - это отражение реальности, определенное знание и представление о ней. ” Знание имеет определенную действительность, истинность. То, о чем я говорю - это то, во что я верю и считаю истинным; мои субъективные знания” [27].

3. Хотя имиджи уникальны и специфичны для каждого индивида, существуют достаточно тесные отношения между имиджем индивида и посланием, которое его

достигает; то есть, через трансакцию послание-имидж индивидуальный имидж получает информацию, которая на него воздействует.

Что же можно предположить относительно имиджа политических партий в электоральном процессе? Термин “имидж партии” впервые обрел звучание в 50-е, 60-е годы XX века на западе в политических передовицах газет и в выступлениях политических лидеров. Имидж определялся, “как проективный образец, определяемый (формируемый) партийными последователями или обстоятельствами в сознании электората” [28] (Trenaman P.).

Данная концепция не нова. Milne and Mackenzie [29] обсуждали ее во время выборов 1951 года в Великобритании. Benney and Geiss [30] (Benny M. and Geiss P.,1950) говорили о “классовом имидже партии” в 1950 году. Lasarsfeld использовал этот термин в своей работе *The People’s Choice* и еще в 1908 году Graham Wallas [31] использовал термин “имидж партии” (Wallas G.,1910). Что на самом деле нового в теории и во взглядах на имидж, так это то, что имидж признается конструируемым концептом. В этом случае он несет в себе элементы рекламы товаров. Необходимо отметить, что общественное мнение к рекламе товаров и услуг более лояльно, чем к политической рекламе. Но за восприятием, как товарной рекламы, так и политической стоят аттитюды потребителя и избирателя, на которые направлено воздействие имиджа товаров и имиджа партий. Это утверждение делает правомочным то предположение, что имидж обладает сложной структурой и имеет внутреннюю и внешнюю функциональность.

П. Бурдьё, не употребляя термин “имидж” или “политический имидж”, тем не менее, характеризует его как “представление о позиции”, определяя динамику формирования имиджа в рамках политического поля: “... между реально занимаемой позицией и выработкой политической позиции располагается представление о позиции, которое, само будучи определено позицией, ... может рассогласовываться с выработанной политической позицией, какой она представлена для стороннего наблюдателя...” [32] Данная характеристика имиджа пространственна определена Бурдьё в политическом поле: “... именно структура политического поля... определяет выработку позиций посредством принуждений и интересов, связанных с определенным положением в этом поле” [33]. Это уточнение вносит ясность в понимание Бурдьё “представления о политической позиции”, как позиции, связанной с неким существующим интересом и положением субъекта в политическом поле и позволяет предположить, “что представление о политической позиции” (имидж) определяется не только пространственной, но и качественно-количественными характеристиками, то есть может быть (согласно терминологии Бурдьё) политическим или же символическим капиталом [34], в который делают инвестиции и который, в свою очередь, инвестирует, но не застрахован и от банкротства, что впрочем не означает его исчезновения (как в случае с личным социальным капиталом), а всего лишь перетекание. В теории Бурдьё существует немало положений относительно политического имиджа, которые методологически перекликаются с представленными теориями, в частности, с теорией рационального выбора.

Тем не менее, существует и совершенной иной подход к анализируемой проблеме, связанный с пространственной и качественно-количественной определенностью.

Приняв во внимание методологические основания социологии выборов, политического маркетинга и теории рационального выбора можно предположить, что имидж партии строго определен в политическом поле, в зависимости от положения субъектов или институций и может менять свои характеристика от “+” до “-” и наоборот.

Подводя итог, можно говорить о том, что имидж вообще представляет собой перцептивный образ, с одной стороны, сознательно формируемый партией или блоком, с другой - воспринимаемый электоратом. Имидж презентует партию, блок или кандидата в массовом сознании, формирует установку на восприятие и оценку и играет определенную эмоционально - мобилизирующую роль в электоральном поведении избирателей. Но

необходимы уточнения. Во - первых, каждая партия, электоральный блок, кандидат в депутаты стремятся внедрить в массовое сознание избирателей свой позитивный имидж, ориентированный на достижение победы на выборах. Это презентуемый избирательный имидж. Он призван:

- мобилизовать избирателей на сторону той партии, электорального блока, кандидата в депутаты, которые его формируют и стремятся к электоральному успеху;

- он представляет собой тот символический капитал, с которым партии, блоки, кандидаты входят в электоральное поле.

Сработает позитивно этот имидж или не сработает, какова будет его электоральная эффективность - это в известном смысле большой электоральный ребус. Разгадка этого ребуса и выявляется в конечных итогах выборах.

Во - вторых, в массовом сознании всегда существуют свои представления, образы, оценки партий, партийных блоков, депутатов, сложившиеся под воздействием, с одной стороны, деятельности этих политических субъектов до избирательной кампании, с другой - под воздействием политической, экономической, социальной ситуации. В то же время, эти представления отражают и выражают социальные интересы, политическую культуру, тип партийно - политической идентификации различных групп и отдельно взятых избирателей (индивидов). Это перцептивный имидж.

Поэтому имиджи объектов избирательной кампании в массовом электоральном процессе не есть прямое отражение целенаправленно формируемого презентуемого имиджа. Избиратели могут не только не воспринять имидж, конструируемый партией, блоком, кандидатом, но даже отвергнуть его, то есть противопоставить ему контримидж.

Политический имидж является продуктом электорального процесса и напрямую связан с формированием модели выбора избирателей. В массовое сознание стремятся внедрить свои имиджи конкурирующие субъекты электорального процесса. В Российских условиях это имиджи десятков партий, блоков и независимых кандидатов. В сознании избирателей эти имиджи сталкиваются, конкурируют и конечный итог зависит от того, какой же имидж внедрится в массовое сознание разных групп избирателей и найдет в нем для себя благоприятную идеологическую, политическую и психологическую почву, что, в свою очередь определит их выбор.

Библиографический список

1. **Lippmann, W.** Public Opinion / W Lippmann. – N.Y.: Macmillan,1992
2. **Arnheim, R.** Visual Thinking / R.. Arnheim – London: Faber and Faber,1969. – hapt.6; **Horowitz, M.J.** Image Formation and Cognition / M.J. Horowitz. – N.Y.: Appleton-Century-Crofts, 1971.
3. **Sullivan, A.J.** Toward a Philisophy pf Public Relations:Images / A.J. Sullivan // Information, Influenes and Communication / Ed. by Lerbinger O., Albert J. Sullivan. – N.Y.:Basic Books,1965. – P. 247.
4. Ibid. P. 248.
5. Ibid. P. 249.
6. Assotiated Press write story. – 1973. – November 12.
7. **Dowing, J.** What Is a Brandt Image? / J.Dowing // Advertising Quarterly. – № 1. – 1964-65. – P. 13-19.
8. **Pearling, L. I.** Propaganda Techniques in Institutional Advertising / L. I. Pearling, M. Rosenberg // D. Katz D. et a11. Public Opinion and Propaganda. – N.Y.: Henry Holt,1954. – P. 478-90.

9. **Stephenson, W.** Methodology of Imagery Measurements: MR Redefined. (paper delivered at the Sixth Annual Public Utilities Seminar, American Marketing Association, St.Louis, Missouri, February 18, 1960).
10. **Boorstin, D.J.** The Image: Or What Happed to the American Dream / D.J. Boorstin. – New York:Athenium, 1962. – P.197.
11. Ibid. P. 185
12. Ibid. P. 189
13. **Бауман, З.** Мир по Жану Бодрийяру / З. Бауман //Современная философия. Харьков. – 1995. – №1. – С. 13-19.
14. **Lazarsfeld, P.** The People`s Choise / P. Lazarsfeld. – N.Y. – P. 48.
15. **Campbell, A.** The American Voter / A. Campbell, P. Converse, E. Miller, E. Warren, D. E. Stokes. – N.Y.: Wiley, 1960.
16. **Richard, L.** Public Relations / L. Richard // A practical guide to the winning of public office / Ed. by Cannon J.M. – N.Y., 1960. – P. 265.
17. **Wendy, M. Rahn** A Social-Cognitive Model of Candidate Appraisal / M. Rahn Wendy, H. Aldrich John, Bordiga Eugene, L. Sullivan Jhon // Information and Democratic Processes. – Chicago: University of Illinois Press, 1990.
18. **Arrow, K. J.** Social Choice and Individual Values / K. J. Arrow. – N.Y. 1951.
19. **Downs, A.** An Economic Theory of Democracy / A. Downs. – N.Y.: Harper and Row, 1957.
20. **Ordeshook, P.** The Development of Contemporary Political Theory / P. Ordeshook // Political Economy, Institution, Competition and Representation. – Cambrige, 1993.
21. **Riker, W.H.** The Art of Political Manipulationon / W.H. Riker. – N.Y., 1986.
22. **Schumpeter, J.** Capitalism , Socialism and Democracy / J. Schumpeter. – London, 1976. - P.282.
23. **David, D.** Le marketing politigue / D. David. - Paris, 1978. – P. 17.
24. **Лейбенштейн, Х.** Эффект присоединения к большинству, эффект сноба и эффект Веблена в теории покупательного спроса / Х.Лейбенштейн // Теория потребительского поведения и спроса. – СПб, 1993. – С. 305.
25. **Boulding, K. E.** The Image / K. E. Boulding. - Mich.:University of Michigan Press, 1956.
26. Ibid. P.7.
27. Ibid. P. 5-6.
28. **Trenaman, J.B.** Television and Political Image / J.B. Trenaman, D. McQual. – London,1961. – P. 36.
29. **Milne, R.S.** Straight Fight / R.S. Milne, H.C. Mackenzie. – London, 1954.
30. **Benny, M.** Socail Class and Politics in Greenwich / M. Benny, P. Geiss // Br. Journal of Sociology. – 1950. – December .
31. **Wallas, G.** Human Nature in Politics / G. Wallas. – Constable, 1910.
32. **Бурдые, П.** Социология политики / П Бурдые. – М.,1993. – С. 143
33. Указ. соч. С. 197
34. Указ. соч. С. 212

УДК 947:355/359

*Воронежский государственный архитектурно-строительный университет
Ассистент кафедры философии, социологии и истории Е.М. Гурина
Россия, г.Воронеж, тел. (473) 271-50-04,
e-mail: hist-vgasu@yandex.ru*

*Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering
Assistant of Philosophy, Sociology and History Chair
E.M. Gurina
Russia, Voronezh, tel. (473) 271-50-04,
e-mail: hist-vgasu@yandex.ru*

Е. М. Гурина

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УЧАСТИЯ НПО В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ИМИДЖА ГОСУДАРСТВА

В данной статье рассматривается роль, которую начали играть НПО в современной внешней политике, а именно теоретико-методологические аспекты участия НПО в политике формирования благоприятного политического имиджа государства. Анализируется роль НПО в современном мире, рассматриваются проблемы формирования положительного политического имиджа государства и его роли в достижении конкурентоспособности страны.

Ключевые слова: НПО (неправительственные организации), глобализационные процессы, внешняя политика государства, конкурентоспособность государства, формирование политического имиджа государства.

Е. М. Gurina

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS OF NGO PARTICIPATION IN CREATING THE POLITICAL IMAGE OF STATE POLICY

This article describes the role that NGOs have begun to play in the modern foreign policy, especially the theoretical and methodological aspects of the participation of NGOs in the policy of creating a favorable political image of the state. The role of NGOs in the world today, problems of formation of a positive image of the political state and its role in achieving the country's competitiveness has been analysed.

Key words: NGOs (nongovernmental organizations), globalization processes, state foreign policy, state competitiveness, creating the state political image.

Одним из наиболее эффективных ресурсов в современном мировом политическом пространстве является эффективный политический имидж государства: из-за высоких темпов глобализации государства начали все больше конкурировать друг с другом. Процессы глобализации требуют от правительств государств наращивания конкурентных преимуществ в различных сферах: внешнеполитической, экономической, социальной, культурной. Мощным инструментом в области внешней политики и дипломатии, позволяющим повысить конкурентоспособность государства является его политический имидж. И если та или иная страна претендует на конкурентоспособность на международной арене, то ее правительство и граждане должны осознавать, что отсутствие положительного политического имиджа или отсутствие его как такового является серьезным препятствием для успешного развития государства.

Политический имидж зачастую рассматривают как действенную форму представления государства на международной арене и внутри страны. Политический имидж государства представляет собой «уникальное политическое предложение», оформленное для успешной «продажи» зарубежной и отечественной аудитории [1. С. 56-59].

Политический имидж государства представляет собой феномен, полный парадоксов:

- имидж создается годами, рушится – в одно мгновение;
- непоправимый урон имиджу может быть нанесен одним человеком, чтобы улучшить его, в некоторых случаях недостаточно усилий и целой нации;
- имидж не имеет временных или эпохальных границ;
- разрушить имидж не стоит никаких финансовых затрат, создать эффективный имидж – процесс дорогостоящий;
- негативный имидж имеет большее воздействие во времени и пространстве, чем имидж позитивный;
- международный имидж более подвержен действию сложившихся стереотипов, чем динамике происходящих процессов [2. Р. 103].

Имидж государства выступает в качестве системно-корпоративного образа и зависит от национальных интересов и ценностей, этнических и культурных особенностей, традиций, организационной структуры государства, распределения функций между различными органами власти, динамики институтов, путей формирования официальной системы ценностей и идеологии, социальной эффективности права, роли групп в политике, политического поведения масс и ряда других аспектов [3. С. 56-59].

Политический имидж формирует экономический капитал государства, и при правильном подходе к его формированию политический имидж влияет на торговлю с другими государствами, усиливает инвестиционную привлекательность, помогает отечественным производителям увеличить свой конкурентный потенциал, также повысить привлекательность страны-производителя.

Важным фактором влияния политического имиджа на внешнеполитическую деятельность государства является конкурентоспособность политического имиджа. Формирование такого имиджа является достаточно трудоемкой задачей, так как это требует грамотного совмещения различных характеристик страны, с той целью, чтобы конечный продукт – положительный конкурентоспособный политический имидж государства – был продуктивен и приносил пользу государству.

В настоящее время пришло понимание, что без привлечения общества и общественности в государственную систему управления решать социальные и политические проблемы невозможно. Именно в этом контексте встает вопрос о перераспределении полномочий, ранее присущих только государству. И наиболее возможным и подходящим кандидатом на «вакантные» роли кажутся неправительственные организации (НПО). В последнее время они приобретают особый политический вес как в отдельном суверенном государстве, так и в международных масштабах. Роль фактора неправительственных организаций в политическом процессе становится все более значимой, возрастает стратегическая функция НПО как субъекта политики и важного элемента политической системы [4. С. 3].

В настоящее время НПО являются субъектами социального и политического действия, которые могут сплотить граждан для обсуждения или решения важных для них задач, и, как следовательно, важным фактором формирования гражданского общества. Так же НПО выражают и спланируют интересы достаточно широких слоев граждан, и представляют их в государственных и правительственных структурах. Кроме того, НПО представляют собой, как правило, надежный элемент «обратной связи» между гражданами и органами власти, при наличии которых политический режим получает объективные данные об эффективности управленческих решений и ответной реакции на них населения [5. С. 219-226]. Так же необходимо отметить, что деятельность большинства неправительственных организаций доказала их преимущества перед правительственными органами: они мобильны, имеют гибкую структуру, знают положение дел на местах, инициативны, восприимчивы к переменам и изменениям.

Такие широкие возможности и диапазон действий, конечно, не могут не вызвать некоторые ограничения деятельности государства как политического института в некоторых отраслях. Как уже говорилось выше, процессы глобализации многое изменили в современной политической системе, и они не могли не повлиять на значение национального государства и некоторое ограничение его суверенитета. На рубеже веков такой основной атрибут государства как суверенитет начал значительно терять свой значение, которое ранее было фактически нерушимо. В последнее время государствам приходится постоянно учитывать роль и мнение международных организаций, регионов, которые начали активно осваивать международное пространство, а также интересы НПО.

Суть сектора НПО в том, чтобы быть по форме частным образованием, но по цели – общественным. В этом отражается и субъектно-ролевая функция НПО-сети, которая была призвана «стать эффективным катализатором для выработки новых подходов к развитию общества», чтобы способствовать активизации человеческого фактора, содействовать прогрессу его самостоятельности, причастности и ответственности по отношению к современным вызовам и угрозам [6]. В процессе сотрудничества НПО с институтами государственной власти с целью реализации гражданских инициатив, НПО стали практически заменять органы государственной власти и политические партии. Происходит серьезная трансформация политической системы и ее институтов.

Однако, в деятельности НПО есть и недостатки: она может носить противоречивый характер из-за большого количества одновременно существующих НПО и неупорядоченного многообразия их деятельности, появляется зачастую неоправданная конкуренция друг с другом и с органами государственной власти, что само по себе может дестабилизировать политическую систему страны. Консолидирующий потенциал НПО на фоне ослабления государственных и партийных структур и политических партий проявляется сейчас в том, что некоторые исследователи начали трактовать НПО не только как инструмент, но как автономную движущую силу социальных перемен. Деятельность НПО настолько сильно меняет политическую систему мира, что это меняет сами политические отношения в мире. Мировой опыт показывает, что создание ясных, четко прописанных, прозрачных, эффективно работающих отношений между государством и общественным сектором приводит к вовлечению населения в процесс создания и развития гражданского общества, участию в разработке и реализации общественных и социальных инициатив, выстраиванию более тесных контактов и принципов обратной связи по отношению к органам власти. [7. С. 219-232].

Таким образом, можно предположить, что в процессе активного развития современных международных отношений усиливается политическая роль неправительственных организаций, а также расширяется спектр возможностей их влияния на внешнюю политику, как на региональном и глобальном уровне. НПО-сеть становится не только эффективным вспомогательным ресурсом в сфере международных отношений, но и выступает в качестве самостоятельного субъекта внешнеполитической деятельности [8. С. 19]. В настоящее время обостряется политическая конкуренция в сфере глобального НПО-движения и культурно-гуманитарной дипломатии, происходит поступательный процесс институционального становления новых внешнеполитических акторов, действующих как в субрегиональном, так и в геополитическом пространстве.

К основным функциям НПО на международном уровне следующим образом исследователи относят, например, гармонизацию международных отношений и имидж-дипломатию в сфере общественной дипломатии. Последние десятилетия работы неправительственных организаций показывают нарастающую значимость в формировании национальных и международных приоритетов. НПО воспринимаются в настоящее время как активные участники разработки политики по проблемам мира и безопасности, социально-экономического развития, гуманитарным вопросам [9. С. 22]. Они стали играть актуальную роль в выявлении проблем, связанных с развитием сообщества, благодаря своей

мобильности, конструктивности и критичности, именно поэтому сейчас они занимают важное место в процессе организации цивилизационного, гуманитарного и культурного диалога. Что же касается имидж-дипломатию, то ее смысловое содержание заключается в использовании ресурсов и возможностей НПО для продвижения во внешнюю среду и позитивного позиционирования национально-политического, инновационно-технологического, социально-культурного и гуманитарного имиджа.

НПО начали активно включаться как государствами, так и самостоятельно в арсенал инструментов внешнеполитической, межгосударственной и глобальной политики. Законодательно отправной точкой становления НПО как актора международных отношений стала Стамбульская хартия европейской безопасности, принятая в ноябре 1999 г., где в основной документ был включен раздел «человеческое измерение», в котором особо выделяется роль неправительственных организаций (НПО) «в содействии утверждению прав человека, демократии и верховенства закона».

Первые шаги в научном осмыслении НПО-дипломатии (в том числе в России в форме «народной дипломатии»), начинаются как минимум с начала XX столетия. С 1980-х гг. наступает период масштабного использования этого институционального ресурса во внешнеполитической деятельности, его инкорпорирования в систему международных отношений. Наконец, глобальные процессы двух последних десятилетий со всей неоспоримостью доказали на практике эффективность общественной дипломатии как в решении международных проблем (например, в экологии, борьбе с эпидемиями), так и в провоцировании в интересах тех или иных ключевых участников глобальной политики «управляемого хаоса» и «гуманитарных интервенций» в разных регионах мира [10. С. 23].

Однако эти теоретические и методологические аспекты деятельности НПО не всегда дают четкое понятие о внутристрановой и региональной специфике работы НПО. Например, в США и Великобритании НПО хотя и называются по-разному (соответственно: *nonprofit sector* – неприбыльный сектор; *voluntary, public charities* – добровольные общественно-благотворительные организации), выполняют схожую работу по выполнению делегированных властью полномочий в самых разнообразных сферах: от реализации муниципальных до социально-политических и внешнеполитических инициатив. Причем смысл этой работы состоит в формировании благоприятной для интересов государства внутри- и внешнеполитической среды, что позволяет управлять различными политическими процессами, в том числе и качественно менять или поддерживать на высоком уровне политический имидж государства. Данная схема работы государства и НПО достаточно продуктивна, так она позволяет решать проблемы занятости и снизить нагрузку на государственный бюджет, а также, что более важно для нас при данной постановке проблемы, консолидирует демократические институты гражданского общества, что позволяет быстро реагировать на социальные и политические противоречия. Например, в США можно выделить достаточно большое количество программ поддержки политического имиджа США и содействия их внешнеполитическим инициативам.

Что же касается российского опыта, то он имеет свою специфику. Российская НПО-сеть, несмотря на значительные количественные размеры, находится ещё в самом начале своего институционального становления [11]. До последнего времени роль НПО в российской внешней политике была достаточно второстепенной и незаметной.

В отличие от России, во многих западных странах НПО уже давно участвуют во внешнеполитической деятельности наравне с правительствами. Работа таких НПО как *Human Rights Watch, Transparency International, Greenpeace* и других зачастую оказывают на мировую политику большее влияние, чем многие государства. Более того, некоторые эксперты на Западе склонны считать, что НПО в принципе становятся более влиятельными акторами мировой политики, чем правительственные структуры. К примеру, один из ведущих политологов ФРГ — директор Центра имени Бертольда Бейца при Германском совете по внешней политике Александр Рар отмечает в интервью, что «в Европе министры,

министерство иностранных дел и политики решают катастрофически мало. У нас политику делают неправительственные организации. Их очень много. У них деньги. Это продукты гражданского общества, как оно создавалось после Второй мировой войны в Германии, во Франции и других странах» [12].

Следует отметить также существенный фактор, затрудняющий работу российских НПО, действующих в сфере внешней политики: механизмы государственной поддержки должны играть одну из главных ролей, и хотя они в целом существуют для НПО, но для НПО, работающих во внешнеполитической сфере они еще полностью не выработаны. Но существуют специализированные фонды, которые финансируют деятельность НПО, правительственные гранты, направленные на поддержку публичной дипломатии, хотя средств, как всегда, не достаточно [13].

Из всего вышесказанного можно сделать следующие выводы. Во-первых, позитивный политический имидж государства стал эффективной формой презентации государства на внешнеполитической арене, фактором его конкурентоспособности и важным средством для артикуляции внешнеполитических интересов государства. Во-вторых, НПО в последние десятилетия превратились не только в важный фактор политического процесса внутри страны, но и стали выходить за рамки национальных государств, активно вторгаясь во внешнеполитические сферы и формируя политический имидж страны. И, в-третьих, лишь в последние годы в России началось более или менее активное задействования НПО в процесс формирования позитивного имиджа страны. И чтобы НПО действительно начали формировать позитивный политический имидж на международной арене, необходимы не только вложенные финансовые средства, но и планомерная и кропотливая работа в этой сфере, лишь тогда будет получен результат — позитивный политический имидж России.

Библиографический список

1. **Девлеканова, К.А.** Конкурентоспособный политический имидж современного государства / К.А. Девлеканова // Вестник Беларус. джярж. ун-та. Серья 3, Гісторія, Філасофія, Псіхалогія, Паліталогія, Сацыялогія, Эканоміка, Права. — 2010. — №3. — 196с.
2. **Bashkurti, L.** Identity Image Diplomacy, Kumanovë, Ameti Sevistn, 2007. 281p.
3. **Девлеканова, К.А.** Конкурентоспособный политический имидж современного государства / К.А. Девлеканова // Вестник Беларус. джярж. ун-та. Серья 3, Гісторія, Філасофія, Псіхалогія, Паліталогія, Сацыялогія, Эканоміка, Права. — 2010. — №3. — 196с.
4. **Нечаев, Д. Н.** Неправительственные организации как фактор политического развития России и ФРГ: Сравнительный анализ: Автореф. дис. ... д-ра полит. наук / Д.Н. Нечаев. — Орел, 2005. — 46с.
5. **Андреева, О.С.** Неправительственные организации (НПО) как институт развития и переустройства мира / О.С. Андреева // Научные ведомости БелГУ. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика.— 2010.— №13. – С. 219-226.
6. Сектор НПО — проблемы субъектности, критериев и классификации (западная методологическая модель) [Электронный ресурс] / А.И. Сухарев // Россотрудничество. — [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rusintercenter.ru/?lang=ru&text=95>
7. **Горный, М.Б.** Взаимодействие некоммерческих организаций и органов власти: сравнительный анализ законодательства / М.Б. Горный // Журнал исследований социальной политики. — 2010. — Т. 9.— № 2.— С. 219-232.
8. **Сухарев, А.И.** Политическое становление субъектов сетевых гуманитарных взаимодействий в международных отношениях глобального мира. Автореф. дис. ... д-ра полит. наук / А.И. Сухарев. – М., 2011. – 51с.
9. Там же.
10. Там же.

11. Сектор НПО — проблемы субъектности, критериев и классификации (западная методологическая модель) [Электронный ресурс] / А.И. Сухарев // Россотрудничество. — [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rusintercenter.ru/?lang=ru&text=95>
12. **Хрулева, Т.** «Мягкая» сила меняет мир / Т. Хрулева // Территория открытой дипломатии. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gorchakovfund.ru/open-diplomacy/myagkaya-sila-menyayet-mir/>
13. Там же.

УДК 323.1 (470+571)

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет
Кандидат политических, доцент кафедры философии, социологии и истории
Е.Ю. Рождественская
Россия, г. Воронеж,
тел. (473) 271-58-54, (473) 200-71-77;
e-mail: green_street05@mail.ru

Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering
PhD in Political Science, Associate Professor of Philosophy, Sociology and History Chair
E.Y. Rozhdestvenskaya
Russia, Voronezh,
tel. (473) 271-58-54, (473) 200-71-77;
e-mail: green_street05@mail.ru

Е. Ю. Рождественская

АЛГОРИТМ ВЫЯВЛЕНИЯ ЗНАЧИМЫХ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ РИСКОВ НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье сформулирован агрегат базовых принципов и постулатов в определении природы и сущности глобализационных процессов и природы риска, предложена собственная классификация рисков, их иерархия для РФ на современном этапе развития государства и общества. Выявлены политические последствия глобализационных рисков в социально-экономической сфере, в области государственной и общественной безопасности

Ключевые слова: риск, глобализация, глобализационный риск.

E. Y. Rozhdestvenskaya

THE ALGORITHM OF SIGNIFICANT GLOBALIZATION RISKS REVELATION BY THE EXAMPLE OF RUSSIAN FEDERATION

The article shows the aggregate of basic principles and postulates in the defining the nature and the essence of risks. It offers the author's classification of risks and their hierarchy for RF at its contemporary stage of social and state development. The author shows the consequences of globalization risks in political and socio-economic spheres as well as in the field of state and social security.

Key words: risk, globalization, globalization risks.

Вопрос о том, чего следует ожидать человечеству в условиях социальной реальности, называемой глобализирующимся обществом, волнует представителей и отечественной, и зарубежной мысли. Множество работ исследователей посвящены истоком глобализационных процессов, их периодизации, выявлению их особенностей и т.д.

К числу насущных вопросов, имеющих колоссальное практическое значение для построения будущей стратегии развития человечества, относится вопрос о последствиях данных противоречивых процессов для отдельных стран и регионов. В существующих на данный момент научных работах проблематике последствий глобализационных процессов не было уделено достойного внимания.

В связи с возрастанием числа субъектов мирового экономического и политического процесса, а также усложнением взаимосвязей между ними резко активизировался вопрос о дальнейшей роли и даже судьбе национального государства в глобализирующемся мире. Выявление и анализ значимых глобализационных рисков для отдельно взятого национального государства в современных условиях должно быть предметом повышенного внимания, как со стороны научного мира, так и со стороны правительств национальных государств.

Сформулируем агрегат базовых принципов и постулатов в определении природы и сущности глобализационных процессов:

1) глобализационные процессы носят всеобъемлющий характер;

2) глобализация – это непрерывный исторический процесс, интенсификация которого началась со второй половины XX века и связана в первую очередь с технологическими инновациями. Данный процесс не завершён и его последствия лишь только начали просматриваться в начале XXI века;

3) многоаспектность глобализационных процессов приводит к взаимозависимости и взаимовлиянию всех сторон жизни современного общества;

4) наблюдается экономическая детерминированность глобализационных процессов;

5) амбивалентность (неоднозначное восприятие) глобализационных процессов вытекает из разнополярности последствий данного явления (процесс глобализации имеет как отрицательные, так и положительные черты);

6) быстрое распространение и углубление глобализационных процессов вызывает необходимость наличия быстрой и адекватной реакции правящих элит направленных на смягчение издержек связанных с возникновением в этой связи изменений привычных норм и стандартов в разных сферах жизнедеятельности общества, как на уровне отдельно взятого государства, так и на международной арене в целом;

7) глобализационные процессы носят необратимый характер.

Глобализация – это результат сложного сплава политических, социальных, экономических, цивилизационных и многих других процессов современного мира.

Если признать тот факт, что экономические и технические изменения – мотор глобализации, то значит, процесс глобализации не может быть остановлен или повернут вспять, поскольку процесс технических инноваций затормозить невозможно. Исходя из этого, управлять глобализацией можно только относительным образом, а именно прогнозировать тенденции развития глобализационных процессов и оказывать на них определенное воздействие. Поэтому, чтобы быть уверенными в завтрашнем дне, необходимо освоить искусство прогнозирования грядущих изменений, а любой прогноз будущего опирается на изучение причинных связей, вызвавших наступление сложившейся ситуации и на анализе возможных вариантов её развития. Так как согласно «закону успеха» в наибольшем выигрыше бывает тот, кому удастся предугадать направление новых тенденций и раньше других воспользоваться новыми возможностями. Проанализировав возможные опасности, необходимо обратиться к изучению глобализирующегося общества и возможных глобализационных рисков.

Сформулируем агрегат базовых принципов и постулатов в определении природы риска:

1) риск продукт социальной среды, не существуют закрытых (защищенных) от риска социальных сред, все сферы человеческой жизнедеятельности рискогенны;

2) риски уравнивают тех, кто к ним причастен (современное общество не может быть классовым, так как риски равным образом касаются каждого индивидуума);

3) оценка и потребление риска является одновременно и началом производства других рисков, наблюдается эффект синергии/эффект бумеранга (накопление рисков);

4) присутствует заметная ограниченность (субъективность) экспертного знания в отношении оценки риска, так как не существует на данный момент общепринятых критериев выявления и оценки рисков;

5) глобализационные риски это особый вид рисков, которые возникают и интенсифицируются глобализационными процессами;

б) риски подлежат выявлению, анализу и классификации.

Суммируя все выше изложенное, сделаем попытку вывести общее определение понятию «риск» с точки зрения социальной и политической теории.

Можно предположить, что «риск» - это некая математическая величина «X», позволяющая измерить и проанализировать будущее или незаконченное настоящее действие с учетом существующих факторов воздействия на ситуацию «Y», где заданная абсолютная и неизменная мера «Q», это идеальная модель вероятного будущего или незаконченного настоящего в исходном прогнозировании. Грубо говоря, если идеал («Q») - это война, «X» - это соединение всех предпосылок и условий войны («Y1» + «Y2» + «Y3»...). Если идеал («Q») - это мир, «X» это соединение всех предпосылок и условий мира («Y1» + «Y2» + «Y3»...). Степень риска зачастую зависит от предпочтений и мировоззрения анализирующего его субъекта (эксперта), так как возможно, то, что для одного - условие войны, для другого - предпосылки мира. Но уравнение с одним неизвестным «X» в математической науке являются наименее сложными. А взвешенный анализ всех возможных факторов воздействия на ситуацию («Y1», «Y2», «Y3»...), с учетом хорошей информированности и знанием дела, возможен и исполним. Учитывая глобальность проблематики, понятие «риск» должно пониматься как многогранное явление, а не как первичная и неизменная категория. С нашей точки зрения, риск, как явление не имеет соприкосновения с человеком. Лишь его воплощение и переход в «риск – реальность» имеет соприкосновение с человеком, назовем это «риск- приятие» или «риск не приятие». В этой связи можно дать следующие определения. «Риск» – действие, предпринимаемое из расчета достижения желаемого, с пониманием возможности отклонения от идеального конечного, содержащее в себе возможность подсчета величины вероятных отклонений. Чем выше степень неприятия возможных последствий риска, тем более вероятно наступление рискогенного события/ситуации. Современное политическое развитие диктует необходимость совершенно нового восприятия возможных угроз и рисков.

Предложим собственную классификацию рисков, изложив ее в таблице:

Таблица 1

Классификация рисков в контексте глобализационных процессов

№	Критерий классификации рисков	Группа 1-ая	Группа 2-ая	Группа 3-я	Группа 4-ая
1.	По природе рискогенной среды	Политические	Социально - экономические	Культурно-бытовые	Смежные
2.	По направленности воздействия на государство	Всеобъемлющие	Внутри - политические	Внешне-политические	-
3.	По пространственному охвату	Локальные	Региональные	Глобальные	-

продолжение таблицы 1

4.	По характеру последствий	Незначительные	Средней силы	Значимые (обширные)	-
5.	По степени опасности	Ничтожные	Ощутимые	Фатальные	-
6.	По источнику происхождения	Внутренние (рожденные в среде)	Внешние (привнесенные в среду из вне)	-	-
7.	По интенсивности протекания	Интенсифицирующиеся	Стабильные	Затухающие	-
8.	По продолжительности существования	Краткосрочные	Долгосрочные	Вечные	-

Исходя из приведенной классификации рисков и анализа существующих концепций глобализации и рисков, можем предположить, что «глобализационными рисками» являются некие глобальные, долгосрочные, внешние, смежные, интенсифицирующиеся, ощутимые, значимые и всеобъемлющие риски, порожденные глобализационными процессами.

Следовательно, глобализационными рисками, общими для всего мира на современном этапе развития, можно считать:

- дальнейшее увеличение пропасти между богатыми и бедными внутри стран и возможное отставание в социально-экономическом контексте от наиболее развитых стран мира;

- возможная экономическая катастрофа (коллапс финансово-экономической системы: обвал рынков, вызванный бесконтрольностью перемещения капитала и дисбалансом социально-экономического развития различных регионов мира);

- беспрецедентные и неконтролируемые потоки миграции;

- новые смертельные вирусы и эпидемии уже знакомых человечеству опасных болезней;

- дальнейшее ослабление национального государства как активного субъекта международной политики;

- процесс объединения «слабых» государств в союзы и коалиции на разных основах (политической, экономической, стратегической, военной и др.);

- раздел мира на зоны влияния различных группировок (коалиций государств);

- дальнейшая трансформация культурных ценностей и ориентиров;

- появление лозунгов и призывов к построению альтернативных моделей общественно-политического устройства;

- распространение экстремистских идей, бурные проявления несогласия, выраженные во всевозможных террористических атаках;

- нехватка природных ресурсов (питьевой воды, продовольствия и др.) из-за роста популяции в бедных странах;

- возникновение военных столкновений из-за желания отдельных стран или группировок обладать жизненно важными ресурсами, территориями.

Так как глобализация - это явление, состоящее из множества параллельных взаимосвязанных процессов, проходящих во всех сферах жизни современного общества, глобализационные риски, порожденные конкретной глобализирующейся средой, могут спровоцировать появление рисков в соседних средах.

Процесс синергии/накопления глобализационных рисков, на наш взгляд, можно представить в виде определенной взаимозависимой цепочки событий: 1) зарождение глобализационных процессов; 2) интенсификация глобализационных процессов; 3) возникновение глобализационных рисков; 4) переход рисков в состояние риск-реальность; 5) оценка проявлений/последствий глобализационных рисков; 6) реакция (решения и действия)

политических элит на проявления/последствия глобализационных рисков; 7) появление новых глобализационных рисков; 8) дальнейшее углубление процессов глобализации.

Наиболее острыми в приведенной цепочке синергии/накопления глобализационных рисков являются два момента: 1) вопрос качества оценки проявлений/последствий глобализационных рисков; 2) вопрос соответствующей реакции (своевременных и действенных решений/действий) политических элит на проявления/последствия глобализационных рисков.

Данный процесс можно представить в виде своеобразной модели политической системы.

Рис. 1. Модель политической системы во взаимоотношении с глобализационными рисками (за основу были взяты модели политической системы А. Истона [1. С. 32] и Г. Алмонда [2. С. 3])

Предложенная модель политической системы отображает процесс взаимодействия глобализационных рисков (в виде угроз/вызовов и возможностей/перспектив) с политической системой. Модель демонстрирует наличие нескольких стадий взаимодействия глобализационных рисков с элементами политической системы. Попадая в политическую систему конкретный глобализационный риск благодаря распознаванию одним из субъектов политической системы: той или иной политической партией, группой интересов, СМИ, независимого эксперта и т. д., а возможно и всеми одновременно, пройдя последовательные процедуры обсуждения, анализа и оценки характеризуется как 1) угроза/вызов или 2) возможность/перспектива. После этого законодательная власть производит отбор действующих норм и правил, или создает новые, которые должны стать адекватной реакцией на проанализированный риск. В свою очередь, исполнительная власть применяет выбранные нормы и правила, направленные либо на недопущение развития неблагоприятных последствий риска в виде угрозы/вызова, либо направленные на достижение максимальных выгод от риска в виде возможности/перспективы. А судебная ветвь власти контролирует соблюдение выбранных норм и правил. На выходе мы имеем конкретные решения и действия политической системы на данный глобализационный риск. Всевозможные

глобализационные риски окружают политическую систему, конкретные решения/действия «на выходе» из политической системы, как ответы на угрозы/возможности «на входе», являются рискогенными, и могут усилить первоначальные угрозы/возможности, или породить новые.

Все сферы жизнедеятельности современного общества рискогенны. По аналогии с приведенной моделью политической системы можно представить «прочтение» глобализационных рисков теми или иными субъектами права как внутри конкретной страны (отдельные организации, финансовые структуры, семьи и т.д.), так и на международной арене (международные организации, ТНК и т.д.). Если глобализационные риски, порожденные одной средой, могут породить глобализационные риски в других средах, тогда неправильное прочтение (решения/действия) «глобализационного риска» той или иной структурой/системой может вызвать дальнейшую интенсификацию данного риска и привести к появлению других рисков.

Данные выводы применимы в процессе выявления особых процессов (явлений), которые возникают в ходе синергии/накопления глобализационных рисков, вызывающие изменения в привычных процедурах, нормах традициях конкретного политического образования, национального государства. Данные процессы (явления), мы называем последствиями глобализационных рисков. Анализ этих процессов необходимо начинать с выявления степени распространения глобализационных процессов в реалиях конкретной страны и рассмотрения проявлений данных процессов в конкретных сферах: социально-экономической, внутривнутриполитической, внешнеполитической.

Несмотря на многогранность глобализации, многие ученые склонны считать, что аккумулятором всех этих сложных и разносторонних процессов является социально-экономическая составляющая. Трудно с этим не согласиться, поскольку любой политический процесс тесно связан с экономикой и другими сферами общественной жизни. Следовательно, социально-экономические факторы являются решающими для анализа эффективности политического поведения: «никакая политика не может быть понята вне экономического и социального контекста» [3. С. 133].

Глобализационные процессы неоднозначные, нелинейные и неоднобразны, они протекают в разных регионах мира не одинаково. На наш взгляд у каждой составляющей глобализационных процессов есть свои маркёры. В данном случае под термином «маркёр» понимаем те проявления, которые наиболее ярко демонстрируют присутствие, влияние и глубину распространения глобализационных процессов в той или иной сфере.

Присутствие в экономике отдельно взятой страны тех или иных экономических и социальных маркёров глобализационных процессов позволяют говорить о степени вовлеченности данного государства в глобализационные процессы, а именно в их экономическую составляющую.

Экономические маркёры глобализационных процессов.

1. Глобализация рынка товаров и услуг (либерализация экономики); открытость и прозрачность экономических механизмов для всех участников, как внутренних, так и внешних.

2. Конкуренентоспособность экономики. Определенный уровень развития экономики страны, позволяющий быть равноправным участником международного рынка.

3. Открытость и развитость финансовых и банковских структур, которые, в свою очередь, являются проводниками глобализации экономики и условием активного и полноценного развития бизнеса.

4. Отсутствие государственных и иных монополий на тот или иной продукт или услугу, тормозящих естественный (рыночный) процесс развития той или иной отрасли.

5. Присутствие местных активов в транснациональных организациях.

6. Зависимость внутреннего рынка от состояния международной экономической конъюнктуры.

7. Диверсификация уровней управления (главенство экономических механизмов над внутривластным управлением). Экономические перспективы должны подчинять политические амбиции, а не наоборот. Ориентация на международный обмен, а не на удовлетворение внутренних потребностей.

8. Членство в ВТО (Всемирная торговая организация – основной институциональный механизм экономической глобализации).

Социальные маркеры глобализационных процессов.

1. Свобода и чистота информации (в данном случае под «чистотой» понимаем правдивость и альтернативность информации). Свободный доступ к информации, высокая степень информированности населения по самому широкому спектру вопросов.

2. Изменение привычных стандартов и ценностей (трансформация института семьи и брака, распространение феминистской идеологии, карьеризм, беспрецедентно быстрое взросление детей и проч.).

3. Высокий уровень различного рода миграции населения (студенческой, трудовой и проч.).

4. Давление рыночной философии над всем другим (общество потребления).

5. Наличие определенной категории граждан, приверженцев космополитической идеологии; умеющих и желающих получать преференции от глобализирующегося мира.

После выявления степени включенности страны в глобализационные процессы, следует провести диагностику, выявляющую наличие проявлений/последствий глобализационных рисков. Если явления реальны, то они реальны по своим последствиям. Внимание исследователя должно быть обращено на анализ уровня социально-экономического развития страны, степени внутривластной стабильности, успешности внешнеполитической политики. Оценка адекватности и своевременности реакции политической элиты страны на глобализационные риски, проявляющиеся в различных сферах (социально-экономической, внутри- и внешнеполитической) в этом случае имеет особое значение.

Изменение статуса национального государства на международной арене, может быть выявлено изучением позиции и роли страны в различных международных организациях и клубах.

На наш взгляд, существуют следующие параметры сильного национального государства в условиях глобализации: 1) «государство для народа», защита прав и свобод граждан в пределах и за пределами страны; 2) социальная и экономическая защищенность населения; 3) конкурентоспособность страны; 4) пропаганда и поддержание жизнестойкой национальной идеи; 5) эффективный государственный аппарат; 6) наличие понятных долгосрочных и краткосрочных внутри- и внешнеполитических целей и задач; 7) предоставление доступа всему населению страны ко всем благам глобального мира (доступа к информации, всестороннему качественному образованию, коммуникациям, международному рынку труда и т.д.); 8) выгодное и обдуманное использование природных ресурсов (которые, являются, по сути, достоянием всего народа, а не собственностью отдельных лиц); 9) защита окружающей среды; 10) адекватная внешняя политика (защита национальных интересов не должна идти в ущерб общемировым законам; общечеловеческим традициям этики и морали).

Применив предложенный алгоритм выявления значимых глобализационных рисков для конкретного национального государства на примере Российской Федерации, можем сделать вывод о степени включенности экономики страны в глобализационные процессы и сформулировать ключевые риски для РФ в трех сферах: социально-экономической, внутривластной и внешнеполитической.

Анализ социально-экономического развития РФ в 1990 – 2000-ых гг. позволяет сформулировать вывод о степени включенности экономики страны в глобализацию, исходя из наличия или отсутствия в РФ в конце 2000-ых гг. приведенных ранее экономических и социальных маркеров глобализационных процессов. Из 8 перечисленных выше

экономических маркёров глобализации, лишь три маркёра присутствуют в реалиях российской экономики.

Во-первых, пункт № 1 - глобализация рынка товаров и услуг (либерализация экономики) можно зачесть в список маркёров экономической глобализации на российской почве лишь с авансом. Если сравнивать в этом ключе экономику страны середины 1990-ых годов и экономику конца 2000-ых гг. многое было сделано в данном направлении, но процесс либерализации экономики в РФ нельзя назвать завершённым.

Во-вторых, пункт № 5 – присутствие местных активов в транснациональных корпорациях (ОАО «Лукойл» с активами в Канаде, Финляндии, США, Казахстане; ОАО «ГМК Норильский Никель» с активами в США и ЮАР; ЗАО «Северасталь-Групп» с активами в США и Италии и др.) [4. С. 7].

В-третьих, пункт № 6 – зависимость внутреннего рынка от состояния международной конъюнктуры. Сформировавшийся за годы реформ сырьевой уклон российской экономики, низкие темпы развития производства, высокий процент импорта на внутреннем рынке, отсутствие четкого стратегического плана экономического развития страны и прочие обстоятельства поставили внутренний рынок РФ в прямую зависимость от состояния международной конъюнктуры. Причем на данный момент в РФ отсутствует эффективный механизм, позволяющий хоть в какой-то мере нивелировать возможные негативные последствия этой зависимости.

Из пяти социальных маркёров глобализации явно в РФ просматриваются лишь три.

Во-первых, пункт № 2 – изменение привычных стандартов и ценностей.

Во-вторых, пункт № 3 – высокий уровень различного рода миграции населения (можно выделить как бы три потока: первый, из России в страны т.н. «дальнего зарубежья»; другой, направленный в Россию из «зарубежья ближнего», значительно больше первого [5. С. 17]; третий, внутренняя миграция в РФ); общее число приехавших в Россию в 1991-2000 гг. оценивают в 8 млн.; в целом после 1991 г. в пределах РФ наблюдается миграционный прирост [6. С. 35].

В-третьих, пункт № 4 – давление рыночной идеологии над всеми другими ценностями (общество потребления), за неимением какой-либо другой идеологии в новой России рыночная философия (причем в искаженной местной форме) беспрепятственно завладела умами миллионов.

В результате, можно сделать вывод о том, что к концу 2000-х гг. степень вовлеченности экономики РФ в глобализационные процессы остается невысокой, несмотря на продолжительный период с момента распада СССР (1991г.), взятой за отправную точку знакомства новой России с мировой экономической системой. В основном это связано с негативными последствиями проводимой в стране трансформации социально-экономической системы, которые тормозят дальнейшее развитие экономики страны и являются преградами на пути включенности РФ в мировую экономическую глобализацию.

Ключевыми угрозами для РФ в социально-экономической сфере являются:

- 1) вероятность потери экономической независимости, обусловленной:
 - дальнейшим преобладанием в российской экономике сырьевого вектора;
 - вступлением РФ в ВТО на неприемлемых (невыгодных) условиях;
 - дальнейшим отставанием в технико-технологическом уровне выпускаемой продукции;
 - медленным темпом модернизации местных производств;
 - неразвитостью инвестиционного, банковского и финансового секторов;
 - зависимостью от экспорта всевозможной, и особенно сельскохозяйственной продукции;
 - захватом местного рынка игроками соседних быстроразвивающихся экономик (государств) и т.д.
- 2) перспектива дестабилизации социальной системы, обусловленной:

- углублением процесса депопуляции;
- чрезмерной социальной поляризацией;
- увеличением числа безработных;
- распространением смертельных заболеваний и т.д.

Ключевые риски ослабления РФ во внутривнутриполитической жизни следующие: проблема определения национально-государственной идентичности, особенно ее общегражданской составляющей; проблемы социально-экономического характера: чрезмерная поляризация доходов граждан и связанная с этим негативная самоидентификация большей части населения; агрессивно-неподвижный характер российского общества, заключающийся в неразвитости института гражданской инициативы; отсутствие веры граждан в конкретные политические институты и процедуры, большая роль субъективного фактора (персонификация власти); не равномерное социально-экономическое развитие субъектов РФ; региональный сепаратизм, межнациональные и межэтнические трения и конфликты внутри страны; организованная преступность и коррупция; терроризм и отсутствие политической воли к изменениям у руководства страны.

Ключевые риски безопасности РФ во внешнеполитическом контексте в краткосрочной перспективе следующие: возможность попыток военно-силового давления в условиях тех или иных международных кризисов; любые действия, как извне, так и изнутри, направленные на подрыв государственности и территориальной целостности Российской Федерации, а так же на ослабление и подрыв ее международных позиций; опасность закрепления за ней на ближайшие годы топливно-энергетической специализации и блокирования доступа к мировым рынкам и передовым технологиям; международный терроризм; вооруженные конфликты разных калибров и интенсивности в непосредственной близости от российских границ; распространение оружия массового поражения и средств их доставки; усиление экономического и политического влияния соседних государств; геополитическая и военно-политическая неопределенность, как в масштабах мирового сообщества, так и по периферии ближнего зарубежья.

Приведем список наиболее просматриваемых глобализационных рисков для Российской Федерации в краткосрочной перспективе.

1. Дальнейшее ограничение суверенитета во многих сферах жизнедеятельности российского государства. Уменьшение влияния национального государства, как во внутренних делах, так и на международной арене.
2. Обострение проблемы государственной (экономической и политической) безопасности.
3. Усиление центробежных сил, децентрализация государства. Угроза сепаратизма.
4. Усиление «нациоцентризма» (давление централизованного проявления глобализации).
5. Последствия вступления РФ в ВТО.
6. Усиление миграции населения.
7. Усиление влияния недружественных РФ сил на международной арене.

Однополярный вектор развития международных отношений.

Сделаем вывод. Суверенному государству в условиях глобализации становится все труднее обеспечить безопасность (в современном прочтении данного понятия). Безопасность по необходимости должна являться продуктом сотрудничества с другими заинтересованными сторонами – субъектами международного права и предполагает взвешенность целенаправленной политики руководства страны, направленной на отстаивание основополагающих интересов нации, как во внутренней, так и во внешней политике.

Качество оценки вероятных глобализационных рисков и своевременность/адекватность реакции на них являются наиболее острыми вопросами в цепочки синергии/накопления глобализационных рисков. Так как не выявленный риск, либо

не своевременно прочтенный риск, уже перешедший в состояние «риск-реальность» не только имеет склонность к интенсификации, но и может породить риски в смежных сферах.

В этой связи своевременное выявление, качественное прочтение и устранение наиболее значимых глобализационных рисков являются ключевыми задачами политических элит национальных государств.

Библиографический список

1. **Easton, D.** A systems analysis of political life / D. Easton. – N. Y. u. a.: Wiley, 1965. – 508p.
2. Теория политической системы Г. Алмонда. – URL: http://yanko.lib.ru/books/politologiya/teoriya_politiki_isaev-2008-a.htm
3. **Heywood, A.** Politics / A. Heywood. – L.: Macmillan, 1997. – 431p.
4. Стратегические риски России : оценка и прогноз / МЧС России ; под общ. ред. Ю. Л. Воробьева. – М.: Деловой Экспресс, 2005. – 392с.
5. **Сумин, А.В.** Российские ТНК в мировой экономике / А.В. Сумин // Пространство и время в мировой политике и международных отношениях: материалы 4-го Конвента РАМИ. – М.: МГМИМО-Университет, 2007. – URL: <http://www.mgimo.ru/fileserver/books/rami4konvent/t5-sumin>.
6. **Воробьева, О.Д.** Миграционные процессы населения: вопросы теории и государственной миграционной политики / О.Д. Воробьева // Проблемы правового регулирования миграционных процессов на территории Российской Федерации: аналит. сб. Совета Федерации ФС РФ – 2003. – № 9 (202). – С. 27-41.

УДК 323.1

*Институт общественного мнения «Квалитас»
Генеральный директор, доктор социологических наук
Н.А. Романович.
Россия, г.Воронеж,
тел. (473) 251-20-75;
e-mail: nelly@qualitas.ru*

*Public Opinion Institute «Qualitas»
General Director
Doctor of Sociological Science
N. A. Romanovich
Russia, Voronezh, tel. (473) 251-20-75;
e-mail: nelly@qualitas.ru*

Н. А. Романович

ИЕРАРХИЯ КАК БАЗОВЫЙ ПРИНЦИП ВОЗЗРЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ НА ВЛАСТЬ

Социологические исследования как на общероссийском, так и на региональном уровнях свидетельствуют о принципах иерархичности, которые присутствуют во взглядах населения на властные структуры. Причины трансформации демократической системы управления следует искать не в авторитарных амбициях отдельных лидеров, а в мировоззренческих пластах народных масс, которым свойственно традиционное представление о власти, предполагающее среди прочих и «принцип иерархии».

Ключевые слова: иерархия, структура власти, модель управления, властные отношения, демократическая концепция, традиционное мировоззрение.

N. A. Romanovich

THE HIERARCHY PRINCIPLE IN PUBLIC VIEWS ON POWER STRUCTURES

Social research both on country and regional levels denotes the hierarchy principles in public views on power structures. The reasons for transformation of democratic system of administration are to be found not in authoritarian ambitions of certain leaders, but in public vision that has the traditional image of power with the “hierarchy principle” among others.

Key words: hierarchy, power structure, governance model, relations of power, democratic concept, traditional world-view.

Первоначально понятие «иерархия» имело исключительно религиозный характер и характеризовало тип социальной организации людей, устроенной по принципу стремления к богоуподоблению. Сегодня значение этого термина экстраполируется на любые властные социальные структуры и сакральный оттенок термина практически утрачен. Тем не менее, есть мнение, что всякий раз, «употребляя слово «иерархия» для описания структуры власти, человек, сам того не замечая, утверждал её сакральное происхождение» [1. С. 7].

Сегодня в Социологическом энциклопедическом словаре «иерархия» определяется просто как «последовательное расположение социальных статусов от низших к высшим» и распространяется не только на властные структуры, например: «иерархия наук», «иерархия мотивов», «иерархия потребностей», «иерархия вероятностей» и проч. [2. С. 131]. А термин «социальной иерархии» уточняется как «система последовательного подчинения структурных подразделений социальной власти от нижестоящего к вышестоящему» [2. С. 131].

Исследователи считают, что иерархическая централизованная модель управления на Руси сложилась исторически в силу своей эффективности и социальной востребованности. «В ходе эволюции представительства княжеской власти на русских территориях, постепенно объединившихся в рамках единого государства, в XII – XIV вв. была сформирована иерархически выстроенная моноцентричная управленческая модель». [3. С. 5]. Эта модель позволяла сохранять от разрушения на протяжении многих веков обширную страну.

Но только ли объективная прагматическая необходимость явилась основанием для укоренения на русской почве иерархической модели управления? Есть основания считать, что «иерархичность» как принцип организации властных структур находит определенную подоплеку в мировоззренческих схемах, присущих взглядам населения на властные структуры.

С этой точки зрения, определенный интерес представляет беседа, которая состоялась 12 декабря 1927 года между митрополитом Сергием и делегацией к нему из четырех представителей епархии: епископа Гдовского Димитрия (Любимого), профессора-протоиерея Василия Верюжского, протоиерея Викторина Добронравова и мирянина Алексева, представляющего верующий народ. Делегаты принесли митрополиту письмо, в котором в числе прочих просьб и предложений содержалось настояние: «Отменить распоряжение... о возношении молений за гражданскую власть».

Делегаты обосновали это требование следующим образом:

- С религиозной точки зрения, наши правители – не власть.
- Как так, не власть? – изумился митрополит Сергей.
- Властью называется иерархия: когда не только мне кто-то подчинен, а я сам подчиняюсь выше меня стоящему, и так далее, и всё это восходит к Богу, как источнику всякой власти.

- Ну, это тонкая философия, - с иронией заметил митрополит Сергей.

- Чистые сердцем это просто чувствуют. Если же рассуждать, то надо рассуждать тонко, так как вопрос новый, глубокий, сложный, подлежащий соборному обсуждению» [4. С. 150].

Отказ представителей православного народа называть советскую власть «властью», потому что она не является «иерархией», свидетельствует о том, что принципы иерархичности во властных структурах имманентны народному представлению о власти в России.

Некоторые исследователи связывают с иерархией российского общества особенности его истории. Отмечается, что иерархическое общество обычно призвано для служения великой идеи [5. С. 30]. Тысячелетняя идея «святой Руси» требовала иерархической структуры земной власти, в соответствии с властью небесной.

И хотя главенствующее место Бога в советском государстве было упразднено, представления о власти, таящиеся в глубинах народного самосознания, возродили традиционный иерархический принцип во властных структурах. «Великая идея» построения коммунизма, то есть «царства божьего на земле», также воспроизвела иерархическую структуру власти. «Советское общество следует понимать, - настаивает Б.Н.Кашников, - как иерархическое общество, вариацию на тему извращенного идеала Святой Руси» [5. С. 37]. Почему воспроизводится прежняя иерархическая структура власти? Потому что именно такая структура присутствует в представлениях о власти россиян, структура «пережила» свою идеологическую подоплеку. И «современное российское общество, - как считают философы, - является по-прежнему обществом иерархическим» [5. С.40-41].

Иерархическая пирамидальная структура власти присуща мировоззренческим схемам российского общества и воспроизводится вновь и вновь, невзирая на формальные общественные реформы. Парадокс настоящего момента состоит в том, что вся идеология демократической системы, по которой пытается жить наше общество, направлена на уничтожение иерархии.

Демократическая концепция, согласно которой теоретически любой из народа может стать главой государства, разрушает иерархическую лестницу между народом и высшей властью. Ограниченный срок пребывания правителя у власти также способствует нивелированию иерархии, подчеркивая её временный характер («сегодня пан, а завтра пропал»). Частая смена правителя на любом уровне «помогает» разрушать вновь и вновь иерархическую лестницу, едва она начинает формироваться.

Принцип разделения властей на *исполнительную, законодательную и судебную* в демократической схеме не предполагает никакой иерархии между ними. Все три ветви власти находятся, если так можно выразиться, на одном уровне, ни какая из них не является выше или ниже другой, они обладают равной степенью власти, хотя и в разных сферах. Если хотя бы одна из них начинает преобладать над другими, то, с точки зрения демократической теории, это равносильно катастрофе. Превалирующая ветвь власти начинает оказывать влияние на другие ветви власти, последние становятся зависимыми от первой, и вся система сдержек и противовесов «дает сбой».

Российские социологические исследования свидетельствуют, что идея «разделения властей», лежащая в основе демократических реформ, практически не была принята населением, и реальный вес для него имеет лишь та власть, которая связана с исполнительной ветвью [6. С. 140]. Исполнительная власть явно преобладает над всеми прочими. Имеет место отношение к парламенту как к «ненастоящей вторичной, показной власти» и даже «парламент выступает в виде ненужного и мешающего власти органа» [7. С. 21]. В мировоззрении россиян присутствует четкая иерархия властных структур. Данные российских исследований находят подтверждение на региональном уровне.

Результаты ежемесячных социологических опросов Института общественного мнения «Квалитас», которые проводятся в Воронеже в рамках инициативного проекта, начиная с 1998 года по сегодняшний день, свидетельствуют о принципах иерархичности, которые

присутствуют во взглядах населения на властные структуры. Опросы, результаты которых представлены ниже, проводятся методом личного интервью по репрезентативной для взрослого населения г. Воронежа (старше 18 лет) выборке, размер выборки колеблется от 600 до 1000 человек. Данные опросов ИОМ «Квалитас» и комментарии представлены в «Ежемесячных Бюллетенях социологических сообщений по городу Воронежу», которые распространяются путем подписки среди СМИ, местных властных структур и общественных организаций, а также рассылаются в другие российские регионы и в зарубежье.

Во взглядах населения на власть присутствует принцип иерархичности, а не параллельности, как это принято в демократических схемах. В этом плане любопытны ответы воронежцев на вопрос: «*Как Вы считаете, у кого должность выше?*» (таблица 1). Заметим, что опрос проходил в мае 2004 года, когда обе должности: Президента РФ и губернатора Воронежской области были выборными всеобщим голосованием. Логика демократической схемы уравнивала и эти должности, уничтожала иерархию между ними, так как губернатор был тоже избран народом, а не назначен Президентом.

Исходя из ответов респондентов, не приходится сомневаться, что в представлении большинства опрошенных должность губернатора выше должности мэра, а всех выше – должность Президента страны. Эта пирамида относится к исполнительной власти. А если сравнивать исполнительную и законодательную власти, то оказывается, что, по мнению населения, они тоже имеют разный вес. Представители исполнительной власти выше по должности представителей законодательной власти. Если судить по ответам, то должность губернатора выше, чем должность председателя областной Думы, а должность мэра выше, чем председателя городской Думы. Таким образом, законодательная власть не является автономной в глазах населения, а тоже включена в единую иерархическую схему. Это мнение разделяют политологи, считая государственное устройство сегодняшней России «параконституционным». В отличие от конституционного государственного устройства, которое основывается на принципе разделения властей и выборной системе представительства, параконституционное основано на принципе *неразделенности* власти, назначаемости на должности и прямом подчинении первому лицу государства – что в совокупности авторы называют «самодержавной демократией» [8. С. 56-57].

Поскольку, как считает население, исполнительная власть *важнее*, чем законодательная, то и, соответственно, такое представление отражается на явке избирателей во время выборов представителей той или иной власти. На выборы тех лиц, кого считает более важными, народ идет охотнее, чем тех, кого считает второстепенными, а то и зависимыми от первых. Поэтому явка на выборы представителей исполнительной власти выше, чем власти законодательной. Более того, в Воронеже, как впрочем, и в других городах, не раз выборы в законодательные органы власти были признаны не состоявшимися из-за малого числа лиц, явившихся на избирательные участки.

В 1999 году как Президент РФ, так и губернаторы занимали свою должность после всеобщих выборов. Поэтому, несмотря на свою принадлежность к одной и той же ветви исполнительной власти, логика соподчинения между ними нивелировалась. В связи с этим Основному закону страны потребовались поправки, которые получили одобрение со стороны общественного мнения. Так, на вопрос: «*Одобряете ли Вы или нет поправку к Конституции, согласно которой федеральной власти (Президенту или Правительству РФ) предоставляется право освободить от должности губернаторов, если они в своей деятельности не соблюдают общероссийское законодательство?*» - 60% опрошенных ответили «одобряю», 24% - «не одобряю», 16% затруднились с ответом (опрос проходил в ноябре 1999 года). Более того, получила одобрение со стороны региональных жителей возможность со стороны федерального центра отменять местные региональные законы. «*Одобряете ли Вы или нет поправку к Конституции, согласно которой федеральной власти (Президенту или Правительству РФ) предоставляется право отменять местные региональные законы, если они не соответствуют общифедеральному законодательству?*»

- ответили «одобряю» 57% опрошенных (ноябрь 1999 года). Таким образом, большинство воронежцев в случае возникновения конфликта между федеральными и местными законами отдали приоритет первым и готовы были закрепить это в Конституции. Результаты опросов общественного мнения свидетельствовали в пользу укрепления властных полномочий центра. Большинство региональных жителей склонялись к жертве своими местными интересами ради поддержки общероссийского закона.

Вопрос о правах центральной власти и её полномочиях по отношению к региональной обычно трактовался населением в пользу центральной власти. Правда, общественное мнение по этому вопросу могло корректироваться в зависимости от отношения к персональным представителям власти (см. график 1).

Подавляющее большинство воронежцев (71%) признали в августе 2007 года за руководством страны (Президентом или Правительством) право отменять решения региональных глав. Можно заметить, как укрепилось это намерение за последние восемь лет (с 1999 года по 2007 год показатели выросли с 42% до 71%). Самый низкий показатель положительных ответов отмечен в 1999 году, когда центральную власть представлял непопулярный в то время Б.Ельцин, но и тогда население наделяло полномочиями центральную власть в большей степени, чем региональную 42/36.

В то же время, согласно опросу в августе 2007 года, большинство воронежцев (58%) дают разрешение своим губернаторам вступать в конфликт с центральной властью, если они не согласны с её курсом. Одновременно, 34% горожан не находят такое положение дел правильным (см. график 2).

В целом же, по ответам респондентов на оба этих вопроса, выходит, что губернатор имеет право противостоять центральной власти и отстаивать свой курс, но, если Президент отменит решение губернатора, последний должен смириться. Последнее слово всегда должно оставаться за главой государства, а не за главой региона – это мнение народа зиждется на исторической традиции, сложившейся ещё во времена князей-собирателей Руси, озабоченных сохранением её целостности.

Обращает на себя внимание, что за восемь лет (с 1999 года до 2007 года) заметно возросло (с 24% до 34%) число респондентов, которые не готовы дать региональной власти право противостоять центральной, даже, если регионалы не согласны с курсом федеральной власти.

В целом значимость центральной власти в глазах воронежцев выше, чем значимость местной власти, о чем свидетельствуют результаты социологических исследований ИОМ «Квалитас». Но необходимо учитывать, что степень поддержки населения зависит в таких случаях от авторитета, имеющегося как у федеральной, так и у региональной власти в данный момент.

Когда в 2004 году В.Путин начал реформу власти, инициатива Президента нашла поддержку у большинства воронежцев. На вопрос: *«Вы одобряете или не одобряете новую систему формирования региональной власти, при которой глав регионов избирают не всенародным голосованием, а региональными парламентами по представлению Президента РФ?»* - 52% населения города ответили «одобряю», а 30% - «не одобряю». То есть одобрение превалировало над неодобрением (опрос проходил в сентябре 2004 года).

Изменения в законодательстве, инициированные высшей властью, народ принимает, так как признает за высшей властью право корректировать законы, особенно, если последние относятся к сфере демократических прав, а не их непосредственных жизненных интересов. Так, отмена В.В.Путиным прямых всенародных демократических выборов губернаторов не вызвала какого-либо значительного народного протеста и возмущения, российский народ, как и прежде, со спокойствием, граничащим с безразличием, относится к действиям властям, связанным с демократическими реформами. Население в свое время спокойно приняло «подарок» власти в виде возможности участвовать в выборах губернаторов и так же спокойно отнеслось к тому, что «подарок» забрали назад. (Для сравнения: совсем иная

реакция со стороны населения последовала в результате «монетизации льгот»; здесь правительство, столкнувшись с явно выраженным протестом, вынуждено было идти на уступки).

Принцип иерархии в глазах населения распространяется и на муниципальные органы. В настоящее время, согласно Конституции РФ, органы местного самоуправления и органы субъектов федерации РФ разделены, что не позволяет губернаторам назначать мэров областных центров. Но для принятия подобного решения не требуется изменять Конституцию. Достаточно будет понизить уровень местного управления в городах-миллионниках - сделать их городами областного подчинения, внося соответствующие изменения в закон о местном самоуправлении.

Если предположить, что Президент РФ осуществил только часть «антитеррористической» программы, и «вертикаль власти» может быть доведена до конца, тогда губернаторы получают возможность назначать мэров муниципальных образований. ИОМ «Квалитас» предложили воронежцам оценить возможность такой перспективы в ответах на вопрос: *«Как Вы считаете, федеральные власти должны или не должны продолжить начатую реформу и заменить всенародные выборы руководителей муниципальных образований (мэров) их назначением главами областных администраций (губернаторами)?»* Результаты опроса в октябре 2004 года свидетельствовали, что воронежцы не пойдут на баррикады, если у них отнимут право выбирать себе не только губернаторов, но и мэров. О своем безразличии по этому поводу заявили 18% горожан, а 12% затруднились ответить. Мнение остальных опрошенных разделилось почти поровну, но всё же преобладали сторонники отмены всенародных выборов мэра (38% - «мэры должны назначаться губернаторами», 32% - «не должны...»). Иными словами, население готово принять такое положение дел, когда принцип иерархии пронизывает систему власти сверху донизу, включая и местные органы самоуправления.

В связи с реформой системы власти, проводимой Президентом РФ, в обществе обсуждалась возможность отмены общенародных выборов глав городских администраций, при том, чтобы мэры просто назначались бы губернаторами. Сами губернаторы новый поворот событий приветствовали. Например, глава Свердловской области Эдуард Россель еще в сентябре 2004 года высказался так: «Я не вижу здесь проблем: станет меньше расхлябанности и политической болтовни. Мэры будут заниматься хозяйством, тем, что необходимо. А кто не будет заниматься - тот не будет работать» [9].

С главой Свердловской области были согласны губернаторы и других областей. Повсеместно из их уст звучало желание видеть на посту мэра хозяйственника, а никак не политика. Мэр-политик почти неизбежно вступает в конфликт с губернатором, что наблюдалось во многих областях страны, в том числе и в Воронежской области. Поэтому зачастую из Кремля звучали заявления, суть которых сводится к следующему: нежизнеспособный и опасный для России мутант с двумя хребтами (государственная и муниципальная системы власти, не зависящие друг от друга) — должен умереть.

Некоторые федеральные чиновники высказывались еще жестче. В частности, Сурков (зам-главы администрации Президента РФ), заявлял, что «мэры будут назначаться, потому что только тогда вертикаль приобретет ясный характер» [9].

Правда, не все мэры обрадовались такой перспективе. Например, градоначальник Екатеринбурга Аркадий Чернецкий (оппозиционер областных властей) заявил журналистам из Regions.Ru: «Предложенная заместителем главы администрации Президента РФ Владиславом Сурковым инициатива мне кажется излишней. Кроме того, она нарушает Конституцию страны. И если российская Конституция может быть подкорректирована, то Европейская хартия по правам человека подкорректирована быть не может. Поэтому я сомневаюсь, нужны ли государству такие проблемы и конфликт с международным сообществом» [Цит. по: 9].

Глава ЦИК Александр Вешняков тоже позволил себе усомниться в конституционности подобного закона, заявив, что «при разработке подобных проектов необходимо обязательно иметь в виду требования Конституции, в соответствии с которыми местное самоуправление не входит в систему исполнительной власти РФ» [10]. Но само возникновение дискуссии свидетельствует о наличии иерархической схемы в сознании не только «непросвещенного» народа, но и вполне искушенных в политике деятелей. Любопытно, что население Воронежа (опрос проведен в мае 2005 года) готово передать полномочия назначения мэра скорее губернатору (16%), а не городской Думе (4%).

В 2002 году 57% воронежцев отмечали наличие конфликта между руководством администрации Воронежской области и города Воронежа. При этом на вопрос: «Как Вы считаете, смогут ли руководства области и города преодолеть существующие разногласия с пользой для жителей как города, так и области?» - 64% опрошенных ответили «не смогут» (опрос проходил в октябре 2002 года). Воронежцы оказались правы. Конфликт между бывшими в то время мэром А.Я.Ковалевым и губернатором В.Г.Кулаковым так и не был разрешен, и окончился досрочным уходом мэра со своего поста. С новым мэром Б.М.Скрынниковым наблюдалась аналогичная картина противостояния городской и областной власти, поскольку конфликт имеет системный характер. В сентябре 2007 года среди ответов воронежцев на вопрос: «Кто, на ваш взгляд, составляет оппозицию областным властям?» - одним из самых популярных был: «городские власти».

Следует заметить, что конфликты между властными структурами в данном случае не прибавляют очков ни одной из противостоящих сторон. Среди населения, которое является свидетелем такой борьбы, падает доверие ко всем участникам конфликта.

Более того, результаты опросов свидетельствуют, что глава города воспринимается большинством населения как лицо подчиненное губернатору и подотчетное ему. Поэтому конфликт между мэром и губернатором воронежцами может восприниматься как «бунт» против вышестоящей власти. Такое противостояние в глазах народа обычно ослабляет позиции как одной, так и другой стороны. «Бунтарь» может встретить как сочувствие, так и осуждение населения (в зависимости от конечного результата борьбы), а на вышестоящую власть в любом случае падает подозрение в её слабости. А, власть, заподозренная в слабости, мигом теряет своих сторонников.

Наличие иерархической модели властных отношений в мировоззренческих схемах населения проявляется и в том, каким образом население распределяет ответственность между различными органами власти. На плечи людей, занимающих самые высокие места в виртуальной пирамиде, всегда ложится большая степень ответственности.

Например, весной 1999 года депутаты Муниципального Совета г. Воронежа лишили некоторых своих коллег депутатского статуса, из-за того, что те совмещали работу депутата Муниципального совета с работой в органах исполнительной власти города. Мы обратились к воронежцам с вопросом: «Кто, по Вашему мнению, виноват в возникновении кризиса в исполнительных и представительных органах власти г. Воронежа?». Результаты опроса были поразительными. Сами виновники скандала, депутаты, совмещавшие две должности сразу, оказались виноватыми с точки зрения только лишь 9% опрошенных. В большей степени воронежцы готовы винить в происходящем лично мэра (12%), а в ещё большей степени – губернатора (24%)! Казалось бы, областные власти совсем уж не причастны к скандалу в городских органах власти. Здесь, по всей видимости, срабатывает принцип «барина, не справившегося с потасовкой дворни у себя дома». И чем «главней» хозяин, тем больше и его вина (опрос был проведен в мае 1999 года).

Кроме того, населению недосуг разбираться с конкретной ответственности той или иной структуры власти за городские проблемы, поэтому вина ложится сразу на всех. Например, на вопрос: «Скажите, пожалуйста, кто несет ответственность за складывающуюся ситуацию с общественным транспортом?» - самым популярным ответом был «городская и областная администрация в равной степени» (опрос проведен в августе

2003 года). Принцип разделения властей, и соответственно, разделение обязанностей «не вписывается» в представления о власти населения. Аналогичными оказались ответы на другие подобные вопросы. Юридические тонкости системы распределения обязанностей «наверху» не то чтобы недоступны населению, но оно просто не желает в них вникать, пребывая в уверенности, что всё зависит от воли власть предержащих. «Они между собой, если захотят, всегда договорятся», «у них своя песня, а у нас – своя». Следует отметить, что обе структуры (областная и городская власть) воспринимаются населением как уполномоченные в принятии решений относительно проблем г. Воронежа. Только областная администрация кроме областного центра, по мнению горожан, обязана заниматься ещё и другими городами и селами Воронежской области. А городская администрация г. Воронежа занимается непосредственно областным центром. Поэтому логичным выглядит вывод граждан, что обе структуры должны отвечать за происходящее. Так, например, за работу подразделения отвечает и начальник отдела, и директор предприятия, который курирует, в том числе, и другие отделы.

Более того, как поясняли некоторые респонденты, областная администрация даёт поручения городской администрации, руководит ею, то есть занимает по отношению к ней вышестоящее начальственное положение. Переубедить население, что это не так, изменить сложившееся представление крайне трудно, поскольку для российского восприятия образа власти в целом характерна иерархичность. Русская игрушка матрешка может служить моделью образа власти в глазах населения. Каждая маленькая матрешка заключена в объятия своей большей сестрички, а над каждым управляющим есть свой начальник, над которым есть ещё больший начальник и т.д. Самый большой начальник отвечает за всё.

Заметим, что социальная иерархия предполагает подчинения нижестоящих органов вышестоящим. Согласно результатам социологических опросов ИОМ «Квалитас», население Воронежа считает, что губернатор стоит на иерархической лестнице «выше» мэра или Председателя областной Думы. При этом оба последних, по мнению опрошенных, находятся в прямом подчинении у губернатора, только первый отвечает за город, а второй за область. А Президент имеет власть над губернатором, губернатор – над мэром или, скажем, над председателем областной Думы. А мэр, в свою очередь, уполномочен «командовать», как считает население, председателем городской Думы. *Властная структура не мыслится населением вне иерархии.* Поэтому, чтобы решить какой-то бытовой вопрос, например, о починке крыши или прохудившимся трубопроводе, человек считает правильным, если его требования не выполняются слесарем муниципальной организации, обратиться не только к мэру, а лучше к губернатору, а совсем хорошо – к Президенту РФ. Вспоминаются в связи с этим вопросы населения к В.В.Путину в прямом эфире прозвучавшие на всю страну: о том, что нужно провести газ в определенных районах страны или отладить систему водоснабжения. Чем «выше» власть – тем больше давление на ту власть, которая «внизу», и тем больше вероятность положительного разрешения вопроса. Так считали люди, задававшие свои вопросы, и они не ошиблись, после их обращение к Президенту РФ, проблемы были решены, поскольку В.Путин взял их «на заметку». Если человека не устраивает решение суда, «иерархическая» логика подсказывает ему «пожаловаться» представителям исполнительной власти, что он зачастую и делает, полагая, что более «высокая» власть сможет повлиять на «подчиненную» ей. И в этом он не усматривает никакого противоречия.

На самом же деле в демократической концепции должности мэра и губернатора при условии выборности обеих должностей не имеют иерархических отличий, они различаются только по охвату территории и набору полномочий. Поскольку территории, за которые они несут ответственность, могут пересекаться, в демократическую схему правления изначально заложен конфликт между ними, наличие которого можно наблюдать во многих регионах, а в Воронежской области ситуация конфликта стала почти перманентной. Этот конфликт имеет

своим основанием именно равноценность их должностей на иерархической лестнице власти, то есть отношения между ними исключают режим подчинения.

Можно говорить о том, что население нуждается в правовом просвещении... Но, позволим себе усомниться, что правовое просвещение способно решить эту проблему. Когда представитель власти утверждает, что он не уполномочен заниматься этим вопросом, ссылаясь на Конституцию, люди воспринимают это как отговорку, «отфутболивание» к «другой инстанции», нежелание заниматься их проблемой. Правовая постановка вопроса, когда представитель власти, например, губернатор снимает с себя ответственность за дела в городском хозяйстве, которые находятся в ведомости мэра, вызывает у населения в лучшем случае раздражение. А в худшем случае – сомнение в силе и могуществе этой власти (например, губернатора), а для власти подозрение в «слабости» - это самый страшный приговор. Россияне готовы простить власти любые ошибки, лишь одного не простят никогда – *слабости*. И это логично для системы ценностей, сформировавшей восприятие власти, характерное для российского общества. Первейшая обязанность власти – это защита, а для этого власть должна быть сильной. Слабая власть не способна защитить, поэтому перестаёт пользоваться общественным уважением и теряет свою легитимность.

Власть чувствует ожидания народа от неё, тем более, что эти ожидания соответствуют и внутренним структурам мировоззрения самой власти, так как она тоже является продуктом данной культуры. Но даже если бы представители власти и имели отличное от народа мировоззрение, то пребывание у власти вынуждает их корректировать свои поступки в соответствии с ожиданием народа, иначе их рейтинги начнут падать (как это было с рейтингом Б.Ельцина). А если рейтинг правителя растёт, это значит, что ему удастся воплотить в своей деятельности народные «чаяния» (рост рейтинга В.Путина об этом свидетельствовал). Конечно, опытный политик будет стремиться соответствовать ожиданиям народа, потому что желает сохранить и преумножить доверие масс к нему, даже в том случае, если требования общества не вполне соответствуют его личным убеждениям.

Российская власть вновь и вновь воспроизводит иерархическую структуру, несмотря на провозглашенный принцип разделения властей. И происходит это не потому, что представители власти имеют авторитарные амбиции, а потому что иерархические схемы лежат в основе общественного образа власти, и профессиональный политик обязан воплотить эти схемы, иначе он потеряет доверие народа. Народ не «узнает» своего правителя, если он не соответствует заложенному в культуре образу, и отвергнет его как «чужого». На это указывают российские политологи: «Логика «укрепления властной вертикали» отражает не только личное стремление Путина к более эффективному правлению, но и глубоко укорененную историческую традицию функционирования государственной власти в России» [8. С. 57]. Сегодняшний Президент России Дмитрий Медведев также действует в рамках сложившихся традиций функционирования российской власти, несмотря на заявленную прежде вступления в должность либеральную позицию. Поэтому российская демократия приобретает чуждые демократическим принципам черты иерархичности. Следовательно, причины трансформации демократической системы управления нужно искать не в авторитарных амбициях отдельных лидеров, а в мировоззренческих пластах народных масс, которым присуще традиционное представление о власти. Среди традиционных российской культуре воззрений на власть значимое место занимает принцип иерархии.

Таблица 1

«Как Вы считаете, у кого должность выше?»

	У первого	У второго	Их должности равны по своей значимости	Затрудняюсь ответить
У мэра или губернатора?	12%	75%	9%	4%
У губернатора или Председателя обл. Думы?	59%	17%	12%	12%
У мэра или Председателя гор.Думы?	64%	12%	13%	11%
У Президента или губернатора?	97%	1,5%	0,5%	1%

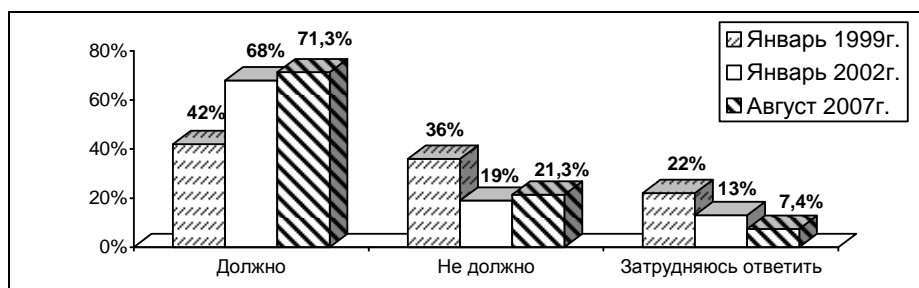

График 1. «Должно ли руководство страны /Президент, Правительство/ иметь право отменять решения руководства регионов?»

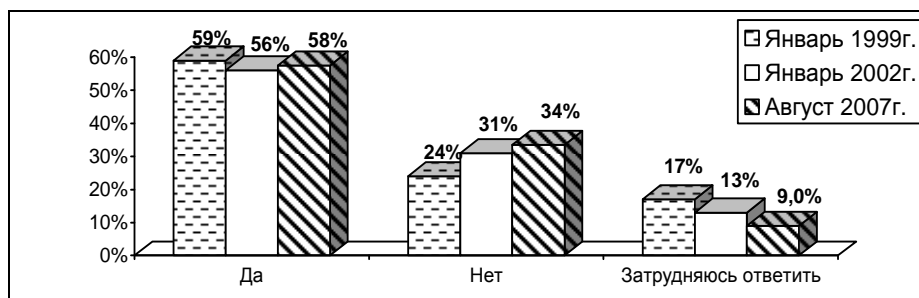

График 2. «Имеют ли право региональные руководители /губернаторы/ противостоять центральной власти, если они не согласны с её курсом?»

Библиографический список

1. **Сергеев, В.М.** Механизмы эволюции политической структуры общества: социальные иерархии и социальные сети / В.М. Сергеев, К.В. Сергеев // Политические исследования. – 2003, №3.
2. **Кравченко, С.А.** Социологический энциклопедический русско-английский словарь / С.А.Кравченко. – М.: Транзиткнига, 2004.
3. **Федоров, А.Ю.** Институт представительства центра в регионах: от древней Руси до распада СССР / А.Ю. Федоров // Власть. – 2006. – №9.
4. **Цыпин, Владислав прот.** Русская церковь 1925-1938 / Владислав Цыпин прот. – Издание Сретенского монастыря, 1999.
5. **Кашников, Б.Н.** Исторический дискурс российской справедливости. / Б.Н. Кашников // Вопросы философии. – № 2. – 2004.
6. **Шестопап, Е. Б.** Новые тенденции восприятия власти в России / Е. Б. Шестопап // Политические исследования – 2005. – № 3.
7. **Соловьев, А.И.** Российский парламент: динамика в новейшей политической истории и перспективы развития / А.И. Соловьев // Общественно-политический журнал «Власть». – 2006. – №3.
8. **Иванов, А.Ф.** Самодержавная демократия: дуалистический характер российского государственного устройства / А.Ф. Иванов, С.В. Устименко // Политические исследования. – 2007. – № 5.
9. **Травкина, Д.** Мэры разделят участь губернаторов. 04.19.04. Режим доступа: <http://www.pda.nr2.ru/4111.html>
10. **Жегулев, И.** Вертикаль уперлась в мэров или выборы мэра Ростова могут отменить. 08.10.2004. Режим доступа: <http://www.7c.ru/zhegulev/2935.html>

УДК 316.33

*Воронежский институт государственной противопожарной службы МЧС России
Кандидат философских наук, доцент кафедры пожарной безопасности в строительстве
И.В. Черноусов;
Кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин И.Д. Черноусова
Россия, г. Воронеж,
e-mail: ivcher67@mail.ru*

*Voronezh Institute of the State Fire Service of Russian Emergencies Ministry
PhD in Philosophy, Associate Professor of Fire Security in Construction Chair
I.V. Chernousov
PhD in Philosophy, Associate Professor of Humanitarian and Socio and Economic Disciplines
I.D. Chernousova
Russia, Voronezh,
e-mail: ivcher67@mail.ru*

И. В. Черноусов, И. Д. Черноусова

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ТЕХНИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЙ

В статье рассматриваются методы анализа техники, технического развития и его последствий. Сделан акцент на прогнозировании как методе предупреждения чрезвычайных ситуаций.

Ключевые слова: техническое развитие, оценка техники, исследовательская проблема, метод исследования, техническое прогнозирование.

I. V. Chernousov, I. D. Chernousova

METHODS OF RESEARCH AND FORECASTING OF TECHNICAL DEVELOPMENT AND ITS CONSEQUENCES

The article considers the methods of analysis of techniques, the technical development and its consequences. The focus is on forecasting as a method of prevention of emergency situations.

Key words: technical development, techniques assessment, research problem, method of research, technological forecasting.

Население и территория Земли с многочисленными объектами хозяйства подвержены негативным воздействиям более 50 опасных природных и техногенных процессов. В зависимости от конкретных природно-климатических условий и гелиофизических факторов каждого года (или ряда лет) повышается риск одних из них и снижается риск других. С точки зрения возможности проведения превентивных мероприятий опасные природные процессы, как источник чрезвычайных ситуаций, могут прогнозироваться с очень небольшой заблаговременностью. В последние годы в связи с общими тенденциями изменения климата отмечается потепление почти на всей территории и повышается опасность засух и пожаров в лесных массивах (пример, летний период 2010, 2011 гг.). По-прежнему, особенно актуальным остается вопрос изменений локального климата и локальных погодных условий применительно к городским поселениям, в особенности, к крупным городским агломерациям, где независимые от естественных погодных условий факторы трансформируют метеорологические процессы до совершенно непредсказуемых проявлений. Обобщение опыта исследования и прогнозирования технического развития и его последствий позволяет сделать вывод о том, что не существует безусловно надежных прогнозов, поскольку техническое развитие определяется множеством переменных и

взаимозависимостей экономического, социального, культурного и политического характера. Отсутствие единого специфического метода и методический плюрализм являются одной из основных черт оценки техники [4. С. 7].

Как и в любом исследовании, исходным пунктом оценки техники является определение и структурирование исследовательской проблемы, включающее в себя:

- постановку задачи и определение предметной области;
- определение предполагаемых рамочных условий;
- определение рассматриваемых величин и переменных;
- выявление необходимой информации или данных;
- указание контекста исследования (экономический, политический, культурный, экологический и т. д.);
- указание временных рамок исследования;
- экспликацию критериев оценки.

Последующие шаги исследования, разумеется, не могут определяться каким-либо жестким каноном, но, тем не менее, возможно их схематическое обобщение. В частности, достаточно широкое признание получила семиступенчатая схема исследования, разработанная специалистами американской корпорации MITRE [1]. Помимо определения задачи исследования (1), схема MITRE включает описание релевантных технологий (2), описание социальных факторов (3), идентификацию областей воздействия (4), предварительную оценку воздействия исследуемой техники (5), идентификацию имеющихся технических и нетехнических альтернатив и определение возможных вариантов действий (6), проверку и дополнение результатов предыдущего анализа (7). Разумеется, практически в каждом исследовании такого рода схема может быть модифицирована.

С позиций определения задачи и предметной области исследования оценка техники может подразделяться на проблемно-индуцированную и технико-индуцированную, причем для каждого из типов исследования характерно применение определенной совокупности методов.

Предметной областью проблемно-индуцированной оценки техники являются технические решения, направленные на выполнение каких-либо общественных задач. Проблемно-индуцированная оценка техники предполагает качественный анализ проблемы, выявление преимуществ и недостатков в спектре последствий технических решений, которые основаны на новых или уже известных принципах. В рамках данного типа исследований чаще всего применяются метод Дельфи, моделирование, анализ сценариев.

Предметной областью технико-индуцированной оценки техники являются главным образом последствия применения уже существующей и производимой техники. Наиболее характерными исследовательскими и прогностическими методами технико-индуцированной оценки техники являются количественные методы, экстраполяция тенденций, расчет прибылей и затрат.

Немецкий философ техники Гюнтер Рополь предлагает также классификацию технических исследований в зависимости от времени начала исследования по отношению к последствиям технического развития. Правда, существует риск принятия ошибочного решения, поскольку знание о последствиях характеризуется неполнотой и предположительностью. Реактивная оценка техники, напротив, применяется тогда, когда техника или технология уже внедрена и выявились многообразные последствия ее использования. Преимуществом реактивной оценки техники является более полное знание о последствиях, недостатком - ограничение возможностей коррекции негативных последствий [6. С. 191-202].

Решающее значение для выбора метода исследования имеет, таким образом, постановка исследовательской задачи и определение предметной области, т. е. определенное сочетание объективных и субъективных факторов. В большинстве случаев предметную

область оценки техники составляют потенциальные последствия технического развития, а основная задача исследования состоит в их распознавании и прогнозировании.

В понятии раннего распознавания существует два смысловых элемента - когнитивный, связанный с заблаговременным выявлением проблемы, и нормативный, относящийся к своевременному признанию социальной и политической значимости этой проблемы. Раннее распознавание касается таких проблем, причины и, или следствия которых имеют системный характер или же характеризуются синергетическими эффектами. Раннее распознавание в когнитивном отношении характеризуется следующими шагами: идентификация проблемы, ее концептуализация, селекция и анализ информации, интерпретация и оценка результатов. Вместе с тем, на уровне отбора информации, интерпретации и оценки результатов анализа существенную роль начинают играть нормативные факторы.

В общих чертах любой прогноз представляет собой попытку на основе того или иного метода анализа имеющейся в распоряжении информации описать будущее состояние или развитие (или указать вероятность их наступления) в определенной области в соответствующий момент времени при наличии определенных предпосылок.

Прежде всего необходимо указать место прогнозирования в рамках оценки техники в широкой «прогностической» палитре. Одной из «родственных» оценке техники областей является народнохозяйственное прогнозирование. Оно имеет достаточно давнюю традицию, и связано прежде всего с макроэкономическим планированием в рыночных хозяйственных системах [6]. Народнохозяйственное прогнозирование можно охарактеризовать как достаточно сложную взаимосвязь и взаимозависимость экономической науки и экономической политики, распространяющуюся и на принципиальное согласование политических целей и методологических оснований.

Оценка техники имеет много общего и с оценкой воздействия на окружающую среду (ОВОС), причем эта общность касается не только методов, но также процедур и институциональных аспектов [3]. Собственно, ОВОС как система исследований и процедур, направленных на предотвращение или минимизацию негативного техногенного воздействия на окружающую среду, имеет общие интенции с оценкой техникой, да и возникла практически одновременно с ней - в начале 70-х гг. Основные отличия ОВОС от оценки техники состоят в большей ограниченности предметной области (преимущественно экологические последствия) и сроков прогнозирования, ориентации на конкретные технические проекты и в установленной в законодательном порядке обязательной процедуре. Вместе с тем стоит подчеркнуть, что ОВОС в некотором смысле можно рассматривать как реализацию в ограниченном масштабе первоначальной программы оценки техники. Современная оценка техники исходит уже из другой, существенно модифицированной программы.

Другой «родственной» оценке техники сферой является социальное прогнозирование. Д. Белл выделяет три вида социального прогнозирования: экстраполяция общественных тенденций, идентификация «исторических» ключей, приводящих в действие новые рычаги социальных перемен, и оценка возможных изменений основных рамок общественных процессов [2. С. 8]. Здесь значительно более сложной проблемой оказывается квантификация и сопоставимость социальных индикаторов. В социальном прогнозировании до сих пор не удается разработать модели, сопоставимые с эконометрическими, в связи с чем очень трудной задачей становится выявление корреляции одних социальных изменений с другими. Что касается научно-технического развития, то простое заимствование методики из сферы экономического прогнозирования в данном случае не является удовлетворительным. Поэтому, в частности, социальное прогнозирование во многих случаях дополняется техническим прогнозированием.

К настоящему времени сформировалось понимание существенных различий между оценкой техники и собственно техническим прогнозированием. Достаточно ясное представление об особенностях и границах технического (технологического)

прогнозирования дает следующий фрагмент из введения к «Грядущему постиндустриальному обществу» Д. Белла: «Технологическое прогнозирование имеет дело с темпами изменений и с комбинациями факторов в рамках классов событий. Как нельзя предсказать события, так нельзя предсказать и конкретные изобретения. Можно, однако, прогнозировать необходимые последующие шаги в цепи изменений в рамках замкнутой системы. Существует возможность спрогнозировать тенденции в мире скоростей - важный фактор в сфере транспорта, - ведущие от реактивных к сверхзвуковым ... Это осуществимо благодаря тому, что технология имеет конечные параметры, заданные физическими пределами. ...Теоретически можно определить виды материалов ... или процессов, необходимых для достижения следующего уровня искомой скорости или мощности. Затем начинается освоение подобных материалов или процессов. Но это, однако, дело экономики - стоимость исследований, определение возможной выгоды, объем инвестиций, уже вложенных в существующие технологии, масштаб рынка для новых товаров и т.д. А это уже находится вне технологической системы» [2, С. 4-5]. Иначе говоря, техническое прогнозирование - это прогнозирование в рамках разработки того или иного вида новой техники (технологии), а объектом его являются возможности технического применения научного знания, собственно технические эффекты и первичные последствия развития соответствующей техники. Прогнозирование в рамках оценки техники в первую очередь является социальным прогнозированием, поскольку его объектом становится более широкая амплитуда прямых и побочных эффектов (последствия последствий) научно-технического развития для социальной и природной окружающей среды, а также социальная акцептация (восприятие) соответствующих технических изменений. Вместе с тем в процедурном отношении оценка техники зачастую выступает как продолжение и дополнение технического прогнозирования. Для них также характерна общность большинства прогностических методов (оггибающие кривые, экстраполяция тенденций, морфологические матрицы, Дельфи, симуляционные модели и др.). Поэтому прогнозирование в рамках оценки техники более правильно рассматривать как социально-техническое.

Прогнозирование в рамках оценки техники чаще всего дополняется описанием возможных вариантов действий с учетом сделанного прогноза. Если процедура оценки техники этим ограничивается, ее можно охарактеризовать как дескриптивную оценку. Соотнесение предсказанных последствий с определенной системой ценностей и выработка на этой основе каких-либо предписаний, касающихся развития техники, дает основание говорить о нормативной оценке техники.

С точки зрения характера представления высказываний и результатов методы исследования и прогнозирования, применяемые в оценке техники, можно разделить на качественные (качественные) и количественные (количественные). Третье-вековая история оценки техники показывает, что изначально существовали завышенные ожидания в отношении количественных методов прогнозирования последствий развития техники. Это было связано с тем, что в самой оценке техники на первых порах видели главным образом средство оптимизации технической деятельности и использования техники, то есть совокупность исследований и процедур, позволяющих предупреждать негативные последствия и принимать «правильные» решения.

Реакцией на трудности, связанные с применением количественных методов, явилась модификация стратегии прогнозирования по трем различным направлениям:

- возврат к субъективным оценкам, когда аналитик обращается к своему собственному опыту и интуиции;
- переход от «одноразового» прогнозирования последствий технического развития к трактовке прогноза как длящегося во времени процесса;
- ограничение временного горизонта прогнозирования (например, 4-5 годами).

Однако подобные модификации не являются убедительными для скептиков, которые ставят под сомнение саму возможность прогнозирования будущих последствий развития

техники (теории Н. Лумана, Х. Матураны). Возможность примирения позиций прогностических оптимистов и скептиков на наш взгляд заключается в том, что прогнозирование выступает в качестве элемента практической деятельности, направленной на управление и коррекцию научно-технического развития. Прогноз в этом случае служит подготовке практических решений, и главной его задачей является не максимально точное предсказание будущей реальности, а выявление диапазона возможных последствий сегодняшних действий.

Следующий необходимый шаг должен заключаться в определении спектра вероятных последствий соответствующей проблемы (когда уже имеются некоторые первичные эффекты), разработки и внедрения того или иного вида техники (технологии) и возможностей его социальной акцептации (включая сюда «рамочные условия» или контекст будущей человеческой деятельности).

Тесная связь прогнозирования в рамках оценки техники с практической деятельностью и подготовкой конкретных решений, которые могут иметь значительный общественный резонанс, побуждает специалистов особое внимание уделять обоснованию прогноза. Обоснование в первую очередь есть соотнесение прогноза с деятельностным контекстом, с социально признанными целеполаганиями, лежащими в основе конкретной деятельности. Обоснование связано с определенным выбором, как формальным (организационные процедуры), так и содержательным (понятийный аппарат). Обоснование делает прогноз трансубъективным, понятным как заказчикам исследования, участвующим в нем специалистам, лицам, принимающим решения на основе результатов исследования, так и внешним экспертам и заинтересованным представителям общественности. Вместе с тем обоснование не дает никаких дополнительных гарантий точности и надежности прогноза, которые зависят от избранного метода прогнозирования. Однако даже неудачный, но получивший необходимое обоснование прогноз может быть полезным, поскольку сохраняется возможность его критического анализа как самими авторами, так и внешними экспертами.

Таким образом, прогноз в оценке техники в значительной степени оказывается нормативно «заданным» определенными ожиданиями. Собственно говоря, такой прогноз больше говорит не о будущей реальности, а о том, какую будущую реальность следует нам ожидать сегодня и какие гипотезы о будущем мы можем в данный момент исключить.

Если говорить об истоках идеи раннего предупреждения и научного прогнозирования, то они восходят к формуле О. Конта, которая легла в основу научной программы позитивизма: *Savoir pour pr evoir, pr evoir pour pr evenir* (знать чтобы предвидеть, предвидеть чтобы предупреждать). В раннем позитивизме, как известно, доминировала ориентация на классическую физическую теорию (ньютоновскую механику), по аналогии с которой считалась возможной разработка каузалистической социальной теории («социальная физика» Конта). Соответственно социальный прогноз уподоблялся прогнозу естественных процессов, т. е. понимался детерминистски. И хотя в позитивистской и неопозитивистской традиции уподобление анализа социальных процессов естественнонаучным исследованиям постепенно преодолевалось, определенные рудименты этой интенции раннего позитивизма оказывали существенное воздействие на теорию и практику прогнозирования. Неопозитивистский подход в понимании прогноза состоял в том, что если описать исходную ситуацию на языке теории, а теоретические последствия увязать с данными рамочными условиями, то тогда эти теоретические последствия и будут прогнозом в отношении данной исходной ситуации. Возможные трудности прогнозирования согласно этому подходу относились на счет несовершенства самой теории. Если же учесть принцип «свободы научной теории от ценностей», то подобный прогноз должен к тому же быть изолированным от других, нетеоретических воздействий, особенно интересов и ценностных суждений.

Таким, в частности, является дедуктивно-номологический вывод закономерностей развития, применяемый преимущественно в естественных науках. Этот метод делает

возможным прогноз какого-либо состояния при условии, что данный прогноз дедуцируется из общих закономерностей и конкретных обстоятельств. Сами закономерности развития признаются таковыми в том случае, когда в соответствующих исходных условиях данное развитие удастся воспроизвести. Однако воспроизводимость может быть главным образом обеспечена в лабораторных условиях; в контексте оценки техники данный метод применим лишь к некоторым прямым последствиям (последствиям первого порядка) технического развития.

Модификацией дедуктивно-номологического метода явился дедуктивно-статистический метод. Суть его в том, что будущие события или состояния предсказываются на основе их относительной повторяемости. Правда и в этом случае говорить об относительной повторяемости событий можно лишь тогда, когда воспроизводятся исходные условия. Однако воспроизводимость исходных условий (это также относится и к дедуктивно-номологическому подходу) и последующий прогноз возможны при ограниченном наборе параметров, поскольку в ином случае повторяемость событий оказывается маловероятной.

Существенный недостаток обоих подходов состоит в их ложной посылке о том, что прогноз будущего может быть логически выведен из современного состояния знания. Даже если допускается множественность вариантов будущего развития, то, тем не менее, с позиций неопозитивизма это считается недостатком теории. Чем меньше спектр этих вариантов, тем шире должен быть эмпирический охват теории и тем точнее должны быть сделанные на ее основе прогнозы. Тем самым становится понятно, что любой прогноз вне зависимости от его метода является сопряженным с риском, и следовательно, рискованным является решение, принимаемое на основе прогноза.

Очевидно, что проблема состоит не в разработке эмпирически подтверждаемой теории как важнейшей задачи прогнозирования, а в успехе самого прогноза, что открывает путь множеству эмпирических методов. Это особенно важно в случае прогнозирования социальных процессов (конкретно: в социально-техническом прогнозировании). Впрочем, подходы к прогнозированию, разработанные в русле неопозитивизма и аналитической философии, обнаруживают ограниченную эффективность и в естественнонаучной области, когда речь идет об исследовании неравновесных процессов (диссипативные структуры И. Пригожина), разработке моделей изменения климата или расчете загрязнения при выбросе промышленных поллютантов.

Прогнозирование в рамках оценки техники, разумеется, допускает дедуктивно-номологический и дедуктивно-статистический подходы. Однако они не могут играть ведущей роли и лишь дополняют другие прогностические методы. Ориентация современной оценки техники на эффективный прогноз в контексте текущей технико-политической деятельности предопределяет принципиальный плюрализм методов прогнозирования.

С учетом сказанного, задачу оценки техники следует видеть как в предвосхищении последствий научно-технического развития (в смысле их ожидаемости), так и в комплексном анализе интенциональной компоненты научно-технической и технико-политической деятельности.

Библиографический список

1. MITRE Corporation: A Technology Assessment Methodology. Project Summary and 6 Volumes. – Washington, D.C., 1971. – P. 26.
2. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл - М.: «Academia», 2004. – 940 с.
3. Динамика техносферы: социокультурный контекст / Под ред. Н. Г. Багдасарьян. - М.: Издательство МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2000. – 195с.

4. **Ефременко, Д.В.** Введение в оценку техники / Д.В. Ефременко. – Издательство МНЭПУ Москва, 2002. – 184с.
5. Прогнозирование и планирование экономики / Под редакцией Борисевича В. М. - Минск: Экоперспектива, 2000. – 21с.
6. **Раполь, Г.** Является ли техника философской проблемой? /Г. Раполь // Философия техники в ФРГ. – М.: Прогресс, 1989. – 527с.

УДК 323.1 (470+571)

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет
Кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, социологии и истории И.И. Садовая.
ст. преподаватель кафедры философии, социологии и истории Э.Н. Платонова.
Россия, г. Воронеж, тел. (473) 271-50-04;
e-mail: hist-vgasu@yandex.ru

Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering
PhD in History, Associate Professor of Philosophy, Sociology and History Chair
I.I.Sadovaya.
Senior Lecturer of Philosophy, Sociology and History Chair E.N. Platonova
Russia, Voronezh, tel. (473) 271-50-04;
e-mail: hist-vgasu@yandex.ru

И. И. Садовая, Э. Н. Платонова

ПРОБЛЕМЫ СКЛАДЫВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ

В данной статье рассматриваются проблемы складывания предпосылок формирования современного российского гражданского общества. В статье анализируются причины изменения статуса советских «общественных» организаций и зарождение прототипов современных структур гражданского общества.

Ключевые слова: гражданское общество, социум, политическая адаптация, ассоциация граждан, общественная организация, политическая партия, агент гражданского общества.

I. I. Sadovaya, E. N. Platonova

FOLDING CIVIL ISSUES SOCIETY IN RUSSIA

In this abstract are discussed the problems of framing prerequisites for the formation of the modern Russian civil society. The article analyzes the reasons for changing the status of Soviet 'public' organizations and the origins of a prototype of modern civil society.

Key words: civil society, community, political adaptation, association of citizens, social organization, political party, civil society agent.

Гражданское общество возникает при переходе доцивилизационного несовершенного состояния человечества к более развитому — цивилизационному. В современной научной литературе гражданское общество понимается как целенаправленно созданное общество с развитыми экономическими, культурными, правовыми и политическими отношениями между гражданами, совместно с государством создающими высокий статус его главных составляющих частей: человека, общества и государства.

В отличие от западноевропейского формирования гражданского общества становление российского имеет сложно специфические черты, выражающиеся прежде всего в дискретности исторического процесса страны и приоритетной роли государства в жизни общества. Историческое своеобразие государственного устройства России повлияло не только на социокультурные, экономические и политические процессы, но и на складывание национальной российской психологии и ментальности. «Государственность как базовая сущностная черта российского менталитета означает сакральное отношение к своему государству. Свообразие государственного устройства не могло не наложить глубокого отпечатка на психический склад народа. Особенностью его менталитета стала такая черта как «державность» или «государственность». Эта черта характеризует уровень взаимоотношений отдельного индивида и общества [1. С. 46]. По словам Н.Ю.Замятиной, «русский человек слишком часто думает категориями не личного или местного масштаба, а категориями всего государства» [2. С. 75–88]. Государственность как базовая сущностная черта российского менталитета означает священное отношение к своему государству как к самостоятельному установлению, преследующему высшие цели, «готовность при всяком столкновении с внешней опасностью отдать ему столько богатств, труда и крови, сколько нужно для ее отражения. Дело не в том, что Московский Кремль властно, по своей воле, налагал на все сословия тяжкое бремя государева тягла или государственной службы. Не менее важно и другое — то, что русский народ в основной массе принимал и нес это бремя как нечто неизбежное и необходимое. Государственный интерес здесь как бы доминировал над интересами местными, сословными, семейными, личными» [3. С. 74].

Общеизвестные этапы формирования российского гражданского общества, начавшиеся с 1861 года, как в зеркале отражающие данные особенности нашей цивилизации. Для понимания и оценки современного состояния гражданского общества необходимо, на наш взгляд, обратиться к событиям и фактам советского периода нашей политической истории, т.к. они являются, во-первых, своеобразной предтечей развития субъективных и объективных предпосылок формирования общественно-государственного компромисса как основы гражданского общества в России; во-вторых, как становление структур гражданского общества, таких как:

- демократически избранные органы местного самоуправления;
- массовые общественные организации, созданные на добровольной основе;
- ассоциации в промышленной, просветительской, коммерческой, земледельческой сферах;
- творческие союзы;
- религиозные и этнические организации;
- спортивные клубы и т.п.

Трансформационные процессы рубежа XX–XXI вв., идущие в недрах политической системы России, характеризуются как социокультурный кризисный период развития, порожден коренной сменой тоталитарной парадигмы общественного развития на демократическую. В условиях кризисной рыночной и технологической модернизации происходит резкое обрушение бывших традиционных ориентаций и установок общественного сознания. Механизмы социализации россиян претерпевают глубокие изменения. Кроме того, идет формирование новой стратификационной системы, обнажающей проблемы адаптации старшего и среднего поколений граждан в постсоветский период развития [4. С. 114–121].

Изучение и философское осмысление базовых предпосылок зарождения гражданского общества в недрах советской политической системы необходимо для анализа актуальных в новой политической системе России проблем, связанных с:

1. возрастающим влиянием структур гражданского общества на власть и политику;
2. преодолением политического отчуждения;

3. развитием и расширением нового типа активистской политической культуры участия;
4. осознанием статуса власть имущих как нанимаемых обществом исполнителей определенных профессиональных функций в технологических процессах решения социальных проблем;
5. пониманием насущной необходимости гарантированного исполнения государством свобод граждан;
6. введением в практику социально ответственного поведения как власти, так и граждан страны.

В этой связи, на наш взгляд, будет правильным обращение к периоду истории 80 – 90-х гг. XX в. с целью анализа революционных и по сути и по форме процессов формирования основ сегодняшнего гражданского общества. В это время еще в советской политической системе наряду с традиционно организованными властью общественными институтами (профсоюзом, комсомолом, научно-техническими, культурно-просветительскими и др.) возникают качественно новые объединения, так называемые «неформальные общественные институты» [5, 6, 7].

Они отвечали на новые вызовы «перестроечного» времени и выражают различные интересы общества: и политические, и экономические, и культурно-досуговые, и возрастные, и национально-конфессиональные и др. С их появлением и развитием разрушается формально-традиционная структура отношений с государством и КПСС, меняется их роль и идеология. Общественные организации постепенно приобретают статус демократических самостоятельных институтов граждан. Либерализация общественной жизни СССР, начавшаяся с политикой горбачевской «перестройки». Официальные властные структуры хотя и пытались уделять внимание новым «веяниям времени» [8, 9, 10]. Ограничились повторением прописных формальных истин по отношению общественных организаций и их роли в эволюции политической системы СССР. Конец 80-х гг. обнажил главное противоречие между растущей активностью масс, трудовых коллективов и прежними формами и стилем руководства социальными, политическими и экономическими процессами. Абстрактные призывы и лозунги руководства страны к активизации формальных объединений (например, профсоюзов, ВЛКСМ) привели к дезориентации и дезорганизации социальной жизни страны. Отсутствие социально-политической конкуренции стало почвой для создания новых самостоятельных организаций граждан. В конце 80-х годов стали возникать политизированные молодежные клубы, такие как «Доверие», «Общины», « Бригады имени Че Гевары», «Фонд социальных инициатив» и др., деятельность которых привела к дискредитации и уничтожению авторитета официальных организаций ВЛКСМ и даже КПСС [11. С.117].

Растущее общественное самосознание определяло кризисные процессы внутри правящей партии, руководство которой и в 80-е гг. исходило из тезиса о единстве и сплоченности рядов КПСС и не признавало внутреннего генезиса деконструктивных явлений в партии, объясняя нарастающие в партийной среде идейно-политические противоречия деятельностью противников строительства социализма и диссидентов. Партия как организация находилась над обществом. Высшие партийные функционеры были вне контроля со стороны общества, и на критику КПСС было наложено табу. По определению организация, основанная на утопических идеологических теориях, использующая внеэкономические, административные и командные политические методы не способна к саморазвитию. В контексте реальности конца 80-х годов движение демократизации и гласности вывело КПСС за рамки политической системы общества [12].

Для общества, никогда ранее не жившего в условиях демократии, были не понятны лозунги углубления и расширения демократии, например, «перестройка — это революция в революции», поэтому наиболее авторитетно выглядели лидеры, провозглашавшие подобные фразы. Это явилось базой для возникновения такого политического феномена как популизм.

На его волне стали формироваться популистские движения, активность которых стала выливаться не в созидательные, а в деструктивные действия. После решений XIX Всесоюзной конференции КПСС (28 июля – 1 июня 1988г.) стало абсолютно ясно, что КПСС не способна к самореформированию. Именно тогда начали складываться условия формирования новой социально-политической обстановки в обществе: преодолению отчуждения широких гражданских масс от властных структур.

Такое явление как гласность стало критерием оценки деятельности партии и ее лидеров. Это в свою очередь стало новым политическим и духовным явлением и в развитии политической ситуации, и в установке политического сознания общества, открыло «информационные шлюзы» (привилегии партноменклатуры, внешняя и кадровая сферы политики партии и др.). Эти процессы либерализации политической системы вошли в противоречие с оставшейся неизменной политической сущностью КПСС и породили в обществе всплеск неприятия стандартных форм и методов работы партии. Выборы и сам Съезд народных депутатов 1989г. обнажили пошатнувшееся положение верхушки партии. Впервые 750 депутатских мандатов получили общественные организации. Съезд народных депутатов СССР начал новый этап в становлении гражданского общества, поставив вопросы о перераспределении властных полномочий и роли общественных организаций в политической жизни страны. В конечном счете в начале 1990 года партия и ее лидер М.С. Горбачев признали наличие новых условий — политического плюрализма, многопартийности, политической конкуренции. Стало набирать силу радикально-демократическое движение, результатом деятельности которого было создание радикальных политических организаций «Демократическая платформа КПСС», «Демократическая Россия» и др. Это было знаковым моментом для развенчания политического мифа о единстве КПСС. Произошел реальный раскол партии, который показал неспособность КПСС оказывать решающее влияние в обществе. Эти факторы развития политического момента породили и такое значимое явление как провозглашение суверенитетов союзных республик. Это привело к складыванию многопартийности и массовому выходу из КПСС [13. С. 92].

В стране стала набирать силу такая специфическая форма активности масс как стихийные митинги, поддерживающие идеи радикальной оппозиции КПСС. Данное обстоятельство политической жизни показало невозможность обновления существующей политической во главе с КПСС, необходимость ее демонтажа. Динамику развития политического процесса в 1989-1990 годах можно охарактеризовать как процесс делегитимации и разрушения советской политической системы и как следствие — разрушение государства.

В постсоветском кризисном политическом процессе формирование структур будущего гражданского общества в основном имело два направления: радикально-демократическое, антикоммунистическое и консервативное, прокоммунистическое. Внутренние острые социально-политические противоречия, по мнению многих исследователей, стали закономерными факторами, происходившими из природы самой политической системы.

Поэтому совершенно логичным является то, что складывание сегодняшнего российского гражданского общества происходило, прежде всего, на базе политизации общественного сознания. Как известно, политика и политические отношения являются частью общественного бытия, а политическое сознание отражает в духовной жизни людей представления о политической действительности, осознание политических целей, выбора стратегии их достижения, критической оценки политических явлений и фактов. Главными вопросами в политическом сознании являются вопросы о власти, политических интересах, побудительных мотивах политического действия. Своеобразие позиций постсоветского общественного политического сознания заключалось в синтезе разноплановых и разнородных отражений политики, а отсюда — и пестрый спектр различных, возникающих

в конце 1980х-начале 1990х гг., общественных структур складывающегося гражданского общества.

Сложная, постоянно меняющаяся картина неформальных общественных движений и организаций характеризуется пестротой и неустойчивостью социально-демографического состава. А из этого вытекает сложность и изучение специфики данного явления.

Социально-экономическая и политическая нестабильность, сложившаяся к 1990 гг., становится препятствием для общественного осознания самого понятия гражданского общества и целей его существования. Данное препятствие и по сей день имеет место быть. Для иллюстрации этого положения приведем таблицу Ирхина Ю.В., опубликованную в его статье «Гражданское общество и власть: проблемы взаимодействия и контроля в современной России» за 2007 г.

Таблица 1

Интерпретация понятия «гражданское общество» [14. С. 13].

Ответы на вопрос: «Знаете ли Вы, слышали или слышите впервые выражение «гражданское общество»?»	%
«знаю»	16
«слышал»	28
«слышу впервые»	40
«затрудняюсь ответить»	16
Попытавшиеся дать определение понятия (из тех, кто знает или слышал о гражданском обществе)	22
Из них обращали внимание на следующие аспекты гражданского общества:	
гражданские права	9
гражданское общество объединяет всех граждан страны	5
возможность влияния граждан на государство	2
гуманизм; демократия; гражданские свободы; солидарность и единение граждан; культура и цивилизованность.	по 2

Исходя из данных, приведенных выше, можно констатировать наличие размытости определения и понятия гражданского общества в общественном сознании. Отсюда вытекает актуальность анализа так называемых протоструктур гражданского общества, вызревающих в недрах советской политической системы.

В научной литературе существуют различные типологические оценки возникающих в 80-90-е гг. XXв. неформальных движений. Такие авторы как Т. Заславская, Р. Рывкина, Е. Здравомыслова с социологической точки зрения выделяют организации политического характера (например, «Альтернатива», «Доверие», «Обновление»), социально-экономические, выступающие за демократизацию экономики («Союз кооператоров», «Арендатор»), экологические движения («Зеленые бригады», «Бюро экологических разработок»), национально-культурные организации с культурно-просветительскими программами (землячества, «Семирамида», «Группа межнационального общения»), группы, целью которых являлось сохранение памятников истории архитектуры и культурной среды (клуб «Радуга», «Петербург», «За возрождение российского государственного флага»), конфессиональные объединения на основе борьбы за свободу совести, возрождение духовности («Союз молодых христиан», «Общество по изучению христианства»). Особенное влияние на ход социально-политического процесса оказывали массовые объединения — народные и национальные фронты. Пестроту и деструктивность в формирующиеся общественные структуры вносили т.н. «группы риска» (рокеры, фанаты, люберы), которые характеризуются антиобщественным поведением. Они оказывали влияние на определенную часть молодежной среды [15, 16].

Развитие общественных организаций и движений сопровождалось сложностью взаимоотношений с формальными организациями: то вступая с ними в конструктивное сотрудничество, то — в открытое противостояние. Не простой процесс становления

структур гражданского общества как в зеркале отображал процессы социально-политических преобразований в стране. Гражданские структуры в это время играли важную роль в политической системе СССР: они выполняли то стабилизирующую, то деструктивную роль в социально-экономических, идейно-политических, духовно-нравственных, демографических и др. процессах, качественно изменялся смысл и характер самой советской и постсоветской кризисной политической системы. Неформальные движения и организации 1980-1990-х гг. стали фундаментом складывания и структурирования основных тенденций сегодняшнего российского гражданского общества.

Библиографический список

1. **Кукоба, (Радугина) О.А.** Социокультурные детерминанты электорального поведения российских граждан: диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.11 / О.А. Кукоба (Радугина). – Воронеж, 2002. – 122с.
2. **Замятина, Н.Ю.** Зона освоения (фронт) и ее образ в американской и русской культурах / Н.Ю. Замятина // *Общественные науки и современность*. – 1998. – № 5. – С. 75–88.
3. *Ментальность россиян. (Специфика сознания больших групп населения России) / Под общ. Ред. И.Г. Дубова.* – М., 1997. – 478с.
4. **Садовая, И.И.** Некоторые аспекты социализации поколений в кризисном развитии современного российского социума / И.И. Садовая // *Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия «Гуманитарные науки».* – 2005. – Выпуск №1. – С. 114–121.
5. **Чурбанов, В.** Неформальные объединения: природа, проблемы, прогнозы / В.Чурбанов, А.Нелюбин // *Политическое образование*. – 1988. – №12. – С. 58–64.
6. **Громов, А.В.** Неформалы: кто есть кто? / А.В. Громов, О.С. Кузин. – М., 1990. – 188 с.
7. *Общественные самостоятельные движения: проблемы и перспективы.* – М., 1990. – 212с.
8. *КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций, пленумов.* – М., 1989. – Т. 15. – 671с.
9. *Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 27–28 янв. 1987г.* – М., 1987. – 92 с.
10. *Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 25–26 июня 1987г.* – М., 1987. – 110с.
11. **Садовая, И.И.** История эволюции политической системы советского общества (1985–1997 гг.): диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.02./ И.И Садовая. – Воронеж, 1998. – 152с.
12. **Скулов, А.И.** Партии и партийные системы: Учеб. пособие / А.И. Скулов. – Воронеж, 2004. – 82с.
13. **Садовая, И.И.** История эволюции политической системы советского общества (1985–1997 гг.): диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.02. / И.И. Садовая – Воронеж, 1998. – 152с.
14. **Ирхин, Ю.В.** Гражданское общество и власть: проблемы взаимодействия и контроля в современной России [текст] / Ю.В. Ирхин // *Социально-гуманитарные знания*. – 2007. – №5.– С.13.
15. **Печенев, В.А.** Неформалы: то они? куда зовут? / В.А. Печенев, В.И. Вьюницкий. — М., 1990. – 332с.
16. *Неформальная Россия: о неформальных политизированных движениях и группах РСФСР (опыт справочника).* – М, 1990. – 380с.

УДК 323.1

Воронежский государственный университет
Доктор исторических наук, доцент кафедры
регионоведения и экономики зарубежных стран
М.В. Кирчанов
Россия, г. Воронеж, тел. (473) 239-29-31
e-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com

Voronezh State University
Doctor of History, Associate Professor of Regional
Studies and Economy of Foreign Countries Chair
M.V. Kirchanov
Russia, Voronezh, tel. (473) 239-29-31,
e-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com

М. В. Кирчанов

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ МАКЕДОНСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Автор анализирует основные проблемы истории македонского национализма в начале XX века. Предполагается, что македонский национализм развивался как преимущественно политическое, а не этническое движение. Политическое пространство македонского национализма было в значительной степени фрагментировано. Радикализация и склонность к террористическим методам были среди важнейших особенностей деятельности македонских национальных организаций.

Ключевые слова: Македония, македонский национализм, Крсте Мисирков, радикализация, восстание

M. V. Kirchanov

PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF THE MACEDONIAN NATIONALISM IN THE EARLY TWENTIETH CENTURY

The author analyses the main problems of Macedonian nationalism history at the beginning of the 20th century. It is presumed that Macedonian nationalism developed as mainly political, and less as ethnic movement. Political landscape of Macedonian nationalism was fragmented. Radicalization and propensity to the terrorist methods were among the major features of Macedonian national organizations activity.

Keywords: Macedonia, Macedonian nationalism, Krste Misirkov, radicalization, revolt

Конец XIX – начало XX века отмечены появлением новых тенденций в развитии большинства региональных европейских национализмов, активность которых протекала в составе многонациональных континентальных империй или гетерогенных государств. Среди националистических движений, которые в анализируемый период переживал этап подъема, особое место занимает македонский национализм. В конце XIX века в развитии македонского национализма наступил новый этап. Именно проблемы, связанные с развитием македонского националистического движения в конце XIX – начале XX века будут в центре авторского внимания в настоящей статье.

В анализируемый период македонский национализм переживал значительную радикализацию. 1890-е годы отмечены ростом стихийного насилия на территории Македонии. В македонской историографии в СР Македонии эти события в большей степени прочитывались и интерпретировались как социально маркированные. Македонский историк Иван Катарджиев весьма категорично писал: «в 90-е годы XIX века была подготовлена почва для организованного революционного движения... тяжелые социально-экономические условия, которые были результатом феодальной системы, вели к стихийному возникновению вооруженных крестьянских отрядов» [8, С. 122]. Инициаторами подобных эпизодических

чисток были православные, а жертвами – турки, исповедовавшие ислам. Другим сообществом, которое могло вызывать раздражение и македонских славян, были греки. В частности, в своих воспоминаниях один из первых македонских националистов Христо Татарчев указывал на то, что раздражающим фактором было то, что именно греки доминировали в системе образования [22]. Насилие в значительной степени было стихийным, носило традиционный характер, вызванный взаимными трениями и неприязнью между православными и мусульманскими сообществами, которые были к тому времени отягощены опытом взаимного негативного националистического воображения и формирования образов «чужого».

Кроме этого для македонского национализма были характерны тенденции к постепенной институционализации, что обрело форму создания политических организаций. Важным событием в развитии националистического движения в Македонии стало создание в Македонско-Одринской Революционной Организации, что произошло 23 октября 1893 года. Среди первых лидеров организации были книготорговец Иван Хаджи Николов, учителя Даме Груев, Петр Поп Арсов, Христо Батанджиев, доктор Христо Татарчев. Подобный социальный состав первой националистической организации в Македонии не был случайным: учителя и книготорговцы играют особую роль в развитии национализма, способствуя, с одной стороны, унифицированному языку и определенным национальным (в значительной степени – мифологизированным) представлениям, а также распространяя книгу, которая служила основным источником политической идеологии национализма и средством политизации населения при условии, если то к тому времени умело читать.

В 1894 году участники организации собрались в городе Солунь, где было принято несколько решений относительно будущего движения. Предполагалось, что оно должно быть не только тайным и революционным, но и действовать на всей территории, которая воспринималась его участниками как Македония. Спустя несколько месяцев (в августе 1894 года) македонские деятели собрались на первый съезд в Ресене, где декларировали необходимость борьбы против греческой церкви и засилья властей в сфере назначения учителей [20]. К середине 1890-х годов участники движения воспринимали македонцев как в наибольшей степени географически-политическую категорию, полагая, что македонцами являются все жители Македонии вне зависимости от их национальной и религиозной принадлежности. Кроме этого первые македонцы националисты исходили из того, что им следует бороться за автономию собственными силами без поддержки соседних государств.

В македонской историографии 1970-х годов появление Организации воспринималось как важный этап в развитии национального, но в большей степени – революционного, движения. Македонский историк И. Катарджиев в 1970 году однозначно констатировал, что во второй половине 1890-х годов македонские националисты осознали, что «путь к свободе македонского народа лежит через революцию, которая изменит социальную систему» [8. С. 129], что выразилось в сближении националистов с социалистами. По мнению И. Катарджиева, во второй половине 1890-х годов македонский национализм испытал сильнейшее влияние социализма [8. С. 130].

Появление подобной организации, которая позиционировала себя как «революционная», вероятно, свидетельствует о том, что на том этапе в рамках македонского национализма получили преимущественное развитие политические тренды, связанные с осознанием необходимости политического участия славянского населения в условиях инокультурного доминирования. В 1894 году к организации присоединился Гоце Делчев, который позднее станет одним из крупнейших македонских национальных лидеров, несмотря на то, что предпочитал писать на болгарской литературной норме, что дает возможность болгарским националистам интегрировать его в болгарский национальный пантеон.

К середине 1890-х годов Гоце Делчев (позднее интегрированный усилиями болгарских националистов в национальный пантеон в качестве болгарского национального героя и

революционера [29]), наряду с Даме Груевым, становится лидером организации. Летом 1896 года македонские деятели провели конгресс в Солуне, на котором его участники осудили деятельность созданного в Софии Македонского комитета [5]. В 1896 году македонские националисты на съезде в Солуне решили, что территорию Македонии следует разделить на шесть (Солунский, Битолский, Скопьевский, Штипский, Струмический, Серский) революционных округов, а центром движения должна быть Солунь. Подобное решение македонских националистически ориентированных интеллектуалов свидетельствует о том, что ими была предпринята попытка сознательного национального и политического воображения Македонии в тех границах, которые ими воспринимались как естественные.

Развитие македонского национализма в анализируемый период протекало фрагментировано. Македонские националисты не имели единого, признаваемого всеми, центра национального движения. Интеллектуальным центром македонского национализма становится Солунь, которая позднее трансформировалась в «место памяти» для македонских националистов в силу того, что они не смогли сохранить город, который вошел в состав Греции и был насильственно интегрирован в греческий политический, культурный и языковой контекст путем этноцида местного славянского, главным образом – македонского и болгарского, населения. В 1896 году Организация сменила свое название на ТМОРО – Тайная македонско-одринская революционная организация (Тајна македонско-одринска револуционерна организација) [19].

Среди центральных идей ТМОРО был македонский политический (гражданский) национализм. Один из лидеров движения Яне Сандански, культивируя идею политической независимости указывал на невозможность сотрудничества македонских националистов с теми, кто «приносил присягу на верность болгарскому князю и болгарскому государству». Для македонского национализма второй половины 1890-х годов был характерен мощный демократический и антидеспотический тренд, о чем, например, свидетельствуют утверждения Я. Сандански о том, что македонцы не хотят «сменить турецкую тиранию и тиранию султанов на болгарскую тиранию». Кроме этого Яне Сандански был среди первых форматоров македонской политической идентичности. Сандански настаивал, что Македония должна быть «самостоятельной, независимой и свободной» [8. С. 137], выдвигая лозунг «Македония для македонцев».

Кроме этого, именно в анализируемый период имели место и первые попытки формирования концепта «македонской нации». Понятие «македонцы» самими македонскими националистами воспринимались в большей степени как политическое сообщество и в меньшей – как нация в этническом смысле. Поэтому македонский национализм, в отличие от других европейских периферийных национализмов, развивался иначе: в первую очередь сложились идеи политической нации, идеи этнической идентичности и инаковости были взяты македонскими националистами на вооружение позднее. Македонскими националистами была выдвинута инициатива внутреннего политического движения, что означало отказ от помощи со стороны независимых государств. Принцип своеобразного внутреннего политического участия способствовал большей консолидации македонского национализма.

С другой стороны, следует принимать во внимание, что македонский националистический ландшафт к середине 1890-х годов подвергся значительной фрагментации. Часть националистов, связанная с ТМОРО, выступала за борьбу собственными усилиями. Им противостояли македонские деятели, которые придерживались проболгарской политической ориентации и ориентировались на Верховный комитет генерала Ивана Цончева в Софии. Верховный комитет принял решение об отправке в Македонию кадровых офицеров болгарской армии для создания вооруженных отрядов. Политика Софии способствовала большей фрагментации македонского национализма. В 1901 – 1902 году между верховистами и сторонниками ТМОРО на территории Македонии произошло несколько вооруженных столкновений, что свидетельствовало о радикализации

македонского национализма. Болгарские элиты не ограничились расколом македонского движения и несколько изменили тактику, начав преследование противников присоединения македонских территорий к Болгарии [22].

Реакцией на попытки диктата со стороны амбициозной Софии, движимой идеями построения Великой Болгарии, и политикой Османской Империи, стало Илинденское восстание 1903 года – наиболее значимое событие в истории македонского национализма начала XX века. В македонской историографии восстание воспринималось как в одинаковой степени национальное и социальное, позиционируясь как «переворот в истории македонского национально-освободительного движения», в котором «выразились извечные стремления македонского народа к свободе, стремления найти свое собственное место под солнцем» [1; 3; 9; 25]. Восстание, ставшее проявлением радикализации македонского националистического движения, началось в Ильин день 2 августа 1903 года.

Наиболее активно македонские инициаторы восстания действовали в Битольском округе, где наибольшее число жертв македонских националистов составили местные турки. 3 августа восставшие захватили город Крушево, где ими была провозглашена Крушевская Республика – первая республика на Балканском полуострове. Подобные мероприятия македонских националистов в период восстания свидетельствуют о стремлении к институционализации македонской нации как политической категории, для чего была предпринята попытка перенести западные (республиканские) политические институты. В Крушево македонские националисты предприняли попытку регулировать насилие в отношении турок. В связи с этим была обнародована прокламация, предназначенная специально для турецкого населения, в которой его призывали принять участие в восстании ради освобождения «нашей сироты и окровавленной Македонии». Македонские националисты были весьма радикальны, пропагандируя своеобразный революционный национализм, призывая местных турок обратить оружие против угнетателей и вместе «погибнуть под знаменем нашей и вашей свободы» [21]. Позднее этот революционно-романтический нарратив будет интегрирован в македонский националистический дискурс в качестве одной из центральных идей. Успех македонских националистов в 1903 году оказался крайне непродолжительным. После 12 августа турецкие власти начали предпринимать более активные военные действия, что привело к поражению восстания. Эта неудача была вызвана рядом причин, важнейшие из которых состояли в несоответствии политических амбиций македонских националистом балканским реалиям. Степень традиционности была крайне значительной, что вело к отторжению радикального политического национализма македонских революционеров и националистов.

Важным событием для развития македонского национализма после подавления восстания стало принятие в 1908 году нового Устава ВМОРО, в котором значительное внимание уделялось гражданскому политическому национализму, а само македонское движение позиционировалось как общее для македонцев и их соседей «без разлика на народноста». Конечной целью движения декларировалось достижение политической автономии [17]. Ситуация в Македонии в значительной степени осложнилась в результате балканских войн, а также первой мировой войны, которая, хотя и привела к поражению Болгарии, тем не менее – обернулась территориальными приобретениями Греции и появлением нового государства – Королевства СХС. В результате македонские территории были окончательно разделены между тремя государствами, что совпало с началом нового этапа в истории македонского националистического движения.

В 1900 – 1910-е годы македонские националисты столкнулись с врагом более опасным, чем Османская Империя. Этим новым оппонентом и противником стал греческий национализм, который чрезвычайно активизировался в начале XX века, питаемый экспансионистскими политическими устремлениями греческих элит [7]. Греческие националисты применяли против славянского населения террор, стремясь превратить Македонию в этнически чистый греческий регион. Например, 25 марта 1905 года греческие

вооруженные отряды совершили нападение на преимущественно славянское село Загоричаны, убив несколько десятков человек. Эти действия со стороны греческих националистов были актом мести, проявлением таких качеств как «гръцкия шовинизъм и злоба» [6]. Болгарские авторы подчеркивали, что македонцы Загоричан поддерживали связи с македонским движением. По мнению болгарского публициста 1930-х годов, Дамяна Илиева принимали участие в «борьбе за свободу Македонии» [23; 28].

Антиславянские настроения характерны для политического языка греческих политиков начала XX века. Например, руководитель Верховного македонского комитета, создание которого было инициировано Афинами, Мандрос писал, что следует «уничтожить всех болгар, которые посмели осквернить македонскую землю... скоро настанет тот день, когда в Македонии не останется не одного болгарина...нашим девизом должны стать слова: “Очистим Македонию от звероподобных болгар”» [26]. Именно столь откровенная антиславянская пропаганда и оказала значительное влияние на сближение славянских деятелей в Македонии с Софией. Это привело к тому, что в рамках македонского национального движения возникают мощные интеллектуальные тренды, ориентированные на Болгарию и интеграцию македонского национального проекта в проект «большой болгарской нации». Сближение с болгарским национальным проектом воспринималось македонскими деятелями как «меньшее зло», чему в значительной степени способствовала и политика Афин, в основе которой лежали принципы греческого национализма, этноцентризма и построения этнически чистого национального греческого государства.

Важнейшей особенностью в развитии македонского национализма в анализируемый период стало его относительное идеологическое оформление. Значительный вклад в оформлении идеологии македонского национального движения в начале XX века внес Крсте Мисирков. В своих текстах К. Мисирков уделял значительное внимание истории славянских языков [13; 18], стремясь именно в истории найти доказательства самостоятельности македонской нации и идентичности, в первую очередь – языка. Мисирков указывал на то, что языковая полемика между сербскими и болгарскими националистами относительно границ распространения славянских языков на Балканах фактически является прикрытием политики, направленной на раздел македонских территорий [11]. Особое внимание К. Мисирков уделял проблемам политического сближения между Сербией и Болгарией, полагая, что этот маневр является не более чем шагом, направленным на обозначение границ и сфер влияния, в том числе – и на территориях, населенных македонцами [15]. К. Мисирков видел в проникновении Сербии в Македонию подготовку к установлению «сербской гегемонии» на Балканском полуострове в целом. Третьим игроком, заинтересованным в разделении македонских территорий, как полагал Крсте Мисирков, была Греция, проводившая политику планомерного уничтожения всего славянского, организуя этнические чистки с целью освобождения территории Македонии от македонцев и привлечения в этот регион греческих переселенцев из Малой Азии. Подобную политику К. Мисирков оценивал как направленную на «восстановление средневековой византийской империи» [14].

По мнению К. Мисиркова, сербские аспирации на Македонию развивались исторически, в значительной степени обострившись после освобождения Болгарии и обострения территориальных противоречий в результате постепенного ослабления Османской Империи [16]. Значительное место в работах К. Мисиркова занимает критика болгарских концепций Македонии. Полемизируя с болгарскими националистически ориентированными интеллектуалами, например – с А. Иширковым [10], К. Мисирков способствовал укреплению особой, отличной от болгарской, македонской идентичности, которая обладала преимущественно политическим содержанием. Крсте Мисирков, в частности, писал: «Македония имеет свою славную древнюю историю и свою национальную культуру» [16]. В этом контексте заметно в наибольшей степени обращение к гражданским и политическим идеалам нации, принесенным из Западной Европы, а не к неким народным традициям и языковым особенностям славян Македонии, которые спустя несколько

десятилетий будут активно использоваться македонскими националистами для формирования идентичности не просто македонцев, но македонской нации.

В 1900 – 1910-е годы македонская проблематика, в условиях раскола македонского движения на два течения (в 1920-е годы Димитр Влахов предложил выделять «консервативное» проболгарское и «крайне демократическое» македонские течения [4]), все более активно входит в сферу политических интересов Белграда и Софии. Сербские и болгарские интеллектуалы предпринимают попытки интеграции македонских сюжетов в свои национальные идеологии, активно используя македонскую интеллигенцию, стремясь превратить ее в агента влияния. Наибольших успехов этом направлении достигла Болгария, которая приложила немалые усилия, направленные на развитие македонской идентичности не как самостоятельного национального проекта, но как региональной версии большой болгарской идентичности.

В 1912 году под угрозой уничтожения со стороны греков славянское население Македонии консолидировалось вокруг ВМОРО, которая 4 ноября опубликовала резолюцию, в которой подчеркивалось то, что в течение длительного времени «македонские болгары» ведут борьбу за свободу Македонии и ее объединение с Болгарией. Подчеркивалось связь Македонии и Болгарии через «български елемент» и «българска кръв». Авторы документа указывали на то, что наибольшими правами на Македонию обладает именно Болгария, а не Сербия и Греция. Последняя подвергалась особой критике за то, что стремилась захватить Солунь – «вратите на Македония или по-право нейното сърце». Авторы, опубликованного 4 ноября 1912 года, текста настаивали на том, что «все македонские болгары» поддерживают с «полным единодушием» идею консолидации Македонии в «ее болгарских этнических границах и в объединении с Болгарским Царством». Понимая незначительные шансы на реализацию этого проекта, македонские националисты указывали и на менее реальный вариант развития событий, предлагая создать в Македонии самостоятельную государственную единицу с центром в Солуне, которая вошла бы в состав будущей Балканской федерации. Столь радикальные предложения македонских националистов оказались нереализованными. Кроме этого в период союзнической войны Болгария подверглась агрессии со стороны своих бывших союзников, что вынудило болгарские элиты пересмотреть свое отношение к Македонии.

Проявлением значительной заинтересованности болгарского общества в Македонии стала работа Димо Хаджидимова «Македонское освободительное дело» (1900), в которой автор подчеркивал, что Македония, томящаяся под «турецким деспотическим режимом», «бесчеловечным турецким фанатизмом» и «политическим рабством», является страной «органически связанной» с Болгарией. Димо Хаджидимов исходил из уверенности, что судьба Македонии не может не интересоваться национально мыслящих болгар. Если для Д. Хаджидимова Болгария – «свободна страна», то Македония – оплот национальной и революционной борьбы. Комментируя ситуацию в Македонии, Димо Хаджидимов писал, что «там только огонь, смерть, бесчестие, слезы льются в этой благодатной стране» [26]. По мнению Д. Хаджидимова, освобождение Македонии должно стать первой и наиболее важной задачей «общественной борьбы» в Болгарии.

Среди попыток культивирования болгарской версии македонской идентичности следует упомянуть работу Или Бобчева «Македонские болгары и болгарское народное просвещение», которая издавалась дважды – в 1912 и 1922 годах. Илия С. Бобчев исходил из того, что славянское население Македонии было болгарским. И. Бобчев, который использовал термин «македонски българии» («македонские болгары») полагал, что те «играли видную роль не только в политической, но и в культурной истории болгарского народа». Поэтому политическая история Македонии в его интерпретации представляет собой часть истории Болгарии, как элементы «борьбы за свободную болгарскую народную школу» и «борьбы за свободную болгарскую церковь». По мнению, И. Бобчева Македония вела борьбу за свою самостоятельность как «часть Болгарского Отечества». Описывая македонскую

историю, И. Бобчев использовал в отношении Македонии характеристики и определения («българска среда», «български народен дух», «българска книга из Македония»), призванные интегрировать ее в болгарский политический и культурно-исторический контекст. В концепции И. Бобчева Македония являлась одним из центров болгарского национального возрождения, где активно действовали «български родолюбци» [2]. В этом контексте история македонского национального движения – элемент истории болгарского движения, направленного на объединение болгар в рамках одного государства.

Таким образом, македонское движение, которое в анализируемый период не имело четкой идеологии и сформулированной политической программы, к началу XX века переживало крайне сложный этап своего развития. В начале XX века в условиях неоформленности македонской идентичности македонский национализм мог быть интегрирован как одна из региональных версий освободительного движения в сербское или болгарское политические пространства. Изменения, связанные с первой мировой войной, создали не только качественно новые условия, но и открыли принципиально другие возможности для развития македонского националистического движения, содействуя его политизации и радикализации, актуализировав вопросы существования македонской нации и языка и, как следствие, создания независимой македонской государственности.

Библиографический список

1. **Анатасов, Ю.** Солунски и скопски вилаеты през време на вѣстанието / Ю. Анатасов. – (http://www.promacedonia.org/ilpr1968/ilpr1968_6.html)
2. **Бобчев, И.** Македонските български и българската народна просвета. Предимно до учредяване на Българската екзархия. Кратък исторически преглед / И. Бобчев. – (<http://macedonia-history.blogspot.com/2009/07/makedonskite-bulgari-i-bulgarskata.html>)
3. **Божиков, Б.** Вѣстанието в Битолски революционен окръгю / Б. Божиков – (http://www.promacedonia.org/ilpr1968/ilpr1968_2.htm)
4. **Влахов, Д.** Борбите на македонския народ за освобождение / Д. Влахов. – Виена, 1925.
5. **Елдѣров, С.** Върховният македоно-одрински комитет и Македонско-Одринската организация в България (1895 – 1903) / С. Елдѣров. – (http://white.prohosting.com/asen/as_3.htm)
6. **Илиев, Д.** Истината по клането в с. Загоричани, извършено от гръцки андарты през нощта на 24 срещу 25 март по ст. стил Благовещение 1905 год. Спомени / Д. Илиев. – (http://www.promacedonia.org/rami/zagorichani_iliev.html)
7. **Каравангелис, Г.** Македонската борба. Спомени / Г. Каравангелис / превод от гръцки И. Корбец. – (<http://www.promacedonia.org/gk/>)
8. **Катарджиев, И.** Создание и деятельность ВМРО / И. Катарджив // Из прошлости македонского народа / ред. М. Апостолски, А. Алексиев, И. Катарджиев, Б. Михов, Л. Исаиев. – Скопье, 1970. – С. 122.
9. **Кѣосев, Д.** Пѣтят към народното вѣстание / Д. Кѣосев. – (http://www.promacedonia.org/ilpr1968/ilpr1968_1.html)
10. **Мисирков, К.** Бележки към труда «България» на проф. А. Иширков / К. Мисирков. – (<http://www.kroraina.com/knigi/bugarash/misirkov/misirkovstatii1.html>)
11. **Мисирков, К.** Бележки по южнославянската филология и история (към въпроса за пограничната линия между българския и сръбско-хърватския езици и народи) / К. Мисирков. – (<http://www.kroraina.com/knigi/bugarash/misirkov/misirkovstatii1.html>)
12. **Мисирков, К.** Значението на моравското или ресавското наречие за съвременната и историческа етнография на Балканския полуостров / К. Мисирков. – (<http://www.kroraina.com/knigi/bugarash/misirkov/misirkovstatii1.html>)

13. **Мисирков, К.** Изходът / К. Мисирков. – <http://www.kroraina.com/knigi/bugarash/misirkov/misirkovstatii1.html>
14. **Мисирков, К.** Основите на едно сръбско-българско сближение / К. Мисирков. – <http://www.kroraina.com/knigi/bugarash/misirkov/misirkovstatii1.html>
15. **Мисирков, К.** Сърбите и Душановата империя / К. Мисирков. – <http://www.kroraina.com/knigi/bugarash/misirkov/misirkovstatii1.html>
16. **Мисирков, К.** Сърбите и Илинденската 20 годишнина / К. Мисирков. – <http://www.kroraina.com/knigi/bugarash/misirkov/misirkovstatii1.html>
17. **Мисирков, К.** Южнославянските епически сказания за женитбата на крал Вълкашин във връзка с въпроса за причините на «популярността» на крал Марко сред южните славяни / К. Мисирков. – <http://www.kroraina.com/knigi/bugarash/misirkov/misirkovstatii1.html>
18. Новиот преработен Устав на ВМОРО од 1908 година. – <http://www.angelfire.com/super2/vmro-istorija/Dokument/ustav05.html>
19. Правилник на четите на Тајната македонско-одринска револуционерна организација. – <http://www.angelfire.com/super2/vmro-istorija/Dokument/pravvmro.html>
20. Првиот Конгрес на ВМОРО. – http://www.geocities.com/vmro_makedon/i-kong.html
21. Прокламација до турскиот народ во Крушевска околија. – <http://www.angelfire.com/super2/vmro-istorija/Dokument/krmanif.html>
22. **Ристовски, Б.** «Лозары» в развитии македонской национальной мысли / Б. Ристовски // Из прошлости македонского народа. – Скопье, 1970. – С. 139 – 162.
23. **Татарчев, Хр.** Спомени / Хр. Татарчев. – http://www.geocities.com/vmro_makedon/Knigi/spomht02.html
24. **Темчев, Н.** Село Загоричани (По случай 25 годишнината от клането, извършено от гръцки банди) / Н. Темчев. – http://www.promacedonia.org/rami/zagorichani_temchev.html
25. **Томалевски, Г.** 13 дена на Крушовската република / Г. Томалевски. – http://www.promacedonia.org/ilpr1968/ilpr1968_3.html
26. **Хаджидимов, Д.** Македонското освободително дело / Д. Хаджидимов. – <http://macedonia-history.blogspot.com/2009/06/dimo-hadzidimov-makedonskoto.html>
27. **Църнушанов, К.** Борбата на ВМОРО срещу сръбската и гръцката пропаганда / К. Църнушанов. – http://www.kroraina.com/knigi/kc/cym13_a.html
28. **Чалъковъ, Н.Н.** Една страница отъ гръцкия варваризъм въ XX векъ надъ българите въ Македония и Тракия / Н.Н. Чалъковъ. – <http://www.promacedonia.org/nch/main.html>
29. **Яворов, П.** Гоце Делчев / П. Яворов. – София, 1904.

УДК 316.33:614.84

*Воронежский государственный архитектурно-строительный университет
Аспирант кафедры пожарной и промышленной безопасности, ассистент кафедры инноватики и строительной физики О.В. Сушкова
Россия, г. Воронеж,
e-mail: faustovaolga@vgasu.vrn.ru*

*Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering, Postgraduate of Fire and Industrial Security Chair
Assistant of Innovation and Building Physics Chair
O.V. Sushkova
Russia, Voronezh,
e-mail: faustovaolga@vgasu.vrn.ru*

О. В. Сушкова

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СОЗДАНИЯ ИНСТИТУТА ПОЖАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В связи с ухудшением техногенной обстановки в России становится актуальным вопрос о создании добровольных пожарных дружин. В статье анализируются возможные причины возникновения пожаров и ущербы от них не только в экономическом плане, но и для общества в целом.

Ключевые слова: обеспечение безопасности, социальная потребность, пожар, ущерб, добровольная пожарная дружина.

O. V. Sushkova

SOCIAL PRECONDITIONS OF CREATION OF INSTITUTE OF FIRE SAFETY

Is actual a question of creation of voluntin connection with deterioration of a technogenic situation in Russia there ary fire teams. In article the possible reasons of emergence of fires and damages from them not only in the economic plan, but also for society as a whole are analyzed.

Key words: safety, social requirement, fire, damage, voluntary fire team.

Ухудшение техногенной обстановки в России является следствием того, что во многих случаях даже небольшие по своим масштабам производственные аварии и стихийные бедствия становятся одной цепочкой, провоцирующие и усиливающие друг друга, а также вызывающие системные эффекты, не поддающиеся локализации и имеющие огромные прямые и косвенные последствия, проявляющиеся на макроэкономическом уровне. Подобные чрезвычайные ситуации в той или иной мере оказывают влияние практически на все сферы существования человеческого общества и прежде всего на жизнедеятельность людей, а также и природную среду. Ущерб от чрезвычайных ситуаций носит разнообразный характер. Для его измерения используются различные показатели, среди которых ведущую роль играют экономические показатели и методы определения ущерба от чрезвычайных ситуаций. Большое внимание в настоящее время уделяется экономическому обеспечению мероприятий по предупреждению и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций как основному элементу обеспечения безопасности населения, объектов экономики и территорий в очагах поражения. Знание возможных экономических последствий (в денежных единицах) воздействия чрезвычайных ситуаций способствует правильному формированию и своевременному осуществлению экономических механизмов защиты объектов экономики, населения и территорий от их последствий, что позволяет значительно снизить социально-экономический ущерб и эффективно использовать ограниченные финансовые и материально-технические ресурсы для повышения уровня безопасности.

Необходимо отметить, что наибольший экономический ущерб приносят потери от пожаров, нежели потери от других чрезвычайных ситуаций. При этом в пожарах гибнет и получает травмы различной степени тяжести большое количество людей.

Согласно статистике [1], причинами пожаров являются:

- поджог;
- неисправность производственного оборудования, нарушение технологического процесса;
- нарушение правил устройства и эксплуатации электрооборудования;
- нарушение правил устройства и эксплуатации печей;
- нарушение правил устройства и эксплуатации теплогенерирующих агрегатов и установок;
- неосторожное обращение с огнем;
- нарушение правил устройства и эксплуатации транспортных средств;
- нарушение правил пожарной безопасности при проведении электрогазосварочных работ;
- взрывы;
- самовозгорание веществ и материалов;
- нарушение правил эксплуатации бытовых газовых, бензиновых и др. устройств;
- нарушение правил пожарной безопасности при проведении огневых работ;
- грозовые разряды;
- неустановленные и прочие причины;

За последние пять лет наибольшее количество пожаров произошло на предприятиях розничной торговли – 13422 пожара, наименьшее количество пожаров в детских оздоровительных лагерях, летних детских дачах – 85 пожаров. На рисунке 1 представлены общественные здания и количество пожаров, произошедшие за пять лет (с 2006 по 2010 гг.).

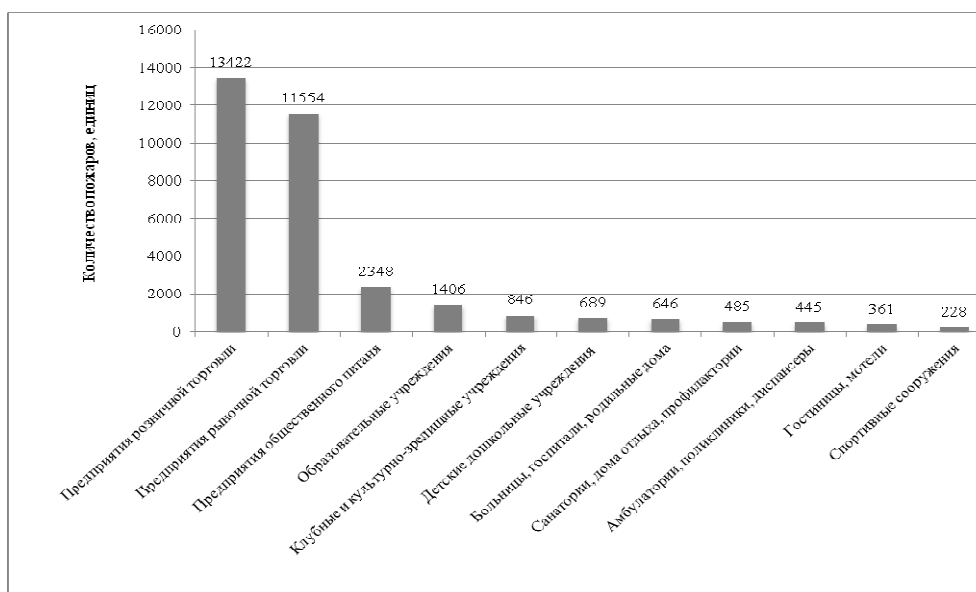

Рис. 1. Статистические данные о числе пожаров, произошедших в общественных зданиях на территории Российской Федерации в 2006-2010 гг.

Изучая причины возникновения пожаров в общественных зданиях, к основным можно отнести:

- нарушение правил устройства и эксплуатации электрооборудования (40,7%);
- неосторожное обращение с огнем (26%);
- поджог (19,6%);

- нарушение правил устройства и эксплуатации печей (3,7%).

Безопасность объектов здравоохранения, образования, соцзащиты ежегодно совершенствуется. Согласно статистическим данным МЧС России «Сведения о пожарах и их последствиях за январь-сентябрь 2012 г.» [2] вопрос пожарной безопасности в жилом секторе остается нерешенным, прежде всего, в предупреждении возникновения огня, создания условий для тушения пожаров в начальной стадии их развития. Важной задачей в решении данных вопросов является развитие средств пожарного обнаружения и оповещения пожаров, профилактическая работа с населением.

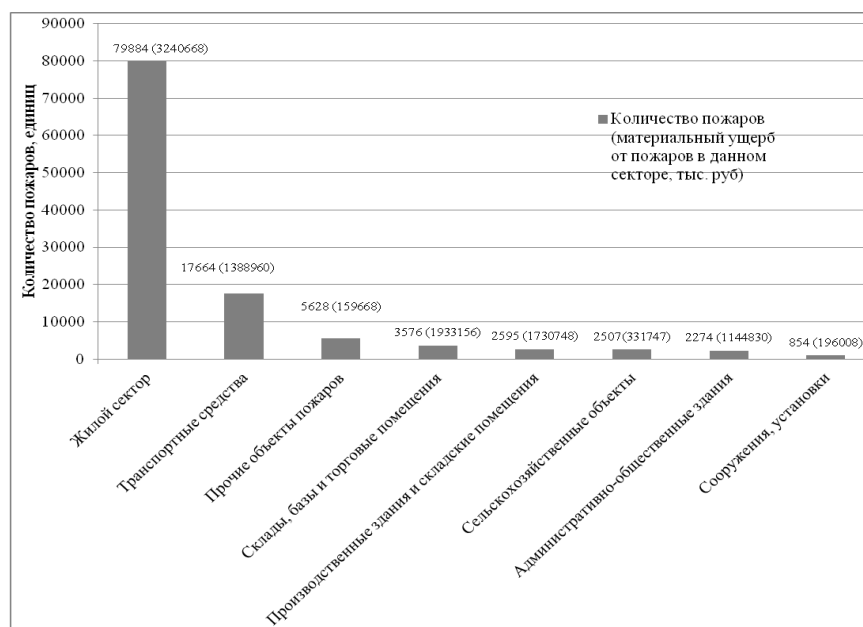

Рис. 2. Сведения о пожарах и их последствиях за январь-сентябрь 2012 г.

Для выявления статистической зависимости между количеством пожаров и материальным ущербом введем обозначения: 1 – жилой сектор, 2 – транспортные средства; 3 – прочие объекты пожаров; 4 – склады, базы и торговые помещения; 5 – производственные здания и складские помещения, 6 – сельскохозяйственные объекты; 7 – административно-общественные здания; 8 – сооружения, установки. Произведем расчет доли от общего количества пожаров и от общего материального ущерба по всем объектам исходя из статистики [2].

Таблица 1.

Анализ количества пожаров и материального ущерба по всем объектам

№	Наименование	Количество пожаров		Материальный ущерб от пожаров в данном секторе	
		доли	абсолютное значение	доли	абсолютное значение
1	Жилой сектор	0,69	79884	0,32	3240668
2	Транспортные средства	0,15	17664	0,14	1388960
3	Прочие объекты пожаров	0,05	5628	0,02	159668
4	Склады, базы и торговые помещения	0,03	3576	0,19	1933156
5	Производственные здания и складские помещения	0,02	2595	0,17	1730748

продолжение **таблицы 1**

6	Сельскохозяйственные объекты	0,02	2507	0,03	331747
7	Административно-общественные здания	0,01	2274	0,11	1144830
8	Сооружения, установки	0,007	854	0,02	196008
Сумма			114982		10125785

Анализ статистических данных показал, что отсутствует корреляционная связь между количеством пожаров и материальным ущербом. В связи с этим существует трудность прогнозирования формирования добровольных пожарных команд, так как в этом случае модель становится двухкритериальная.

Одной из главных причин становления ситуации чрезвычайной, возрастание площадей охваченных огнем, и затем увеличение материального ущерба, является несвоевременное уведомление противопожарной службы и недостаточно квалифицированные действия при тушении пожаров в начальной их стадии. Разрешить указанную проблему путем создания только государственной противопожарной службы, содержащейся за счет средств федерального бюджета или бюджетов Российской Федерации невозможно.

В 2007 году постановлением Правительства Российской Федерации была утверждена Федеральная целевая программа «Пожарная безопасность в Российской Федерации на период до 2012 года» [3], согласно которой обеспечение пожарной безопасности, в общем, демонстрирует недостаточную координацию, необходимую для развития сил и средств обнаружения и тушения пожаров. Низкий уровень информационного, технического и технологического снабжения служб экстренного реагирования не дает возможность снизить основные показатели риска пожаров для населения, территорий и конкретных объектов. [4]

На необходимость исследования трудностей обеспечения пожарной безопасности на разных уровнях, в том числе и на научном, с применением общенаучных методов указывает как непростая обстановка с пожарами, так и включение в эту деятельность наряду с профессиональной пожарной охраной добровольных пожарных команд. Социальная потребность в рассмотрении проблем обеспечения пожарной безопасности с привлечением различных негосударственных структур подтверждается все большим ростом степени риска жизнедеятельности каждого человека. Кроме того, создание негосударственной пожарной охраны различных видов обеспечит противопожарную защиту территорий населенных пунктов, находящихся вне нормативного времени прибытия подразделений государственной пожарной службы.

Опыт создания ДПД существует и в России, и за рубежом. Добровольная пожарная охрана широко развита в Европе, в США. В некоторых странах, например в Ирландии, профессиональная пожарная охрана есть только в столице, а все остальные населенные пункты охраняются добровольцами или смешанными пожарными командами, состоящими из добровольных пожарных и профессионалов. Но в этих странах быть добровольным пожарным не только почетно, но и выгодно. Для них существует целая система льгот и привилегий, добровольные пожарные наряду с профессионалами входят в общественные объединения - союзы и ассоциации.

В России волонтерство в области тушения пожаров существует на протяжении более 100 лет. В советское время его подъем приходится на 60- 90-е годы XX века, когда силами пожарных-добровольцев ликвидировалось до 15 процентов пожаров. [5] И сегодня, несмотря на все экономические перемены, добровольные пожарные в России существуют, однако их численность с 1990 по 2000 год резко сократилась. По данным концепции федеральной целевой программы «Пожарная безопасность в Российской Федерации на период до 2017 года» сейчас РФ имеет 12661 подразделение добровольной пожарной охраны общей численностью 70110 человек. Но для России - это очень низкие показатели. Для

эффективного тушения пожаров добровольцами их численность необходимо поднять до 700-800 тыс. человек. [2] Очевидно, что нужно создавать условия для их увеличения. При эффективном государственном подходе добровольная пожарная охрана может стать весомым фактором обеспечения пожарной безопасности в стране. И здесь на первый план выходит необходимость законодательного регулирования этой сферы, закрепление прав и обязанностей добровольных пожарных на законодательном уровне, установление для них ряда привилегий и льгот. Например, льготы на получение жилья, оплату коммунальных услуг, медицинское обслуживание, возможность замены срочной военной службы альтернативной гражданской, приоритетное право на поступление в пожарно-технические образовательные учреждения. Важно, чтобы органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления получили право устанавливать дополнительные компенсации и льготы добровольным пожарным из региональных бюджетов. В то же время необходимо усовершенствовать систему профессиональной подготовки добровольцев, повысить уровень материально-технического оснащения их частей. Согласно ФЗ от 6 мая 2011 «О добровольной пожарной охране» постоянная готовность добровольной пожарной охраны достигается:

- качественной подготовкой личного состава к выполнению предстоящих задач;
- укомплектованностью личным составом, оснащением техникой и автотранспортом;
- обеспеченностью средствами индивидуальной защиты и другими материальными средствами;
- содержанием в исправном состоянии и умелым применением техники;
- непрерывным и грамотным управлением;
- наличием необходимых запасов материальных средств и своевременным их пополнением.

Библиографический список

1. Письмо № 117-1-18-11-6 от 17 мая 2011 г. Статистические данные о числе пожаров, произошедших в общественных зданиях на территории Российской Федерации в 2006-2010 гг., по причинам их возникновения. Департамент надзорной деятельности МЧС России.
2. МЧС России. Статистика. Сведения о пожарах и их последствиях за январь-сентябрь 2012 г. <http://www.mchs.gov.ru/>.
3. Концепция федеральной целевой программы "Пожарная безопасность в Российской Федерации на период до 2012 года" (утв. **постановлением** Правительства РФ от 31.10.2007 N 1532-р)
4. Информационный листок 36-030-10. Устройство для спасения падающих с высоты тел [Текст] / Мурзинов В.Л. и др.; поступление 16.06.2010. - Воронеж: Росинформресур, 2010.
5. Концепция федеральной целевой программы "Пожарная безопасность в Российской Федерации на период до 2017 года" (утв. **распоряжением** Правительства РФ от 14 августа 2012 г. N 1464-р).

**ПЕДАГОГИКА И ОБРАЗОВАНИЕ
PEDAGOGY AND EDUCATION**

УДК 130.2

*Воронежский государственный архитектурно-строительный университет
Ст. преподаватель кафедры философии, социологии и истории И.В. Аристова
Россия, г.Воронеж, тел. (473) 271-50-04,
e-mail: aristova@vgasu.vrn.ru*

*Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering
Senior Lecturer of Philosophy, Sociology and History
Chair I.V. Aristova.
Russia, Voronezh, tel. (473) 271-50-04,
e-mail: aristova@vgasu.vrn.ru*

И. В. Аристова

**СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП ОРГАНИЗАЦИИ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ**

В статье рассматривается проблема применения синергетического принципа для характеристики образовательной среды, проводится анализ соответствия основных моделей образовательной среды свойствам синергетических систем.

Ключевые слова: синергетический принцип, образовательная среда, самоорганизация, нелинейность.

I. V. Aristova

**THE SYNERGY PRINCIPLE OF ORGANIZATION OF THE EDUCATIONAL
ENVIRONMENT**

This article deals with the problem for a synergistic principle to characterize the educational environment, the analysis of compliance with the basic models of the educational environment of synergistic properties of systems.

Keywords: synergistic principle, educational environment, self-organization, nonlinearity.

Динамика социально-экономических изменений в современной России, определяет содержание программных документов развития отечественного образования таких как: «Национальная доктрина развития образования на период до 2025 г.», «Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ до 2020 года» где обращается внимание на необходимость формирования личности способной к самостоятельности, творчеству и саморазвитию. Влияние гуманистических философских учений, идей гуманистической психологии, привели к рождению новой педагогической парадигмы, в которой, приоритетной ценностью образовательного процесса выступает личность обладающая правом и способностью к саморазвитию. Анализируя ценностные основания модернизации высшего образования, Л.С. Перевозчикова также указывает, что «эффективность образования определяется не только экономическими показателями, но и гуманистическими ценностными критериями» [Л.С. 203].

Развитие науки на основе открытий в естествознании (И. Пригожин, Г. Хакен и др.) привело к изменениям в стиле научного мышления и утвердило гуманистические позиции в образовании.

Особенность текущего этапа в образовании, как отмечает С.П.Курдюмов, является использование принципов системного подхода, для познания открытых сложных неравновесных диссипативных систем различной природы – физических, химических, биологических, экономических, социокультурных, научных, лингвистических и т.д.

В качестве ключевых рассматриваются вопросы механизмов порождения целостностей, соотношения стадий и уровней развития, взаимоотношений актуального и потенциального в развитии сложных систем разной природы.

Такая тенденция, согласно В.С. Степину, вызвала стремительный рост междисциплинарных форм исследований и трансдисциплинарных стратегий исследования.

Под междисциплинарным исследованием мы понимаем, возможность прямого переноса методов исследования из одной научной дисциплины в другую, «циркуляцию общих понятий для понимания некоторого явления» [2. С. 200].

Трансдисциплинарность характеризует исследования, которые выходят за область изучения конкретных дисциплин. Трансдисциплинарное исследование предполагает, по мнению Е.Н.Князевой, «перенос когнитивных схем из одной отрасли в другую» [2. С. 200].

При этом объектами исследований, как подчеркивает В.С.Степин, становятся "уникальные системы, характеризующиеся открытостью и саморазвитием" [3. С. 5].

Исследованием систем с такими свойствами занимается синергетика.

По мнению, В.И.Аршинова, синергетика, как новое постнеклассическое направление междисциплинарных исследований процессов самоорганизации и развития, протекающих в открытых нелинейных и далеких от равновесия системах может играть роль новой парадигмы образования 21 столетия [4 .С. 61].

Термин «синергетика» происходит от греч. «Synergos», т.е. совместно действующий, был введен немецким физиком Германом Хакеном в 1971 году.

В философском словаре находим: "Синергетика - современная теория самоорганизации, новое мировидение, связываемое с исследованием феноменов самоорганизации, нелинейности, неравновесности, глобальной эволюции, изучением процессов становления "порядка через хаос" (И. Пригожин), бифуркационных изменений, необратимости времени, неустойчивости как основополагающей характеристики процессов эволюции" [5. С. 618].

Предметом исследования синергетики являются механизмы самоорганизации. Самоорганизация – способность нелинейных открытых систем (сред) к спонтанному переходу от хаотического, неупорядоченного состояния к упорядоченному (от хаоса к порядку).

Синергетика, как научное направление, изучает связи между элементами структуры, которые образуются в открытых нелинейных сложных системах, состоящих из различных иерархических уровней, различной природы, благодаря обмену веществом и энергией с окружающей средой в неравновесных условиях.

Степин В.С. подчеркивал, что «синергетика основное внимание уделяет когерентному, согласованному состоянию процессов самоорганизации в сложных системах, состоящих из многих подсистем» [6. С. 373]. К основным свойствам систем относится организованность и целостность.

По словам Г. Хакена, свойства самоорганизации обнаруживают объекты самой различной природы и принципы синергетики можно применить к многочисленным системам, которые относятся к большому спектру дисциплин, и это дало возможность создать новые приложения и подходы [7].

В основе такого видения, в котором все уровни организации взаимосвязаны и обладают самоорганизацией и целостностью, находятся не только реальные достижения конкретных наук, но и философские идеи, что формирует общенаучную картину мира, на основе идей глобального эволюционизма.

Синергетика рассматривает процессы самоорганизации, происходящие в сложных системах самой разной природы, в том числе и социальных, к которым относятся и образование. Последнее, вытекает из того факта, что синергетика в качестве одного из своих специфических объектов имеет дело с человекомерными системами [8. С. 79].

В некоторых педагогических исследованиях синергетика определяется как "наука, исследующая процессы перехода сложных систем из неупорядоченного состояния в упорядоченное и вскрывающая такие связи между элементами этой системы, при которых их суммарное действие в рамках системы превышает по своему эффекту простое сложение эффектов " [9. С34].

Аналогичность эффектов, изучаемых синергетикой и педагогикой, дает нам возможность использовать принципы синергетики, для изучения педагогических процессов.

Использование общих когнитивных схем в различных дисциплинарных областях предполагает перенос понятий и их адаптацию к данной дисциплинарной области, а также возможность переноса методов и алгоритмов решения задач.

В данном исследовании мы делаем попытку рассмотрения образовательной среды с точки зрения синергетического принципа, и считаем возможным использование и адаптацию понятийного аппарата теории сложных систем к педагогическим системам. Изучение образовательной среды, как «сложной системы» и установления на этой основе общих закономерностей динамики развития, возможно в рамках междисциплинарного и трансдисциплинарного подхода.

Некоторые аспекты использования теории самоорганизации в педагогической практике нашли отражение в работах В. А. Аршинова, В. Г. Буданова, В.Г. Виненко, В. А. Игнатовой, С.П. Капицы, Е. Н. Князевой, С.П. Курдюмова, Г.Г. Малинецкого, Н.М. Таланчука и др.

Для утверждения идей синергетики в образовании, как указывают исследователи, необходимо время для обоснования новой познавательной модели в науке и ее адаптации в практике образования. Все большая актуальность переноса идей синергетики в педагогику осознается многими исследователями.

Педагогическая синергетика, считает В. И. Андреев, дает возможность по-новому подойти к разработке проблем развития педагогических систем, рассматривая их, прежде всего с позиции "открытости", сотворчества и ориентации на саморазвитие [10].

В.А. Игнатова выделяет три важнейшие составляющие использования идей синергетики в образовании:

дидактические аспекты адаптации идей синергетики в содержании образования;
использование их в моделировании и прогнозировании развития образовательных систем;

применение в управлении учебно-воспитательным процессом [11. С. 28].

По мнению В.Г.Буданова «образование востребует синергетику в трех ипостасях»:

Первая, синергетика для образования, по его мнению, должна начинаться с создания учебной литературы и проведения интегративных курсов для различных образовательных уровней (средней, высшей школе, послевузовском образовании, факультетах переподготовки и повышения квалификации учителей и преподавателей).

Вторая, синергетика в образовании предполагает акцентирование внимания в частных дисциплинах естественнонаучного и гуманитарного профиля на материалах иллюстрирующих принципы синергетики, это разделы изучающие процессы становления и возникновения нового.

И третья ипостась, по мнению В.Г. Буданова, это синергетика образования, примененная к самому процессу образования, становления личности и знания и здесь в наибольшей степени сказывается человеческий фактор. Синергетика образования выдвигает проблему

обучения преподавателя осознанно создавать свою, только ему присущую методику и стиль, оставаясь на позициях науки о человеке [12. С. 52].

Е.Н. Князева отмечает, что «роль синергетики в перестройке образования двойка.

В первом случае синергетика выступает как содержание образования, а во втором – как метод» [2. С. 202].

Становление субъектных характеристик личности, происходит под влиянием специфической образовательной среды, которая выступает средством формирования личностного потенциала учащихся.

Для применения принципов синергетики к управлению образовательной средой, необходимо определить, насколько образовательная среда может рассматриваться как синергетическая. Для этого мы попробуем выявить тождественность основных свойств наиболее детально изученных моделей образовательной среды, свойствам сложных синергетических систем.

Образовательную среду мы будем рассматривать с позиции методологии синергетики, как открытую, самоорганизующуюся, нелинейную систему.

В историческом и смысловом аспекте представления о возможностях влияния среды на развитие личности претерпевали значительные изменения.

В античные времена и в философии русского космизма главными элементами обучения выступают ученик как субъект (микрокосм), окружающий его мир (макрокосм), в котором путем гармоничного взаимодействия осуществляется обучение и развитие личности [13]. В ранней античной классике мудрость трактуется, как «строгая всеобщее-космическая структура», т.е. мудрость опирается на некие всеобщие законы, находящиеся вне субъекта и состоит в восприятии упорядоченности мира и знании основных принципов этой упорядоченности [14. С.11].

В 18-19 веках преобладала теория средовой детерминации развития личности, в соответствии с которой человек является продуктом среды, К.А. Гельвеций констатирует, "мы лишь то, что делают из нас окружающие предметы" [15. С. 22].

В 20 веке в концепции воспитания, как «управляемом развитии», влияние средовых факторов считалось минимальным.

Термин образовательной среды вошел в обиход психологии и педагогики под влиянием идей экологической психологии. Понятие образовательная среда показывает множественность и иерархичность факторов воздействующих на личность, определяющих результат воспитания, обучения и развития личности.

По мнению Л. Берталанфи - основоположника теории сложных систем, она применима к объектам самой разнообразной природы и, предназначена для выявления структурного сходства законов, полученных в различных дисциплинах и установления на этой основе общих закономерностей динамики разнородных систем [16.С.38]. Следовательно, сложные синергетические системы могут быть охарактеризованы общими чертами.

Следует отметить, что нет единого общепринятого мнения относительно свойств сложных систем. Разные исследователи в рамках своего дисциплинарного поля выделяют наиболее существенные свойства.

В.С. Степин считает, что для рассмотрения системы как самоорганизующейся (синергетической) она должна соответствовать следующим условиям: «1) система должна быть термодинамически открытой, 2) динамические уравнения системы являются нелинейными, 3) отклонение от равновесия превышает критические значения, 4) процессы в системе происходят кооперативно» [6. С. 45-61].

В сборнике научных трудов, под редакцией А.А. Колесникова к фундаментальным свойствам синергетических систем относят: «во-первых, обязательный обмен с внешней средой энергией, веществом и информацией и во вторых, неперенное взаимодействие, т.е. когерентность поведения компонентов системы» [17].

По мнению Ю.А.Куперина, теория сложности, не имеющая до сих пор четкого математического определения, может быть обозначена характерными чертами тех систем и типов динамики, которые являются предметом ее изучения. Эти черты, как считает Ю.А.Куперин, повторяются у различных авторов в различных сочетаниях и среди них можно выделить: нестабильность, неприводимость, адаптивность, эмерджентность [18].

Рассмотрим подробнее определения этих свойств и проведем анализ соответствия образовательной среды этим характеристикам.

Под нестабильностью сложных систем, Ю.А.Куперин, понимает стремление системы к множеству «...возможных мод поведения, между которыми они блуждают в результате малых изменений параметров, управляющих динамикой».

Неприводимость сложных систем заключается в целостности системы, свойства которой не равнозначны сумме ее частей, т.е. «поведение системы определяется взаимодействием частей, редукция системы к ее частям разрушает большинство аспектов, приносящих в систему индивидуальность».

Под адаптивностью системы Ю.А.Куперин понимает «способность извлекать скрытые закономерности из неполной информации, обучаться на этих закономерностях и изменять свое поведение на основе новой поступающей информации».

По материалам из Википедии — свободной энциклопедии, «адаптивная система это самоприспосабливающаяся система, которая автоматически изменяет данные алгоритма своего функционирования и иногда свою структуру с целью сохранения или достижения оптимального состояния при изменении внешних условий».

Одним из важных свойств характерных для сложных систем является эмерджентность - : «(от существующего к возникающему у И. Пригожина): сложные системы продуцируют неожиданное поведение; фактически они продуцируют паттерны и свойства, которые невозможно предсказать на основе знания свойств их частей и взаимодействий между ними, рассматриваемых изолированно» [18].

Появление новых свойств систем, не присущих ее частям или сумме частей, по мнению многих исследователей, является одним из основных свойств синергетических систем. Появление новых свойств в системы возможно только при организации среды для развития и саморазвития.

При анализе соответствие образовательной среды свойствам сложных синергетических систем, обобщенных в работе Ю.А. Куперина, обращает внимание близкий характер поведения образовательной среды, описанным выше свойствам.

Изучая особенности взаимодействия элементов образовательной среды, исследователи выделяют различные модели, на которых мы остановимся позже, но все подчеркивают ее открытый, динамичный характер и критерием продуктивного действия считают создание возможностей для саморазвития всех компонентов среды.

С точки зрения педагогической психологии изучение образовательной среды помогает решать проблемы становления и развития психики, связанные с приобретением новых знаний и опыта. Образовательная среда рассматривается исследователями в качестве обобщенного, совокупного, объединенного, целостного фактора (средства) развития личности.

Параметры, провоцирующие изменение в образовательной среде, по природе возникновения могут быть внешними факторами среды и внутренними факторами системы, проявляющихся в качественно новом взаимодействии элементов системы.

Каждое из исследований обучения и развития личности в той или иной степени обращается к понятию среды и подчеркивает ее различные свойства.

Показывая важность целостного воздействия среды на воспитание А.С.Макаренко, писал: «Человек не воспитывается по частям, он создается всей суммой влияний, которым он подвергается...Диалектичность педагогического действия настолько велика, что никакое средство не может проектироваться как положительное, если его действие не

контролируется всеми другими средствами, применяемыми одновременно с ним...всей системой средств, гармонически организованных » [19. С. 30].

Развивая идею воспитательных систем, В.М.Сухомлинский также, уделял внимание значению среды, как важному фактору развития коллектива: «Воспитание средой, воспитание вещами, созданными самими учениками, обогащающими духовную жизнь коллектива, - это, на наш взгляд, одна из самых тонких сфер педагогического процесса» [20. С. 24].

Указывая на сложный характер образовательной среды, В.А.Ясвин пишет:

«Под образовательной средой (или средой образования), мы будем понимать систему влияний и условий формирования личности по заданному образцу, а также возможностей для ее развития, содержащихся в социальном и пространственно-предметном окружении» [2. С.12]. Продолжая мысль о возможностях среды для реализации личностного потенциала С.Д. Дерябо подчеркивал необходимость учета «совокупности всех возможностей обучения, воспитания и развития личности, причем, возможностей как позитивных, так и негативных» [23. С.42]. А.А.Леонтьев указывал на то, что наибольшие возможности для личностного развития обеспечивает «лично ориентированная образовательная среда» [23. С.13].

Ряд исследователей в своих работах также отмечали сложный системный характер образовательной среды: В.А.Каракровский писал: «Система воспитательной работы школы – открытая система. Она не может существовать сама по себе, ибо вписана в определенную среду, включена в системы более высокого порядка» [24. С.131], Н.Б. Крылова: «Образовательная среда – часть социокультурного пространства, зона взаимодействия образовательных систем, их элементов, образовательного материала и субъектов образовательных процессов» [24.С. 91], Л.И.Новикова: «Среда – это не просто социальная статичная данность, это сложная система, которая находится в постоянном развитии и охватывает различные, близкие и далекие жизненные сферы» [25.С. 8].

В.В.Рубцов разрабатывая основы оценки образовательной среды средней школы, подчеркивал: «Образовательная среда – это такая общность, которая в связи со спецификой возраста характеризуется: а) взаимодействием ребенка со взрослыми и детьми, б) такими важнейшими процессами как взаимопонимание, коммуникация, рефлексия (то есть отношение к своему опыту внутри данной общности),.в) такой важнейшей характеристикой как историко-культурный компонент, который определяет, откуда это взялось, как «оно» движется...» [26. С.370].

Таким образом, работы ученых подтверждают принадлежность образовательной среды к сложным системам.

Акцентируя внимание на динамичном характере образовательной среды, В.И.Слободчиков отмечал: «Таким образом, образовательная среда не есть нечто однозначно и наперед заданное, среда начинается там, где происходит встреча (сретенье) образующего и образуемого; где они совместно начинают ее проектировать и строить ...и где между ними начинают выстраиваться определенные связи и отношения...» [27. С. 172]. Динамизм модели В.И. Слободчикова, подчеркивает одно из свойств сложных систем - нестабильность, а возможность установления новых связей и отношений, через развитие прямо указывает на эмерджентность образовательной среды.

А.В.Хуторской, моделируя образовательную среду в дистанционном эвристическом обучении также, указывает на активный, побудительный характер образовательной среды: «...главными элементами эвристического обучения выступают ученик как субъект (микросистема), окружающая образовательная среда с включенными в неё объектами (макросистема) и система их взаимодействия как процесс образования (вселения) ученика...» [28]. Такая модель, по мнению А.В.Хуторского, будет побуждать ученика к продуктивной деятельности, результатом которой будет расширение границ его внутреннего мира до границ внешнего. Расширение границ внутреннего мира ученика, т.е, приобретение нового качества, уровня знаний, указывают на тождество свойств сложных систем: неприводимости

и эмерджентности. Одновременно, модель А.В.Хуторского, указывает на скрытые возможности образовательной среды, подтверждая ее соответствие одному из свойств сложных систем - адаптивности. Все эти свойства, в совокупности, порождают одно из основных свойств сложных систем – эмерджентность, что применительно к образовательной среде, на наш взгляд, может трактоваться, как возможность к саморазвитию.

Учитывая сложный, системный характер факторов образовательной среды, опосредующих процессы обучения, воспитания и развития личности исследователи акцентируют внимание на различных аспектах образовательной среды, предлагая различные модели ее изучения.

Существует несколько наиболее детально проработанных и обоснованных теоретических моделей образовательной среды, в котором исследователи одним из обязательных свойств моделей указывают эмерджентность.

Эколого-личностная модель разработана В.А.Ясвиным и развивалась в работах С.Д. Дерябо, Г.А. Ковалева. По мнению, В.А.Ясвина образовательная среда содержит в себе, совокупность всех возможностей обучения, воспитания и развития личности, (т.е, обладает адаптивностью). Для обеспечения развивающего (эмерджентного) эффекта, она должна быть способна обеспечивать комплекс возможностей для саморазвития всех субъектов образовательного процесса (учащихся и педагогов) [22.С. 42].

Коммуникативно-ориентированная модель образовательной среды разработанная В.В.Рубцовым, также имеет эмерджентный характер. Исходным основанием такого подхода к образовательной среде является понимание того, что необходимым условием развития ребенка является его участие в совместной деятельности, разделенной со взрослым и с другими участниками образовательного процесса. В.В. Рубцов определяет образовательную среду, как «сложившуюся полиструктурную систему прямых и косвенных воспитательно-обучающих воздействий, реализующих явно или неявно представленные педагогические установки учителей, характеризующие цели, задачи, методы, средства и формы образовательного процесса в данной школе» [29].

Смысл такого взаимодействия раскрывается при условии включенности ученика и учителя в определенную общую деятельность, осуществляя которую они ориентированы на определенные цели, совместно выполняя заданные действия и операции. Такая совместная деятельность выступает содействием и предполагает приобретение новых знаний, и соответствует свойствам сложных систем - неприводимости, в соответствии с которым сумма частей, не равна целому, адаптивности, указывая на наличие в среде прямых и косвенных воздействий, эмерджентности, как цели «воспитательно-обучающих воздействий».

Таким образом, в исследованиях В.В.Рубцова, с учетом работ Л.С.Выготского, о «зонах ближайшего развития», вырабатывается представление об обучении как процессе содействия и совместной деятельности, что указывает на необходимость адаптивности или наличия скрытых возможностей образовательной среды, важным элементом которого выступает проблема организации эффективных совместных форм учебной деятельности.

Антрополого-психологическая модель образовательной среды предложена В.И.Слободчиковым. Образовательная среда, по Слободчикову, представляет собой динамическое образование, являющееся системным продуктом взаимодействия образовательного пространства, управления образованием, места образования и самого учащегося, т.е., совместная деятельность всех участников образовательного процесса. В качестве основных компонентов образовательной среды В.И. Слободчиков выделяет: насыщенность и структурированность образовательной среды. Под насыщенностью имеется ввиду тот ресурсный потенциал, или скрытые возможности, которые обеспечивают развитие обучающихся, и придают среде эмерджентный характер, а структурированность среды предлагает способ её организации [30].

Экопсихологический подход к разработке модели образовательной среды предложен психологом В.И. Пановым [31.С. 213]. Исходным основанием модели экопсихологической образовательной среды у В.И. Панова служит представление о том, что психическое развитие человека в ходе его обучения следует рассматривать в системе «человек — окружающая среда». Согласно этому подходу под образовательной средой понимается система педагогических и психологических условий и влияний, которые создают возможность, как для раскрытия, так и для развития потенциальных и уже проявившихся способностей и личностных качеств учащихся, в соответствии с индивидуальными особенностями и возрастной периодизацией. Модель образовательной среды, предложенная В.И. Пановым, обладает адаптивностью, т.е. содержит скрытые возможности, эмерджентностью - развитием потенциальных и личностных качеств учащихся и указывает на ее принадлежность по свойствам, к сложным синергетическим системам.

Психодидактическая модель образовательной среды школы предложена коллективом авторов: В.П. Лебедевой, В.А. Орловым, В.А. Ясвиным.

Данная модель основана на концепции личностно-ориентированного образования, в которой выделяется индивидуальные личностные особенности, как первоначально заданные, а не как результате организации обучения и воспитания, при целенаправленных педагогических воздействиях. Это выделяет личность, как субъекта познания, и требует моделирования образовательной среды под личностные особенности учащегося. В этом случае образовательная среда также может быть отнесена к синергетическим системам, т.к. учет индивидуальных особенностей сразу указывает на нестабильность, нелинейность среды и моделирования образовательной среды под личностные особенности предполагает наличия в ней множества вариантов скрытых возможностей, т.е. адаптивность, результаты реализации которых носят эмерджентный характер.

Интересным, на наш взгляд, фактом подтверждающим принадлежность образовательной среды к сложным систем, является предлагаемая разными авторами моделей способы структурирования образовательной среды. Причем, надо отметить, что все модели обладают иерархичной структурой.

Определение, данное Ю.И. Черняк, указывает как раз на это сходство образовательной среды с синергетическими сложными системами:

«...сложная система – это система, построенная для решения многоцелевой задачи; система, отражающая разные, несравнимые аспекты характеристики объекта; система, для описания которой необходимо использование нескольких языков; система, включающая взаимосвязанный комплекс разных моделей» [32. С. 32].

Этот комплекс, по мнению В.А. Ясвина, включает три структурных компонента:

- пространственно-предметный;
- социальный;
- психодидактический [21. С. 12].

Рассматривая "сферу психологического анализа школьной среды" Г.А. Ковалев также, выделяет три области этой "сферы":

1. физическое окружение;
2. человеческие факторы;
3. программу обучения [33. С. 21].

Развивая идеи В.В. Рубцова, Улановская И. М, Н.И.Поливанова и И.В. Ермакова выделили следующие структурные компоненты образовательной среды:

1. внутренняя направленность школы;
2. психологический климат;
3. социально-психологическая структура коллектива;
4. психологическая организация передачи знаний;

5. психологические характеристики учащихся [34].

В качестве основных компонентов образовательной среды В.И. Слободчиков выделяет: насыщенность и структурированность образовательной среды.

В рамках антрополого-психологической модели В.И. Слободчиков существует три варианта организации образовательной среды: единообразие, разнообразие и вариативность [30].

В.И. Панов считает важным обеспечение в образовательной среде условий и влияний для формирования различных возможностей, которые также можно объединить в структурные компоненты:

1. Деятельностный компонент;
2. Коммуникативный компонент образовательной среды;
3. Пространственно-предметный [31. С. 214].

С позиций психологического контекста, по мнению Л.С. Выготского, П.Я. Гальперина, В.В. Давыдова и др., развивающая среда — это определенным образом упорядоченное образовательное пространство, в котором осуществляется развивающее обучение.

Единодушное мнение исследователей об упорядоченности, взаимосвязи образовательной среды, указывает на целостность среды, ее системный характер.

В работах по моделированию сложных систем Б.С.Флейшман, П.М. Брусиловский, Г.С. Розенберг пришли к выводу, что сложная система, обязательно включает в себя в качестве хотя бы одной подсистемы «решающую систему» [35. С. 65]. То есть, систему, поведение которой связано с актом принятия решения. Иерархичность образовательной среды ее аналогичность сложным системам также предполагает включенность в себя в качестве хотя бы одной подсистемы «решающую систему».

Исследования в области теории сложных систем подтверждают, что устойчивая система «характеризуется одним центром, а если она сложная, цепная, то у неё есть один высший, общий центр» [36. С. 273].

Наличие решающей системы в структуре образовательной среды можно рассматривать в нескольких аспектах: характер управления образовательной средой и социально-психологический климат образовательной среды, который является качественно определяющим, основным элементом в организационной структуре образовательной среды.

Исключительную важность психологического климата, как условия совместной деятельности всех участников образовательного процесса, для превращения образовательной среды в синергетическую признают многие исследователи. Особая решающая роль в этом процессе принадлежит учителю.

Л.С.Выготский, подчеркивая активный характер образовательной среды, указывал: «На долю учителя выпадает новая ответственная роль. Ему предстоит сделаться организатором той социальной среды, которая является единственным воспитательным фактором... Если социальную среду условно понимать как совокупность человеческих отношений, то совершенно понятна та исключительная пластичность социальной среды, которая делает ее едва ли не самым гибким средством воспитания... Воспитательный процесс оказывается уже трехсторонне активным: активен ученик, активен учитель, активна заключенная между ними среда» [37. С. 57].

Примеры педагогического мастерства и авторских методик, по мнению В.Г.Буданова, «и есть лучшие образцы приложения целостных синергетических подходов» [8. С. 82].

Таким образом, центральной фигурой, замыкающим на себе весь спектр факторов образовательной среды, становится личность педагога основанная на ценностных установках, по отношению к себе, миру и формирующая культуру педагогической среды.

Синергетический принцип, на наш взгляд дает возможность переосмысливать уже известные теории, выработать новые образовательные стратегии. Адаптивный характер

образовательной среды, подтвержденный авторами различных моделей образовательной среды, указывает на скрытые, потенциальные возможности среды.

Среда, по мнению Е.Н. Князевой, «выступает в качестве носителя различных форм будущей организации, в качестве поля возможных путей эволюции» [2. С. 206]. Таким образом, синергетический подход наполняет новым содержанием категории детерминации, которые основываются на равновероятности случайного и необходимого.

Утверждение гуманистической парадигмы в образовании, ставит перед образовательными учреждениями задачи вооружение учащихся не суммой знаний, а умением самостоятельно усваивать новые знания, непрерывно совершенствоваться, творчески подходить к решению новых проблем. Синергетический подход обосновывает новые образовательные стратегии, направленные на создание в образовательной среде условий выбора и предоставление каждому субъекту образовательной деятельности шанса индивидуального движения к успеху, стимулирование самостоятельности выбора и принятия ответственного решения, обеспечение развития альтернативного и самостоятельного пути.

Синергетический подход не решает ценностных проблем, но прямо указывает на их решающую роль в формировании культуры личности педагога, культуры педагогической среды, подчеркивая целостность образования и культуры.

Библиографический список

1. **Перевозчикова, Л.С.** Гуманизм как ценностное основание модернизации высшего образования в современной России / Л.С. Перевозчикова. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2007. – №3.
2. **Князева, Е. Н.** Трансдисциплинарные стратегии исследований / Е.Н. Князева. – Вестник ТГПУ. – 2011. – №10.
3. **Степин, В.С.** Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность / В.С. Степин // Вопросы философии. – 2003. – №8.
4. **Аршинов, В. И.** Как синергетика может содействовать становлению новой модели образования / В.И. Аршинов // Синергетика и образование. – М.: Гнозис, 1997.
5. Новейший философский словарь. – Минск: Изд. В. М. Скакун, 1998. – 896 с.
6. **Степин, В.С.** История и философия науки / В.С. Степин. – М.: 2011. – 423с.
7. **Хакен, Г.** Синергетика: Иерархии неустойчивостей самоорганизующихся системах и устройствах / Г. Хакен. – М.: Мир, 1985. – 423с.
8. **Буданов, В. Г.** О методологии синергетики / В.Г. Буданов // Вопросы философии. – 2006. – №5.
9. **Князева, Е.Н.** Синергетика как средство интеграции естественнонаучного и гуманитарного образования / Е.Н. Князева // Высшее образование в России. – 1994.– №4.
10. **Андреев, В. И.** Педагогика творческого саморазвития / В.И. Андреев. – Казань: изд-во Казанского ун-та, 1996. – 568 с.
11. **Игнатова, В.А.** Педагогические аспекты синергетики. Педагогика / В.А. Игнатова. – 2001. – № 8.
12. **Буданов, В.Г.** Синергетическая методология / В.Г. Буданов // Вопросы философии. – 2006. – №5.
13. Русский космизм. Антология философской мысли. – М.: Педагогика-Пресс, 1993. – 368 с.
14. **Лосев, А.Ф.** Мысль и жизнь / А.Ф. Лосев. –Уфа, 1993. – Ч.1.
15. **Гельвеций, К. А.** О человеке / К.А. Гельвеций // Сочинения: В 2-х т. – М., 1974. – Т.2.
16. **Берталанфи, Л. фон.** Общая теория систем - обзор проблемы и результаты /Л. фон Берталанфи // Системные исследования: Ежегодник. – М.: Наука, 1969.
17. Синергетика и проблемы теории управления. –М. :Физматлит. 2004. – 504с.

18. **Куперин, Ю.А.** Теория сложных систем и междисциплинарные исследования / Ю.А. Куперин // Экономический и научно-технический интернет-журнал. <http://novainfo.ru>
19. **Макаренко, А.С.** Воспитание гражданина / А.С. Макаренко – М.: Просвещение, 1988. – 304с.
20. **Сухомлинский, В.А.** О воспитании / В.А. Сухомлинский. – М., Политиздат, 1975. – 272 с.
21. **Ясвин, В.А.** Образовательная среда: от моделирования к проектированию / В.А. Ясвин. – ЦКФЛ РАО, 1997. – 248 с.
22. **Леонтьев, А.А.** Психолого-дидактические основы школьных учебников нового поколения / А.А. Леонтьев // «Школа 2000». Образовательная программа и пути ее реализации – М.: Баласс, 1999. – Выпуск 3.
23. Новые ценности образования. – Культурные модели школ. – М.: Институт педагогических инноваций РАО, 1997. – Выпуск 7. – 248 с.
24. Новые ценности образования: тезаурус для учителей и школьных психологов. – М.: Институт педагогических инноваций РАО, 1995. – Выпуск 1. – 246с.
25. Вопросы воспитания: системный подход. – М.: Прогресс, 1981. – 136с.
26. **Рубцов, В.В.** Основы социально-генетической психологии / В.В. Рубцов. – М: Изд-во «Институт практической психологии», Воронеж, НП «МОДЭК», 1996. – 384с.
27. 2-я Российская конференция по экологической психологии. Тезисы. – М.: Экопсицентр РОСС, 2000.– 336с.
28. **Хуторской, А.В.** Модель образовательной среды в дистанционном эвристическом обучении / А.В. Хуторской // Интернет-журнал "Эйдос" – 2005.
29. **Рубцов, В.В.** Основы социально-генетической психологии / В.В. Рубцов. – М.: Изд-во «Институт практической психологии», Воронеж, НП «МОДЭК», 1996. – 384с.
30. **Слободчиков, В.И.** О понятии образовательной среды в концепции развивающего образования (выступление на пленарном заседании) / В.И. Слободчиков // Первая российская конференции по экологической психологии. Москва, 3-5 декабря 1996 г.
31. **Панов, В.И.** Экопсихологическая модель образовательной среды / В.И. Панов // 4-я Российская конференция по экологической психологии. Психологический институт РАО. – М.: УМК «Психология», 2005.
32. **Черняк, Ю.И.** Системный анализ в управлении экономикой / А.И. Черняк. – М.: Экономика, 1975. – 191с.
33. **Ковалев, Г.А.** Психическое развитие ребёнка и жизненная среда / Г.А. Ковалев // Вопросы психологии. 1993. – № 1.
34. **Улановская, И. М.** Что такое образовательная среда школы и как ее выявить? / И.М. Улановская, Н.И. Поливанова, И.В. Ермакова // Вопросы психологии. 1998. – № 6.
35. **Флейшман, Б.С.** О методах математического моделирования сложных систем / Б.С. Флейшман, П.М. Брусиловский, Г.С. Розенберг // Системные исследования. Ежегодник. – М.: Наука, 1982.
36. **Богданов, А.А.** Тектология: Всеобщая организационная наука / А.А. Богданов. – М.: «Финансы», 2003.
37. **Выготский, Л.С.** Педагогическая психология / Л.С. Выготский. – М.: Педагогика-Пресс, 1996. – 536с.

УДК 378:008

*Воронежский государственный архитектурно-строительный университет
Аспирант кафедры философии, социологии и истории К.С. Назаренко
Россия, г.Воронеж, тел. (473) 271-50-04;
e-mail: petrenko-ksenia@mail.ru*

*Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering
Postgraduate of Philosophy, Sociology and History
Chair K.S. Nazarenko
Russia, Voronezh, tel. (473) 271-50-04,
e-mail: petrenko-ksenia@mail.ru*

К. С. Назаренко

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КУЛЬТУРА КАК ВАЖНЫЙ ВЕКТОР ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В статье исследуются современные вопросы глобализации высшего образования. Показано влияние глобализации на трансформацию высшего образования. Рассмотрены противоречия глобализации, основные тенденции и новые формы развития высшего образования.

Ключевые слова: образование, глобализация, интернационализация, культура, качество.

K. S. Nazarenko

EDUCATIONAL CULTURE AS AN IMPORTANT VECTOR OF GLOBALIZATION

The article is devoted to modern issues of globalization of higher education. The influence of globalization on the transformation of higher education. Considered the contradictions of globalization, the main trends and new forms of development of higher education.

Key words: education, globalization, internationalization, culture, and quality.

История человеческой цивилизации представлена рядом позиций, однако каким бы ни был ракурс, он фиксирует большую или меньшую степень в рассмотрении континуума культуры. Сфера образования по праву является одной из важнейших ее составляющих. Образование представляет собой одновременно специфический исторический феномен, социальный институт, культурную практику, систему отношений и фокус пересечения экономических интересов, на протяжении столетий оно было достаточно статично и развивалось в рамках трансформации того или иного государства [1. С. 78]. основополагающие ценности и специфика образовательного пространства, исторически сложившееся отношение к образованию как источнику передового знания и культуры, его возрастающая значимость в развитии цивилизации сформировали особую форму рефлексивного осмысления.

Образование со времени своего становления традиционно являлось главным из механизмов передачи культуры, достигнутого и непрерывно наращиваемого уровня знания в соответствии с историческими возможностями. Образование является одной из подсистем общества, в которой наиболее остро ощущается влияние взаимозависимости развития других подсистем, потому что именно они делают определенный социальный запрос на уровень образовательных услуг.

Сегодня общество придерживается мнения, что именно образование влияет на формирование личности, на ценностные ориентации, на культуру общества, а никак не

наоборот. На наш взгляд гораздо большее воздействие оказывает обстановка в обществе на образовательное пространство. Ведь общество развивается не только посредством опыта предыдущих поколений, а главным образом через глобальные процессы обмена и перенятия опыта других государств, со своей культурой и своими взглядами и отношением, в том числе и к образованию, которые накладывают большой отпечаток на национальное образование.

Образовательная культура общества подвержена действию многих факторов. По своей природе все факторы, вне зависимости от объекта изучения, изначально подразделяются на факторы внутренней и внешней среды. Факторы внутренней среды образования представляют собой совокупность переменных, которые находятся в области деятельности учебного заведения и выступают средой непосредственного воздействия со стороны его менеджмента. Что касается факторов внешней среды, то под ними понимают любые факторы, находящиеся вне контроля учебного заведения, то есть вся совокупность факторов, которые воздействуют или могут воздействовать определенным образом на качество образования. Факторы внешней среды оказывают влияние друг на друга. Если раньше концентрировалось внимание преимущественно на экономических, политических и технических обстоятельствах, то обстановка в обществе, изменение установок людей, социальных ценностей, трансформация культуры и традиций общества заставили расширить спектр требующих учета внешних воздействий.

Современный мир уже немыслим без тех изменений, которые принесли с собой в конце XX в. глобализационные процессы. Под давлением таких факторов, как усиление спроса на специалистов со стороны экономики знаний, утрата странами Запада очевидного образовательного преимущества и роста конкуренции со стороны новых азиатских экономик, активизировался процесс глобализации высшего образования. Образование относится к важному вектору глобализации, оно не только не осталось в стороне от процессов глобализации, но и активно вовлекается в них. Ускорение процессов глобализации в экономике и политике выдвигают новые требования к структуре и качеству образования. Вызовы и угрозы глобализационных процессов естественным образом влияют на национальные системы образования, стимулируя их соответствующую трансформацию.

Глобализация является многосторонним процессом, влекущим экономические, социальные, политические и культурные последствия для образования, которое сегодня является не только неотъемлемой частью национальной культуры, но и выступает как особый вид культуры. Она приводит к возникновению новых вызовов именно в то время, когда государства-нации перестали быть единственным провайдером высшего образования, а академическое сообщество перестало обладать монополией на принятие решений в сфере образования. Новые вызовы затрагивают не только вопросы, связанные с доступом, равенством, финансированием или качеством образования, но также и проблемы, связанные с национальным суверенитетом, культурным разнообразием, нищетой и устойчивым развитием.

Невозможно обсуждать воздействие глобализации на высшее образование, не принимая во внимание факт интернационализации высшего образования. Эти два термина зачастую ошибочно используются один вместо другого. Глобализация представляется как явление, которое оказывает воздействие на высшее образование, а интернационализация высшего образования толкуется как одно из проявлений реакции высшего образования на возможности и проблемы, возникающие благодаря глобализации. Интернационализация охватывает широкий круг вопросов, например таких, как научные исследования, институциональные соглашения, мобильность учащихся/преподавателей, сотрудничество в целях развития и многое другое.

Однако глобализация – это комплексное явление, влекущее за собой множественные последствия для высшего образования, а не только как один из аспектов интернационализации [2. С. 112-113].

Одним из главных последствий следует отметить изменение концепции знания в целом. Изменение базовых парадигм восприятия мира, связанных с процессами глобализации (преобладание перманентных изменений над состоянием стабильности, индивидуализация единого исторического времени, своего рода сокращение географических пространств, новые типы взаимодействия локальных и глобальных практик, возникновение сетевых структур, виртуализация многих сфер жизни, гибридизация культурных феноменов и др.), привели к формированию концепции знания, существенно отличной от предшествующей. Если прежде знание и наука опирались на просветительскую картину мира и рассматривались, в основном, как абсолютная и безбрежная ценность, то отныне возобладало понятие «полезного знания», то есть знания, ограниченного в принципе, сфокусированного на конкретике и нацеленного на результат, приносящий немедленную экономическую выгоду. Это приводит к «перенастройке» основных параметров и всей системы университетского образования, а также влечет за собой развенчание образа ученых, как людей, приобщенных к недоступным другим истинам, превращение их в группу экспертов, ничем не отличающихся от других субъектов рыночных отношений. Вступление университетов в эпоху глобализации способствовало возникновению разнообразных виртуальных форм знания и образования, противостоящих фундаментальности в традиционном смысле этого слова. Доминирование хорошо обоснованных теорий исчезает, уступая место искусственным гибридируемым форматам практических навыков и технологий с ограниченной зоной социальной ответственности [3]. Что касается самих университетов, то под воздействием внешних факторов они преобразуются в экономические корпорации, которые управляются как корпорации, но корпорации особого рода – связанные с производством и распространением знаний. Все звенья университетской структуры самоопределяются по признакам конкурентоспособности и доходности.

В эпоху глобализации знания становятся товаром, который перемещается между странами. Рост основанной на знаниях экономики привел не только к конкуренции между работодателями во всем мире за лучшие умы, но и среди учреждений, которые обучают лучшие умы. Глобализация рассматривается здесь в качестве основной причины изменений, происходящих в сфере высшего образования, и может быть определена как поток технологий, экономики, знания, людей, ценностей, идей через границы.

В связи с этим, другим, имеющим еще более серьезный характер обстоятельством, вызывающим беспокойство, является появление тех, кто готов предоставлять услуги высшего образования через границы и торговать образовательными услугами, что переносит образование в сферу рыночных отношений и может, тем самым, серьезным образом сказаться на способности государства регулировать высшее образование в рамках принятой государственной политики. Сокращение возможностей государства определять политику может серьезно осложнить положение более слабых и бедных стран и принести выгоду более процветающим государствам.

Эта проблема приобрела новую динамику и значение в связи с заключением Генерального соглашения по торговле услугами (ГАТС). Управление процессом осуществления этого нового международного торгового соглашения обеспечивается Всемирной торговой организацией (ВТО); оно представляет собой первое многостороннее соглашение, охватывающее торговлю услугами. Ранее существовавшие соглашения, в том числе Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ), касались торговли товарами и продуктами. В рамках ГАТС образование является одной из двенадцати изначальных услуг, а высшее образование – одним из пяти подсекторов образования. В указанном соглашении устанавливаются конкретные правила и условия либерализации и регулирования торговли этими услугами, и именно вытекающие из него правила оказались в центре дебатов, связанных с ГАТС. Включение торговли услугами в области высшего образования в рамки ГАТС стало реальностью и этого изменить уже нельзя. Каждая страна может устанавливать те пределы, в которых она будет позволять иностранным провайдером услуг в области

образования иметь доступ к своему внутреннему рынку. Однако растущая озабоченность образовательного сообщества во всем мире проистекает из того факта, что ВТО, будучи организацией, ставящей целью содействовать торговле в целях повышения экономической эффективности, не обладает какой-либо компетенцией в области образования, что может негативно сказаться на устойчивом развитии образования. По этому вопросу наблюдается значительная поляризация мнений и ведется ожесточенная полемика. Некоторые традиционные участники деятельности в области высшего образования: институты, профессиональные союзы, объединяющие преподавателей, студентов и научных работников, энергично выступают против того, чтобы высшее образование рассматривалось в качестве товара, и призывают свои правительства не брать в рамках ГАТС обязательств, касающихся высшего образования. Другие же участники, зачастую относящиеся к тем же самым группам, действующим в сфере высшего образования, выступают с прямо противоположных позиций, утверждая, что торговля образовательными услугами уже ведется, и что благодаря ей открываются новые возможности и что она приносит выгоды, если правильно регулировать этот процесс. Однако один из самых главных вопросов как раз и заключается в том, кто несет ответственность за разработку правил и регламентацию этих процессов, кто отвечает за их мониторинг, когда речь идет о торговле услугами в области высшего образования, и кому такая торговля приносит прибыль? [4. С. 4-6].

Это выводит на первый план проблемы отношения к культуре, глобализации и высшему образованию, включая признание значения педагогики и влияние иностранных провайдеров на местную систему жизни.

В этой ситуации становится острым и открытым вопрос регулирования качества образования. Под качеством образования понимается совокупность свойств и характеристик образовательного процесса, которые придают ему способность удовлетворять обусловленные или предполагаемые потребности в знаниях и навыках отдельных граждан, предприятий и организаций, общества и государства. Качество образования охватывает не только содержательную часть образования, но и ее структурные и организационные характеристики. Значительные социокультурные преобразования в условиях глобализации, которые характеризуют современное развитие цивилизации, постоянно побуждают к обновлению и совершенствованию систем образования. Сегодня контроль над качеством, реформирование и модернизацию образования осуществляет государство. Но возьмет ли оно на себя эти функции при торговле услугами в области высшего образования как иностранными, так и отечественными провайдерами?

Становится вполне очевидно, что в век информационных технологий задачи, стоящие перед людьми, становятся все более сложными. Вследствие этого многие страны и образовательные учреждения вынуждены пересматривать свои подходы в области предоставления высококачественного образования. Высшее образование больше не может предоставляться только в пределах национальных границ государств – оно приобретает по-настоящему глобальный характер. В связи с тем, что экономика все большего количества стран приобретает статус транснациональной, вузы должны готовить своих студентов так, чтобы те были способны справиться с этим новым трендом. Вопрос об обеспечении высокого уровня образования приобрел глобальный характер.

Глобализация является темой, стоящей в центре обсуждений, в которой принимают участие лица, занимающиеся разработкой политики в области образования, ученые, специалисты и практические работники сферы образования во всех уголках мира. Глобализация представляет собой концепцию, которая вызывает ожесточенные споры и привлекает к себе пристальное внимание. Ведущимся дискуссиям, которые касаются характера, причин, компонентов, последствий глобализации, не видно конца; они носят достаточно противоречивый характер, но вместе с тем имеют большое значение.

Хотя глобализация выдвигает проблемы, она также предлагает мощные возможности для сообщества высшего образования, играя ключевую роль в формировании будущего.

Глобализация открывает широкие возможности доступа к образованию. Прежде всего, это связано с развитием информационных технологий. В глобальной сети с каждым днем возникает все больше и больше образовательных сайтов и порталов. Интернет стал одним из важнейших ресурсов в получении информации. Он дает возможность оперативного получения данных по всему миру, общения и колоссального обмена информацией, независимо от национальных ограничений. Благодаря современным информационным технологиям образовательный процесс начал принимать качественно новые формы. Возникло и стремительно развивается дистанционное образование, что жизненно важно для определенных групп инвалидов. Активно разрабатываются различные методики обучения и контроля знаний посредством интернета. В последнее время уже ставится вопрос о создании полноценных интернет-университетов, об аккредитации их дипломов. Активно работает в этом отношении Программа развития ООН (ПРООН). Другой весомый момент протекания глобализации, и ее воздействие на сферу образования связан с тем, что глобализация в буквальном смысле открыла национальные границы государств, сделав получение образования в другой стране доступным. Сегодня в крупнейших вузах мира обучается большое количество иностранных студентов. Университеты также предусматривают обмен учащимися и преподавателями, развивая международное сотрудничество. Наконец, интернет и иные новые технологии позволяют сделать процесс образования непрерывным. Человек, получивший образование, пополняет свой запас знаний фактически на протяжении всей своей дальнейшей жизни.

Новым элементом современной системы образования в эпоху глобализации, является все большее расширение ориентации на прикладные сферы, рыночные отношения. Это заставляет образовательные структуры динамично развиваться, реагировать на потребности и запросы практики. Создаются специализированные центры, которые занимаются подготовкой специалистов по тому или иному профилю. Помимо более адаптированного к практическим нуждам образования обучение в центрах подобного рода позволяет эффективно формировать у будущих сотрудников компании чувство корпоративной общности. Возникает необходимость создания новых путей управления процессом трансформации системы образования.

Таким образом, молодой человек, который будет жить и работать в XXI веке, должен, во-первых, гибко адаптироваться к жизненным ситуациям, умело применять знания на практике для решения разнообразных проблем, во-вторых, самостоятельно критически мыслить, уметь видеть трудности, возникающие в реальном мире и искать пути рационального решения, используя современные технологии, в-третьих, грамотно работать с информацией (уметь собирать необходимые для исследования определенной задачи факты, анализировать их и т.д.), в-четвертых, быть коммуникабельными, контактными в различных социальных группах, уметь работать сообща в разных областях, предупреждать конфликтные ситуации или умело выходить из них, в-пятых, самостоятельно работать над развитием собственной нравственности, интеллекта, культурного уровня. Учитывая указанное можно констатировать повышение значения аксиологического измерения современного образования, в котором главным является не объем знаний, а сочетание последних с личностными качествами, умение самостоятельно распоряжаться своими знаниями.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы:

1) Образование становится одним из важнейших факторов глобализации и является не только производной глобализационных процессов, но и одним из мощных факторов мировой интеграции. Глобализацию самого образования можно рассматривать как критерий глобализации.

2) Ускорение процессов глобализации в экономике и политике выдвигает новые требования к структуре и качеству образования. Под качеством образования понимается совокупность свойств и характеристик образовательного процесса, которые придают ему

способность удовлетворять обусловленные или предполагаемые потребности в знаниях и навыках отдельных граждан, предприятий и организаций, общества и государства.

3) Значительные социокультурные преобразования в условиях глобализации постоянно побуждают к обновлению и совершенствованию системы образования, подчеркивая значение ее аксиологического измерения.

4) Глобализация образования имеет как положительные (разнообразие, расширение образовательных возможностей и т.д.), так и отрицательные (унификация, потеря самобытного творческого потенциала национальных образовательных систем) черты.

Библиографический список

1. **Башарина, А.В.** Влияние процессов глобализации на образовательное пространство России / А.В. Башарина // Социология образования – Изд-во СГА. – С.80.
2. **Перевозчикова, Л.С.** Аксиологические основания гуманистической парадигмы высшего образования в культуре информационного общества: автореферат дис. докт. филос. наук / Л.С. Перевозчикова. –Тула, 2009. – 42 с.
3. **Запрягаев, С.А.** Глобализация и системы обеспечения качества высшего образования / С.А. Запрягаев, Е.В. Караваева, И.Г. Карелина, А.М. Салецкий – М.: Изд-во МГУ, 2007. – 292 с.
4. **Покровский, Н.** Корпоративный университет: утопия, антиутопия или реальность? / Н. Покровский Обзоры // Русский Журнал. Образование – 2004г.
5. Высшее образование в глобализованном обществе // Установочный документ ЮНЕСКО по образованию. – 2007г. – 32 с.

УДК 378.14

*Воронежский институт государственной
противопожарной службы МЧС РФ
Преподаватель кафедры прикладной математики
и инженерной графики
О.Е. Дорохова
Россия, г. Воронеж, тел. (473) 2363-305,
e-mail: dorochova_olga@mail.ru*

*Voronezh Institute of the State Fire Service of Russian
Emergencies Ministry
Lecturer of Applied Mathematics and Engineering
Graphics Chair
O.E. Dorokhova.
Russia, Voronezh, tel. (473) 2363-305,
e-mail: dorochova_olga@mail.ru*

О. Е. Дорохова

АДАПТИВНАЯ СИСТЕМА ОБУЧЕНИЯ В ВУЗАХ МЧС

В статье представлено обоснование актуальности функционирования адаптивной системы обучения в условиях ведомственного вуза в связи с возникающими у курсантов затруднениями в деятельности учения на начальном этапе, обусловленными спецификой образовательной среды. Проведен детальный анализ понятия адаптивной системы обучения, ее функций и особенности организации. Разработана структурная модель адаптивной системы обучения, в основу которой положены научно-обоснованные представления о компонентах процесса обучения и теории управления педагогическими системами.

Ключевые слова: адаптивная система обучения, учебный реабилитационный процесс, модель обучающегося, адаптивное управление.

O. E. Dorokhova

ADAPTIVE LEARNING SYSTEM IN HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF EMERGENCIES MINISTRY

The paper presents scientific grounding for urgency of adaptive learning system functioning within the framework of departmental institution as at the primary stage of learning cadets suffer certain difficulties in knowledge acquisition activities caused by the specific educational conditions. The detailed analysis of the notion 'adaptive learning system' is carried out as well as its functions and organization peculiarities. The structural model of adaptive learning system based on scientifically proved ideas about the components of educational process and the theory of pedagogical control systems is also worked out.

Key words: adaptive learning system, training rehabilitation process, the learner's model, adaptive control.

Многочисленными исследованиями установлено, что успешность обучения во многом зависит от возможностей студента освоить новую среду, в которую он попадает, поступив в вуз. Специфические по своим задачам вузы МЧС занимают особое место в системе высшего образования России. Процесс обучения на начальном этапе в данных учебных заведениях функционирует в гораздо более жестких, определенных нормативами условиях: казарменное проживание, ограничивающее возможности передвижения на территории вуза и за его пределами; строго регламентированный внутренний распорядок дня; повышенные физические нагрузки; соблюдение определенных правил, запретов; сочетание обучения и выполнения служебных обязанностей. Изменение привычного ритма жизни, новые требования к обучению при отсутствии у подавляющего большинства курсантов навыков рационального использования учебного и свободного времени часто приводят к возникновению когнитивного диссонанса (Л. Фестингер), т.е. состояния, характеризующегося столкновением в сознании обучающегося противоречивых знаний, убеждений, поведенческих установок относительно процесса обучения, что влечет за собой серьезные проблемы в освоении учебного материала.

Кроме того, анализ причин затруднений в деятельности учения выявил следующее: отсутствие умений у курсантов планировать учебную нагрузку при подготовке к занятиям; неспособность учиться в различных эмоциональных и физических состояниях (например, в состоянии усталости после активной физической нагрузки или наряды); сложность учебного материала; непонимание объяснений преподавателей; неразвитость любознательности и трудолюбия; языковой барьер; неспособность концентрироваться и распределять внимание; отсутствие навыков публичных выступлений и быстрого конспектирования материала лекций.

Немаловажной проблемой обучения в вузах МЧС является проблема контингента. К сожалению, в настоящее время наблюдается определенное несоответствие между уровнем психологического состояния абитуриентов ведомственных вузов, и требованиями, предъявляемыми их будущей профессией. Так, значительное количество абитуриентов, обладающих высоким уровнем психологической устойчивости, зачастую не имеет должного базового школьного образования. И, напротив, абитуриенты, имеющие достаточно высокий уровень базового школьного образования, не могут пройти этап психологического отбора и тестирования.

Данные выводы находят свое подтверждение на примере результатов психологического отбора и тестирования абитуриентов, поступавших в ВИ ГПС МЧС РФ на протяжении последних лет. Причем данный срез является характерным для государственных образовательных учреждений, реализующих целевую подготовку специалистов государственной противопожарной службы для различных регионов России.

Сравнительный анализ результатов профессионально-психологического отбора

показал, что количество абитуриентов с сильной нервной системой, склонных к риску, прибывших для поступления в ВИ ГПС МЧС РФ из Центрального регионального центра МЧС России, составляет 39%, из Северо-Кавказского и Южного региональных центров – 67%, из Приволжского, Уральского и Дальневосточного региональных центров – 45%. Однако, следует уточнить, что именно абитуриенты из Северо-Кавказского и Южного региональных центров имеют низкий уровень по результатам ЕГЭ и дополнительных вступительных испытаний, проводимых вузом самостоятельно.

Статистические исследования, проведенные в динамике среди курсантов 4 и 5 курсов, показали, что количественный показатель группы с низким уровнем текущей успеваемости в последние годы имеет тенденцию к увеличению. Это можно связать с ростом доли обучающихся, поступающих в ведомственные вузы из регионов Северного Кавказа, а также реализацией целевой подготовки специалистов в государственных учреждениях.

Таким образом, перед преподавателями стоит сложная задача обучить курсантов с низким уровнем школьных базовых знаний, но имеющих высокий уровень психологической устойчивости и способных успешно действовать в экстремальных ситуациях, что говорит об острой необходимости поиска путей успешного вхождения в процесс обучения курсантов ведомственных вузов.

В работах В.П. Бурдаева, А.С. Границкой, Л.И. Долинера, А.В. Ивановой, Н.В. Шилиной, В.А. Шухардиной и др. в качестве ведущей детерминанты успешного обучения рассматривается адаптивная система. Адаптивные системы обучения (АСО) интерпретируются учеными сегодня как социально-ориентированные, обучающие и развивающие модели целенаправленных процессов взаимодействия педагога, обучаемых, источников информации, основным качеством которых является сочетание адаптивной и адаптирующей деятельности (А.Е. Марон, Л.Ю. Монахова).

Концепцию адаптивного обучения в 60 годах XX века представили английский ученый-кибернетик Г. Паск и американские психологи Б. Скиннер и Н. Краудер. Г. Паск определил адаптивное обучение как обучение, ход которого непрерывно, оперативно подстраивается к индивидуальным особенностям процесса усвоения знаний.

Для теории и практики адаптивного обучения большой интерес представляют работы американского ученого Р. Смоллвуда. Он акцентирует внимание на обучении как на процессе управления учением. Как указывает Р. Смоллвуд, эффективность этого процесса зависит от того, насколько правильно выбираются управляющие воздействия на каждом этапе деятельности учения, оптимальны они или нет. При этом решения управляющей системы на каждом этапе будут оптимальными, если в максимальной мере учитываются индивидуальные различия обучающихся и если система по мере накопления информации способна улучшать качество принимаемых решений.

Многие исследователи справедливо отмечают, что адаптивная система обучения обеспечивает диагностику и учет индивидуальных особенностей студентов. По мнению А.В. Иванова адаптивная система оценивает начальный уровень подготовки обучающегося и отслеживает результаты прохождения обучения, обеспечивает преподавателю возможность варьирования способов подачи материала, диагностики и контроля, а обучаемому способов его усвоения [3]. Е.И. Савина в основу адаптивной системы управления процессом обучения закладывает «...ее гибкость за счет индивидуализации и дифференциации на основе учета особенностей участников педагогического процесса, их склонностей, способностей, с обязательной компенсирующей диагностикой и коррекцией [9].

Тем самым, АСО представляет собой в максимальной степени управляемое обучение, в то время, как четкое управление любой системой возможно при получении объемной информации, как о начальном состоянии системы, так и о ее функционировании в процессе управления.

Этой же точки зрения придерживается И.Е. Торбан, предлагающая осуществление перехода к адаптивной системе обучения посредством следующих организационных мер:

- переход к непрерывному управлению при помощи средств обратной связи. Обратная связь осуществляется за счет дидактических материалов, включающих правильные ответы на поставленные вопросы и практические задания, что дает возможность обучающемуся работать самостоятельно;

- переход к взаимоконтролю и самоконтролю, как с использованием современных средств обратной связи, так и без них [13].

Необходимо отметить, что в ведомственных вузах в случае традиционного подхода к организации самостоятельной учебной деятельности курсантов происходит потеря непосредственной обратной связи, так как задания не могут быть диагностированы и оценены сразу после их выполнения. Обучающемуся через определенный промежуток времени приходится возвращаться к размышлениям над теми же заданиями после их оценки и коррекции. Это имеет негативные последствия как для самооценки обучающегося, так и для преподавателя, который не может ответить одновременно на все разносторонние вопросы и затруднения, которые возникли у целого коллектива курсантов, и, в свою очередь, приводит к нерациональным затратам времени на учебном занятии.

Л.П. Гримак, В.М. Василец ограничивают сферу применения адаптивных систем определенными ситуациями. Они выделяют признаки, отличающие адаптивное обучение от неадаптивного. К ним относятся:

- поддающиеся измерению цели учебной деятельности и алгоритм достижения этих целей;

- разбиение учебной деятельности на этапы, связанные с соответствующими обучающимися воздействиями, обеспечивающими осуществление каждого этапа;

- завершение каждого этапа диагностикой результата, которая дает возможность судить об успешности обучающих воздействий;

- индивидуализация обучения;

- использование технических средств обучения [2].

Мы считаем, что данный перечень необходимо расширить, дополнив его аспектом, отражающим содержательную составляющую адаптивной системы обучения. Проблема отбора содержания учебного материала в процессе обучения традиционно является актуальной. На сегодняшний день она стоит более остро, так как переход на ФГОС ВПО третьего поколения в ведомственных вузах вызвал увеличение числа изучаемых дисциплин и, как следствие, значительное сокращение часов аудиторных занятий по некоторым из них, уменьшение общего объема лекционных занятий. Фактически новый теоретический материал курсанту приходится изучать самостоятельно, что вызывает у большинства обучающихся серьезные затруднения при традиционных подходах к организации самостоятельной работы. Таким образом, встают вопросы дифференциации содержания учебного материала в зависимости от индивидуальных особенностей курсантов и повышения эффективности самостоятельной учебной работы. Н.В. Абрамовских справедливо отмечает, что адаптивная система обучения также как и традиционная система профессиональной подготовки, имеет фиксированное содержание, однако это содержание является уровневым. Только в данном случае возможно реальное освоение требований стандарта без перегрузок для большинства обучающихся.

В свою очередь, адаптивная система обучения обладает способностью к адаптации. В данном контексте Д.А. Ловцов отмечает актуальность создания и внедрения в процесс обучения педагогически функциональных адаптивных систем, обеспечивающих дидактическую адаптацию. С точки зрения автора дидактическая адаптация – это «...целенаправленный процесс согласованного взаимодействия субъектов обучения с учетом их возможностей и дидактической среды, регулируемый при помощи специальных

дидактических средств и методов частных дидактик. При этом под дидактической адаптацией к учебному процессу понимается результат этого взаимодействия, характеризующийся успешностью (положительной результативностью) обучения» [5].

Исследуя основные подходы к рассмотрению сущности АСО и учитывая весь спектр проблем в учебной деятельности курсантов на начальном этапе, мы можем констатировать, что адаптивная система обучения в ведомственных вузах не только крайне актуальна, но и специфична.

В частности, некоторыми авторами (М.В. Бусин, В.В. Ключ и др.) обуславливается необходимость реализации функций реабилитации в процессе обучения. Ими предложена трактовка учебного реабилитационного процесса, позволяющего курсантам: получить нужную учебную информацию; быть обеспеченными необходимыми инструментами самоконтроля; выполнить лабораторные эксперименты и практические задания; иметь необходимую учебно-методическую и программно-аппаратную поддержку в самостоятельном выполнении рефератов, курсового проектирования, расчетно-графических работ; организовать оперативное получение консультации и помощи преподавателя [4].

В реальной педагогической практике ведомственных вузов зачастую возникает несоответствие между запланированным рабочим временем на определенный вид деятельности преподавателя и реально затраченным. Так, например, по нормам планирования, время, отведенное на текущие консультации по преподаваемым дисциплинам на одну учебную группу, составляет не более 5% от количества часов аудиторных занятий по учебному плану очного обучения, что в большинстве случаев недостаточно. Также, преподаватель не всегда имеет возможность проведения дополнительных занятий в том объеме, который требуется индивидуально каждому курсанту. Таким образом, мы считаем, что учебный реабилитационный процесс рационально осуществлять в рамках самостоятельной учебной деятельности обучающихся либо независимо от преподавателя, либо под его руководством с учетом временных затрат педагогов и курсантов.

С позиции теории автономности и независимости процесс обучения был рассмотрен Ч.А. Ведемейером, Р.М. Деллингом, М. Муром, Д. Киганом, М.Дж. Гилфордом и др.

Р. Деллинг, рассматривая обучение на расстоянии, представил его как планируемую систематическую деятельность, включающую дидактическую подготовку, выбор и предоставление различных учебных материалов, а также наблюдение и оказание необходимой помощи студентам в деятельности учения, как при личном контакте, так и преодолевая расстояние между преподавателем и обучающимся посредством различных средств связи [10, 12].

Организация учебного реабилитационного процесса связана с концепцией независимого обучения, в разработку которой существенный вклад внес американский профессор М. Мур. Он предположил, что учебные программы могут быть сопоставлены с программами независимого обучения, если они соответствуют запросам обучающихся и обеспечивают двустороннюю связь между преподавателем и студентом.

Дополняя теорию М. Мура, Д. Киган доказал, что фактор автономии в процессе обучения требует дальнейшего рассмотрения, так как далеко не все обучающиеся в состоянии воспользоваться автономией одинаково эффективно. Таким образом, независимое обучение с высокой автономностью может нанести такой же ущерб обучающемуся, как и процесс обучения с недостаточной автономностью [15]. Вследствие этого, задача состоит в том, чтобы приспособить процесс учебной реабилитации к нуждам каждого курсанта, имеющего значительные проблемы в самостоятельном восполнении знаний. Тогда обучающиеся будут использовать автономию в максимальной степени и продвигаться в учении.

Ч. Ведемейер, на основе концепции независимости обучения, проанализировал возможности самообразования, что, на наш взгляд, также непосредственно связано с

организацией учебной реабилитации. По мнению Ч. Ведемейера независимое дополнительное обучение должно проводиться со скоростью, удобной студенту, быть индивидуально направленным. При этом обучающийся вправе распоряжаться ходом обучения в соответствии со сложившимися обстоятельствами, внешними условиями и обладать свободой выбора тех целей, которые он стремится достичь в учебной деятельности, и возможностью самостоятельно оценить свои достижения [16].

Анализируя теорию реабилитации в процессе обучения, мы пришли к выводу, что учебную реабилитацию возможно интегрировать как структурный компонент в адаптивную систему обучения. Данная мысль основана на том, что в процессе адаптивного управления, на наш взгляд, не достаточно диагностировать промежуточные знания обучающихся и устранять затруднения после свершившегося факта их выявления, гораздо важнее найти причину возникших проблем и путем учебной реабилитации не допустить повторного их появления. Тем самым, имеет смысл ввести и обосновать понятие адаптивно-реабилитационного компонента в адаптивной системе обучения в вузах МЧС.

Под адаптивно-реабилитационной составляющей адаптивной системы обучения мы будем понимать процесс изменения параметров и структуры модели обучающегося и выработку соответствующих обучающих воздействий на основе диагностики и контроля с целью достижения директивно заданного состояния обучающегося при его начальной неопределенности в изменяющейся среде [8]. В качестве основных измерений мы остановимся на рассмотрении адаптации и реабилитации как на процессах и основаниях для формирования новообразований (знаний, умений и компетенций).

Не вызывает сомнения, что в основу адаптивной системы обучения в ведомственном вузе в целом и адаптивно-реабилитационного компонента в частности, должна быть заложена модель обучающегося, содержащая необходимую информацию о конкретном курсанте: уровень его знаний, умений и навыков; способность к самостоятельной учебной работе; личностные характеристики и другие факты. Модель обучающегося предоставляет возможность реализовать индивидуальный подход к обучению каждого курсанта, определить способы и средства обучения, а также выработать психолого-педагогические условия учебной реабилитации и дидактической адаптации.

Сведения о психолого-педагогических факторах успешности учебной деятельности курсантов позволяют осуществить типологизацию обучаемых [1].

Применительно к целям нашей работы типологизация курсантов проводилась в несколько этапов, основываясь на результатах:

- номинальной обученности и профессионального отбора;
- анализа итогов текущего и рубежного контролей,
- психодиагностического мониторинга процесса адаптации к учебной и служебной деятельности и мониторинга по оценке развития индивидуально-психологических качеств и мотивационной направленности, проводимых в соответствии с Методическим руководством по психодиагностическому сопровождению учебного процесса в государственных образовательных учреждениях высшего профессионального образования МЧС России.

В качестве критерия, позволяющего дифференцировать курсантов по группам, определен уровень их адаптивности, являющийся комплексным показателем успешности учебной деятельности.

Параметр адаптивности вычисляется как отношение суммы баллов по показателям всех этапов исследования для каждого испытуемого к числу показателей. Выводы по типологизации курсантов в группы адаптивности делаются в соответствии с методикой выставления оценки по учебным дисциплинам, принятой в вузах МЧС:

- курсанты с высоким уровнем адаптивности (средний балл $\geq 4,6$);
- курсанты со средним уровнем адаптивности ($3,6 \leq$ средний балл $\leq 4,6$);
- курсанты с низким уровнем адаптивности ($3 \leq$ средний балл $\leq 3,6$).

Курсанты с уровнем адаптивности, соответствующим среднему баллу менее 3 подлежат отчислению. Для курсантов с низким и средним уровнями адаптивности рекомендуется организация дополнительного учебного реабилитационного процесса.

Поэтапный мониторинг параметра адаптивности в ВИ ГПС МЧС России за три года выявил следующие данные: курсантов 1 курса с высоким уровнем адаптивности – 20,64 %, со средним уровнем – 65,59 %, с низким – 13,77 %.

Следует учесть, что результатом АСО является определенный уровень обученности курсантов, включающий, по мнению Н.Ф. Талызиной, базу знаний курсанта, индивидуальные особенности, влияющие на процесс обучения и сформированность у него соответствующих способов действий (умения учиться) [11]. Безусловно, для достижения максимально возможного уровня обученности каждым курсантом в рамках условий организации процесса обучения в ведомственном вузе, необходимо выявить наиболее целесообразные управляющие воздействия в процессе адаптивного обучения.

Академик РАО А.М. Новиков, применительно к педагогической системе «педагог – обучающийся», выделяет следующие функции управления: планирование, организацию, стимулирование и контроль. Непрерывная последовательность реализации этих функций составляет цикл управленческой деятельности [5, 6].

В адаптивной системе обучения управленческий цикл осуществляется с учетом уровня обученности курсантов, их индивидуально-психологического состояния. Функции управления сопоставляются с соответствующими этапами управляющих воздействий (рис. 1).

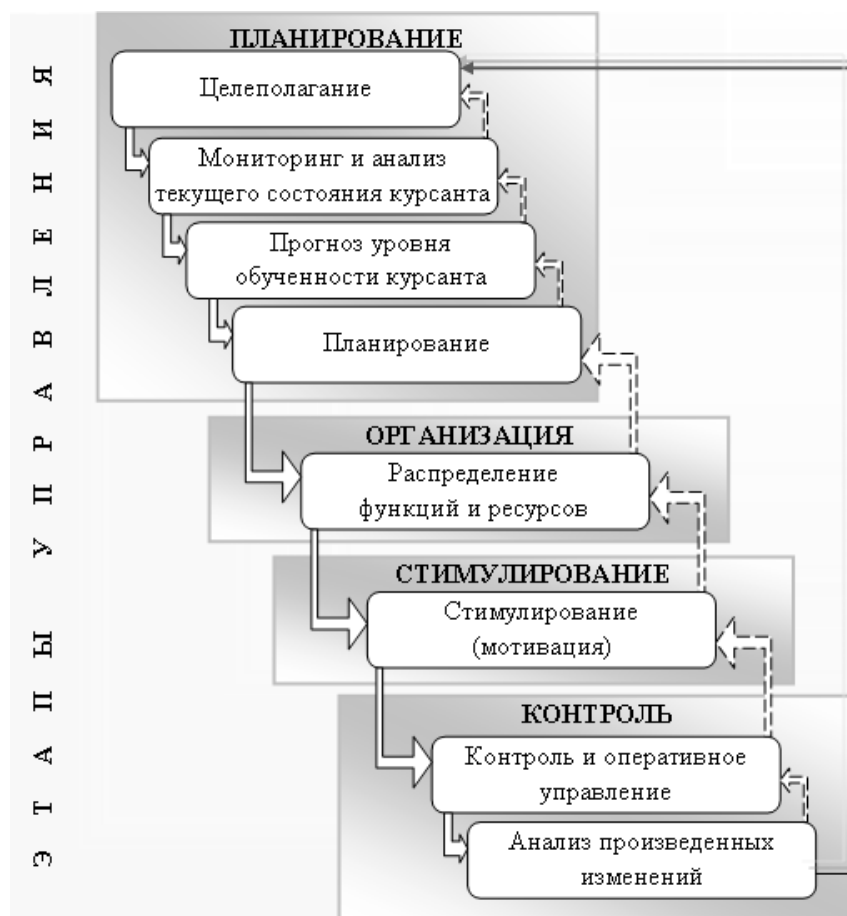

Рис. 1. Цикл управленческой деятельности в адаптивной системе обучения

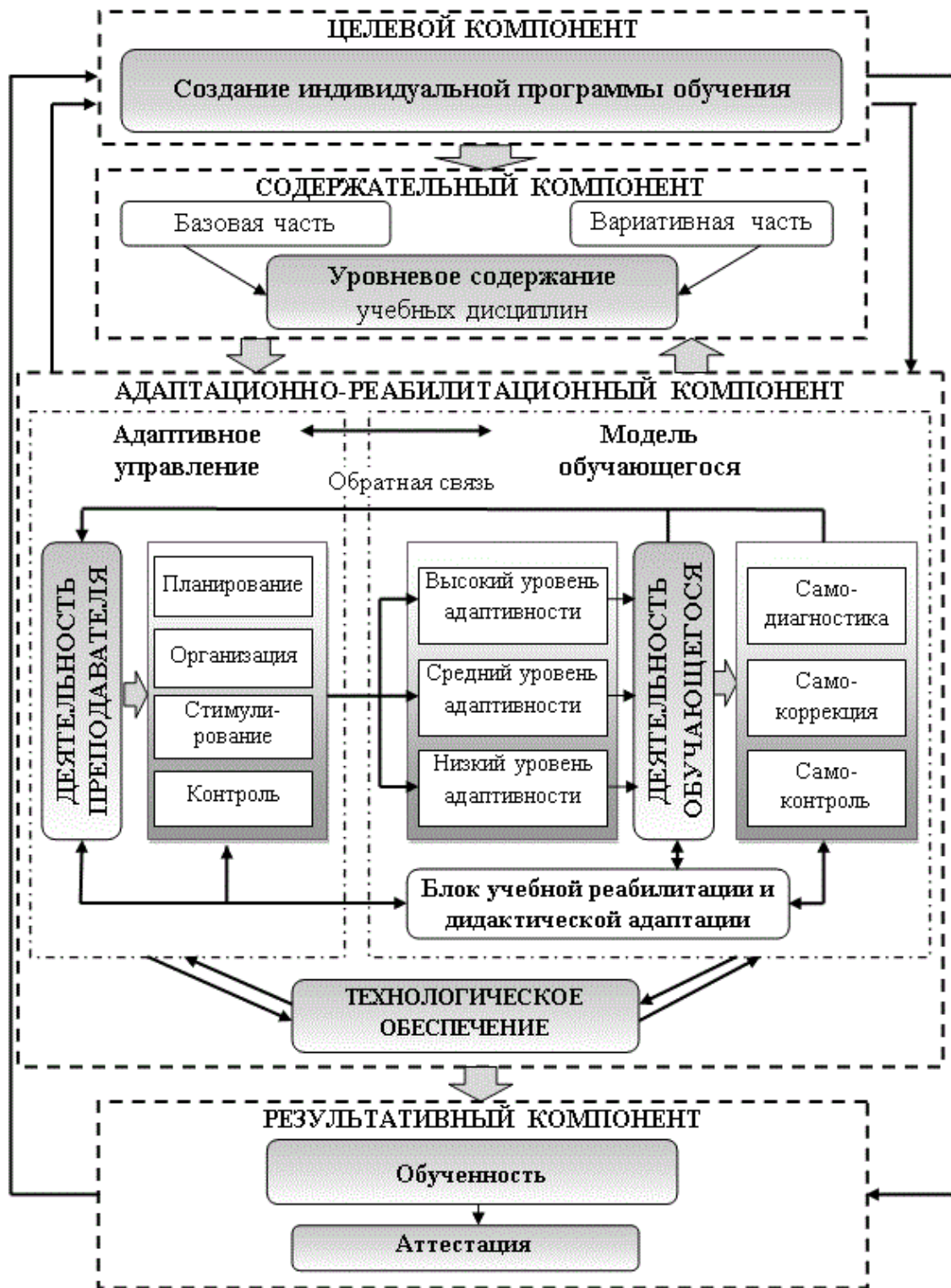

Рис. 2. Структурная модель адаптивной системы обучения

На этапе планирования преподаватель устанавливает точные цели обучения, сформулированные с учетом индивидуальных особенностей обучающихся и отражающие соответствие настоящего или будущего состояния обученности курсантов поставленным целям. Целеполагание определяет характер управления процессом усвоения знаний. На основе результатов мониторинга и анализа текущего состояния обучающегося,

преподаватель получает информацию о том, способен ли курсант достичь поставленной цели, нуждается ли он в организации дополнительного учебного реабилитационного процесса. Далее осуществляется прогноз повышения уровня обученности с учетом и без учета управляющих воздействий, что позволяет судить о том, какова будет динамика обученности курсанта, если не предпринимать никаких дополнительных мер.

Завершает данный этап непосредственное планирование преподавателем набора конкретных действий, мероприятий и т.д., которые позволят достичь или максимально приблизиться к поставленным целям в существующих или прогнозируемых условиях.

Определенный в результате планирования набор мероприятий требует на этапе организации распределения функций и ресурсов между преподавателем и обучающимся, соответствующего технологического обеспечения, что влечет за собой этап мотивационного стимулирования курсантов.

Контроль обучающихся заключается в оперативной диагностике за изменениями в уровне обученности при помощи средств обратной связи. Так как адаптивное обучение является непрерывным процессом, то по мере поступления новой информации о ходе достижения поставленных целей, получаемой в результате осуществления функции контроля, может потребоваться внесение реабилитационных и корректирующих воздействий, что составляет суть оперативного управления.

При завершении каждого этапа анализируются произведенные изменения, синтезируются и обобщаются полученные результаты, что непосредственно используется при разработке стратегии и тактики дальнейшего управления деятельностью курсантов. В случае необходимости возможен временный возврат к предыдущим этапам для их корректировки (отмечено пунктирными стрелками на рис. 1.).

С целью уточнения педагогически значимых процессуальных характеристик, адаптивная система обучения представлена нами в виде структурной модели (рис. 2.), в основу которой положены научно-обоснованные представления о компонентах процесса обучения и теории управления педагогическими системами.

Функционирование адаптивной системы обучения подразумевает конструирование множества вариантов создания индивидуальной программы обучения для достижения максимально возможного уровня обученности каждым курсантом, тем самым, на наш взгляд, является конструктивной идеей обучения в ведомственных вузах на начальном этапе.

Библиографический список

1. **Богорев, В.В.** Психолого-педагогические основы системы адаптивного обучения / В.В. Богорев // Наука и школа. – 2001. – № 2. – С. 12-15.
2. **Гримак, Л.П.** Некоторые принципы построения адаптивной системы подготовки / Л.П. Гримак // Психологический журнал. / – 1984. – №6 1984. – С. 62-69.
3. **Иванов, А.В.** Адаптивные системы обучения / А.В. Иванов // Тезисы международной конференция «Информационные технологии в образовании» «ИТО-Москва-2010». – М. – 2010. [Электронный ресурс] – Режим доступа.– URL: <http://msk.ito.edu.ru/2010> (дата обращения: 12.03.2013).
4. **Клюй, В.В.** Адаптация структуры виртуального учебно-методического комплекса в повышении эффективности реабилитационного процесса в вузах МЧС России : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08 / В.В. Клюй. – Санкт-Петербург, 2009. – 165 с.
5. **Ловцов, Д.А.** Адаптивная система индивидуализации обучения / Д.А. Ловцов, В.В. Богорев / Д.А. Ловцов // Педагогика. – 2001. – №6 – С. 24-28.
6. **Новиков, А.М.** Основания педагогики / А.М. Новиков. – М.: Издательство «Эгвес», 2010. – 208 с.

7. **Новиков, Д.А.** Введение в теорию управления образовательными системами / Д.А. Новиков. – М.: Эгвес, 2009. – 156 с.
8. **Савельева, Н.Н.** Проектирование системы адаптации первокурсников к обучению в вузе : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08 / Н.Н. Савельева. – Владивосток, 2007. – 190 с.
9. **Савина, Е.И.** Проектирование адаптивной модели образовательной системы "ссуз-вуз" : Автореферат дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08 / Е.И. Савина. – Майкоп, 2007. – 20 с.
10. **Сотник, С.Л.** Курс лекций по предмету «Основы проектирования систем с искусственным интеллектом» / С.Л. Сотник // [Электронный ресурс] – Режим доступа.–URL: <http://prof9.narod.ru> (дата обращения: 14.03.2013).
11. **Талызина, Н.Ф.** Педагогическая психология / Н.Ф. Талызина. – М., 1999. – 288 с.
12. **Толстова, О.С.** Гуманистический подход в зарубежных теориях дистанционного обучения / О.С. Толстова // Вестник ТГПУ. – 2010. Выпуск 10 (100). С. 34-38
13. **Торбан, И.Е.** Организация самостоятельной работы студентов в условиях адаптивной системы обучения: Автореф. дис. ... канд. пед. наук : – 13.00.08 / И.Е. Торбан. – М., 1988. – 18с.
14. **Lewis, B.** The theory and practice of adaptive teaching systems / B. Lewis, G. Pask //Teaching machines and programmed learning. Wash. (DC), 1965. Vol. 11.
15. **Moore, M.** Autonomy and Interdependence / M. Moore // The American Journal of Distance Education 1994 8(2) : Vol. 1-5.
16. **Moore, M.** Charles Wedemeyer, In Memoriam 1911-1999 / M. Moore // The American Journal of Distance Education, 1999, 13 (3) : Vol. 1-5.

Научное издание

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

Воронежского государственного архитектурно-строительного
университета

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Выпуск 1, 2013

Научный журнал

Подписано в печать 19.06.2013. Формат 60x84 1/8. Бумага писчая
Уч. изд. л. 26. Усл.-печ.л. 26. Тираж 500 экз. Заказ №_____